

Ирина Славская

Купидон стреляет трижды

Annotation

Живёшь себе спокойно, ходишь на работу, никого не трогаешь и вдруг... на пороге своего офиса находишь труп. Молодой труп с жутко дорогими часами. Вот что будет делать обычный человек? Заявит в полицию и будет стоять в сторонке, наблюдая за ходом расследования. Но не Ирина Орлова. Та простых путей не ищет. Она знает, что любая проблема в жизни, это проверка наших возможностей. Ей приключений подавай. Да и любопытство толкает на авантюры. Такой уж характер... Почему именно ей подкинули такой подарочек? Призадумалась Ирина и стала вести своё расследование. Нет ничего опаснее любопытной девушки. Она везде умудряется засунуть свой нос. С грацией медведя лезет ворошить осиное гнездо. Мешается у полиции под ногами. Но упорно идёт по следу преступников. Правда, она идёт напролом и не туда, но кто не ошибается в этой жизни? Нормальные герои всегда идут в обход... А если учесть, что Земля круглая, то придёт она туда, куда надо.

Ирина Славская

Купидон стреляет трижды

— Опять она?

— Еще не знаю. Сейчас посмотрю...

— Иришка, не бери телефон.

— Я так не могу. Вдруг что-то важное.

Все началось с простого звонка. Зазвонил телефон. И все бы ничего. Но он зазвонил в три утра. Я потянулась его взять. Если человек звонит в такое время, значит, что-то стряслось.

— Он козел, сволочь, тупица!

— Здравствуй, Кира. Что случилось?

— Этот баран сказал, что не собирался на мне жениться.

— Дай ему по рогам. И ложись спать.

— Я дала. Он плачет. Полицией грозитя...

— Дай еще, чтоб замолчал. И ложись спать.

— Сейчас, — сказала она и прервала разговор. Я услышала, как кто-то тихо вскрикнул.

Наверное, Кира отоваривает гаденьша. Жду, чем дело кончится.

— Дала. Успокоился и спать пошел...

— Ты его там не сильно?

— Нет, жить будет...

— Спокойной ночи, — пожелала я, положила трубку и собралась спать.

— Иришка, выключи телефон. А то она не отстанет. Всю ночь теперь звонить будет, — высказал мне Никита.

Он ночью слушал мои разговоры с подругой и его терпение кончилось. Это был уже третий звонок за ночь. Его понять можно. Спать всем хочется...

— Хорошо, — согласилась я и выключила свой телефон на всякий случай. И преспокойненько заснула.

Звонки опять начались с самого утра, как только я включила свой телефон. Ничего себе! Тридцать пропущенных. Наверное, действительно что-то случилось. Мало ли... Вдруг Кира его слишком сильно отоварила и теперь в полиции сидит. На помощь нашу надеется. Зазвонил телефон.

— Опять она? — Никита высказывает свое недовольство.

— Узнаю, что у нее там, — ответила я и взяла трубку.

— Он, козлина, собрал свои вещи и ночью ушел. Втихушку...

— Скажи спасибо. Ты легко отделалась.

— Он на мне жениться обещал.

— Врал, значит. Мужики — они такие... врут.

— А вдруг?

— Наверяд ли. Раз за столько времени не сподобился, значит, не собирался.

— Хорошо тебе рассуждать. Тебя твой сразу в загс потащил.

— Угу...

— Вот видишь. А этот меня продинамил...

— Было бы из-за кого горевать. Значит, не твой это парень. Живи дальше, будь

счастлива, наслаждайся жизнью.

Поговорили еще немного с подругой. Она мне жаловалась как маленькая, а я ее успокаивала. Потом Кира отключилась.

— Ну что? Она успокоилась?

— Да, вроде бы. От нее жених сбежал.

— Тоже мне горе...

— Ночью.

— Додумался смыться? Ай, молодец!

— Ты что? Радуешься?

— А то. Она же его колотила, как сидорову козу.

— Козла... Он первый драку всегда начинает. Просто Кирюха сильнее его, поэтому побеждала.

— Тем более. Молодчага итальяшка, что сбежал.

— Мужская солидарность?

— Нет. Просто я не могу понять, как можно жить с женщиной, которая тебя колотит.

Сейчас поясню. Кира собиралась замуж за итальянца. Как познакомилась? Москва — город туристический. Вот она и подцепила макаронника. Он на свою голову у нее дорогу спросил. Лично мне он был неприятен. Весь какой-то угодливый. Суетливый, крикливый и все время ручонками машет. Скользкий какой-то. Мелкий и тощий. На наших кавказцев чем-то похож. Такой же горластый, наглый и самоуверенный. Только одет получше.

Кира у нас гренадерского роста. Аж метр восемьдесят. Этот мафиозо ей по плечо. Она спортсменка, а он тщедушный. Почему она ему понравилась, это-то как раз понятно. Она красивая, высокая, стройная. На нее многие мужики заглядываются.

Я давно заметила, что люди часто выбирают себе пару, у которой есть то, чего у самих нет и уже не будет. Если маленький мужичок, то обязательно зарится на высоких женщин. Если толстый, то себе выбирает стройняшку. Если лысый, то пару с такой роскошной шевелюрой выберет, что закачаешься. Если сам горластый, то выбирает в пару молчунью. Как будто вместе они составляют в сумме среднее арифметическое. И дети нормальные будут...

Почему он ей приглянулся? Я думаю, что материнский инстинкт сработал. Он бегают вокруг нее, такой маленький, ножками кривенькими сучит. Ну чем не ребеночек? Bambino! Да еще на иностранном лопочет. Вот она и решила, что поедет с ним в Италию. При его помощи итальянский осилит. И замуж выйдет. Честно говоря, я думала, что он Киру продинамит. Но мнение свое не высказывала. Зачем? Только поссоримся из-за пустяка...

Помню наш разговор с Маринкой по поводу этого жениха.

— Иришка, надо что-то делать.

— А что здесь сделаешь? Поздно. Кира в него уже влюблена.

— Ты скажи ей. Тебя она послушает.

— Предостережений моих она не услышит. Как будто враз ослепла и не видит очевидных вещей.

— Он же альфонс.

— Знаю. Меня тоже смутило, что он нигде не работает.

— Он ей голову морочит.

— Мы ничего с этим сделать не можем. Он ей жениться обещал. Она нас не услышит, только поссоримся из-за шибздика.

И потом, уже в Италии, он Кире говорил, что собирается на ней жениться. А с родителями своими не познакомил. Почему? Никита сразу меня к родителям потащил знакомить. Правда, они такому подарочку не обрадовались. Но Никита на них не посмотрел. Слушать их не стал и женился. Мой жизненный опыт говорит о том, что если парню приспичило на девушке жениться, то он ни на кого не станет обращать внимание. Женится, хоть ты тресни...

В обед позвонила вторая моя подруга Маринка. Рассказала, что женишок подал на Киру заявление в полицию. Ну и мужики пошли!

Ее пока не арестовали, но она решила вернуться домой от греха подальше. Прилетит завтра, если будет на свободе. Договорились о девичнике. Надо подружку морально поддержать и ее приезд отметить. Вот и решили по ее приезду состыковаться.

День прошел нормально. Я заехала в салон красоты, сделала стрижку, ногти привела в порядок, массаж и спа процедуры прошла. Подружка моя Элька мне скидки приличные в своем салоне делает. Некоторые услуги предоставляет бесплатно. Посидели с ней. Повспоминали детство. Вспомнили, что праздники скоро. Рождество и Новый год...

— Новый год на носу.

— Ага.

— Иришка, что с головой делать собираешься?

— Ничего. Главное, в пьяном виде в гостях ее не оставить.

— Ты шутишь, а я серьезно. Кроме смеха. Что делать будешь?

— Уложу просто и все. Неохота ничего выдумывать.

— Предлагаю над тобой поработать, а то ты мне не нравишься.

— Как? И тебе тоже? — съехидничала я в ответ.

— А кому еще?

— Похоже, что я уже не нравлюсь своему мужу.

— Да ладно? Чем?

— Всем, наверное...

— Вот видишь? Это железный повод, чтоб радикально внешне измениться? Мужики же примитивны. У них охотничий инстинкт. Им новую добычу подавай.

— Зачем им новая добыча? — спросила я.

Элька своими рассуждениями меня развеселила.

— Затем. Они коллекционеры по природе. Им полный набор собрать надо.

— Набор чего, фантазерка? Вилки, ложки, ножей?

— Трофеев. Знаешь, как в сафари большая пятерка. Набор состоит из слона, носорога, буйвола, льва и леопарда. Пока не собрал, ты не охотник. А так, фигня на постном масле. И никакого тебе уважения от остальных охотников. Так и тут. Они же неандертальцы...

— Как часто меняться, Элька? — я уже смеюсь в голос.

— Как он к новому зверю привык, так сразу шерстку менять надо. Покрасить волосы. Или стрижку изменить...

— Худеть, толстеть не надо?

— Нет. Это не обязательно. Да и слишком много чести нам ради них так страдать. Им перекраской шкурки голову можно долго морочить. Не один год. Подумай над моим предложением.

— Каким?

— Привести себя в порядок под новый год. И встретить новый цикл жизни в новом

сногшибательном образе. Вот увидишь, все сразу изменится.

— Я подумаю...

Развеселила меня подружка. Подняла настроение своими мыслями. Элька с нами на посиделки настроилась идти. Осталось только решить, где и когда будем отмечать Кириный приезд и освобождение от итальяшки. Кирюху остается дожидаться. И уже потом решать, а то сглазим еще...

* * *

Киру звали на самом деле Мария. Но это имя ее вгоняло в тоску. Все знают глупое выражение «можно Машку за ляжку». А как вам нравятся дразнилки «Машка-промокашка» или «Машка — кашка». Вообще улет. Каково такое девочке слышать? И это не самый плохой вариант дразнилок. Из-за таких крылатых выражений Кира свое имя и не любила.

Правда, дразнить ее отваживались немногие. Но все равно такие самоубийцы где-нибудь находились. Они за свой язык получали на орехи, но отвращение от своего имени у Марии росло год от года в геометрической прогрессии. Она нас просила звать ее по фамилии. А мы сделали лучше. Мы нарекли ее новым именем.

Фамилия Машки была Киреева. Вот мы и стали звать ее Кира. Сокращенно от фамилии. Когда она вышла замуж, то фамилию свою поменяла на фамилию мужа. А имя она сама себе в загсе поменяла. Родители Киры к этой инициативе отнеслись с пониманием. По паспорту официально она теперь Кира Смирнова. Поскольку после развода оставила себе фамилию бывшего мужа.

Она мечтала сменить нынешнюю фамилию на итальянскую фамилию будущего мужа — Моретти. Шибко та ей понравилась. Кира Моретти. Красиво звучит. Она пробовала много раз произносить это. Даже училась расписываться по-новому. Но не срослось. Повезет еще. Какие ее годы...

* * *

Поздно вечером мы должны были пойти к моей маме в гости. Это наш ежедневный ритуал. Каждый вечер Никита тащит меня в гости к маме. Не удивляйтесь. Они как-то сразу нашли общий язык. И слава богу. А то не знаю, что бы я делала, если бы они враждовали.

Но иногда хочется просто дома вечером полежать. Нет, он меня тащит в гости. Он так, видите ли, решил. А я давно не высыпаюсь катастрофически. Вот и сегодня, после всех процедур в салоне, мне хотелось просто поспать от души. Нет, муж прилетел домой, раскомандовался. В гости заставляет идти.

— Никита, иди один.

— Но это же к твоей маме.

— Дай ты ей от нас отдохнуть.

— Она нам рада.

— Ты ее спросил?

— Я так думаю.

— Охота тебе куда-то идти. Иди один. Меня-то зачем тащить за собой?

— Ты же дочь. Я не могу идти без тебя.

— Вот и не ходи. Зачем человека грузить? Покушать мы и дома можем.

Он что-то проворчал. Но с моим нежеланием идти смирился. Никита мог бы идти и один. Кто мешает? Он приготовил себе поесть и стал в молчанку играть. Обиделся. Ну что за характер? Все по его должно быть. А если не получается продавить свое решение, то вот так сидит, молчит и в телевизор смотрит. Хотя не факт, что видит то, что там показывают. Вот и сейчас лег на диван перед телевизором и думает о чем-то. Ничего не видит, ничего не слышит, ни с кем не разговаривает...

Задала ему вопрос. Он сидит, не отвечает. Бойкотирует? Делает вид, что не слышит? Или действительно не слышит меня? Это что-то новенькое. Давно замечаю, что он стал о чем-то часто задумываться. Не к добру это...

Проснулась я с утра пораньше. В кои-то веки выпалась по-человечески. Решила съездить на работу, проверить, как там идут дела. Заодно и по магазинам прошвырнусь. Праздники на носу. Скоро Рождество Христово. А там и Новый год. Народ ошалевший по магазинам мотается. Везде толпы, очереди. А у меня даже ничего не подготовлено.

На работе было все нормально. Значит, могу теперь бежать за покупками. В магазинах до вечера проторчала, зато подарки родным купила. Теперь можно расслабиться. Приехала домой. Никого. Где муж пропадает? Вроде ни про какие дела он мне не говорил. Пошла к маме в гости одна.

— Мама, а ты не замечала, что Никита стал какой-то странный?

— Нет. Что-то случилось?

— Да нет, наверное.

— Что тебя смущает?

— Он много молчит. Часто задумывается. И смотрит вроде на меня, но как сквозь меня.

— Может, у него неприятности на работе? В магазинах, может, что не так?

— Бабульки мне бы уже донесли.

— Да, действительно. Мы бы уже знали...

— Вот и я думаю, не замыслил ли он что-то такое?

— Какое? Говори яснее.

— Гульнуть. Налево сходить.

— Не знаю. Иришка, ты ничего такого не придумывай. Не накручивай себя.

— Я не накручиваю.

Мама решила перевести разговор на другую тему.

— Что там с Кирой?

— Пока точно не знаю. У нас завтра вечеринка намечается.

— Ты пойдешь?

— Конечно. Я подругу больше года не видела. Да и проветриться хочется. По девкам соскучилась.

— Тогда иди и погуляй от души. С Никитой пойдешь?

— Нет, одна. Зачем он мне там нужен? Он и так везде за мной таскается. Хочу от него отдохнуть.

— Отдохнуть от мужа?

— И он от меня пусть отдохнет.

— Вы уже устали друг от друга? Не рано ли?

— Да нет, не устали. Просто неудачно выразилась.

— Понятно.

Мы еще поговорили о пустяках. И я пошла домой. Никита приехал поздно. Ни слова не говоря, разделся и повалился на постель. И лег ровно на свою половину. Никогда такого раньше не было. Обычно на всю кровать раскидывается.

Уже три дня этот цирк с конями продолжается. Вот и не заметила я, как настала тихая, серая, скучная семейная жизнь. Слова доброго муж мне не сказал. Ни тепла, ни ласки. Просто заснул. Повернулся ко мне спиной и сразу тихо засопел. И даже спокойной ночи мне не пожелал. Как чужие люди. Да уж, не об этом я мечтала, когда под венец шла...

Проспала я почти до обеда. Как сурок дрыхла. В обед Кира позвонила. Прилетела лягушка-путешественница. Договорились, что к восьми часам собираемся все у нее. Надо бы в магазин заехать и затариться продуктами.

Подъехала к супермаркету. Думаю, попью кофе с пирожными в кафе. Проголодалась. Смотрю, а там Никита с какой-то дамочкой сидит. И она на него такими влюбленными глазами смотрит. Съесть готова. И он, смотрю, не против таких влюбленных взглядов. Очаровашки...

До меня сразу дошло. Я присутствую при зарождении большого и светлого чувства... Вот мне и все ответы на вопросы. Теперь понятно, откуда молчание и взгляд задумчивый. Стало ясно, куда он часто пропадал. Мне просто интересно. Он нас сравнивает? Или пока раздумывает, менять ли ему одну женщину на другую? Вот маманя-то его будет рада...

Я не стала скандалить. И делать ничего не буду. Хочет уйти к другой — пусть уходит. Я просто развернулась и ушла. Без выяснения отношений, без упреков, без вырывания шиньона из прически крашеной девки. Пусть все идет своим чередом. А там увидим, что случится.

К подружкам приехала вовремя. Кира была отдохнувшей и загорелой. Как с картинки. Настоящая итальянка. И чего этому Антонио не хватало?

— Иришка приехала! — крикнула Кира и кинулась меня обнимать.

— Хорошо выглядишь. Я уж думала, что тебя успокаивать придется.

— Вот еще. С чего мне расстраиваться?

— Ну как? Он же сбежал.

— И хорошо. Он в последнее время вообще обнаглел. Жил за мой счет, да еще и руки стал распускать.

— Но победа за тобой осталась?

— Победа за мной. Я оказалась сильнее. Но это не важно. Он же пытался меня ударить? Пытался. За это и получал.

— Он что, правда на тебя заяву в полицию накатал?

— Накатал.

— Ему не стыдно было признаваться, что его баба поколотила?

— У них это в порядке вещей. У них страна победившего феминизма. Там жены часто своих мужей поколачивают.

— А те на них в полицию жалуются?

— Бывает...

— Но я смотрю, ты не унываешь? Встретила кого-то?

— В самолете парня. Красивый, высокий, богатый.

— Откуда знаешь, что богатый?

— По одежде и часам. Откуда же еще.

— Часы и одежда могут быть подделкой.

— Могут. Но все равно красивый и высокий. Это не подделаешь.

— Он тебе телефон дал?

— Дал.

— Звонила?

— Нет, потом позвоню. Помурыжу его маленько. Или дождусь, когда он сам мне позвонит. А сейчас давайте, девки, гулять. Тебя муж отпустил на гулянку?

— Отпустил. Куда он денется? — ответила и сразу вспомнила, как он с этой фифой сидел.

Погоуляли мы и посмеялись от души. Кира рассказывала, как жила с этим наглым альфонсом. Пришла пора домой ехать. Я заказала себе такси. Девчонки остались дальше догуливать. Хорошо им. Они не замужем, им ни перед кем отчитываться не надо...

Дома было тихо, как в склепе. Зашла. И сразу вспыхнул свет.

— Ты где была?

— У подруги.

— У какой подруги?

— Если бы ты меня слушал, то вспомнил, что я вчера тебе говорила. Что мы будем гулять у подруги. Но тебе же не до меня теперь...

— В смысле, не до тебя? Что ты этим хочешь сказать?

— Только то, что устала. И хочу спать.

— Хорошо. Завтра поговорим.

Видно, у мужа было настроение поскандалить. Это что-то новое. Хочешь поговорить? Поговорим, если я сочту нужным. Ишь ты, ревнивца из себя корчит, а сам на свиданки с девками бегаёт. Самому даже ума не хватает, чтоб понять, блондинка его лысеть начала. Досиделась на диетах без белка. Накладки на волосы пришила. И покрашена как индеец. Скво лысая...

Неужели ему такие нравятся? Тогда как его к моему берегу прибило? Что за зигзаг во вкусах? Или он не привередлив. И ест все, что дают? Оголодал бедолага. Вот нашла о чем думать. Делать, что ли, нечего? На ночь глядя еще не дай бог, чучело это приснится. Спать пора...

Проснулась рано утром. Завтра Рождество.

— К нам в гости Саня приедет.

— Какой Саня?

— Тот, который уже приезжал не так давно.

— Понятно.

Хорошо, что хоть не все три друга приедут. Одного этого Саню можно терпеть. Он больше молчит. Интересно. С чего он к мужу зачастил? Раньше не чаще одного раза в год приезжал.

Позвонила Кира. У них проблема. Они в полиции. Придется ехать.

— Я в полицию.

— Зачем?

— Кира звонила. Я так и не поняла. Их забрали за что-то.

— Опять мы будем на них свое время тратить?

— А тебя никто не заставляет ехать. Сама съезжу.

Никита встал и выпучил на меня глаза. Впервые я ему так грубо ответила. Обычно он сам вызывался везде возить. Никуда одну меня не отпускал. Все боялся, что меня уведут.

Трясся надо мной, как над самой большой драгоценностью. Но это было до того, как появилась новая пассия. А тут он недоволен. Фу-ты ну-ты, ножки гнуты! Ну и не вези. Никто и не просит...

Приехала в полицию. Кира с Мариной сидят в темнице сырой. На воле только павлин в чине капитана. Ходит перед решеткой, круги наматывает. Или это он им себя во всей красе демонстрирует? Точь-в-точь павлин. Зад оттопырил, вышагивает, как на параде. Того и гляди, сейчас курлыкать начнет. Брачные танцы во всем своем великолепии...

Интересно, перед кем из подруг он так расфуфырился?

Суть задержания проста. Мои верные подружки вышли ночью погулять с собакой. Ну а что? Все нормальные люди ходят гулять с собакой в два часа ночи. Принято у нас в стране ночами собак выгуливать, да еще будучи подшофе. Погуляли они и пошли домой. Спокойно завалились спать.

А утром к ним приехала полиция и засадили в кутузку. И сидят две мои кумушки. Они и так с похмелья страдают, а им еще мозгами шевелить приходится. Тот еще фокус. Думают они думу горькую. Про то, что гулять по ночам не стоит. И про то, что к детским домикам подходить не надо. Чревато неприятными последствиями.

В общем, собачники рано утром во время выгула своих собак обнаружили в детских деревянных домиках два трупа. Мужчину и женщину.

Почему Киру с Мариной задержали? Да потому, что эти два трупа, когда были еще живыми, приходили к моим подружкам поскандальить. Разговор происходил на повышенных тонах.

— Вы нам спать не даете, — заявили жалобщики моим подругам.

— Вы нам тоже часто не давали спать, — не полезли мои подружки за словом в карман.

— Вы пьяны.

— Мы в своей квартире. Что хотим, то и делаем. Имеем право.

— Сейчас полицию вызовем!

— Вызывай! Еще неизвестно, кого заберут.

Подружки мои были пьяны, достигли той стадии, когда все по фигу и море по колению, но на ногах еще стоять могут. А потому были непримиримы с этими «приличными» соседями. Те сами часто гуляли до полуночи и нарушали покой обычных жителей. Напивались, как свиньи и дрались на лестничной площадке. Из-за чего с ними ругались все соседи и не раз.

И вот Кире представился реальный шанс отомстить пьянчугам. Подружки этим шансом решили воспользоваться. Они были очень многословны. И послали пришедших в пеший эротический путь к китайской горе Кхуям. С подробным описанием всех тайных троп, привалов и мест стоянок для ночевки. Жалобщики от такого чуткого к ним отношения сочли себя глубоко оскорбленными. Видать, не поняли столь изысканную, витиеватую речь Киры.

Или наоборот, поняли. Потому и полезли в драку. Но получили сдачу. Отнюдь не леденцами. И предпочли убраться поскорее с поля боя, угрожая будущей расправой моим подругам.

Мой разговор с полицейским вообще не поддается описанию.

— А их-то зачем задержали? Они при чем?

— Учитывая, что ранее был зафиксирован их конфликт с трупами, — ответил мне полисмен.

— Конфликт с трупами? Шутить изволите?

— Они тогда живыми были. Крики слышали все соседи.

— Соседи слышали скандал, но на помощь не вышли? Какие храбрые соседи. И мужики среди них были?

— Были.

— Почему на помощь не вышли?

— Их жены не пустили.

— Какая классная откорячка. Оправдание для трусости. Послушные мужики нынче пошли.

— Ваши подружки выходили на улицу и гуляли возле домиков.

— Там разве запрещено гулять? Они собаку выгуливали. Про жмуриков не знали. Соседей не убивали.

— Понимаю. Их решено было задержать до выяснения обстоятельств. Всего лишь задержать.

— И когда их отпустят?

— Когда сочтем нужным. Так. Вы им кто, гражданочка?

— Я им подруга, гражданин.

— Значит, официально вы им никто. Вы им не родственник. Значит, идите домой, гражданочка. И не выносите мне мозг.

— Я бы вынесла его вам. Да вам его в голову не занесли...

Вскоре выяснилось, что граждане, которые якобы были убиты, на самом деле наркоманы со стажем. Они наглotalись какой-то химии и отлетели в небытие. Притом наглotalись наркоты тогда, когда Кира с Мариной еще были дома. Когда девчонки вышли выгулять собаку, наркоманы уже давно были мертвы. Это следователь установил, ознакомившись с экспертизой и после просмотра видео с подъездных камер.

Следствие пришло к выводу, что подружки никак не причастны к данному происшествию, и их отпустили. Домой мне ехать не хотелось, поэтому развезла девчонок. Приехала домой, а там уже гость приехал. Принесла нелегкая...

* * *

Правда, этот Саня был теперь какой-то другой. Изменился. Он и так был симпатичным. А тут стал просто шикарным самцом. Когда Александр первый раз приезжал с друзьями, он был красивым, но не ухоженным мужчиной. Ростом он чуть выше Никиты. Широкий в плечах. Фигура и так была что надо. А теперь он стал в качалку ходить. Мускулы под майкой перекачиваются. Красиво, черт побери. Стрижка хорошая. Волосы густые, черные. Целая шапка. Дал бы лысым на рассаду, что ли. Чисто выбрит. Вкусно пахнет. И одежда намного качественней, чем была тогда.

Прям завидный жених. Наверняка девушка любимая появилась. Ради которой он так изменился. Просто так мужики не меняются. Ничего они не делают просто так...

Смотрю, и поведение его изменилось. Раньше он молчал, но все равно в нем проскальзывало во взгляде какое-то высокомерие. А теперь он нормальный человек. Даже приятно с таким побеседовать. И молчуном перестал быть. Очень интересная метаморфоза. Любопытно посмотреть на его девушку. Красавица, наверное, каких поискать. Принцесса...

Гость сегодня меня удивил. На ужин вызвался сам нас с мужем накормить. Я решила

присутствовать при готовке. Сами понимаете, любопытно посмотреть. То еще зрелище было. Он приготовил вкуснейшее мясо. Название заковыристое, но очень вкусно. Прямо конкурс «Алло, мы ищем таланты». И кому такое счастье привалило? Завидую тихой завистью...

Пошли спать. Никита опять от меня отвернулся. И за что он со мной так? Разлюбил, так скажи честно. Просто расстанемся и все. Каждый пойдет своей дорогой. Нет, молчит. Храбрость копит, наверное. Чтоб потом разом мне высказать все претензии.

Нет, надо нам расходиться. Чего тянуть? Завтра с мамой посоветуюсь, что делать. Но дальше терпеть такое пренебрежение смысла нет. Он для себя уже все решил. По глазам вижу. Потом изменять станет. Ну и на фига мне такое счастье?

* * *

Рано утром меня разбудили запахи. Мужа в постели уже не было. Привела себя в порядок. Помылась. Завила кудри. Накрасилась слегка и приделалась. Не в шортах же при чужом мужике по дому фланировать. Хотя я привыкла в шортах дома ходить. Удобно. В общем, приукрасила себя маленько. И вышла в народ, как говорится, на всеобщее обозрение.

Наградой был разинутый рот мужа. И одобрителный, ласковый взгляд его друга. Значит, одобряем-с...

После завтрака, который, к слову сказать, опять готовил Саня, посидели. Поговорили. Оказывается, он интеллектом не обделен. Начитан. Приятный собеседник. Хоть разговорами душу отвела. А то муж в последнее время больше молчит и думает. Оно и понятно. Не до меня ему сейчас. У него новая любовь. Ну, и пусть думает, а я к маме в гости собралась.

— Никита, ты пойдешь со мной к маме?

— Нет, иди одна. Поздравь ее от меня.

А вот это уже тревожный звоночек. К маме он ходил с удовольствием. Значит, точно от другой девицы мозги ему напрочь свернуло. Впрочем, чему быть, того не миновать.

С мамой поговорила. Она сказала, что жить с мужчиной, когда все чувства ушли, глупо. Если любви между нами уже нет, то мы только жизнь друг другу испортим. А так шанс у обоих будет найти новую вторую половину. Жить и радоваться...

Я с ней полностью согласна. Зачем жить с нелюбимым? Пошла домой. Зашла тихо. Не кралась и не пряталась. Зачем мне это? Просто зашла. В зале никого не было, зато из кухни раздавались голоса моего мужа и его друга. Разговор, видимо, шел давно. И был откровенным. Насколько вообще могут друг с другом откровенничать мужчины. Особенно, если рядом нет женщин. Стесняться некого. Меня же дома как бы нет...

— Так ты доволен, что женился?

— Не знаю. Я думал с ней долго прожить и счастливо. Всю жизнь...

— А теперь?

— А теперь... Даже не знаю, как сказать.

— Говори, как есть. Чего скрывать?

— Понимаешь, я чувствую себя, как будто на мне кандалы. И я под надзором постоянным.

— Как в тюрьме?

— Точно. Как в каталажке. И много упустил.

— Так ты жалеешь, что женился?

— Жалею. Столько девушек красивых. А меня уже стреножили.

— Что тебе мешает втихушку гулять?

— Это не то. Вроде как ворую...

— Она же не узнает.

— А вдруг всплывет.

— Так ты ей пока не изменял?

— Нет. Пока нет.

— Но есть с кем?

— Да вроде. У меня ощущение, что они меня душат.

— Кто они?

— Она и мать ее. Как в тисках зажали — не вздохнуть.

— А я тебе помогу, милый, — не вытерпела я и вошла в кухню.

Ладно, он мне кости мыл. Но маме моей за что прилетело? За все добро отблагодарил?

— Ирка, ты же у мамы, — муж растерян и даже напуган.

Понимаю. Не для моих ушей были эти мужские откровения. А тут я взяла и нарисовалась нежданно-негаданно. Не сотрешь...

— Как видишь, уже пришла. И хочу тебе помочь скинуть кандалы и вырваться из тисков. Не зверь же я, в самом деле. Ты муж, а не раб. Вот твое кольцо. Я уйду от тебя. Будь добр, милый муж, определись с датой, когда понесем заявление в загс на развод.

— Ты все не так поняла.

— Все я так поняла. Я уже не Иришка. Я теперь у тебя Ирка.

— Иришка... Послушай.

— И девице твоей лысой передавай привет.

— Почему лысой? — это уже его друг задал свой вопрос.

— А она приверженка правильного питания. Веганка. Довыпендривалась с диетами. На макушке лысина. Она ее шиньоном камуфлирует.

— Обалдеть. Она из этих, которые мясо не едят?

— Ага.

— Свезло тебе, Никитос, жену из-за дуры чокнутой потерять, — не удержался Саня от комментария. Грубо, но в яблочко...

— Желаю счастья в личной жизни! — это я уже пожелала мужу.

И все это говорю нормальным голосом. Без истерик и обвинений.

Никита удивлен. Он ожидал скандалов. Что за него цепляться будут и даже рыдать. А тут все так просто оказалось. Буднично. Сказал-услышала-ушла. Удивила. Просто сказала, что разводимся и все тут.

Я вошла в свою комнату. Стала собирать все свои вещи. Влетел в комнату Никита. Стал что-то говорить, изворачиваться, оправдываться. Ничего не отвечала ему на его слова. Зачем? Все уже и так сказано. И сделано.

Перенесла все свои вещи в машину. Много у меня накопилось барахла. Я, оказывается, невеста с богатым приданым. Куда столько? Но увозить все шмотки надо разом, чтоб больше уже сюда не возвращаться. Загрузила все в машину и поехала жить к маме. Навсегда...

Дома, перетаскивая вещи в свою комнату, все рассказала маме. Она мои действия одобрила. Решили с ней, что надо разводиться. Потаскун мой муж оказался. А от таких надо сразу бежать, куда глаза глядят. Изменять будет всю жизнь. Я буду переживать. Не жизнь будет, а мука. И зачем мне такой сдался? Выберу приличного и верного, чтоб меня любил.

А тем временем в доме у Никиты разгорались страсти. Брошенный муж, а он считал себя почему-то брошенным, стал просто рвать и метать. В гневе он оказался страшен. Таким его Саня еще не видел.

Сначала Никита раздолбал вазы. Потом посуду. Затем пришла очередь телевизора. Телек, кстати, большой. Дорогой, зараза. Телевизор жалко. Потом расколошматил в гневе зеркало. Себя же в нем увидел и разбил кулаком. Кровь, осколки. Но боли не чувствует. Псих одиночка...

Дошло до него наконец, что я ушла. Не угрожала, как делали другие. Не закатывала истерики и не затапливала его дом горячими слезами, как многие. Просто ушла. Развернулась и адью... Гуд бай, май лав, гуд бай...

Друг его на все это посмотрел. И задал единственно правильный вопрос.

— А чего ты ожидал?

— Не знаю. Но не такого.

— Думал, она за тобой ходить будет и уговаривать?

— Думал. Они все так делают.

— Они это кто?

— Женщины.

— Ты еще не понял, что она у тебя не как все? Ну ты и дурак.

— Дурак. Это точно. Какой же я дурак...

— Поздно пить Боржоми...

— Ничего не поздно. Я ей развод не дам.

— Ты же сам говорил, что зря женился.

— Говорил.

— Так с чего теперь так переживать? Хорошо, что ушла. Туда ей и дорога. Гуляй. Дай ей развод и все. Ты свободен. Многие о таком мечтают, чтоб жена сама ушла.

Ничего Никита ему не ответил. Но что-то для себя уже, видимо, решил. Встал с пола где сидел. Пошел обрабатывать руку. Потом стал убирать дело рук своих. Помыл полы. Убрал стекло в ванной. Заказал доставку нового телевизора в спальню. Еще большего по размерам и еще дороже. Зеркало заказал. И сидит, в одну точку смотрит. Думает.

На следующий день я пошла рано утром в магазин с Петькой. Грейс, как и положено порядочной собаке, идет рядом и несет в зубах свой поводок. Смотрю, у магазина толпа бабулек. Магазин еще не открылся, а их здесь собралось со всего поселка. Что, интересно, обсуждают?

— Зря ты так с ним, дочка! — тетя Нюра подала голос первой.

— Смотри, пробросаешься так! — это уже вступила в игру на нервах Мария Ивановна.

— Такого хорошего парня до чего довела! — заголосили они на разные лады.

Я молча развернулась и пошла домой. Петька семенил рядом. Только пес поводок выпустил из пасти и громко залаял на бабок. Вроде заступился за хозяйку. И то хлеб...

Я подобрала поводок, и мы пошли домой.

— Мама, нам придется теперь в город за продуктами ездить.

— Недолго. После новогодних праздников Галя с мужем от дочки приедут.

— Значит, скоро домой вернемся? Слава тебе, Господи!

— А что там, у магазина?

— Бабки мне обструкцию устроили.

— Ругали?

— Нет, корили. Говорили, что зря я так.

— Понять их можно. Он им свой. А мы приезжие. Чужие мы для них. Хотя они могли бы свои языки и попридержать. Вспомнить, сколько ты для них сделала.

— Я не стала их слушать. Сразу ушла. Да и заступились за меня.

— Кто отважился? Один против толпы?

— Грейс. Он на них твякнул пару раз. Еще лапами задними в их сторону показательно землю разрыл и швырнул. Как будто дерьмо закопал.

— Ха-ха-ха. Ай да умничка. Надо ему косточку сахарную дать. Защитник вырос.

— А они поняли и заткнулись разом. Такое презрение от пса. Почти что по-человечески матом покрыл...

— И правильно сделал. Что делать будешь?

— Я сейчас на работу поеду. Оттуда позвоню. Продукты сама куплю.

* * *

Приехала на работу. А там... В общем, опять труп. Свеженький, молодой. Симпатичный. Они что, сговорились, что ли? Почему у остальных людей все нормально. И трупы за ними по городу не шастают? И под ногами у них не валяются? Почему мне такое везение постоянно? За что?

Точно, полоса черная пошла. Не иначе. Сначала с мужем разборки. Теперь в магазин придется в город ездить. Напоследок еще и труп перед дверями кафе. Главное, перед детским залом. Альбина Владимировна растеряна.

— Что делать будем, Иришка?

— Полицию вызывать, Альбина Владимировна. И ждать их приезда.

— Зал детский на сегодня закроем? И куда теперь всех детей?

— Нет. Зачем зал закрывать? Просто придется детей через общий зал пропускать. Пока менты кадавра не заберут и все свои следственные действия не проведут.

— С той стороны надо двери как-то затемнить.

— Чтоб труп никто не увидел? Сейчас сделаем. Главное, детей не напугать.

— Этих шалопаев навряд ли что-то испугать может.

Приехали полицейские быстро. Приступили к работе. Я рядом с ними стою и внимательно слушаю, что менты друг другу говорят. Они, не стесняясь, между собой все обсуждают. Эксперт следователю доложил. По всему выходит, что отравили нашего гостя чем-то. Точнее он потом скажет.

А в нашем районе уже ведь были два трупа у Киры во дворе. Наркотик новый появился? Кто и где его продает? А продают явно где-то здесь рядом. Недалеко от кафе.

Эти два трупа во дворе Кирюхи, что в детских деревянных домиках. Где они ночью это дерьмо смогли купить? Только рядом. А теперь новый жмурик в паре сотен метров от них. Этот тоже ночью купил и закинулся таблеточкой радости. Так обрадовался, что окочурился.

Неужели мамы их не учили всякую бяку в рот не брать?

Что он у дверей нашего детского кафе делал? Лучшего места не нашел, чтоб отправиться в путешествие по другим мирам? Заглотнул пилюльку и решил за пирожными сходить? Сладкое любит? Или просто шел, куда ноги приведут. Ведь неизвестно, что ему там в глюках привиделось.

И главный вопрос. Где он наркоту купил? На наркомана парень не похож. Молодой. Одет прилично. Даже очень дорого. И чего я удивляюсь? Именно обеспеченных дилеры стараются посадить на наркоту. У них деньги есть. С богатенького Буратино деньги долго тянуть можно. Гарантированный сбыт обеспечен на долгие годы...

— Интересно, он сам приперся сюда? Или его притащили? И когда? — бурчал себе под нос полицейский.

— Дворник убирать начинает с нашего кафе. Ему так удобней. Выходит, что в шесть утра трупа здесь не было. Иначе дворник, как положено, забил бы тревогу, — решила я встрять в его рассуждения.

— Или был? — задал он мне вопрос.

Ого, у нас уже диалог получается.

— Тогда почему дворник не вызвал полицию?

— Может, у него самого задница замарана. Или испугался.

— Ну да. Если дворник работает без регистрации, то ему проще сделать вид, что трупа не было. Пусть другие полицию вызывают, пусть их менты таскают в участок. А ему некогда глупостями заниматься. Ему работать надо, семью кормить, — продолжила я его мысль.

Одно хорошо. Никита в свое время, по моему настоянию, установил перед всеми входными дверями видеокамеры. Посмотрим и увидим, что снаружи творилось. Отличные камеры нам подогнал сын Веры Михайловны, нашей соседки. Безвозмездно, то есть даром. Их списали у него в офисе, но они были рабочими. Камеры незаметны для посетителей и отличную картинку выдают.

Просто внучка Веры Михайловны полюбила в наш кафе ходить. И ее здесь любят. Забавная барышня растет. Несколько раз она уходила из дома и приходила к нам. Заказывала пирожные и чай. Самостоятельная барышня в свои пять лет. Пока девчушка тут спокойно чаевничала, они всей семьей бегали по соседним дворам в поисках пропажи. Потом ей выговаривали. Но она опять бралась за старое. Тогда родственники сами предложили нам такой вариант обмена любезностями. Мы согласились. И нам выгодно, и им нервы не тратить. Да и ребенок под надзором камер.

А видео я сейчас буду ментам сватать, иначе они отсюда никогда не уберутся. Хорошо, что поварята догадались огородить с этого угла здание. Я объявление повесила, что вход в детское кафе с общего зала. Мол, здесь вход закрыт из-за того, что снег с крыши счищают.

— Извините. Но разве вам не интересно посмотреть запись с камеры?

— А здесь есть камеры? Мы все обошли. Нигде нет.

— У нас камеры на всех входах.

— Где? Здесь-то нет камеры.

— Есть. Просто она скрытая.

— Как скрытая? Где она?

— Не старайтесь. Не увидите. Специально камеры спрятали, чтоб хулиганы не разбили.

— Тогда пошли записи смотреть.

— У вас здесь все?

— Здесь все.

— Мы можем этот вход открывать? Труп же уже увезли.

— Открывайте. Черт с вами.

Это нормально? Черт с нами? Это он серьезно? Вот и помогай таким. Нет, чтоб спасибо сказать. Ему работу конкретно облегчают. Может, сейчас на видео увидят, кто этого парня сюда притащил. И практически дело будет раскрыто. А он вместо благодарности...

Посмотрели видео. Там видно, как этого парня привели двое. Вернее, не привели, а притащили. Но изображали, как будто он сам идет. Я свои сомнения высказала.

— Смотрите. Его тащат.

— С чего вы взяли?

— Вы на ступню посмотрите и сами все поймете.

— Что пойму?

— Вы повнимательней присмотритесь, — посоветовала ему я и увеличила изображение.

— Вот теперь мне видно. Да. Так на носочках, да с согнутыми ногами ходить трудно.

— Вот именно. Он же не балетный какой-то. Они его тащат. А ноги просто по снегу волочатся.

— Почему следа нет?

— Сейчас увидим, — сказала и промотала видео в скоростном режиме.

— Вот зараза хитрожолая...

— Согласна. Вам сказал, что трупа никакого не видел?

— Именно. Вот!.. — приложил он дворника непечатным словом.

— Он мог и этих двоих видеть. И даже рассмотреть.

— Точно.

— И главное, они его могли видеть. Тогда они за ним придут.

— Может быть.

— А может, он их видел или даже знает, где они живут.

— Откуда? Он же дворник.

— Он здесь работает уже много лет. Он знает многих. И может вам помочь.

— Пока он молчит, он в опасности.

— А ребята серьезные и шутить не любят.

— Так, дворника закрываем и в оборот берем.

— А кто убитый? — любопытствовала я.

— С чего взяли, что он убит?

— А вы на одежду посмотрите. Очень дорогая одежда. Фирменная. Там одни носки семнадцать штук стоят. Не меньше.

— Сколько? — полицейские уставились на меня.

— Не верите?

— У меня вся одежда столько не стоит, сколько его носки, — пробубнил один из них.

— Не верите? А жаль. Тогда попросите вашего эксперта дать оценку одежды убиенного. Хотя бы навскидку. Думаю, итоговая цифра вас сильно удивит. Особенно ручные часы, которые почему-то не украли. Швейцарские. Если это и подделка, то очень качественная. Тоже не дешевая вещь. От оригинала не отличить. А если оригинал, то цена вообще зашкаливает.

— И сколько они, по-твоему, стоят?

— Учитывая, что они бэушные, несколько миллионов рублей, наверное.

— Обалдеть. Часы миллионы стоят. Часы по стоимости квартиры.

— Погодите. Вы еще больше обалдеете, когда его родственники заявятся. Те, кто его так любил, что ему такие часы покупал. Вот тогда вам очень весело жить станет... И смотрите, чтоб ваш свидетель дворник лыжи не намылил или ласты вдруг совершенно случайно не склеил.

Они на меня внимательно посмотрели. Поняли, что я не шучу, и разом ломанулись из офиса. Застряли в дверях, мешая друг другу выбраться. Получилась реальная Гидра трехглавая. Или все-таки Змей Горыныч? Пока ему головы богатыри не пообрубали. Наконец менты поняли, что мешают сами себе. Сориентировались и выбрались из дверного проема.

Побежали наперегонки. «Веселые старты» в реале. Бегут, попеременно опережая друг друга. Добежали до развилки. Интересно, что дальше делать будут? Умные: им ума хватило разделить. Один побежал в ЖЭК, второй помчался в дворницкую, где дворники свои рабочие инструменты хранят. А третий поскакал на квартиру, которую дворник снимает. Интересно, дворника они застанут где-нибудь?

Дворника полиция застукала у него на съемной квартире. Он, пока они на месте преступления телились, умудрился уволиться и получить расчет. Вся его семья дружно паковала чемоданы.

А я ему говорила, что доведет его хитрожопость до цугундера. Цугундер при данных обстоятельствах ему не светит, а вот крупные неприятности на горизонте вырисовываются. Самое малое — депортация. Он, насколько я знаю, нелегал. И семью его отсюда выгонят без права въезда на несколько лет. Или я не знаю психологию богатых людей. А скорее всего, ему сейчас так его помидоры станут выкручивать, что только держись.

Я задумалась всерьез. И мне тоже прилететь может. Автоматически или рикошетом. Сейчас всем на орехи достанется. Судя по дорогим часам, там родители не скромные бизнесмены. Там настолько крутые вершины, можно сказать, жителя Олимпа задели. Но жители Олимпа и их детки пешочком не приучены ходить. Где тогда его машина? И не из-за нее ли его угробили?

Хотя, может они идиоты и не разбираются в дорогих вещах, если часы не взяли. Или не знали их стоимость? Или знали? Не взяли, поскольку вещь приметная. Эти часы так просто не сплывишь. Их сразу вычислят. Засветятся. А по машине не вычислят? Вычислят. Что-то у меня логика хромать стала. Или убийцы не логичны в своих действиях. Где машина? На какой тачке он мог приехать? И где его телефон? Скорее всего, тоже что-то штучного выпуска. Такой не сбагришь. Неужто на его телефон позарились? Тогда они идиоты и их быстро отловят. Или наоборот, умные и телефон где-то скинули? В пруд, например.

Интересно, чей это сынок. Или внучок. Жаль, что я раньше на работу не приехала. Вдруг его спасти можно было? Хотя навряд ли. Они его, скорее всего, мертвого уже к кафе притащили. Он где-то у них в притоне помер. Это они от трупа избавлялись. И где этот притон? Искать надо. Иначе трупы будут множиться. Люди в наш район станут остерегаться ездить. И как притон этот найти? Я не полиция. Это их работа...

Впрочем, клерки в наше кафе ходить не перестанут. Этих ничем не испугаешь. Хоть ураган, хоть землетрясение. Поесть — это святое для них. Но родственник, облеченный властью, прикрыть нас запросто может. Если подумает, что мы как-то причастны. И даже если не причастны. Просто решит посамодурствовать, и все тут. Кто его, царька местного пошиба, знает?

— Царь я или не царь? — крикнет устрашающе.

И хлобысь — вот мы и банкроты. Докажи потом, что не верблюд и не при делах тут...

С этими невеселыми мыслями я зашла в офис. Вот и новая неприятность нарисовалась. Там сидит Никита. Мой бывший муж.

Не удивляйтесь. Я для себя уже все решила. Мы разводимся. Не захочет в загсе развестись тихо и мирно, тогда придется через суд. И чего пришел? Что ему еще от меня понадобилось?

— Здравствуй, жена.

— Здравствуйте.

— Чего так официально? Или я тебе уже не муж?

— Уже нет.

— Официально я твой муж.

— Так это только на бумаге.

— Я тебе не изменял.

— Знаю.

— Что тогда? Почему собралась разводиться?

— Ты жаловался на кандалы. Мы тебе с мамой дышать не давали. Душили бедолагу. Вот я тебя и освобождаю от этого всего. Радуйся, барыня вольную тебе дает.

— А я тебя просил?

— Не просил.

— Я хочу, чтоб между нами все было ясно.

— Между нами и так все ясно. Куда ясней. Мы разводимся...

— Я не хочу разводиться.

— Это уже не важно. Главное, что я хочу.

— Я не дам тебе развод.

— Это не тебе решать. В загсе не хочешь, разведут через суд. Детей у нас нет. Общего имущества нет. Так что разведут быстро.

— Зачем тебе все это? Я был плохим мужем?

— Был хорошим. Собирался быть плохим.

— Ты себе кого-то нового нашла?

— Ты хотел свободы? Ты ее получил. Я тоже хочу свободы. Просто уйди и не мешай мне жить.

— Так я тебе уже мешаю. Понятно. Кто он?

— Моя личная жизнь тебя уже не касается.

— Мы муж и жена! — заорал он, уже не сдерживаясь.

— Были, Никита. Мы были мужем и женой до вчерашнего дня. До твоих слов. До того момента, как ты собрался мне изменять. Бы-ли, — проговорила я по слогам. Может, так он меня услышит...

Понимая, что он просто так не отстанет, вышла в зал к посетителям. Уж там ему затруднительно будет орать. Воспитание не позволит. Да и дети кругом. Не проорешься. Напугаешь малышню. Скажете, что детьми прикрылась? Ну да, прикрылась. Трусиха. Признаю...

А Никите, судя по всему, поскандалить захотелось. Для того и пришел. Как много узнаю про своего бывшего мужа. Он еще и скандалист...

Я думала, что он обрадуется. Наконец-то. Сбылась мечта идиота. Ура! Освободился от

набившей оскомину постылой жены. А тут он возмущен и оскорблен, что за него с другими дамочками на когтях не дерусь. Бои без правил с соперницей не устраиваю и крокодиловы слезы не лью. Это кого хочешь оскорбит. И озадачит...

— Вечером поговорим, — сказал он мне напоследок.

— Это вряд ли, — ответила я.

Он посмотрел на меня. Как рублем одарил. Можно подумать, что он не понимает, почему я ушла. Вот и охота ему придуриваться? Передо мной-то зачем этот спектакль разыгрывать? Да не сегодня, так завтра он со своей лысой пассией переспал бы. И была бы я коза рогатая...

А так я вовремя заметила и ушла от гуляки. Пусть гусарит, сколько влезет. Или уже расхотелось? Самое интересное, что у меня даже сердце не болит и вообще нигде не екает. Даже сожалений горьких нет. Просто облегчение какое-то. Я почувствовала сердцем, что назревает измена. Интуитивно почувствовала по его взглядам, по тому, как он ко мне относиться враз стал. Как ночью спиной ко мне поворачивался, как к пустому месту.

А он теперь из-за чего концерт такой устраивает? Честно не понимаю. Сам же про свободу говорил. Мол, много красивых девушек мимо ходит, а он их не всех перетоптал... Не всех успел, увы. Жалеет, что женился на мне не вовремя. Поторопился. Это если не дословно переводить. Но суть-то такая...

Я всего лишь учла его пожелания и ушла. Живи сам и дай другим свободу. Может, я тоже хочу свободы. Может, у меня тоже было ощущение, что я в тюрьме. И может, я тоже хочу всем мужикам красивым стать женой. Не просто трах-тибидохнуться, а именно женой. По-моему, это благородная цель. Ну а что? Выходить замуж надо столько раз, сколько позовут. Никто из мужиков не должен уйти от справедливого возмездия.

— Иришка, о чем вы с мужем договорились? — интересуется Альбина Владимировна, заглянув в офис.

— Нам не о чем договариваться. Вы его больше в офис не пускайте.

— Почему?

— Он теперь мне никто. Мы разводимся.

— Зачем? За что ты с ним так?

— Он себе любовницу завел. Вот я и ушла.

— Ты подумай еще раз. Он парень хороший.

— Хороший. Только погулять любит. Вот пусть и гуляет.

— Хорошо. Больше я его не пушу.

— Спасибо, Альбина Владимировна. Тут может родня убиенного нагряться. Вы меня сразу позовите. Ладно?

— Хорошо. А зачем они к нам придут? Мы же ничего не знаем. Он просто у нашего порога умер.

— Он раньше умер. Его нам подкинули. А вот зачем? И почему именно нам? Вот вопрос. Или просто по пути его скинули...

— Ты думаешь, нам могут грозить неприятности?

— Неприятности — это мягко сказано. Нас могут просто растоптать. И имени не спросят. Закроют кафе на веки вечные...

— За что?

— За все. Виноватых не найдут. А тут мы перед их сиятельным взором окажемся. По глупости своей убежать не успели. Вот нас для острастки и отоварят. Мы подходим для

наказания. Если больше некого, то почему не нас? На нас злобу выплеснуть — самое то...

— Что делать будем?

— Вы работать. Я попробую убийц поискать. Другого выхода я не вижу.

— А может, нам повезет, и на нас не обратят внимания?

— Может быть и повезет. Может, пронесет карающую длань мимо нас...

— А полиция? Пусть они убийц ищут. Им за это деньги платят.

— Сколько им платят, на столько они и работают. Они никого не найдут.

— И крайними окажемся мы?

— Скорее всего.

— Я согласна с твоим планом. Мне, честно говоря, отсюда в свое кафе уходить не хочется. Настолько нравится все, что ты с Никитой здесь сделала. И народу уйма. Работы много, успевай только кормить...

— Мы сделали. Все работали. Хорошо, что вы со мной согласны. Я потом отработаю. А пока мы попробуем увернуться от летящего в нас снаряда...

До вечера я исполняла свои обязанности. Присматривала, командовала... К вечеру у меня голова шла кругом. Да еще весь день на ногах. По моим подсчетам, завтра нас могут посетить высокие гости. И тогда решится судьба кафе. Чует мое сердце, что аукнется нам эта смерть. Придется завтра весь день здесь проторчать. Ждать непрошенных гостей...

Поздно вечером приехала домой. Петька уже спит. Мама сидит и ждет меня. В вазе громадный букет цветов стоит.

— Это от кого такой букет шикарный?

— Приходил Александр. Сожалел о случившемся.

— Он-то здесь при чем? Он не виноват.

— И все равно принес букет. Такой красавец, глаз не оторвать...

— Александр или букет?

— Александр, конечно. И букет тоже хорош...

— Все красавцы — мерзавцы. Твои слова.

— Все равно букет красивый. Он от Никиты съехал. Сказал, что здесь где-то недалеко дом снял.

— Мне все равно, где он живет.

— Он долго сидел, тебя ждал. Сказал, что завтра зайдет...

— Меня завтра не будет. Чует мое сердце, что мне завтра в кафе надо быть.

— Из-за трупа?

— Да. Думаю, нам надо быть настороже.

— Почему?

— Труп возле нашего кафе нашли.

— Ты же говорила, что на видео видно, как его к нам притащили?

— Видно. Но возникает вопрос. Почему его нам подкинули? С какой стати?

— По пути выкинули труп.

— Зачем так далеко тащить? Столько проперли его на руках, их заметить могли. Было темно на улице, но возле здания светло от ламп. Зачем на свет вышли? Зачем так рисковали? В кусты не проще было выбросить?

— Точно. Кустов там тьма. Почему именно нам подарок принесли?

— Вот! И родня его тот же вопрос зададут полиции и себе. И каков будет ответ? Как ты думаешь?

— Что мы чем-то с убийцами связаны.

— Правильно мыслишь. И меня этот вопрос ставит в тупик...

Поздно ночью мне не спалось, и я встала, чтоб просто постоять перед приоткрытым окном. Мозги от мыслей закипали. И думалось тяжело. Смотрю, а под окнами Никита стоит и на мои окна глядит.

Отошла от окна. Лежу и думаю. Сна ни в одном глазу. Стало так грустно. Мне понятно, что не нужна ему была эта девица. Он про нее уже забыл. Александр маме сказал, что Никита ее матом послал, когда та позвонила. И меня любит, вроде. Тогда зачем эти слова обидные говорил? Ведь реально так больно сразу стало, как будто под дых со всей силы дали.

И изменять мне собирался с ней. Думал попробовать? Вдруг все удастся. И я стерплю и проглочу обиду. Буду терпеть и молчать. Тогда можно будет при законной жене спокойно гулять. Или адреналина ему вдруг захотелось? У нас все время что-то происходило. А тут почти четыре месяца затишье было. Никаких происшествий. Скукота. Вот и решил развлечься...

Это не оправдание. Я-то не заводила шашни на стороне. А могла бы. Но мне почему-то совесть мешала. А он своей совестью пренебрег. Я его честно предупреждала, что измены не стану терпеть. На мой взгляд, это не измены. Это предательство. Это нож в спину. А нож в спину всегда получаешь от того, к кому доверчиво повернулся спиной. Вот он и вонзил...

Раньше он кроме меня вообще никого не видел. А теперь что произошло? Взгляд расфокусировался? Стал замечать других. Всех мастей: белых, черных, красных, вернее, рыжих... Всеядным оказался мой муж.

До самого утра глаз не сомкнула. Думала... И решила под утро, что все я сделала правильно. Даже сомневаться не стоит. Не мой он мужчина. Раз других захотел, значит, уже не любит. Разлюбил. А это значит, что надо расставаться. И ни о чем не жалеть...

Зазвонил будильник. Пора вставать? Как быстро эта ночь закончилась. Сначала Петьку в школу отвезу. Потом сама пойду работать на благо общества. Странно как-то. Вроде я решила расстаться с любимым мужем. Недавно по нему с ума сходила, потом из-за подозрений мучилась. А теперь даже сожалений нет, что расстаемся. Только светлая радость. Все ясно и понятно мне стало в наших с ним отношениях. И это главное. Одной проблемой стало меньше.

Сегодня никаких трупов перед дверями нашего кафе не было. Посмотрим, что день грядущий нам готовит. Все было нормально, никаких происшествий. Я приехала домой рано, и мама стала рассказывать, что ей Александр поведал.

— Мама, мне уже не интересно, что там у бывшего мужа происходит.

— Правда? Или в тебе обида говорит?

— Правда. Я уже для себя все решила.

— Развод?

— Угу.

— Может, ты еще раз подумаешь?

— Думала. Много думала. Я же до этого дня многое подозревала.

— Он тебе изменил?

— Нет. Но не потому, что не хотел. Хотел. Просто не успел.

— Вы устали друг от друга.

— Когда любят, не устают. Он устал. Значит, нет уже любви.

— Да. Похоже на то...

— А без любви — это фарс. Или комедия, или трагедия. Это с какой стороны посмотреть.

— Объясни.

— Если есть ум, то это комедия. Все смешно и нелепо. Если есть чувства, то это трагедия. Прямо хочется рыдать и стенать безостановочно.

— У тебя ум. Пусть это будет комедийный фарс.

— А так и есть. Я сначала расстроилась. А потом представила, что в пылу страсти Никита ее схватит за волосы, а у него такой громадный клок в руках останется. Накладные волосы. Шиньон. Уму непостижимо. Меня променяли на лысую раскрашенную обезьяну. До чего я докатилась...

— Зачем ей шиньон?

— Она лысая. Лысая любовница... И раскрашенная как индеец. Смешно.

— Ты ее видела?

— Да.

— Где?

— В кафе, в торговом центре. Они сидели, за ручки держались и глазами друг друга поедали.

— И давно у них это?

— Неделью примерно.

— Откуда знаешь?

— Почувствовала. Он мне еще не изменил, но внутренний настрой его ко мне изменился. По глазам его все видела. Поняла, что есть кто-то...

— А с нашим трупом что?

— Пока ничего. Может, и пронесет. Как рулетка...

— Менты не появлялись?

— Нет. Наверное, дворника пытаются...

— Думаешь, он что-то видел?

— Наверняка. У них разница во времени всего две минуты. Они сюда труп принесли, кинули. Всего две минуты прошло. На видео дворник идет оттуда, куда они ушли. Они однозначно пересеклись. Не мог дворник их не видеть.

— А если они на машине были? Могут они быть на машине? Сели и уехали.

— Тогда еще легче будет ментам их найти.

— Почему?

— По пути следования камеры дорожные натканы. Отсеять непричастных — это один день работы.

— Как?

— Раннее утро. Машин мало. Отсюда выезжало на главную дорогу еще меньше. Всех, кто проехал, собрать и прошерстить.

— Да. На словах легко.

— Да и сделать легко, если есть желание.

— Вот именно. Если есть желание. А его у них нет, как я понимаю.

— Угу. Надо всего лишь проверить, куда, зачем и почему в это время ездили. Алиби проверить. Судя по вчерашним полицейским, большого желания раскрыть это дело они не испытывают.

— Почему?

— Нет профессионалов. Они все разбежались кто куда. А эти просто время отбивают.

— Как повинность трудовую?

— Да.

— Значит, не поймают убийц?

— Наверяд ли. Если только родня заставит их работать. А так — голый номер.

— А ты?

— Что я?

— Ты будешь искать?

— Мне это надо? Не надо. Если нас не затронут, то не буду. Он сам пилюльки веселящие глотал? Сам. Заставлял кто-то? Нет. Сам и помер. Хотел ярких ощущений? Получил. Правда, посмертно.

— Так-то оно так. Только ты сама говорила, что это не первые жертвы.

— И не последние. Это не моя работа. Моя работа — кормить людей.

— Хорошее у нас кафе получилось, — перевела мама разговор на другую тему.

— Мне самой нравится. И главное, до самого закрытия все места заняты. Вчера вообще задержаться пришлось.

— Почему?

— Пожилая пара в кафе зашла. Отогревались. У меня есть идея. Надо летом продлить работу кафе. Часов до одиннадцати.

— Ты каждый раз продлеваешь. Когда открывались, работали до восьми.

— Есть спрос. Чего не работать?

— А работники? Что они про это говорят?

— Они получают за переработку прилично. Так что они тоже «за» будут.

— Думаешь?

— Мама, ты с ними рядом постой и послушай, как они будущие заработки распределяют. К нам с других кафе уже повара ломятся.

Мы с мамой съездили за продуктами в город. Пока ехали, разговаривали с ней по душам. Вернулись домой поздно. К дверной ручке прикреплен букет красных роз. Недалеко в снегу валяется более роскошный букет.

— Букет жалко. Так жестоко в снег...

— И поднялась же рука. В этом он весь. Не терпит честной конкуренции.

— Ты про кого?

— А ты не поняла? Про мужа бывшего.

— Почему думаешь, что это он сделал?

— Букет в снегу от Александра. Он дорогой и сделан со вкусом. Кстати, он даже не повял. Заберу его. Он мне нравится. С душой сделан. От мужа букет другой: в спешке делали и цветы немного повяли. Экономил...

— Почему экономил? Может, его обманули...

— Нет, мама. Эти цветы он в последний момент купил. Увидел этот дорогой букет. Решил не отставать. Конкурент появился.

— Значит, будем смотреть новый спектакль?

— Угу. Под названием капиталистические соревнования. Забавно...

— Что?

— Забавно, что жена не нужна была, пока конкурент не объявился. Теперь обострится

борьба на рынке.

— Твои акции растут?

— Как на дрожжах. Ажиотажный спрос...

— Остается появиться третьему игроку.

— Зачем?

— Чтоб нам в партере стало интересно смотреть на их возню.

— Ты права. Куда цветы ставить будем? Тот букет еще свежий стоит. Красивый, пахучий. От него по всему дому розами пахнет. Лепота...

— Давай так. Красивый букет с собой возьмем, а второй букет пусть здесь валяется. Негоже моей дочери вялые букеты дарить. Ставить его некуда...

— Думаешь, он поймет намек?

— Поймет. Не дурак, поди...

— Ну, давай посмотрим, что из этого получится. Самой даже интересно стало. Кто из них победит?

— А это нам решать. Судьи-то мы. Да и проучить нахала хочется. Пусть побегаёт. Мошной потрясет. А то обнаглел...

— А ты у меня кровожадная... Но по сути, я с тобой согласна.

Зашли домой. Я поставила цветы в вазу. Красота неопишуемая. По дому аромат поплыл. Приятно...

— Сразу видно, что этот букет делали с любовью.

— Мама, а что происходит?

— Что не так?

— Мне кажется, или ты меня этому Александру сватаешь?

— Не сватаю, а советую. Приглядишься. Красивый же парень.

— Мам, я с одним красавцем еще не развелась.

— Подумаешь... Разведешься. Всему свое время. А к этому приглядишься.

— Зачем?

— Хотя бы затем, чтоб вывести из себя бывшего мужа. Чтоб развеяться, чтоб развеселиться. Александр красивый и воспитанный. И еще один большой плюс от всего этого есть.

— Какой?

— Свекровь от тебя отстанет.

— Это реально здорово. Хотя она и так отстала бы. Мы же скоро переедем к себе домой.

— Да. Отсюда мы далеко будем.

— Именно. А с глаз долой, как говорится, из сердца вон. Вот она про меня и забудет. А там новая невестка появится. Новый объект для преследования и ругани...

Открылась дверь, и с улицы ввалился Петька вместе с Грейсом. Все в снегу. Уставшие и замерзшие. Я пошла разогревать ужин для Петрухи. Я с мамой поела в кафе. Мы собирались только кофе попить и лечь спать. Но Петька не дал нам расслабиться.

— Здесь такое было.

— Когда?

— Когда вас не было. Вечером.

— И что было? Рассказывай, не тяни.

— Здесь Никита со своим другом ссорился.

— Дрались?

— Нет. Но орали сильно.

— Ты им дверь не открывай. Мало ли, что они надумают. Все-таки это не наш дом. Поосторожней надо быть.

— Тут еще бабки набежали.

— Куда набежали? Сюда, в дом? Зачем пустил?

— Нет, на улицу. Повылезали из всех щелей и слушали.

— Сплетницы чертовы. Теперь мне опять кости в поселке перемывать будут. Разве это справедливо?

— И наверняка все перевернут, — высказала свою точку зрения мама.

— Петька, ты никого из них в дом не пускай. Что бы они не говорили. От греха подальше. Иначе все здесь разнесут, расколошматят.

— Они раза три приходили.

— Кто? Женихи или бабки?

— Женихи.

— Ну что я тебе скажу, дочь. Зацепила ты их серьезно. Что делать думаешь?

— Ничего. Пусть бегают, если им делать нечего. Это их проблемы. Мне бы тишины и покоя. И домой хочется. Поскорее бы...

— Нам продержаться осталось всего неделю. Галина приедет, мы в этот же день и переедем. Потерпи, дочка...

— Ты не понимаешь. Представляю, что они здесь на Новый год устроят.

— Вот и посмотрим, на что они способны.

Поговорили и пошли спать. Ночью встала и подошла к окну. Никого. Ну вот и все. Ночные бдения закончились. Смирился с потерей...

Утром я сходила в лес и выгуляла пса. Петька собирался в школу. Все загрузились в машину и поехали каждый по своим делам: я на работу, Петька учиться, мама захотела съездить в квартиру, проверить, что там и как.

Подъехала к кафе. Трупов сегодня нам не подкинули. Уже счастье. До обеда работали спокойно. Потом приехали двое из полиции. Следователь почему-то другой. Тот туповатый был. Этот сам себе на уме, но тоже не очень умный. Отвели полицейских в офис. Там они провели допрос работников. Меня допрашивали последней. Оставили на закуску. Оно и понятно: труп-то я обнаружила. С меня и спрос.

— Почему никто не обнаружил труп раньше вас? Ведь повара пришли раньше, — задал следователь вопрос.

— Дело в том, что повара у нас приходят раньше, но входят со служебного входа. А в детское кафе вход отдельный. С другой стороны здания.

— Когда открывается детский зал?

— Согласно режиму работы, детское кафе открывается в девять часов.

— Почему вы раньше пошли туда?

— Чтоб посмотреть, очистил ли дворник от снега дорожку и ступеньки.

— Странно это...

— Я лично ничего странного не вижу. Дворник у нас ленивый и частенько филонит. Работает спустя рукава: то дорожку плохо расчистит, то ступеньки песочком, как положено, не посыпает. А посыпать надо именно песочком.

— Почему песочком?

— Наши клиенты — молодые мамы с детьми. Солями разными посыпать нельзя. Аллергенно. Если дворник порожек не очистит, то дверь не откроется из-за льда. А наши клиенты, опять напомню, дети. А вдруг кто ножку сломает или упадет? Вот поэтому, приехав, я сразу пошла проверять готовность этого входа к открытию. Между прочим, это моя прямая служебная обязанность.

— Понятно, — подвел он итог моим словам.

Заполнил протокол. Дал мне расписаться. Я разговором с полицейским осталась очень довольна. Кинула леща следователю. Пару раз его похвалила. Он на лесть оказался падким и поплыл. Все разболтал. Никогда и никто его так внимательно не слушал, как я. Прямо уставилась на него, как на самого умного и самого великого сыщика. Вот он и потерял бдительность. Разболтал мне тайну следствия. Что с него взять? Не ожидают наши мужественные полицейские наличия мозгов у блондинки. Конструкцией не предусмотрены у блонды мозги, по их мнению. Ну и пусть считает меня глупой Барби. Зато я много узнала.

Оказалось, что парень действительно отравился новыми синтетическими наркотиками. От передоза и скончался. Окочурился задолго до того, как его притащили к нам под дверь. Полиция в тупике. Что делать, не знают. А изобразить кипучую деятельность надо. Приказ сверху поступил — рыть носом землю. Вот они и роют. Только, на мой взгляд, не там и не так...

Родственники убиенного, а я все равно считаю, что его убили, к нам не заявлялись. Значит, нам крупно повезло. Не обратили внимание на наше кафе. Я обрадовалась такой удаче. Я теперь часто стала по пустякам радоваться...

Приехали домой. У калитки два громадных букета. Оба шикарные. Один — красные розы. Второй — белые.

— Ты посмотри. Шик, блеск, тру-ля-ля...

— Мам, они так разорятся.

— Ничего. Твой Никита тебе мало цветов дарил. Вот пусть наверстывает.

— Как мы их в дом занесем? Давай, ты с одного края возьмешь, я с другого.

— А второй букет?

— Давай, второй потом. Мы оба не унесем.

— Оба забираем?

— Конечно. Не оставлять же такую красоту на морозе.

— Что со старыми букетами делать будем?

— Примем ванну из роз. Говорят, это для кожи полезно. Давай так. Если они завтра опять букеты принесут, то просто их за забором оставим. Надоели.

— Разбаловали они тебя своими цветами...

— Любовь мужчина доказывает не цветами и подарками, хотя и это очень важно. А теплом, нежностью и уважением к любимой женщине.

— И к ее родным...

С трудом занесли букеты домой. Там Петька сидит. Надулся, как мышь на крупу. Значит, что-то в наше отсутствие случилось. Сначала определили, куда поставим цветы. Потом пристали к Петрухе с расспросами.

— Петька, чего сидишь, как сыч надулся?

— Ничего.

— А все-таки? Чего такой серьезный? Случилось что?

— Я больше ни с кем не собираюсь разговаривать.

— И с нами тоже?

— С вами буду. А вот с вашими женихами не буду. Надоели они мне. Ходят тут, орут. Уроки учить мешают. А у меня контрольные на носу. Еще бабки эти в магазине. Не буду я с ними разговаривать.

— Так и не разговаривай. Кто тебя заставляет? А что произошло-то? С чего такие заявления? Рассказывай подробней...

— Он меня предателем назвал.

— Никита? За что?

— За то, что не стал ему с вами свидание устраивать.

— В каком смысле?

— Он меня попросил вас вытащить в лес на прогулку с Грейсом. Там с вами поговорить хочет наедине. Я отказался. А он меня предателем назвал.

— Не обращай внимание. Петька. Никого ты не предаешь. Меня же ты не предал. Вообще с ними не разговаривай. И не слушай. Он тебе сгоряча много чего наговорить может. Не заморачивайся. Это наши взрослые разборки...

— Я так и понял. Но все равно противно. Обозвал меня ни за что...

Ночью дома была мертвая тишина. Мне не спалось. Как там в песне поют: «Мои мысли мои скакуны»? Ну и на хрена они ко мне всем табуном приперлись? Мысли эти... Теперь в голове каша. Хотя нет, не каша, а фарш. Смешались в кучу кони, люди...

Решила кофе попить, раз все равно не сплю. Сварила себе кофе. И села его пить в одиночестве. Смотрю, следом в кухню Петька выполз с Грейсом из своей берлоги. И мама из своей комнаты вышла.

— Чего не спите?

— А ты? — спросила мама. Она больше меня из-за развода переживает.

— Мысли спать не дают...

— Про претендентов на руку и сердце? Тяжелый выбор? — съязвил Петька.

— А ты умный. Хоть с виду и не скажешь...

— Как в праздники обороняться будем?

— Думаешь, Петруха, нас осадят войска неприятеля?

— Осадят. И будут брать измором.

— Чем это они нас морить будут?

— Цветами, песнями, плясками, словами ласковыми. Фейерверками...

— Что предлагаешь?

— Развлечься...

— А ты коварный враг, Петруха. Не дай мне бог с тобой враждовать. Как развлекаться думаешь?

— Гулять за их счет.

— Ну, это не комильфо как-то. Неприлично...

— А ему так с вами обеими поступать прилично?

— Вот. Слова не мальчика, но мужа. Прислушайся к его словам, дочка.

— Устами младенца глаголет истина. Ну что ж. Мы принимаем их вызов. На Новый год будем гулять, как в последний раз. Оторвемся. Значит, перед праздниками в салон пойдем.

— Иришка, ты иди одна. Я дома готовить буду.

— Понятно. Будете с Петькой на пару оборонять крепость в мое отсутствие?

— Угадала. В ров запускать крокодилов?

Еще посмеялись немного и разошлись по комнатам спать. Теперь я заснула, как младенец...

Новый год подкрался как-то незаметно. Неожиданно. Пока наряжали залы к праздникам. Кафе снаружи мы заранее украсили. Пока составили меню новогоднее. В общем, носились как угорелые. Все в мыле...

А тут как-то утром встала. Гляжу, а уже 31 декабря наступило. Все бегают радостные. Люди друг друга с праздником поздравляют. Зашла в офис Альбина Владимировна посоветоваться.

— Иришка, надо бы посоветоваться.

— Что-то случилось?

— Да нет. Как праздновать будем? У нас все нормально?

— Ага. Залы у нас на новогодние дни все забронированы. Начальство из центра не стали заказывать рестораны. Нам на все дни заказали корпоративы.

— Оно и к лучшему. И нам не париться.

— Надо просто накрыть столы и обслужить по-человечески от души. И им хорошо. Далеко не тащиться. И нам прибыль. Оплата поступила на счет.

— Это хорошо.

— Мы там с Максом караоке с большим экраном установили. Так что все, что их душеньке захочется, у нас есть. И поесть готово, и попить в избытке, даже с запасом. И попеть смогут, если душа вдруг запросит. Все тридцать три удовольствия под боком.

— Я не знаю, кого оставлять. Там поварята устроили битву за право работать в новогоднюю ночь.

— Странно. Обычно в праздники, наоборот, все домой слинять норовят. Это с чего такое рвение?

— Так про деньги я как сказала, тут и началось. Всем деньги нужны. У кого кредиты, у кого путешествия на носу, у кого свадьба.

— Тогда оставьте лучших. И главное, стрессоустойчивых. Мало ли что наши гости выкинут.

— Точно. Я сама останусь здесь и все проконтролирую. А ты тогда отдыхай.

— Значит, все в порядке? Если что, позвоните. Мигом примчусь...

Сразу из кафе полетела к Эльке в салон. Там народу, как сельди в бочке. Но меня отдали на растерзание самым лучшим. Элька решила превзойти саму себя. В общем, из-под их инструментов вышла совсем другая я.

— Смотри, какая красота получилась! — повернули меня к зеркалу, чтоб я оценила метаморфозу.

— Превратили золушку в королеву, — высказался кто-то из клиенток.

— Ну? Что скажешь? Зацени...

— Мне нравится. Элька, ты волшебница.

— С тобой легко работать. Из тебя можно вылепить все, что захочешь. Была бы фантазия.

— Одно обидно. Ровно в полночь, когда часы пробьют двенадцать, карета превратится в тыкву, платье — в шорты, туфли — в тапки. В руках окажется ведро и швабра.

— А принц превратится в жабу.

— Это же самое обидное. Пусть бы оставался принцем. Жабу я целовать отказываюсь. Не буду. И не просите...

— Ладно. Потом расскажешь, как осаду выдержали.

— Элька, мне бы день простоять, да ночь продержаться.

— Потом еще день, потом еще ночь. Как обычно...

Из салона я вышла не похожей на себя. Совсем другой человек. Даже интересно стало жить. Меня дома узнают или нет в таком виде?

Приехала домой. Пока выбирала платье и туфли, вернулся с прогулки Петька. Мама тоже откуда-то пришла. Наверное, из магазина.

— Где были, гулены?

— Я гулял в лесу с Грейсом.

— А ты, мам?

Мама промолчала и сменила тему разговора.

— Иришка, как хорошо ты выглядишь...

— Элька поработала. Нравится?

— Теть Ир, вы как хамелеон. Мимикрируете под окружающую среду.

— Разве это плохо? Это помогает невзрачному хамелеону выжить.

— Вот и я о том же. Вы нанесли боевую раскраску. Как индеец. Выкопали топор войны и пошли в бой на неприятеля.

— Может, у меня трубка мира. Что скажете? Женихи еще не приходили?

— Рано еще. А может, они вообще не придут. Может, уже гулять начали.

— Тем лучше. Спокойно проводим старый год и встретим новый.

Сели за стол. Сидим, трапезничаем. Телевизор краем глаза смотрим, чтоб поздравление не прозевать. И тут — бабах... За окном стали фейерверки взрываться. Красота. Только одни отгремели, кто-то запустил другие...

— Салют в твою честь, дочка, — мама мне подмигнула.

— Так это только первая часть марлезонского балета, — высказался Петька.

— Там под окнами кто-то стоит. Двое, — мама не удивлена.

— Замерзнут же. Может, их в дом позвать?

— Зови, чего уж там.

— Не мерзнуть же им на морозе. Там градусов тридцать, не меньше. До такой жестокости я не дойду...

Открыли калитку. В дом вошли Никита и Александр. С подарками в гости явились. Значит, конкуренты пока открыто не враждуют.

Под бой курантов открыли шампанское. Все чокнулись. Петька соком, как и положено. Пожелали друг другу благополучия и удачи. Она нам не лишняя будет. Сели все за стол подкрепиться. В целом отпраздновали нормально. Потанцевали, поели, попили. Под утро гости ушли домой. Мы отправились все спать. Весь следующий день отдыхали. Хорошо, что готовить не надо. Валяйся, смотри кино и мультики, да ешь. Пью кофе. Вышла к своим подданным королева-мать.

— Чего так рано встали?

— Не спится.

— Ну как? Тебе вчера понравилось?

— Честно говоря, я другого ожидала.

— Штурма и батальи?

— Угу.

— Так, погоди. Это они вчера просто свою воспитанность тебе показывали.

Цивилизованность свою демонстрировали. Когда придет время, поведут себя как дикари.

— Один из дикарей уже приходил. Звал на прогулку.

— А ты?

— Договорились на после обеда.

— Значит, скоро зайдет. Грейса возьми. Что для себя решила?

— Пока ничего. Присмотреться надо к обоим.

— И к Никите?

— И к нему. Я его, оказывается, вообще не знала.

Зашел Александр. И мы пошли гулять. Грейс рядом носится. Саня мне рассказывал веселые истории. Я смеялась. Рассказывает он интересно. С ним стало так весело, как давнo не было. Легко на душе. Посреди рассказа он вдруг повернулся ко мне и серьезно предлагает руку и сердце.

— Саша, а я замужем, если ты не заметил.

— Знаю. Я еще тогда в первый раз понял, что влюбился по уши.

— Почему не сказал?

— Ты жена моего друга. Значит, для меня табу.

— Так я и сейчас жена друга. Теперь почему запрет на ухаживания снял?

— Понимаешь, Иришка, я тогда струсил. Понял, что влюбился. Но подумал, что это наваждение пройдет. И не надо мне всего этого. Я не готов был семью иметь, детей заводить. Подумал, что баб на свете много, зачем у друга уводить жену... Думал, уеду и забуду.

— С глаз долой, из сердца вон?

— Точно. Только вот не забыл. Ночами не спал. Маялся. Понял, что пропал. И решил приехать и открыться тебе. Сдаться на милость победителя. И будь что будет.

— А тут еще в откровенном разговоре Никита лоханулся, и ты понял, что путь открыт? Мы разбегаемся, и приз сам падает тебе в руки...

— Что у вас так выйдет, я не ожидал. Но рад, чего скрывать. Тебе теперь легче будет решиться его бросить. Выходи за меня. Я таскаться по бабам не буду. У меня с того времени никого и не было.

— Я подумаю. Я пока замужем.

— Так, это пока. Я подожду...

— Жди...

Мы стали целоваться. И я не считаю, что это плохо. Я мужу все высказала. Мы с ним разводимся. Возвращаться к мужу я не собираюсь. Он наверняка свою лысую скво целовал. А я чем хуже? Почему я такого права не имею? У нас в стране равноправие. Поэтому я себе и позволила. Целовались с ним долго. Упоенно. Делает он это мастерски. Чувствуется опыт.

— Убери свои поганые руки от моей жены!

Пришлось прекратить целоваться. А жаль. Мне понравилось. Я завелась от Сашиних поцелуев. Вот что значит мастер.

— Я не твоя жена. Мы разводимся.

— Ты пока моя жена. И не смей мне рога наставлять.

— Ты мне можешь рога наставлять, а я не смей? Что хочу, то и буду делать.

— Иришка, неужели ты не видишь, что он тобой играет?

— Играется? В каком смысле?

— У него со мной счеты. Я у него как-то девушку увел. Вот он и мстит.

Смотрю на Александра. Жду, что он на это ответит.

— Бредишь? Когда это было?

— В школе!

— Много лет назад? — удивилась я.

— Обалдеть! — отреагировал Саша.

— В школе? А почему не в детсад? Саша, вы вместе в детсад ходили?

— Да. А что?

— Он у тебя там никакую подружку не уводил? Вот оно и всплывает темное прошлое.

Подумать только. С тех лет по девкам таскается...

— Уводил. Точно. Я до сих пор это помню. Я ее полюбил за красную с синим помпоном шапочку. А он ее увел, — Саша стал откровенно насмеяться.

— Ага. Признавайся, прелюбодей Якин, во всех своих прегрешениях.

Я тоже захохотала. Адреналин от поцелуев, кровь от них закипела. Не знаю почему, но я засмеялась. Никита такого издевательского отношения к своей версии не выдержал и кинулся в драку. Я отошла в сторону, чтоб эти два гамадрила меня случайно не зацепили. Пусть два тигра дерутся, а обезьяна посидит на дереве и посмотрит за схваткой. Вот оно, упоение битвой. К слову сказать, дрались они хорошо. Со знанием дела мутузили друг друга. Оба занимались боксом, потом другими боевыми искусствами. Было на что посмотреть.

— А это что за ристалище? — тихо раздалось над ухом. Это наш местный житель Иван Мельников неслышно ко мне подошел.

Тоже, к слову сказать, красивый мужик. А пахнет от него, закачаешься. И улыбка убойная. В общем, еще один самец прибыл на новенького...

— Рубятся за правду. Прошлые обиды вспомнили.

— И кто одерживает победу? Ох, ты! Прямо Куликовская битва.

— И кто здесь Пересвет, а кто Челубей?

— Определим по окончанию боя. Кто победит, тот и Пересвет.

— Да я как-то смотреть до конца не хочу. Надоело.

— Тогда, может, уйдем по-английски?

— Давайте тихо слиняем, иначе они никогда не закончат.

— А так зрителей не будет, они и успокоятся.

— Главное, чтоб не поубивали друг друга.

Мы тихонько ушли по тропинке за деревьями. Грейс за нами побежал. А эти двое пусть между собой выясняют, кто у кого, сидя на горшке, невесту увел. Иван вызвался меня проводить. Дошли до калитки. Он взял меня за руку. Держит. В глаза пристально смотрит. Улыбается...

— Говорят, что вы разводитесь?

— Кто говорит?

— Бабки у магазина.

— Спорят?

— Еще как. Даже, можно сказать, ставки делают.

— Понятно. Мы всегда у них были любимым объектом для сплетен.

— Это точно. Так разводитесь?

— Угу.

— Могу я за вами ухаживать?

— Если собрались ухаживать, тогда давайте на «ты» перейдем.

— Давай. С радостью. Так как?

— Можно. Теперь мне все можно.

Смотрю, он опять заулыбался. Красивый все-таки мужик. И он так вкусно пахнет. Жаль, что не решительный. Мнется. Видно, что поцеловать хочет и боится испугнуть. Старомодный какой-то. Ладно. Была не была. Чмокнула его в щеку и пошла. Надеюсь, в следующий раз он решительность с собой на свидание захватит.

Тем временем битва в лесу закончилась. Заметив краем глаза, что главный зритель ушел, бойцы слегка остыли. И перешли на выяснение отношений более цивилизованным путем. Решили поговорить...

— Отстань от моей жены.

— Ты сам слышал. Она не считает тебя своим мужем. Тем более, что ты сам хотел ее бросить.

— Я не хотел ее бросать.

— Значит, хотел втихушку ей изменять? Только вот она тебя раскусила...

— Это не твое дело.

— Мое. Я ее люблю.

— Да что ты? И давно?

— Как в первый раз увидел, сразу понял, что втрескался.

— Чего тогда не признался?

— Не хотел между вами вставать. Думал, забуду. Уеду и забуду. Не смог.

— Она с тобой не будет. Я ей развода не дам.

— Я ей предложение сделал. Я ее люблю.

— А кто не любит? Умница, красавица. Чего такую не любить. Думаешь, я ее не люблю?

— Не любишь ты ее. По лысым девкам таскаться начал. Значит, не любишь. Отпусти ее, она со мной будет счастлива.

— С чего ты взял?

— С того. Я ей изменять не стану. И любить буду всегда.

— Пошел ты на... Любить он будет. Хрен тебе, а не Ирка моя...

— Она уже не твоя. Ты не понял? Ты ее уже потерял. Зря держишь.

— А это мы посмотрим...

Кулачные бои закончились ничьей. Дружба не победила. Проиграла. А бойцы разошлись по домам копить силушку богатырскую для следующего побоища...

* * *

Тем временем мама мне устроила допрос с пристрастием.

— Объясни мне, откуда третий взялся. Ушла с одним, пришла с другим...

— Бывший муж с новым ухажером устроили кулачные бои без правил.

— А ты?

— А я посмотрела на это и пошла домой.

— Зрителя их лишила. Ты же не дала им продемонстрировать всю глубину своей любви.

Жестокосердная у меня дочь.

— Я ушла, потому что вообще от мужиков отдохнуть хотела.

— Постой, а как там Никита оказался? Следил за тобой?

— Черт его знает. Может, и следил.

— Но тебя от них увел третий. А он хитрый. Терпеливо ждал подходящего момента?

Стоял и выглядывал из-за дерева? Или просто мимо шел?

— Не знаю. Может, и мимо шел. Мне все равно. Пойду спать, а то завтра на работу рано вставать. До обеда завтра я занята.

— Пятого Галина приезжает. Надо бы дом в порядок привести.

— Перемоем все. Третьего начнем. А сегодня спать. Устала я...

Настало пятое. Сегодня должна приехать тетя Галя. Мы заранее уже часть своих вещей домой перевезли. Петька с Грейсом тоже в квартире обитают. Дом вымыт до блеска, все в идеальном порядке. Два дня, как проклятые его намывали. Зато результат впечатляет. Хотя устали тоже чертовски...

Сидим с мамой, ждем хозяйку. Но вместо нее приезжает какой-то громила. Это, оказывается, сын Алексей. Я его ни разу не видела. А ничего себе такой Алексей. Впечатляет. Пришлось его кормить, пока хозяйка не появилась. Воспитанный такой Алексей. Мама на меня смотрит как-то настороженно. Бойтся, что я ему глазки строить буду? Он не в моем вкусе. Хотя... Нет, все-таки четверо ухажеров — это уже будет перебор...

Вечером приехала хозяйка. Они с моей мамой пообщались, потом стали прощаться. И мы поехали к себе домой. Вот и закончилась наша жизнь в коттеджном поселке. Начинается новая...

Теперь практически никуда ездить не надо. Работа рядом. Подруги рядом. Машина несколько дней стоит на приколе. Жизнь вернулась в прежнее русло, как было год назад. Сейчас тоже зима. И рядом все те же родные мне люди. Подруги забегают в гости каждый день. Правда, скукота настала. Каждый следующий день похож на предыдущий.

Скоро старый Новый год. Нас никто не беспокоил насчет трупа. Значит, наихудший сценарий не оправдался. Зато в наше кафе стал приходить тот следователь, который ведет уголовное дело по этому происшествию. Людей, отравившихся именно этими таблетками, стало уже больше. Пять. И трупов тоже пять. А дело не идет никак. В тупике он.

— Смотри, опять этот следователь пришел. И что ему неймется? — Альбина Владимировна боится, что вдруг за нас возьмутся.

Не стоит удивляться. Мы никого не убивали. Но все равно боимся, что нас сделают крайними в этом деле.

— Чего он все ходит и ходит? — возмущается она.

— У нас прилично кормят. И цена вполне приемлемая даже для его кармана. Он не женат. Вот и ходит покушать.

— С чего ты взяла, что он не женат?

— Кольца нет. Если есть у него сожительница, то он ей по барабану. Неужоженный, мятый весь какой-то и вечно голодный. Какие еще нужны доказательства?

— А мужик-то симпатичный. Жаль, что мент.

— Почему жаль? Вы про его работу, как про смертельную болезнь сказали.

— Его работа — это и есть болезнь. Платят им мало. А они на работе днюют и ночуют. Да еще и жизнью рискуют. Собачья работа...

— Ради таких, как мы, они и рискуют. Его поощрить надо. Раз работа собачья, хоть сахарную косточку ему дать. Мы Грейса всегда поощряем.

— Ты понимаешь, что ты сейчас полицейского с собакой сравнила?

— У них собачья работа. Сами же сказали.

— Вот тебе надо, ты и поощряй. Ты его пожалеешь, а он к тебе со своими обвинениями, как репей прицепится. Не отвяжешься потом. Ты куда?

— Поощрять. Куда же еще?

Взяла себе пирожных и кофе и пошла к столику следователя. Он сидел такой грустный, горем убитый. Наверняка следствие зашло в тупик. Вот он и думает думу горькую. Сейчас его начальство дрючить будет или немного погодя пистоны вставит...

— К вам можно, а то все места заняты? — спросила я. А сама надеюсь, что он не оглянется и не увидит пустое место за спиной. Не оглянулся. Не догадался.

— Можно. Раз больше некуда. Присаживайтесь.

— Спасибо, — изобразила я благодарность.

— Пожалуйста. Выкроили время для обеда?

— Нет, просто кофе захотелось. Спросить хочу. Как с тем трупом? Нашли, где он покупал наркотики?

— Да какое там. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал, — обрадовался он возможности хоть кому-нибудь пожаловаться.

— А дворник что сказал?

— Тоже ничего не видел. Молчит сволочь.

— А вы что? Неужели так легко простили ему молчание?

— Его депортируют по административке. На днях отбудет в свой кишлак...

— Так его выдворили уже или нет? — не верю в свою удачу.

— Нет, он пока в миграционном отстойнике.

— Хотите, я его разговорю? Он все и расскажет.

— Как? Это невозможно.

— А все-таки? Только мне к нему туда попасть надо.

— Точно разговоришь?

— Попытка не пытка. Давайте попробуем. Думаю, у меня есть козырь.

— Говори. Я ему передам.

— Вам он не поверит. Вы кто? Мент. А я просто хороший человек.

— Сейчас. Мне только звонок сделать надо.

Выскочил из-за стола, пошел на улицу. Стал срочно кому-то звонить. Стоит и переминается с ноги на ногу. Судя по лицу, договорился. Прибежал радостный.

— Через два часа нас ждут.

— Значит, поедем. Я сейчас все свои дела решу, можно будет выдвигаться.

Приехали в какую-то контору. Поговорили с начальником. Доставили сюда дворника. Его завели к нам в комнату, посадили на стул. Все вышли. Дворник на меня смотрит во все глаза. Моего появления он никак не ожидал. Чтоб какая-то пигалица ментами командовала. Мало того, что женщина, так еще и малолетка.

— Слушай меня внимательно. Либо ты сейчас говоришь, кого и что ты видел, либо твою семью депортируют и сто тысяч твоих земляков. Погиб сын очень богатого человека. Не поможешь, все стрелки на тебя переведем. И этим депортированным скажем, почему и из-за кого их выслали. Без права въезда пожизненно, — стала я его запугивать.

Помню постулат, что чем чудовищнее ложь, тем больше в нее верят. Сработало. Его глазенки забегали. Испугался сильно.

— Вы не имеете права. Вы не сделаете этого. Я ничего не видел.

— Ну, тогда сам себя вини! — сказала и собралась на выход.

Только стала выходить за дверь, как он начал говорить.

— Два мужика огромных. Шли от вашего кафе.

— Насколько огромные?

— Выше меня.

Смотрю, а он сам-то метр с кепкой. Для него даже среднего роста — это огромный мужик.

— Насколько выше?

— На голову.

— В чем одеты?

— Во все черное. Но один в ярких кроссовках.

— В каком смысле ярких?

— Они у него светятся.

— Полностью?

— Подошвы. И шнурки вроде бы.

— Куда они ушли?

— Не знаю. Больше ничего не знаю.

— Тебе напомнить, что на кону? Сказал «а», говори и «б». Куда они ушли?

— Сели в машину.

— Марка, цвет, номер?

— Вроде красная. Темно было.

— Форма, цвет, марка, номер?

— Машинка маленькая. В таких только женщины ездят. Цвет вроде красный. В марках не разбираюсь. Номер я не видел. Он грязью был заляпан.

— Если показать на фото, марку машины узнаешь?

— Да.

Вызвала конвойного. Мой полицейский забежал вместе с конвойным. Конвойный чуть ли не приседает передо мной. Два раза «ку». Этот спектакль играем для дворника, чтоб этот лопух поверил, что я большой начальник, хоть и маленького роста. Вышли в коридор пошептаться. Выложила все, что узнала.

— Как теперь определить марку машины? — горюет полисмен.

— А интернет на что? — выдвигаю я аргумент.

— Здесь защищенная сеть. Нельзя.

— У меня на планшете интернет. Будем показывать марки малолитражек.

Зашли в кабинет. Стали показывать дворнику малолитражки. Он одну вроде опознал. Неуверенно, но опознал.

— Теперь главный вопрос. Куда они поехали?

— Не знаю.

— Подумай хорошо.

— Не знаю.

— Тогда наша договоренность аннулируется. И мы приступим к плану выдворения твоих соплеменников.

— Не знаю!

Уперся рогами. Баран! По глазам же видно, что знает. Но сказать для него страшнее

депортации. Больше он ничего не скажет. Почему? Боится своих подставить? Кого? Надо подумать. Зашел конвоир и увел дворника. Мы поблагодарили за помощь и поехали в кафе. Менту сегодня еще дежурить. А мне думать. На голодный желудок мне работается плохо. И без сладкого мозги вообще не шурупят...

Приехали в кафе. Не стали задерживаться в общем зале. Устроили «совет в Филях» в офисе. Стали обсуждать, что дальше делать. Вот насколько легче работать с человеком, который загнан в угол. Куда только его гордыня делась... Сходила, принесла кофе со сладким себе и полицейскому. Достала бумагу и ручку.

— А это зачем?

— Будем чертить схему.

— Схему чего?

— Схему, куда могла деться машина.

— А-а-а-а, — протянул разочаровано и скептически.

— С чего такой скепсис? Вот смотри. Отсюда выходят несколько путей на дорогу. Если быть точнее, то три. Там везде есть камеры слежения.

— А нам-то что это дает?

— Много. Мы знаем время, когда они были возле кафе. Знаем, что в машину село двое мужиков. Теперь только надо отсеять нужную нам машинку. Просмотреть камеры с этих трех дорог в разных направлениях.

— Так это знаешь, сколько работы?

— Немного. Шесть утра. Машин мало. Придется поработать. А как ты хотел? Лучше будет, если ты видео с камер скачаешь. И покажешь...

— Кому? — удивляется он искренне.

— А как ты думаешь, кому? Ты помощь просил? Просил. Я тебе помогаю? Помогаю. Давай делиться информацией. Одно дело делаем...

— А тебе-то что до этого дела?

— Не понимаешь? Они зря мне под дверь детского кафе труп подбросили. Я хочу их проучить так, чтоб другим неповадно было со мной так шутить. Давай делиться информацией. Ты мне, я тебе...

— Делиться? А ты мне что дашь взамен? У меня служебная информация.

— Я смотрю, тебе палец в рот не клади, по локоть откусишь. Иди и сам работай. Адьо, мон шер...

— Я пошутил. Хорошо. Я достаю видео с камер. А ты что делать будешь?

— А я в нашем районе пошукаю. Свою агентурную сеть напрогу.

— Агентурную сеть? Насмешила...

— Смеется хорошо тот, кто смеется последним.

— Забавные пекари пошли. Прямо агенты ФСБ.

— А я не пекарь. Я по профессии аналитик. Понимаешь? Аналитик. Моя работа — анализировать что-либо и делать выводы.

— Для бизнеса?

— Для всего. Логика — вот мое главное оружие. Ты должен про логику знать. Вам ее преподавали.

Что-то мой полисмен приуныл. Значит, по логике еле сдавал экзамены. Ну, раз такой глупый, то не ерепенился бы. А то ишь, задрал хвост пистолетом. Разделились с ним. Он пошел на работу, а я на совет вызвала своих подружек. С Петькой и его братвой завтра

поговорим. У них все равно пока каникулы новогодние. Они мне нужны гаражи и найдут...

Кафе опять пришлось закрыть позже. Любят у нас посидеть влюбленные парочки. Сидят и воркуют, словно голубки. Даже завидно. Не выгонять же их на мороз. Пусть греются, пока уборщица с посудомойкой порядок наводят.

Вот и все. Закрывает двери, поставила кафе на охрану и домой направилась. Смотрю навстречу Петька с Грейсом чешут. Встречать меня пришли. Значит, с ним сейчас и обсудим задание, пока до дома дойдем.

— Петька, ты завтра чем занят?

— Ничем. Гулять буду. А что?

— Тогда у меня для тебя есть задание.

— Говори, тетя Ир.

— Ты меня достал. Какая я тебе тетя? Ты на себя посмотри и на меня. Это я тебя дядькой уже называть должна.

— Почему это? — искренне удивляется Петька.

— Я тебе по пояс. И кто кому дядя? Будешь «теткать», я буду «дядькать».

Вот и что с ним будешь делать? Идет и ржет. Так-то он формально прав. Но только формально. Если смотреть по паспортным данным, я старше его на девять лет. Но внешне Петька уже выглядит старше своего возраста. Лет на двадцать. А вот я намного младше выгляжу. Как говорится: «Маленькая собачка до старости щенок». По внешнему виду он мне действительно дядька. И смех и грех...

— Давай вернемся к нашим баранам.

— К каким баранам?

— Не придуривайся. Мне нужна будет помощь твоих друзей оглоедов.

— Почему это они оглоеды?

— Ты за ними наблюдал, когда они едят? Они все съедают подчистую. Кто они после этого? Оглоеды...

— Так-то вы правы, но уж больно это слово оскорбительно. Троглодитом и то не так обидно. Потом мы же растем.

— Это роль ругательная и ты просишь ее к твоим друзьям не применять?

— Да.

— Заметано. Итак, вот что мне надо. Мне надо найти гараж, который недавно открылся и куда сгоняют ворованные тачки. Только прошу зря не рисковать. Одни делают вылазку, вторые их страхуют.

— Да понял я. А это для чего? У кого-то машину угнали?

— Нет, в нашем районе странные дела твориться стали. Нам труп под двери подкинули. Слышал?

— Шел слух. Пусть полиция занимается. Вам это на фиг?

— А я хочу узнать, кто такой борзый мне подарочек подкинул. Почему мне? И главное, за что? И зачем так было рисковать? Но если вам задание не по силам, то я других людей подключу.

— Кого других? Бабок, что ли?

— А хоть бы и их. Они давно вашей шантрапе нос утереть хотят. Подружек своих. И ваших конкурентов. Вы же их тогда обошли. Они отыграться хотят. Хоть в чем-то.

— Взять реванш?

— В точку...

— Когда начать? И что сделать, если мы их обнаружим?

— Главное — не испугнуть. И если можно будет, то заснять тайком.

— Задачу понял. Разрешите приступить?

— Вот ты ехидный... Ты хоть погулял?

— Да нагулялись уже. Давайте домой пойдем.

— Пошли, — и пошагали домой.

А поздно вечером в гости пришли Кира с Марой.

— Зачем звала?

— Вы чем завтра заняты?

— Так-то я на работе, — подала голос Маринка.

— У вас разве не каникулы?

— Каникулы. Но директор зачем-то собирает. Совещаться опять будем.

— Это надолго?

— До обеда точно освобожусь. А что? Что случилось?

— Кира, а ты как? Занята?

— Нет, до пятницы я совершенно свободна.

— Значит, смотрите. Мне надо, чтоб вы сходили в гаражи и устроили там скандал. Но так, чтоб они поняли, что вы просто скандалистки. Притом тупые скандалистки. Чтоб угонщиков не испугнуть, но и вынудить их вам машину показать. Сможете?

— Сможем. А что за гаражи?

— И что за машина?

— И зачем тебе это? — Кире любопытно.

— Завтра соберемся, я все расскажу. Мне нужно ваше согласие.

— Ну, хорошо. Сходим.

— Но главное, вы во время посещения будете на связи.

— К чему такие предосторожности? Это опасно?

— Еще как опасно. Пока вы оттуда не выйдете, разговаривайте со мной непрерывно.

— Ладно. Тогда Грейса дай нам в аренду. Он хоть нас защитит.

— А это мысль. Но вас еще и пацаны будут прикрывать, так что навряд ли что-то случится.

— Во сколько у тебя встречаемся?

— В двенадцать.

Отвезла подружек домой. Проводила до самых дверей и поехала к себе. Машину поставила во дворе. Взяла пса и пошла гулять. У нас спокойный район. Все друг друга знают. Можно спокойно ночью гулять без опаски. Никто не нападет, никто не ограбит. Гуляй, не хочу. С таким-то квазимодо, как Грейс.

Пришла домой. Мама не спит.

— Ты чего не спишь?

— Тебя жду.

— Зачем?

— Просто не спится. Поговорить хочу.

— О чем?

— Иришка, ты во что влезла?

— Я не сама влезла. Нам труп подкинули, я об этом не просила. Ты знаешь, что трупов уже пять? И все умерли от одного и того же препарата.

— Интересно, что за упыри у нас здесь появились.

— Вот и я о том же говорю. Негоже в нашем районе наркотой торговать. Отловить их надо и надолго посадить.

— Согласна. Иначе они всю мелюзгу на наркоту подсадят. Представляешь, что с нашим двором станет? Полный двор наркоманов. Ужас. А если они помирать начнут? Горе родителям...

— Вот я и хочу этих делопутов вычислить и уконтропупить в тюрюгу. Там им самое место.

— Что делать будешь? Помочь чем надо?

— Мне надо завтра с бабульками у подъезда поговорить и все разузнать. Может, они что видели или слышали. И ты мне помочь можешь. У Веры Михайловны записи попроси скинуть. Везде, где в кадре дороги есть...

— Вдруг повезет и ты там машину увидишь?

— Угу. Надежды, правда, мало, ну а вдруг?

Утром вышла к нашим информаторам. Это для всех остальных они просто бабки. Люди считают их почему-то бесполезными и обузой. А это не так. Они единственные, кто все видит, все слышит и запоминает. Собранная от них информация порой покруче, чем собрали бы агенты ЦРУ...

Итак, бабульки наши мне рады. Я к ним подхожу, а они улыбаются. Бабули уже знают про труп у кафе. Вера Михайловна доложила. И про то знают, что кто-то в нашем районе стал наркотой торговать, и что от этой отравы помирать люди стали.

Своим спикером бабульки назначили бабу Катю. Она внятно и четко донесла до меня информацию. Пообещали помочь с информацией по мере надобности. Бабульки проведут разъяснительные беседы со своими внуками по поводу наркотиков.

— Давеча ваш Петька моего Кольку куда-то подбивал идти. Это чтоб гараж найти? — баба Маня опытный разведчик. Она быстро два плюс два сложила.

— Угу. Только их много должно было быть, чтоб не рисковать.

— Так их и было много. Сказали, что к обеду управятся.

— Ваш Колька хитрый. Он из любой передряги выкрутится.

— Чистая правда. Хороший у меня внучок.

— На месте не ушибешь, — перебила ее Макаровна.

— Завидуй молча, — отбрила ее «заклятая» подружка.

— Да у нас во дворе все дети хорошие. Потому и не хотелось бы, чтоб они наркоманами стали. Здесь у торговцев лежбище. Где-то здесь...

— Я бы тех, кто эту отраву продает, на кол сажала бы.

— Мы их не на кол. Мы их в тюрьму посадим надолго. Пожизненное им грозит. Пять трупов...

В общем, поговорила с бабульками. Смотрю, мама идет. Радостная. Значит, что-то по камерам увидели.

— Иришка, мы тебе на почту сбросили. Иди и смотри. Может то, что надо...

Побежала домой. Стала смотреть.

— Ну что? Ну как?

— Не ясно, но видно малолитражку. Не соврал дворник.

— Номера видно?

— Нет, номера заляпаны грязью.

— А что видно?

— Сейчас увеличу. Морда одного видна, опознать можно.

— А по нашим камерам почему лиц не было видно?

— Они капюшоны накинули. И было темно.

— В машине они капюшоны сняли?

— Вот именно. Жарко, наверное, стало. Теперь лицо одного из них видно.

— И что это видео дает?

— Мне указывает, в какую сторону они поехали. Я примерно знаю, в каком гаражном кооперативе они обосновались. И моську одного видно.

— В каком кооперативе?

— Там, где подземные гаражи. Там много чего незаконного творить можно.

— Значит, надо полицию подключать?

— Пока проанализируем всю информацию, потом подключим.

— Не хочешь сесть в лужу?

— Угу. Главное сейчас — правильно разыграть карты и развести упырей как по нотам.

Чтоб без сучка, без задоринки.

Что-то стукнулось в окно. Выглянула. На улице стоят пацаны. Ждут, когда я выйду. Я махнула им, чтоб заходили. Они руками машут, чтоб я к ним вышла. Ну что ж, хозяин — барин. Вышла к ним. Они стали наперебой выкладывать. У меня аж голова загудела.

— Подождите. Так. Кто начнет. Давайте по порядку.

— Давайте я. В нашем кооперативе никого новых нет. Никто не арендует. Новых машин не было.

— Откуда инфа?

— Тамошний сторож сказал.

— Уверен, что он не врет?

— Он друг моего деда. Значит, не врет.

— Следующий кто?

— В «Востоке» тоже чисто. Чужих нет. Все свои.

— Понятно. Следующий.

— А вот у нас в «Дорожнике» фигня какая-то. Там кто-то ночью работает.

— А ночью обычно кто работает?

— Воры! — ответили мне хором дети.

— Точно. И что еще нарыли?

— Там пахнет как-то странно.

— Как?

— Чем-то то ли тухлым, то ли кислым.

— Сторож что говорит?

— А старый сторож недавно умер. Новый какой-то сидит. Незнакомый.

— Это уже интересно. От чего сторож умер?

— Не знаю. Он же старый был. От старости, наверное.

— Дочка старого сторожа пьет?

— Да. Пьет. Она квартирантов держит.

— А сторож пил?

— Пил. Там вся семейка — алконавты. И зять, и дочка...

— Есть еще что-то?

— Нет. Больше ничего.

— Спасибо. Сделали дело, гуляйте смело...

— Пожалуйста, — ответили хором и побежали куда-то ватагой.

Мы с Петькой поднялись в квартиру. Я опять просматриваю видео.

— Ну что. Я поняла, где они обустроились.

— Ир. А мы что делать будем?

— Будем искать Мини Купер.

— Где искать?

— Сейчас я видео до конца просмотрю. И если все совпадет, то в гаражах.

— В этих последних?

— Угу. Нам надо найти эту машинку. У меня на нее планы.

— Да кто же ее нам покажет?

— Покажут. Их просто надо поставить перед правильным выбором. Либо показывают, либо прям сейчас к вам полиция нагрянет.

— Думаешь, сработает?

— Еще как. А пока дай мне видео до конца досмотреть.

Просмотрела видео до конца. Все точно. Мини Купер этот в «Дорожник» смылся. Там видно, что он поворачивает. Но в ту сторону только в «Дорожник» можно повернуть. В той стороне больше ничего нет. Или на трассу могли выехать, тогда его следователь по камерам увидит. Или в зарослях бросить могли. Другого варианта просто нет и не может быть.

В гаражи мы нагрянем сегодня. Чего тянуть. Время — деньги. Сейчас только подружки мои подойдут и пойдем. Кира с Маринкой пришли. Мара расфуфырилась. И Кира тоже на высоте. Боевая раскраска, как у «прости-меня-господи»...

— И как мы тебе?

— Отпад.

— Куда идем и что говорим?

— И кто какую роль выполняет? — вставила свои пять копеек Кира.

— Девки. Сейчас я накрашусь, и мы пойдем.

Надела шмотки в обтяжку. Есть у меня джинсы, которые мне маловаты. Они как вторая кожа на теле. И главное, в них легко. Надела свитер. Он тоже мне маловат, поэтому обтянул все выпуклости. И разрез там откровенный. Для этого образа подходящий. Получилось секси, хотя и не совсем удобно. Жмет маленько. Сверху курточку накинула. И принялась наводить марафет на лице. Получилось самое то...

— Как я вам? Меня можно узнать?

— Ты как девушка с низкой социальной ответственностью.

— Как заковыристо, Кира, ты назвала меня проституткой. Я тобой горжусь.

— Правда, похоже. Но на дорогу не тянешь.

— На дешевку что ли?

— Нет. Ты нам с Маринкой фору на сто очков вперед дашь в таком прикиде.

— Ты мне главное скажи. Меня узнать можно?

— А ты думаешь, что они тебя знают?

— В отличие от вас, я в кафе работаю, а не в офисе или в школе. Вас они навряд ли видели, а вот меня могли.

— Поэтому ты маскируешься?

— И поэтому. Вас тоже не узнать.

- Что спрашивать будем?
- Чтоб нам показали красный Мини Купер.
- Легенда какая?
- У тебя угнали машину. Ты ее ищешь. Местные сказали, что видели, как ее сюда загнали. Ты требуешь ее показать. Иначе вызовешь полицию.
- Нам по голове треснут и там же прикопают.
- А на этот случай мы с Петькой будем созваниваться. Постоянно быть на связи. Петька там светанется и резко оттуда слиняет.
- Понял, — прогудел Петруха в ответ.
- Ты наша страховка. И выкрикнешь, что все в курсе, куда мы пошли. И если нас через полчаса не будет, ты вызовешь ментов.
- А если они просто съедут?
- За полчаса у них это вряд ли получится. Они и живут там. Не настолько мы их напугаем, чтоб съезжать. Они наверняка знают, чья это машина. Им проще тебе ее показать.
- А если спугнем?
- Думаешь, Москва прям кишит свободными гаражами? Им надо будет искать, куда угнанные машины перегнать. Им надо и оборудование оттуда перевезти. Слишком много хлопот переезжать. Просто убегать у них тоже резона нет.
- Почему?
- Бросать все нажитое непосильным трудом? Да ни за что. Им проще нам машинку показать. Тем более, что мы же просто дуры набитые.
- Ну да. Проще дур привести и показать якобы угнанную тачку.
- Кто из нас какого характера?
- Кира изображает дурищу полную, но наглую и напористую. В глупости своей упертую. У нее хорошо выходит классика. Мара вроде не дура, но все равно дура.
- А ты? Кого будешь изображать ты?
- Поскольку из вас я единственная маленькая. То я буду изображать маленькую глупышку. Праведную проститутку.
- Это как?
- Это так. Истеричность плюс трусоватость.
- Тогда ты должна повизгивать.
- Зачем?
- Все, кто праведницы, они поучают, а потом переходят на визг.
- Да? Вот не знала. Но я запомню. Когда-нибудь пригодится. Так, кроме смеха. Все взяли свои телефоны. Посмотрели, заряжены ли. Петька, ты тоже. Бери Грейса и пошли.
- С богом. На праведное дело идем...
- Кира, кончай лозунги толкать.
- Ладно. Потом речь толкну, какие мы умные и красивые.
- Ирка, а твои бабульки нас камнями не закидают у подъезда?
- Нет. Они про операцию знают. И ждут от нас звонка. Мы с ними тоже разучили, что они должны делать.
- Так у тебя тут целая шайка-лейка организовалась.
- И никакая не шайка, зачем оскорбляешь? У нее здесь банда. Старушек...
- С ребятней...
- Девки. Если вы не перестанете, то я начну хохотать, и придется по новой краситься.

А на это уйдет много времени...

— Ладно-ладно. Мы что? Мы ничего. Просто поднять настроение. Петруха, веди нас к бой, коль уж мы товарища Сухова где-то потеряли...

— Мара, как ты с учениками общаешься?

— Вот так и общаюсь. Иначе с ними с ума сойдешь...

— На уроках не учитесь, а ржете?

— Ой, кто бы говорил. Ты их научила учиться смеясь.

— Я-то тут при чем?

— Именно ты, и не отпирайся. А я просто расхлебываю твои новшества. Знаешь, какие они у меня стали? Ого-го. По-английски чешут только так.

В общем, пока дошли до этого кооператива, переговорили обо всем. На подходе повторили свои роли. Петька стоял на страховке. Мы подошли, и Кира стала пинать в ворота. Получилось громко.

— Открывайте, сволочи! А то сейчас ментов вызову. Открывайте! — и так в этом ключе минут пять. Только уже применялись матерки и прилагаемые к ним дополнения. Красочные, сочные, как говорится от души.

Матерные слова Кира применять умеет. Речь ее в этом плане бесподобна. Вот вроде и материт она кого-то. Но человек от такого мастерства сначала замирает, а потом внимательно слушает. А некоторые люди стараются запомнить или даже записать. Настолько красочные и сочные у нее выражения. Вот и по ту сторону забора кто-то замер и слушает. Пополняет знания...

Кира повторила свою просьбу уже более громко.

— Да чего орать. Давай ментов вызовем, пусть они здесь их мордами в пол положат, — это вступила в игру я со своим визгливым голосом. Получилось натурально. Жизненно.

— Вызывайте ментов, тетенька. Там ваша тачка, — крикнул кто-то из пацанов из кустов. Вот охальники. Говорила же им, чтоб кроме Петьки никто не шел. Хотя молодцы. Вовремя подыграли.

— Если с моей ласточкой что-то сделали, я вам хозяйство оторву и в жопу вставлю.

И опять минут на пять старая пластинка, но уже с другими, более забавными вариациями. Вот феноменальный талантище! Все-таки талантливый человек талантлив во всем. А матерки Кирюхи — это песня...

— Меня вся эта хренотень задолбала. Я ментов вызываю, — это уже Мара высказалась. И сделала вид, что звонит. Вот тут-то и распахнулись врата в рай. За ними стоял щуплый азиат.

— Ты, гном нерусский. Мне сказали, что мою тачку сюда загнали. Отдайте по-хорошему. Иначе ментов натравлю.

Он против Киры натуральный гном. Он ей по пояс.

Из гаражей вышел мужик побольше. Тоже азиат. Стоит и смотрит в упор. Нас рассматривает и оценивает. Интересно, что они задумали?

— Тебе что, гад, переводчик нужен? Тачку верните! — завизжала уже я. Голос у меня громкий, но визжать по-бабски я еще не пробовала. Видимо, голос непереносимый получается. Азиатов как ветром сдуло. Куда исчезли, нам непонятно. Дверей поблизости нет. Не сквозь землю же они провалились...

Вышел третий. Еще больше первых двух. Тоже азиат.

— Вы там по размерам выходить будете? Ты, тачку мою верните.

— Какую? — заговорил этот мужичок.

— Мини Купер. И не ври мне, что ее тут нет. Ее к вам загнали в гараж.

— Где наша тачка? — опять завизжала я. Получилось вообще убойно.

Этот азиат тоже, не слова ни говоря, убежал назад. Правда, не сквозь землю, а туда, откуда и вышел.

— Ирка. Ты как-то на них не так действуешь. Почему они от твоего крика убегают? — подруги не меньше моего удивлены.

— А хрен их знает. Может, попридержать язык? Или перестать визжать? У них почему-то паника в глазах. Может, сбавить обороты?

— Нет уж. Действуй, как было. Они от твоего крика быстрее шевелиться будут, лишь бы ты заткнулась. Ну-ка покричи, роднулька.

— Вы, Вы когда..... На кой..... — и так минут пять кричу. Вошла в раж. Еще больше децибелов добавила. Выскочили уже пятеро азиатов. Наверное, на меня поглядеть и себя показать. Вот мы, мол, какие, по росту строиться умеем. Правда, опять спрятались. Теперь вышел какой-то русский мужик. И что интересного он нам поведаст? Идет к нам не торопясь. Вышагивает, гаденьш. Ну ничего. Сейчас я тебе устрою...

— Слышь, мужик. Вы нам тачку нашу отдайте, мы уйдем, — начала Мара.

— Не заставляйте меня быть плохой, — опять заголосила я. Теперь еще громкости включила. И получаю удовольствие от того, что он закрыл руками уши. Так тебе. Слушай вопль оскорбленной женщины.

— Хорошо. Вы одна можете пройти и посмотреть машину. Только она точно не ваша. У нее другой хозяин. Она не в угоне, — предложил он Кире.

— Еще чего не хватало. Они тебя там убьют. Давай ментов вызовем. Пусть они им все показывают, — заорала опять я. Все это на одной ноте. И так прям художественно. Мужик глаза закатил. Главное, чтоб он в обморок не упал. Наверное я, перестаралась. Он стоит красный и пот со лба капает. И это зимой. Проняло хороняку...

— Вы не могли бы попросить свою подругу помолчать.

— Почему?

— Это же не голос. Это какое-то оружие массового поражения. Мы вам всем все покажем. Заходите.

— Только учтите, что если через двадцать минут мы отсюда не выйдем, то полиция к вам тут же приедет. Тут участок рядом. И нас ждут...

— Я понял. С такими женщинами мы шутить не будем.

— Это кого ты женщиной назвал? — опять возмущенно заголосила я.

Бедный мужик. Он и так отважился к нам выйти. Остальные-то зассали. Так этого храбреца я пытаю своим голосом. Впрочем, поделом ему.

Зашли за ворота. Мара позвонила Петьке на новую симку. Типа мы своих предупредили. Отсчет времени начался. У нас на все про все двадцать минут. Нам показали машину. Кира залезла под капот, с понтном номера сверить на движке. Вытащила телефон, якобы посветить, а на самом деле сфотала номер движка. Вот дело и сделано.

Идем уже назад по гаражу. Кто-то где-то стонет. Да так жалобно.

— Потаскуха. Хоть бы людей постеснялась. Прекрати трахаться, сволочь похотливая! Тут порядочные девушки идут! — заголосила я опять. И опять на таких децибелах, что мама не горюй...

Мужика как ветром сдуло. Ага, не вытерпел моего мелодичного звонкого голоса. То-то

же! Знай наших! Дорогу назад мы знали. Вышли за ворота. И я решила напоследок еще поиздеваться.

— Сразу бы так. Сволочи,,, Долго я кричала за воротами. Нам отвечало только эхо. Матерками...

Отошли от ворот метров на двести.

— Девки, у них там заложник.

— Иришка, да с чего ты взяла?

— Вы стоны разве не слышали?

— Мы подумали, что это кого-то трахают.

— Ты для того, чтоб они успокоились, изобразила возмущение потаскухой?

— Ага. Когда трахают, то стоны ритмичные. А это именно человек стонет, чтоб его услышали. Мы ее последняя надежда.

— Значит, надо звонить ментам. Там ворованные машины. Если там еще и заложник, то мы спасем чью-то жизнь. С этим не шутят. Вдруг ее там пытаются или насилуют. Может, она голодная, больная...

Я стала звонить следователю. Объяснила, в чем дело. Он понял меня с полуслова. Спустя двадцать минут гаражи штурмовали крепкие парни в масках и в форме. Из гаража стали выводить по одному бандитов. Того, которого я пыталась, вывели последним. Он увидел меня и упал в обморок. Придется ментам его тащить в автозак, а он хряк большой и тяжелый.

— Вы бы скорую вызвали. У него инфаркт, по-моему.

— Да ладно. Нас испугался?

— Не вас.

— А кого? Вас?

— Ну да.

— Девчонки, вы себя в зеркало видели? Кого вы напугать можете? — парни засмеялись.

Не смеялись только азиаты. Они сидели в автозаке с такими выпученными глазами, как будто у них у всех запор одновременно случился. Я показательно сделала вид, что открываю рот. Они все заткнули уши руками. Дошло наконец-то, что со мной шутки плохи.

Из гаражей вывели двух девушек. Одна была сильно избита. Вторая была посвежее.

— Кто из вас застонал?

— Я. Я Клава.

— Умница, Клава. Ты себя спасла и подругу.

— Она мне не подруга. Я ее не знаю. Ее недавно сюда привезли. А я просто сирену услышала. И очнулась...

— Иришка, ты поняла? Ты теперь у нас будешь сиреной.

— Дошутитесь. Я же опять заорать могу. Глотка у меня луженая, орать я могу долго, как оказалось...

Тут приехала скорая, вызванная ментами. У пациента оказался инфаркт. При смерти мой любимец. Столько от меня вытерпел. Увезла его скорая вместе с ментом. За девушками приехала вторая скорая. Их осмотрели и забрали в больницу. С ними поехал еще один мент в сопровождение.

Людей в форме понаехало немерено. Стали в гаражах все осматривать и протоколировать. Мы оставили свои координаты и смотрели, как слажено работают менты.

— Иришка, он сказал, что у тебя голос, как оружие массового поражения. Как в воду глядел мужик.

— У меня тоже голова как-то ненормально гудит. Как будто ведро на голову одела и по нему кто-то ударил. Теперь все в голове, как сквозь вату слышу, — пожаловалась мне Мара.

— Зато они поняли, что с нами шутки плохи.

И опять из вредности сделала вид, что собираюсь орать. Азиаты все разом закрыли уши руками. Наконец и омовцы обратили на это внимание.

— А чего это они уши руками закрывают?

— Боятся, что я орать начну.

— Почему?

— Так один не закрыл. Теперь с инфарктом лежит.

— Да ладно?

— Хотите попробовать?

Девки мои разом замотали головами. Они-то уже контужены мной.

— Кто следующий? — ехидно спрашиваю.

— Что-то желающих нет, — отвечают хором омовцы.

— Вот не знала за собой таланта. Доводить людей до инфаркта...

Омовцы стояли и смотрели на нас, не веря во всю эту чушь. И тут из кустов кто-то как заголосит. Я испугалась, руками уши зажала. Оказалось, это наши дети сидели в кустах и меня записывали на телефон. Шельмы...

Попросила их удалить записи. Все-таки я там материлась как сапожник. Стыдно мне. Они не хотели удалять. Петька процесс проконтролировал. У некоторых самолично все стер.

Пришла домой. Мама сразу стала задавать вопросы.

— Иришка, как дела?

— Все нормально.

— Нашли ту машину?

— Нашли. Много украденных машин нашли. Их там разбирали на запчасти.

— Бабульки про каких-то девушек говорили...

— Они откуда знают?

— Им мальчишки рассказали.

— Две невольницы освобождены.

— Так это же здорово.

— Ничего хорошего. Нет, что заложниц освободили — хорошо. Но там нет лаборатории.

Где теперь ее искать?

— Получается, что дворник этот про угоны знал?

— Где угнанные тачки его земляки разбирают и номера перебивают на движках, он тоже знал. Скорее всего, помогал им по мере сил. Потому и молчал как партизан. Свою долю от угонов имел...

— Почему ты расстроилась?

— Не понимаю, где они могут наркоту делать.

— С чего ты решила, что ее там делают?

— Запах. Там стоит какой-то химический запах.

— Иришка, ты успокойся, просто подумай. И сразу поймешь, где в расчетах ошиблась.

Просто отдохни. Здоровый сон тебе поможет.

— Ляг, поспи, и все пройдет? Ты права. Я так и сделаю. Надо попробовать подойти к расследованию с другого конца.

— Кстати, что у тебя за вид?

— Это мы специально фривольно с девчонками оделись.

— Чтоб вас приняли за путан?

— Ага. От таких подвоха не ожидают. Вроде все свои... Хорошо, что напомнила. Пойду помоюсь.

— И переоденься.

— Хорошо.

Пошла приняла душ. В голове прояснилось. И решила я завтра этого следователя подробно расспросить. Не нравится мне, что лабораторию не обнаружили. Если ее там нет, то откуда такой запах?

Утром на работе замоталась. Только в обед увидела следака. Он сидел, ел и сиял, как ясно солнышко. Вот вам наглядный пример абсолютно счастливого человека. Оно и понятно. Наверное благодарность получил от начальства. Или даже премию...

— Как у вас дела?

— Отлично. Чем могу? — перешел опять на официальный тон. Загордился?

— Мне нужна информация.

— Служебной информацией запрещено делиться.

— А пожинать плоды от сотрудничества не запрещено?

Смотрю, он глаза в сторону отводит. Значит, ему стыдно, но делиться все равно не собирается. Зажал информацию. Тогда мы попробуем его не стыдить, а подманить перспективой. Громким расследованием. Он будет героем дня, если раскроет. Горделивый мент только на такую замануху клюнет. Стыд и совесть ни при делах. А тут подвиг нарисовывается...

— Ну ладно. Нет, так нет. Тогда я пойду работать. А то я хотела помочь тебе накрыть нарколабораторию и наркопритон. Раз нельзя, то нельзя.

— Подождите.

— Что еще?

— Поговорим?

— Мне документы нужны.

— Я не могу их вам давать. Запрещено. Меня с работы вышибут...

— Кто узнает?

— Вдруг узнают?

— Ты сейчас на обед сходил. А вечером принеси дело сюда. Ты, мол, просто поужинать пришел. Я дело почитаю. Ты завтра его на работу принесешь. Типа домой носил поработать.

— Это тоже запрещено.

— Многие так делают.

— А вы откуда знаете?

— Есть знакомые менты. Но если ты не хочешь сотрудничать, то я другим отдам лавры победителя. Мне главное, чтоб дело на месте не стояло. А кто его раскроет и кого наградят, мне без разницы. И еще...

— Что еще?

— Давайте на ты. Вы мне то тыкаете, то выкаете...

— Хорошо. Вечером приду. Жди.

— Буду ждать.

До самого вечера я не знала, чем себя занять. Мозг был направлен на решение другой задачи. А свою работу я делала на автомате. Вот и вечер настал. Посетителей полный зал.

Значит, с ментом поздно вечером в офисе закроемся и будем штудировать дело. А чего зря время терять?

В дверь офиса постучали.

— Кто там?

— Цветы любимой женщине. Доставка.

Открыла дверь. Стоит парень. Улыбается. Держит большой букет в руках. Взяла карточку из букета. Это от Никиты. Значит, не бросил свою затею. Я думала, что как только я исчезла, он про меня забыл. Оказывается, не забыл. Интересно, а разводиться все также не хочет или уже передумал?

Только села за стол. Думала разобрать текучку. Опять стук.

— Кто там?

— Иришка, это я.

Принесла же нелегкая. Это мой бывший муж. Не вовремя он приперся отношения выяснять. Ох, не вовремя. Подошла к двери и просто закрыла ее на замок. Хорошо, что он без разрешения не осмелился войти.

— Ты не хочешь меня впускать?

— Угадал. Не хочу.

— Иришка, давай поговорим.

— Иди домой. Нам говорить не о чем.

Никита стоит за дверью, не уходит. И вдруг слышу, его кто-то спрашивает, на месте ли я. Придется дверь открыть. Мент пришел. Мог бы и попозже появиться. Как я теперь от нежелательного свидетеля избавлюсь?

Открыла дверь. Выглянула в коридор. Надо убедиться, что никто ничего не видел. Никита не в счет. Он никому ничего не расскажет. Затащила мента в офис за руку. Никита сам успел просочиться. Смотрю, мент уже пожалел о сделанном. Глаза забегали. Того и гляди, убежит вместе с делом. И второй раз притащить дело я его заставить не смогу.

— Никита, иди домой.

— Это кто?

— Полицейский.

— Иришка, ты опять во что-то влезла?

— Не твое дело.

— Как раз мое. Я твой муж.

— Бывший.

— Официальный. Но это не важно. Мужья бывшими не бывают. У тебя, как я вижу, так и осталась привычка дергать смерть за усы.

— Что тебе надо?

— Просто поговорить.

— Хорошо. Приходи завтра. Поговорим.

— Точно?

— Обещаю.

Никита вышел из офиса. Я сходила, принесла нам покушать. Себе только кофе и пирожные. Полновесный обед менту. Удобно устроилась в кресле и села изучать документы, пока полицейский утолял голод.

Честно говоря, фактов полисмен нарыл с гулькин нос. Это не дело. Это какая-то филькина грамота. Самих документов было мало. Экспертиз еще меньше. Были фотографии.

А основная масса документов — это сопроводилки и постановления...

Я просто отксерила нужные мне документы. Все равно голова сейчас не варит. Ночью почитаю и маме дам. Может, совместными усилиями найдем, за что зацепиться. Одна голова хорошо, а две лучше. Дело положила перед следователем. Дала понять, что в деле мне больше ничего не нужно.

— Все готово.

— Вы зачем отсняли документы? И фотки трупа зачем засняли?

— Ночью почитаю. Тут думать надо. А фотки... Показывать-то мне что-то надо для опознания. Вдруг его кто здесь видел...

— Ничего у вас не получится.

— Поживем — увидим...

Пришла домой уставшая. В кухне мама сидит. Грустная.

— Что случилось? Что тебя расстроило?

— Да...

— Не хочешь говорить?

— Бабульки тут новость одну обсуждают. Дед, который был сторожем в этом гаражном кооперативе, умер от отравления суррогатом.

— Мне вчера мальчишки сказали. Я думаю, что его отравили. Не сам он себе отраву выпить купил.

— Кто отравил?

— Не знаю. Может, жильцы, которые у них квартиру снимают. Я не верю в такие совпадения.

— Почему думаешь, что отравили? Может, он сам паленку с рук купил?

— Мам. Он водку покупал только в больших магазинах. Там паленая водка не могла продаваться. Исключено. Я с его другом поговорила.

— Может, купил с рук? Просто денег не хватало на нормальную.

— Нет. Он боялся ослепнуть и умереть, как один его друг в девяностые. Это я точно знаю. Ему эту метиловую водку кто-то подсудобил.

— Кто? Дочь? Зять?

— Наверяд ли. Они на его пенсию жили. Им невыгодно было его убивать. Чтоб выпить и закусить, им его пенсии хватало. Квартиранты, я думаю. Сейчас в долги загонят дочку с мужем. И отождмут у них квартиру за копейки.

— А дочь куда?

— «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Или в чистое поле, или в могилу. Какой вариант больше нравится?

— Бабульки просили тебя помочь.

— А чем же я могу помочь? Я не следователь. Будь я родственницей, то могла бы написать заявление об убийстве. Но я им никто.

— Говори, что надо делать?

— У них есть адекватная родня? Пусть они пишут заявление. Тогда можно будет что-то попробовать сделать. А так — голый номер. Квартирантов надо бы шугнуть, чтоб съехали. Иначе алкаши своей хаты лишаться. К бабке не ходи...

— Ты спать будешь?

— Позже. У меня дело срочное.

— Какое дело?

— Да вот почитать взяла на досуге...

— Новый криминальный роман?

— Точно.

— Как называется?

— Дело номер пятьсот пять четыреста девяносто.

— Интересное чтение? Какое тоненькое дело...

— Очень ленивый мент. Потому и дело тоненькое. В один том уложился. Трупов пять, а том один.

— Это ему ты вчера позволила с гаража сливки снять?

— Ему.

— Зачем?

— Надо было его прикормить чем-то. Иначе бы он мне это вот все не дал.

— Умным себя считает?

— А то? Но, судя по всему, с логикой у него напряг. Зато подбить на авантюру его можно. У него большое место есть. Легко управляем...

— Какое место?

— Непомерная гордыня и раздутое самомнение. Но он хоть слушать умеет.

— А на ус мотать?

— Вроде старается понять. Но ленив.

— Это многое объясняет. Если не все...

Мама ушла спать, а я налила себе чашку кофе и стала внимательно изучать дело. Особенно вчитывалась в экспертизы. Что-то меня в них смущало. Читала долго, вдумчиво. Сама не заметила, как заснула прямо за столом. Проснулась посреди ночи и перешла спать в постель. Провалилась в сон сразу.

Утром поняла, что меня смущало. Часы. Очень сильно меня смущали часы. Стала опять перечитывать экспертизу. Любопытненько...

— Иришка, ты куда в такую рань? Еще семь часов.

— К Максусу.

— Зачем?

— Мне надо. Срочно.

— Меня подожди! — крикнул мне вслед Петька.

— Догоняй. Мне некогда.

— И что бы это значило? Ты что-нибудь понимаешь?

Мама смотрит на Петьку, ждет объяснений. Тот тоже выпучил глаза. Удивлен не меньше. Петька свои соображения хотел изложить. Он кое-что придумал. А она убежала.

— Глаза блестят. Значит Иришка нашла след, — подытожила мама.

— Значит, приключения продолжаются? — Петька в восторге забыл про еду.

— Присматривай там за ней, чтоб она на рожон не лезла. Ты чего смеешься?

Петька ржал, уже не сдерживаясь.

— Рассказывай, над чем смеешься?

— Она сама кого хочешь до инфаркта доведет. Вы бы видели, что она у гаражей творила. Улет полный. Пацаны до сих пор в шоке.

— Что?

— Вы знаете, как ее в интернете называли?

— Как? Почему в интернете? Что там случилось?

— Сейчас покажу. Умора...

Принес свой навороченный телефон. Нашел видео и включил. Оттуда такой визг раздался, что хотелось просто бежать, куда глаза глядят.

— Кто это? Кошмар какой...

— Не узнаете?

— Нет. Девушка какая-то орет. Жуть какая.

— Это Ирина так визжит. Короче, она так этих гастеров напугала, что они полиции во всем признались, лишь бы этого «шайтана» к ним не пускали. А у одного из них, у главаря, вообще инфаркт. Помните, мультик старый был про Перепилиху? Там тетка голосом медведя насквозь просверлила? Короче, в интернете ее называли Перепилиха...

— Вещи ее. Она вчера так была одета. Хорошо, что ее на видео не узнать.

— Почему хорошо? Так бы она знаменитостью стала.

— А ты у нее спросил? Хочет она быть такой знаменитостью?

— Наверняка не хочет. Зря. Это раскрутка и большие деньги...

— Поверь мне. Если бы она хотела денег, то она бы их имела. А она просто хочет спокойно жить.

— Спокойно жить — это не про нее. Куда она опять залезла? Авантюристка она у вас, тетя Лена.

— Наверное, в чем-то ты прав. Беги, догоняй ее.

— Я побежал.

Петька быстро оделся, взял Грейса на прогулку и побежал меня догонять. Я же тем временем торчала у Макса в гостях. Он был загружен работой, но мою просьбу обещал выполнить. И кое в чем уже помог.

— Тебе когда надо?

— Чем скорее, тем лучше.

— Тебе все о нем? Или и о его семье?

— Все, что сможешь найти, Все фотки и видео. Все про него, про его семью, про всех любовниц, подружек, сотрудников и друзей. Любые нюансы, мелочи, слухи важны. И главное, про их семейный бизнес и про деньги...

— Так бы и сказала, что полное досье на всю их семейку. Ладно, сделаю. Но дай мне время с запасом. Дня три...

— Хорошо. Три дня — самое то.

Вышла от Макса довольная. Петька сидит на лавочке и ждет меня. Замерз.

— Терпения тебе не занимать.

— Поговорить надо.

— Что-то важное?

— Короче, про деда.

— Что про деда? Какого деда?

— Про сторожа. Он всем говорил, что скоро станет миллионером.

— Даже так? Каким образом? Все бутылки из-под водки разом сдаст?

— Ему типа бизнес какой-то предложили. Он с золота будет есть и в золотой унитаз срать.

— Мечта нувориша. Вот скажи мне, друг Петька. Ты мечтаешь гадить в золотой унитаз?

— Зачем?

— А эти почему-то сразу первым делом золотой унитаз норвят поставить. Ни вкуса, ни

разума...

— Я к чему рассказываю. Вам бы с его дочкой поговорить.

— Тебе тоже их жалко? Почему?

— Его дочь пару раз меня к себе домой пускала погреться, когда меня мать на мороз выгоняла. А вы сами говорили, что долги надо платить.

— Отдавать долги совести надо. Не спорю. Давай так. Я сегодня весь день работаю.

— Понятно, — понурился Петруха.

— Поэтому я к Максиму в такую рань помчалась. Завтра твоими подопечными вплотную займемся. Договорились?

— Договорились.

— Только мне опять ваша помощь понадобится. Интересно, откуда у него деньги на золотой унитаз должны были появиться? Вот вопрос...

— Врал?

— Думаю, ему кто-то голову морочил. А он доверял этому человеку.

— Это кто-то близкий?

— Не обязательно. Видишь ли, Петька, алкоголик не может относиться к рассказам аферистов критично. Он верит всем на слово. Ему не понятны мотивы поступков чужих людей. Такого человека легко обмануть.

— Как ребенка?

— Именно. Развели его, как лоха.

— Понятно. Но мы им поможем?

— Постараемся. Но вот получится ли? Ладно, чего гадать. Пошли домой.

На работу успела вовремя. Проверила все перед открытием. Вот к новому дворнику у меня никаких нареканий. И убирает чисто. И лед скалывает, как положено. И песочком дорожку посыпает. Не дворник, а мечта.

День прошел в обычном режиме В обед пришел следак. Странно вращал глазами. Из чего я поняла, что нам надо поговорить. Пошла в офис. Он за мной.

— Здравствуйте. Что-то случилось?

— Ничего. Я думал, вы мне что-нибудь новое расскажете, — сказал и смотрит хитро. Еще один халявщик на мою голову.

— Вы записи с камер принесли?

— Зачем? Машину же нашли.

— Почему вы уверены, что это та машина?

— Номера же заляпаны? И она красная.

— И что? Нам надо точно знать, что это та машина, что она не выезжала на трассу. Мало ли красных Мини Куперов в Москве? А есть еще и вишня, и бордо. Не факт, что это та машина. Может, они вообще в кустах машину бросили? Вариантов много. Проверять надо все, не лениться.

— Ладно. Вечером принесу записи.

— Мог дворник нам левых людей подсунуть? Мог. Могли те парни сесть в другую машину?

— Да.

— Давайте так. Мне нужны записи с камер. И узнайте, кто ведет дело об отравлении Самойлова Аркадия. Отчество его я не знаю. Ему лет пятьдесят. Вот адрес прописки.

— Это тебе зачем?

— Мне надо с этим следователем переговорить.

— Говори.

— Ваш клиент? Можно экспертизу почитать?

— Зачем? Там элементарное отравление самопалом. Сам купил, сам выпил, сам отравился.

— Он самопал не покупал. Он покупал водку только в крупных магазинах.

— Знаем мы, где эти алкаши водяру берут.

— У него один друг в девяностые ослеп, а второй остался инвалидом. Поэтому Аркадий зарекся самопал покупать.

— Значит, его дочь купила с рук.

— Тоже мимо. Дочь знает, что у отца на телефоне программа, считывающая акцизные марки. Для проверки специально поставил. А где его телефон?

— Не было телефона.

— Кстати, чеки ее отец все время требовал. Чтоб точно знать, где куплена водка. Ослепнуть он боялся до чертиков. Это был его самый большой страх.

— Значит, кто-то ему пойло подсунул.

— Получается, что его специально убили. В бутылку из-под нормальной водки с нормальной акцизной маркой залили суррогат. Кто это мог сделать? Квартиранты? Или еще кто-то заинтересован?

— Почему только квартиранты? А дочка? А зять?

— Зять с дочкой не расписаны. Ему нет резона убивать. Он сожитель, а не муж. И ничего от их смертей не получает. Дочка жила на деньги отца и сыто жила. Беды не знала.

— Интересно выходит.

— Смотри. За несколько дней дед хвастается, что скоро станет есть с золота и унитаза золотой себе поставит. Уверял, что он нашел инвестора, тот зовет его в бизнес вложиться. Как думаешь, откуда у алкаша деньги?

— Зарплата.

— Они ее почти всю пропивают. Часто деньги занимают, но люди честные и долги с полочки отдают. Может, наследство от кого-то?

— От кого? Нет, скорее всего, квартиранты хату отжать хотят. Для этого и устроили того, кто думать не разучился.

— Считай, дочери бухать больше не на что. Она потихоньку начинает у них занимать деньги. Потом бац! И жить едет в брошенный дом.

— А хитрая семейка горных орлов живет в двушке в Москве. Как тебе?

— Тогда дочка должна тоже окочуриться от паленой водки.

— Логично.

— И что нам теперь делать? Она пока не вступила в права наследования, ее убивать не будут. Или будут, если это не квартиранты, а другие наследники. Может, выставить на арену другую родню, чтоб квартиранты знали, что так просто у них не получится отобрать квартиру? Есть там другая родня первой очереди? И не причастны ли они к отравлению?

— Интересная версия. А как доказать?

— Я тут завтра покумекаю. И после выходных будем думать, что делать.

— Если это дело рук других наследников, то только дочка стоит между московской квартирой и ими. Значит...

— Ее постараются убить. Но не сразу, а чуть погодя. Хотя время тут не

принципиально. Они постараются быстрее проверить темные делишки.

— Как?

— Отравят суррогатом, как папашу, или на улице по голове огреют, или утопят в пруду, или просто из окна сбросят. Сама в окно вроде вышла. Белочку поймала и все тут. Вариантов много.

— Откуда столько информации про деда?

— Я без дела не сидела.

— Ладно. Уточню, что там. А вдруг ее сейчас убивают.

— Нет, не убивают. Мальчишки и бабульки охрану организовали.

— А если ее ночью придут убивать?

— Соседка бдит. Но ты прав, все предусмотреть мы не можем.

— Вот именно.

— Узнай, ездили сюда родственники или нет во время смерти деда. И есть ли у них алиби. А я по своим каналам кое-что проверю.

Вечером следователь принес записи с камер. Я их просмотрела. Действительно, нигде на трассу не выезжал никакой Мини. Правда, была пара джипов. Но их оставим на потом.

Пришла я домой очень поздно. Никита так и не появился. Странно. Сам напрашивался поговорить, и сам же не пришел. Значит, ему уже не надо. Тогда согласие на развод спокойно даст. И то хорошо. Не придется по судам таскаться.

— Ты опять задержалась, — встретила меня мама.

— Ждала, когда уйдут последние посетители.

— Почему не сказала им покинуть помещение?

— У меня тоже были дела. Они нам не мешали. Гнать их было жалко.

— Влюбленные?

— Угу. Влюбленные старики. Я когда-то мечтала состариться с любимым мужем и умереть с ним в один день. И вот что получилось. Какая старость? Мы и года вместе не прожили.

— Это и от тебя зависит.

— Нет, мама. Это уже ни от кого не зависит. Ни от меня, ни от него.

— Почему?

— Он сегодня должен был прийти поговорить. Не пришел. Значит, ему все равно.

— Может, что-то случилось. Послушай его, что он скажет.

— Если он еще появится.

— Дай ему время.

— Хорошо. Через неделю пойду подавать заявление в суд на развод. Надоело быть соломенной вдовой. Жить хочу, любить хочу.

— Даешь себе время одуматься?

— Нет. Просто времени пока на эту бюрократию не будет. Слишком много всего накопилось. Дел невпроворот. Завтра надо с бабульками посоветоваться.

— Насчет чего?

— Насчет сторожа, отравившегося суррогатом. Надо больше подробностей о его личной жизни.

— А полиция?

— А полиция ничего делать не собиралась. По их версии он сам купил суррогат и сам отравился. Виноватых нет. Дело закрыто.

— Где продают суррогат, их не волнует?

— Наверное, нет. Они зачешутся только тогда, когда помрет много людей. А один, два алкаша — это ничего страшного. Они асоциальные элементы общества и ценности никакой для ментов из себя не представляют.

Поговорили с мамой и разошлись по своим спальням. Спала я крепко. Только под конец приснился сон. Я и муж на свадьбе. Горько до слез стало. Проснулась вся в слезах. Дожилась, во сне плачу...

Рано утром пошли с Петькой гулять собаку. По пути поговорили.

— На сегодня у тебя свое задание, у меня свое.

— А зачем нам разделяться?

— Затем. Порознь мы больше узнаем.

— Почему?

— При тебе некоторые вещи взрослые будут умалчивать.

— Двойные стандарты?

— Да не стандарты. Не в них дело. Просто ты же малой, поэтому некоторые нюансы взрослой жизни при тебе будут стесняться обсуждать.

— Бабки?

— И дедки тоже.

— А мужики-то почему стесняться будут?

— Подрастешь — поймешь.

— Вот вы вечно так. Как в пекло лезть за информацией и зад вам прикрывать, так меня вперед на амбразуру. А как поговорить по-человечески и все объяснить, то сразу «не поймешь».

— Не обижайся, Петруха. Я тоже стесняюсь тебе объяснять. Это вообще-то отец должен объяснять. Или мужик. Но не я. Я же женщина. Тут мне надо у бабулек всю подноготную грязь скovyрнуть. Все сплетни собрать. А они мерзости при тебе говорить не будут.

— Почему не будут? Я не маленький.

— Внешне не маленький. Вон какой вымахал. А по возрасту — малолетка. Вот такой парадокс, Петруха.

— Это вы сейчас тумана напустили, чтоб меня с хвоста скинуть.

— Считай, так. Только у тебя выбора нет. Ты помощи у меня просил? Получай. Я сразу говорила, что командовать парадом буду я. Так что могу не делать ничего. Сам ходи и всю информацию добывай, а я домой тогда пойду. Спать хочу.

— Я понял. У нас у каждого свой фронт работы. Вы делаете свое, а я свое.

— Вот и договорились.

— Что я делать должен?

— Вот тебе первое задание. Узнай, где у нас поблизости паленую водку можно достать.

— У кого узнать?

— У алкашей. Кто о товаре лучше всего расскажет? Тот, кто его потребляет. Водку пьют алкаши, а суррогат пьют те алкаши, у которых денег нет. Это твоя задача на сегодня. И попутно узнай, не травился ли кто в последнее время от этой водки. Где эту информацию добыть знаешь?

— Догадываюсь. У пивнушки начну. Потом война план покажет.

— Держи мелкие деньги.

— Зачем мне мелочь?

— Чем ты алконавтам язык развязывать будешь? Им надо стимулировать работу головного мозга. Лучшая стимуляция — денежка или выпивка.

— Понял. Когда сбор?

— Как добудешь максимум информации, так приходи. И осторожнее там смотри. Пацанов с собой возьми, кто пошустрее, пусть в стороне тебя страхуют. Хотя тебя тут все знают и не тронут. Но все равно мало ли...

— Понял, не маленький.

Дав задание Петрухе, я послала маму на разведку к нашему информбюро Веры Михайловне. Уж она точно знает все про всех бывших и нынешних жителей наших дворов.

— А если она про него ничего не знает?

— Быть такого не может. Они здесь живут с того момента, как дом сдали госкомиссии. И семья сторожа тоже.

— Что именно узнавать?

— С кем он жил, как жил. Был ли женат и сколько раз. Сколько детей официальных. Скольких баб любил. Сколько раз сожительствовал и с кем. Сколько вообще было любовниц. В общем, все.

— Если у нее только сплетни будут?

— Хорошо, что сплетни. Пока собираем грубую информацию. Полисмен собирает интересующие нас факты по своим каналам, а я по своим. Потом станем выяснять, где правда.

— Может, просто шугнуть квартирантов и все?

— А если это не квартиранты? Если здесь дело посерьезнее?

— Иришка, а ты не перестраховываешься. Может, ты зря так глубоко копаешь? Может, все намного проще?

— Вот информацию получу из всех источников, тогда и пойдем, проще или сложнее. Представь, что здесь не квартиранты сработали? Мы их шугнем и расслабимся. А дочку убьют. Все варианты проверим. Подстрахуемся.

— Тогда я пошла в разведку. До обеда меня не жди.

— Да я сама сейчас пойду реввоенсовет собирать.

— С бабульками языками чесать?

— Ага.

— Предупредить хочу. Они твое видео видели.

— Какое?

— Где ты парня до инфаркта довела.

— Они глупости говорят. Но ты-то наверняка знаешь, что это не я. Скорее всего, у него было предынфарктное состояние. Просто парень перенервничал. Так совпало. Вот и попал в больницу.

— Понятно.

Мама пошла к своей подруге. Собирать там информацию. А я направилась к бабушкам. Вышла из подъезда. Они уже все на нашей лавочке сидят. Основной костяк нашего дворового информбюро. Уши свободные ждут. И тут я нарисовалась. Благодарный слушатель. Мечта сплетниц. Вот где благодатная почва для сбора информации.

— Здравствуйте, уважаемые. Помощь ваша требуется.

— В чем? Про кого новости собираешь?

— Сторож, которого отравили.

— Значит, не сам он того? — хором загалдели они.

— Я так и думала, — высказалась тетя Катя.

— Почему? — поинтересовалась я.

— Он водку только в супермаркете покупал. Не мог он что попало пить.

— А если предположить, что у него денег не было, вот и решил сэкономить.

— Исключено. Он бы тогда ничего не купил. Перетерпел.

— У Володьки снизу опохмелился бы, — вставила свое мнение тетя Маша.

— Володька снизу? Почему у него?

— У того бабка деревенская самогон варит. У него всегда есть.

— В квартире варит?

— Нет, с деревни привозит. Большими бутылками.

— Не травились они?

— Ни разу.

— Может, он у Вовки отравы хлебнул и помер?

— Нет, там наоборот было.

— Как?

— Они все вместе пили. Сам Аркаша, дочка и сожитель ее. А у Вовчика гуляли в тот день. Вот дочка с зятем и спустились догнаться в гостях.

— А дед остался дома? Почему?

— Решил, что ему хватит. Он так-то пил, но про работу не забывал.

— Ему на работу надо было идти?

— На следующий день. Поэтому он пораньше лег спать.

— А дочка к соседям ушла пить?

— Под утро явилась, а отец мертвый лежит. Они скорую вызывать. Те приехали. Консактировали смерть...

— Констатировали, — поправила я.

— Констатировали смерть, — повторила она по слогам. Повторила и довольна собой. Сидит, улыбается. Рейтинг у нее теперь зашкаливает.

Бабульки у нас соревнуются между собой. Когда тебя так внимательно слушают, что даже поправляют, это о чем-то да говорит. Получается, она одна самый ценный и теперь уже ученый информатор.

Но насладиться полной и безоговорочной победой ей не дали. Все захотели завоевать лавры победителя. Первой в борьбу за почетное звание лучшей сплетницы района вступила тетя Маша. Она стала подробно объяснять, почему не пил Аркашка что попало.

Я поняла, что у меня мозг начинает закипать от одинаковой информации. И переключила ее на другой канал вещания.

— Аркадий был женат? — спрашиваю у всех.

— Был, — опередила конкуренток тетя Маша.

— Сколько раз? На ком?

— Официально — раз. На хорошей девушке. Из деревни, откуда сам родом.

— И больше ни разу не женился?

— Нет. Она от него сбежала, а он надеялся, что вернется.

— Дети от этого брака были?

— Двое. Дочка и сын.

— Он их признал?

— Она с ним жила, значит его дети.

— Официально он отцом числится?

— Конечно. Он их и из роддома забирал. Его дети, к гадалке не ходи.

— Почему вы так уверены?

— Они его копия. Особенно сын. Один в один.

— А дочь?

— Дочка больше от мамы взяла. На волос богата. Коса толстая, красивая.

— А жена?

— И жена тоже. Он почему за ней ездил, вернуть пытался. Красивая была.

— Почему была?

— Она померла не так давно.

— Когда? Откуда знаете?

— Телеграмма приходила год назад от дочери. Она написала, где похороны будут.

— Приглашала приехать?

— Нет, не приглашала. Просто сообщила, что такая-то померла, похороны будут. И сообщила время и место.

— А как они жили? Вы не в курсе?

— Да как бы не жили, всяко лучше, чем при драчливом алкаше.

— А материально?

— Что?

— С деньгами у них как было?

— Не знаем. Вот чего не знаем, того не знаем.

— За себя отвечай! Тоже мне, знаток! — вступила в борьбу за право первенства тетя Катя.

— А вы знаете?

— Знаю, чего же не знать. Ее мне внучка нашла в интернете, — сказала и победно посмотрела на своих товарок. Взгляд ясно говорил, что она их обставила и тем горда. Она знает, что такое интернет...

— Как они живут?

— Нормально...

— Теть Катя, не тяните. Мы здесь все хотим изловить убийцу деда Аркадия. Или нет?

Тут на нее стали верещать другие бабульки, корить за утаивание особо важной информации. Она поняла, что немного перегнула с молчанием палку, и теперь новости из нее лились таким бурным потоком, что не остановить.

— Мать ее померла не год назад, как некоторые тут ввали, а три года назад. Дочка живет хорошо, только она не замужем. И детей нет. Так и осталась старой девой.

— Так это разве нормально? — удивилась Митрофановна.

— Кому как. Только в плане денег у нее все хорошо. Она бизнесвумен.

— Кто? — хором переспросили бабки.

— Деловая женщина. У нее свой бизнес. Понятно? — решила она их уесть.

— Бизнесвумен, — поправила я ее.

— Ну да. Она в фейсбуке все про себя рассказывает.

— Как ее фамилия?

— Как и у отца. Елена Аркадьевна Самойлова. Могу и ссылку дать на ее инстаграм.

Бабульки разом вытаращили на нее глаза. Она их победно посмотрела. Ну что, плебеи,

куда вам со мной тягаться? Именно так расшифровала я этот взгляд. Продвинутая бабулька, ничего не скажешь.

— Теть Катя, вы чудо! И внучка ваша молодчина. Давайте ссылку...

Теть Катя дала мне координаты Елены. Мы еще поговорили о мелочах.

Заслуженная соперницей похвала активизировала мозговую деятельность у тех, кто до сих пор помалкивал, боясь тягаться в искусстве сплетничать с корифеями. У меня было еще много вопросов, и они решили не терять возможности победить в этой неравной борьбе.

— А сын? Что с сыном? Как у него дела?

— Сын у Аркаши пропащий.

— Почему?

— Все время куда-то влипает. Сидел. В общем, никудышный вырос сынок.

— Другие дети у сторожа были?

— Вроде бы нет.

— Как это нет? Кашину неужто позабыли? — высказалась тетя Маша.

— Кто эта Кашина?

— Была у нас тут дамочка. Давалка знатная.

— Почему?

— Давала всем без разбора.

— Ради карьеры или из любви к искусству?

— Ей очень замуж хотелось. Вот она и шла всем известным путем.

— Почему давалка?

— Так она всем нашим мужьям умудрилась дать. Хоть по разу, но дала.

— Сорока-воровка из детской считалки. Этому дала, этому дала, — вставила тетя Катя.

— И вашему тоже?

— Тебе же сказали. Всем. У нас из-за нее тогда до развода с моим мужем чуть не дошло. Хорошо, что она на Аркашку по пьяни перекинулась.

— Как по пьяни?

— Праздник был. Восьмое марта отмечали всем коллективом. Вот она с Аркашкой и переспала. А потом ему про ребенка и говорит. Мол, беременная я от вас, Аркадий.

— А он что?

— Он ей отвечает, что там батальон может быть отцами. При чем здесь он.

— А она? Ну что я из вас как клещами тащу? Вы же не на допросе...

— А она ему начала судом грозить. Мужики тогда за Аркашку заступились. Сказали, что она распутная женщина. Правда, другими словами. Ты поняла, какими?

— Матерными?

— Да. Из коллектива попросили уволиться и сказали, что все в суд пойдут, показания против нее давать.

— Почему она именно Аркадия назвала отцом своего ребенка?

— Не знаю. Может, он как мужик ей понравился.

— А родила она? Или аборт сделала?

— Какой аборт? Ей уже много лет было. За тридцать. Не стала она аборт делать. Рожать собиралась.

— Родила?

— Не знаю. Она отсюда уехала. Уволилась и сразу же поменялась в другой район. И правильно сделала.

— Почему?

— Чтоб дурная слава за ней всю жизнь не тянулась. Ребенку зачем знать, что мать гулящей была?

— Аркадий в тот момент не жил со своей женой?

— Она от него сбежала в деревню. Может, потому Кашина и позарилась на него. Почти холостой. Но он наотрез отказался ребенка признавать.

— А других жен у него не было? Других детей он не признавал?

— Не было других жен, других детей тоже не было.

— Вы случайно не знаете, где сейчас Кашина и ее ребенок?

— Нет, не знаем.

Я узнала все, что мне было нужно и попрощалась с бабульками. Иду по улице. Догоняет меня Петруха. Сияет фейсом, как начищенный самовар.

— Чему радуешься?

— Есть информация.

— Говори.

— Недели три назад к деду приезжал какой-то родственник.

— Какой?

— Никто не знает. Но одет богато.

— Это тебе алкаши сказали?

— Нет. Это они мне показали.

— Что показали? Фотку?

— Нет. Перчатки его.

— Странно. Почему у алкашей перчатки богатого родственника? Он им подарил или сперли?

— Не угадала. Он мусор выкидывал и с мусором случайно выкинул перчатки. Ему дворник говорит, мол, давай достану. Дорогие же. А он его же и обматерил. Дворник себе их потом достал. Думал, что носить будет.

— Как перчатки у алкашей оказались?

— Они потребовали вернуть их хозяину. Мол, вещь дорогая. Он за них сесть может.

— Продолжай.

— Они сказали, что знают, где хозяин живет. Принесли, а дед им сказал, что родственник уехал. Но он не уехал.

— Дед соврал? Зачем?

— Дед не знал, что тот не уехал. Он за дедом следил зачем-то.

— Что еще алкаши заметили?

— Тебе с ними самой поговорить надо.

— Почему?

— Там один тебя требует. Он что-то знает. Зажал информацию и ни в какую.

— Зачем? Если денег выманить, то ты мог бы ему дать. Или пожадничал?

— Не нужны ему деньги. Он вас хочет видеть.

Честно говоря, я не понимала, с чего алкаши упираются и не выкладывают Петьке новости. Тем более за деньги или за бутылку. Неожиданное требование меня удивило. Или хотят рассказать что-то такое, что детским ушам нельзя слушать? И что это?

Подшли к пивнушке. Там стоят мужички разных размеров и разного достатка. Объединяет их только одно. Непреодолимая тяга к спиртному. Петька ткнул пальцем в

высокого худого мужчину.

Странный был мужик. Выбивался из общей картины, как чужеродное тело. Вроде он как все, стоит и пиво сосет. Но не как все. Те дуют, опохмеляются побыстрее, пока жена или родственники не застукали. А этот как будто пиво смакует и пытается что-то себе напомнить. Похоже, что ностальгирует.

— Давно откинулся? — с ходу задаю вопрос.

— Как догадалась? Прикид я себе новый купил. Все чин-чинарем по гражданке.

— Сейчас уже такое не носят. Одежда франтоватая, дорогая, но от моды вы отстали конкретно.

— Да? В магазине сказали, что это самое то.

— Нагло обманули вас торгаши.

— Совсем совести нет. А ведь в лицо мне смотрела.

— Правильно. Ее так учили. Не обманешь — не продашь. Должна же она кому-то старье втюхать. А тут вы. Мечта любого продавца.

— А ты жестокая...

— С добрячкой вы уже пообщались. Рады? Как ощущения? Лучше я вам правду скажу, чем врать буду. Неприятная, но зато правда. Посмотрите вокруг. Хоть один человек в таком прикиде в радиусе ста километров найдется? Много она с вас денег содрала?

— Много. Сказала, что очень модным буду.

— Так хотелось модным быть?

— Хотелось не выделяться.

— Теперь вы в таком виде, как бельмо на глазу. Все менты вас стопорить будут. В следующий раз покупайте классику. Не ошибетесь. Она всегда в моде.

— У меня в плане ментов все в порядке. Отметился я уже.

— За что чалился?

— Убийство.

— Намеренно или по неосторожности?

— Авария.

— Понятно. Работяга?

— Он самый.

— Как жить собираетесь? Времена нынче не добрые. Все предпочитают не судимых брать на работу.

— Понял уже. Везде посылают.

— Грубо или нежно?

— Пока нежно. Научились.

— А как вы хотели? Научились люди хамить завуалированно. Менеджмент и маркетинг нынче изучают все, кому не лень. Вы настаивали на личном разговоре. Ваши условия?

— Какие условия?

— Вы же не выложили пацану информацию. Из чего я сделала вывод, что вы что-то хотите. Мелочь на выпивку вас не устраивает. Итак, что вы хотите взамен информации?

— Ничего.

— Тогда выкладывайте, что знаете.

Мужик стал рассказывать. Интересная картина вырисовывается. За дедом, оказывается, следил не один мужик, а два. И второй следил и за дедом, и за этим родственником. Что бы это значило?

— Еще что есть?

— Фотки их нужны?

— Покажи.

Он вытащил телефон времен царя Гороха. Но камера в нем приличная и фотки зачетные. Умудрился по несколько раз их заснять. Да еще и с разных ракурсов. Головастый мужичок. Перекинули на мой телефон фотки. На моем вообще их в деталях рассмотреть можно.

Многие из вас станут снимать подозрительных людей? Нет, не станете, если это не касается лично вас. А этот и проследил за ними немного и заснял несколько раз, чтоб наверняка. Неравнодушный, стало быть. Не научился на всех плевать. Пристроить его, что ли? Мужик вроде неплохой. Глядишь и устроишься по жизни.

— На свободе чем занимался?

— Водитель, строитель. Прорабом был.

— На стройку пойдешь работать?

— Не возьмут, пробовал уже. Не берут даже разнорабочим.

— Попробуем теперь мы тебя пристроить.

Обзвонила знакомых. Михаил сказал, куда подходить мужичку. Работать начнет хоть с завтрашнего дня.

— Это что такое? Ты что здесь делаешь? — загремело над ухом.

Участковый стоит, руки в бока упер. И сверлит взглядом мужичка.

— А в чем дело, Александр Викторович? — встряла я в разговор.

— Ты знаешь, с кем разговариваешь? Он же сидел.

— Знаю. А за что, осмелюсь спросить, он сидел?

— Убийство.

— Топором или ножом? Пистолет, пулемет. Или лук и стрелы?

— Тебе все хиханьки да хаханьки. Вот матери твоей расскажу.

— Пойдемте в гости, там и расскажете.

— Некогда. Автомобильная авария у него была.

— Так от этого ни вы, ни я не застрахованы. Оба за рулем ездим. А он здесь на работу устраивается.

— В пивнушке?

— Почему бы нет? Он завтра на стройку работать выходит.

— Тогда ладно. Повезло же тебе нашу добрячку встретить. Маме привет передай, мать Тереза! — это он уже мне сказал и пошел восвояси, что-то бубня себе под нос.

— Ну что, бывай, модник.

— За мной должок.

— Не заморачивайся. Я люблю помогать людям. Просто я верю, что добро, сделанное сегодня, обернется завтра счастьем.

— Для кого?

— Для кого-нибудь. Прикид не выкидывай. Похоже, он у тебя счастливый.

Мы с Петькой шли довольные домой. А нам вслед внимательно смотрел мужик средних лет в странном прикиде. Долго смотрел, думал и пришел к выводу, что ничегошеньки он в этой жизни не понимает...

Вышел он на свободу и первым же делом к своим закадычным друзьям подался. К тем, с которыми не один пуд соли съел. К тем, на помощь которых сильно рассчитывал. Только не

помогли они. Наоборот, послали куда подальше и даже ментам сдать пообещали.

За что так с ним поступили? Непонятно. Им он ничего плохого не сделал. Его даже пострадавшие простили, когда поняли, что из-за чертова гололеда все получилось. А тут друзья и вдруг послали. Значит, никакие они ему не друзья. И не были ими. Притворялись...

Сунулся к сослуживцам, с кем работал не один год. Так те чуть с лестницы не спустили. А в дружбе клялись. Откуда такая злоба? Ничего не понял.

А в магазине девушка прямо в глаза смотрела и улыбалась. Так ласково пела. А сама в душе, наверное, насмехалась над простаком и думала, что правильно его на деньги разводит. Подленько так...

А эта налетела, расспросила, помогла и улетела. И ничего не потребовала взамен. И как это понимать? Еще и с участковым поговорила. А ему могло нагореть. Он же по УДО вышел. Но участковый почему-то послушал эту малышку. Чудеса, да и только.

Сначала он хотел пойти и вернуть в магазин вещи. А эта, как ее участковый назвал, «мать Тереза», сказала никуда одежду не девать. Вот он и не денет. Пусть будет ему напоминанием, что предать могут родные и близкие, а помочь могут совершенно чужие люди. Чудны дела твои, Господи...

Пришли с Петькой домой. А там уже мама как на иголках.

— С каким уркой тебя участковый видел?

— Со свидетелем. Он заснял на телефон тех, кто за дедом следил.

— Следил? Зачем за ним следили?

— Вот и мне интересно. Зачем за простым сторожем следить двум здоровым мужикам.

Притом один из них явно обеспечен.

— Почему ты так думаешь?

— На нем одежда дорогая. А перчатки — вообще улет.

— С чего взяла?

— Мы как-то в магазин в центре с Никитой зашли. Там в бутике такие под тысячу баксов были. И это распродажа была.

— Странно это все.

— Вот и мне показалось странным, зачем такой богатый мужик следит за алкоголиком?

Что ему от сторожа надо было? Кстати, дед называл его родственником.

— Так они встречались?

— Народ говорит, что даже вместе гуляли.

— Значит, это его сын.

— Который? Первый или второй? И тогда почему сын сказал деду, что уезжает, а сам остался здесь и глаз с него не спускал?

— А дочка про родственника знает?

— В том-то и дело, что ни про каких родственников она не знает. Ей отец ничего такого не говорил.

— Как все запутанно. Но это не объясняет про уголовника. Что там за уголовник?

— Участковый зря панику поднял. Паникер. Это мужчина средних лет. В тюрьму попал за убийство.

— Убийство? И ты говоришь паникер?

— Мама, он в аварию попал. Сейчас у него цейтнот. Его на работу нигде не берут.

— Правильно. Кому урки нужны?

— Ему идти воровать, что ли, прикажешь? Жить-то он на что-то должен.

— И ты, естественно, ему помогла устроиться на работу. Так?

— Угу. Ты же сама говорила, что делай добро и бросай его в воду. Он нормальный. Не пьет, не курит. И спокойный как танк. И еще сообразительный.

— Вот он и сообразил, как тебя на помощь раскрутить.

— Ему, представляешь, в каком-то магазине такое барахло продали. Времен перестройки. Он стоит в этой пивнушке и, как путешественник во времени из прошлого, пиво смакует.

— Он еще и пиво пил. Иришка, ты у меня совсем ничего не боишься?

— Почему? Боюсь. Уродов отмороженных боюсь. Но этот не такой.

— Ладно. Я тебя слышала. Давайте поедим, и я тебе расскажу, что я узнала от нашей Веры Михайловны.

— Значит, ты на меня не сердишься? Я же правильно поступила. Одним неприкаянным станет меньше.

— Запомни, дочка, бросая бумеранг поступков, заранее думай, как будешь ловить бумеранг последствий.

Сели за стол покушать. Но не тут-то было. Поесть спокойно не удалось. Петька все время тархтел, успевал есть и болтать.

— Когда я ем, я глух и нем. Петя, ты разве не слышал такую поговорку? — попыталась успокоить его мама.

— Слышал. Но тут интересные дела творятся.

— Где?

— В гараже, где менты были.

— Что там опять не так?

— Оттуда запахи опять появились.

— Откуда именно?

— Мы так и не поняли. Дня три не воняло. А теперь опять химией вонять стало. Пацаны все обшарили. Из гаражей запахи идут. Больше неоткуда.

— Значит, опять химичат. Поймать бы. В гаражах надо все осмотреть...

— И как вы туда попадете? Менты там все обыскали, ничего не нашли.

— Значит, где-то что-то они прозевали. Спустя рукава менты осматривали. Наша задача туда проникнуть и найти.

— Думаете, что они не нашли, а мы найдем?

— У полиции собаки не было тогда. А у нас есть.

— Я Грейса гробить не дам. И не просите. Пусть хоть весь город передохнет от этих таблеток. Мне Грейсюта дороже.

— Петька, никто собаку гробить не собирается. Просто мы там арендуем помещение. И под видом арендаторов будем постепенно обыскивать шаг за шагом. Рисковать Грейсом никто не собирается.

— Это вы сейчас так говорите. Не дам собаку. Это мое последнее слово.

— С чего ты решил, что мы его угробим?

— У него нюх пропадет, если он нюхать химию будет.

— Другие собаки нюхают и ничего. Не пропадает у них нюх. Ты подумай хорошо. Наркотики собаки ищут? Ищут. По много лет ищут, работают.

— Так то служебные. Их этому учат. А у нас даже образца нет, чтобы он знал, что искать. Вы об этом подумали?

— А вот это мы упустили. На начальном курсе дрессировки он наркотики точно не учился искать.

— Значит, надо поймать наркомана и отнять у него наркоту, — выдвинул Петька предложение.

— Так он вам ее и отдаст, — засомневалась мама.

— Отдаст. Мы с ним договоримся, — заявила уверенно я.

— Как? Подойдем в темном переулке и потребуем: «Жизнь или наркота?» — заржал Петруха во весь голос.

— А Петька прав. При выборе между жизнью или наркотой приличный наркоман выберет дозу.

— А неприличный?

— И неприличный тоже.

— Значит, надо его заинтересовать.

— Как?

— Дать денег на две дозы. Он нам одну отдаст.

— Иришка, где ты видела, чтоб наркоман сам, своими руками отдал кому-то дозу? Он с этой наркотой убежит, пока не отняли, — мама удивлена моей наивности.

— Мы ему скажем, что это не разовая акция. Что нам и завтра надо будет, и послезавтра, и всегда. Считай, и ему польза, он наркотой будет несколько дней снабжен, и нам образец для учебы Грейса.

— Сесть за такие смелые эксперименты не боишься по статье за торговлю наркотиками? Еще и ребенка сюда втягиваешь. Стыдись. И с чего ты взяла, что таблетки вообще будут пахнуть наркотой?

— Кинологи же как-то собак натаскивают на поиск наркоты. Слушайте, а чего мы мудрим? Вот мы идиоты!

— Впервые вижу, чтоб человек радовался, обнаружив, что он идиот, — мама все ворчит. Боится моей полоумной идеи, которая и правда была тупая.

— Ага. И нас к себе приписала. Побудь сама идиоткой, если так хочется. А мы не такие. Мы умные, — пробубнил Петруха.

— Айболит нам поможет. У Василия кинолог знакомый есть в учебке для служебных собак. Вот мы и попытаемся там своего Грейса поучить.

— Это идея. Звони Василию, — мама обрадовалась, что идею с наркоманами мы отодвинули на второй план.

— И хорошо бы того кинолога, который в прошлый раз Грейса учил. Они общий язык с ним быстро нашли.

— Собачий? Перегавкивались между собой?

— Ха-ха-ха. Не смешно! — Петька оскорбился за кинолога с Грейсом.

Я позвонила нашему знакомому ветеринару Василию. Он пообещал мне поспособствовать обучению нашего питомца в той же учебке для собак и с тем же кинологом. Интересно, что там за кинолог? Петруха от него прямо в восторге. Небось, неприметный мужичонка, и псиной от него воняет. Но Петьке все равно, как кинолог выглядит. Ему главное, что Грейсу хорошо.

— Ну что? Одну проблему мы решили. Вам не кажется, что как-то все разом на нас навалилось?

— Не кажется. Ты вечно в какие-то передраги влипаешь, — Петька включил режим

критики.

— Что-то вы, господин хороший, не жаловались раньше. И кому надо было по этому сторожу все разноухать? Разве я вас уговаривала помочь найти убийцу? Разве это не вы с мамой меня упрашивали вдвоем? На авантюру меня подбили.

— Извини. Не подумал, — Петька понял, что неудачно подкузьмил меня.

— То-то же. Для вас же делаю. По вашей просьбе. Я бы вообще могла в кафе сидеть и кофе попивать. А я тут фигней занимаюсь из-за вас. С алкашами вон беседы веду.

— Но и дело хорошее сделали. Девочек спасли. Дело доброе сделали.

— Точно. Если бы фигней не стали заниматься, девчонок бы просто убили. И закопали на пустыре, — нашел себе оправдание Петька.

— На каком пустыре? — спросила мама.

— Возле гаражей, — ответил Петька.

— Я там всего раз была. Мне собаку стало жалко. Боялась, что Грейс станет носиться и лапы себе порежет осколками, — высказалась я.

— Какими осколками?

— Там алкаши раньше столовались и бутылок набили. Вот люди туда и не ходят, поскольку боятся хулиганья. Алкашей там уже давно нет, а место все равно люди обходят стороной. Пустырь. Есть идея...

— Теть Лена, она опять сама с собой разговаривает. На пустырь собралась идти одна и втихушку, — Петька меня раскусил.

— Не смей туда одна ходить.

— А с мальчишками и с собаками? Еще и девок прихвачу.

— Это можно. Но не ночью и не одна.

— Хорошо. Договорились. Тем более мне так удобней будет наблюдать.

— Что ты задумала?

— Облагородить пустырь за гаражами. Сделать из него площадку для собак и подростков.

— Ура! У нас свое лежбище будет!

— Может будет, а может, и нет. Но эта легенда нам поможет понаблюдать.

— Я забыл рассказать. У нас никто паленой водкой не торгует.

— А где алкаши берут?

— Они у какого-то Володи покупают. Только вот адрес они не говорят.

— Успокойся, я знаю адрес этого Вовчика. Это сосед деда. И самогонка там нормальная. От нее никто пока не травился.

— Откуда этот сосед ее достает?

— У него бабка самогонщица в деревне живет, она и привозит.

— Это сколько же она привозит?

— Много, раз всем хватает. Наверное, она так зарабатывает.

— В деревне спроса нет? Или там вся деревня гонит?

— И не только самогон, — съязвил Петька.

— Очередь дойдет когда-нибудь до меня? — поинтересовалась мама.

— Ага. И что тебе Верушка сказала?

— Сказала, что официально женат он был один раз. Не развелся. Сначала надеялся, что жена к нему вернется, а потом не до этого было.

— Думаю, что он специально не разводился.

— Почему?

— Станет на него любовница наседать, чтоб женился. А он ей сказку про смертельно больную жену, которую он не может бросить. Он же порядочный человек. Пока жену больную на ноги не поставит, не сможет жить спокойно. И радоваться жизни ему совесть не позволит.

— Да. Именно так он от любовниц и отмахивался.

— И много у него их было?

— Всех она не упомнит. Но троих назвала. Это те, с кем у него долгие романы были. А уж однодневок вообще не пересчитать.

— Он кого-то из их детей признавал?

— Ты знаешь, а у него больше не было детей. Только двое законных от первого брака с Евдокией. Потом от какой-то женщины с работы. Забыла, как ее зовут.

— Кашина Валентина Спиридоновна?

— Да вроде так Вера ее называла. И нынешняя дочка, которую он признал. Хотя бабы шептались, что его любовница дочку не от него родила.

— А другие любовницы от него абортывали?

— Нет, ни разу.

— Ни разу? Тебе не кажется это странным? Столько у Аркадия любовниц, а ребенка всего четыре. Притом два неизвестно от кого. Не факт, что он и всем четверым отец. Слухи ходили, что дети не его. У жены в деревне любовник был. Съездит туда, потом беременная ходит.

— Но сын-то его полная копия.

— Мама, ты шоу двойников видела? Люди и близко не родственники, в разных странах живут, а как две капли воды похожи. И таких много. Внешнее сходство ничего не доказывает. Похож или нет — это не аргумент. Любовник похож на мужа.

— А ДНК тест на родство они не проходили. Не делали тогда такого.

— Не факт, что и дочка его. С женой они не были расписаны. И погуливала она. Бабульки говорили, что Аркадий в плане ублажить женщину был так себе. Вот она и добирала на стороне.

— А теперь и не установишь родство. Он похоронен. И старое его барахло дочка куда-то дела. Раздали, наверное. Принято же вещи покойных раздавать людям на память.

— Честно скажу, не понимаю я этого. Одежду покойного носить. Бр-р-р... Это все новости?

— Больше она ничего про него вспомнить не смогла.

— Тогда будем исходить из того, что претендентов на квартиру или другое какое наследство всего четыре человека.

— А жена законная?

— Она умерла почти три года назад. Остались от сторожа четыре ребенка. И надо установить, из-за чего весь сыр бор. Почему кто-то стал конкурентов мочить?

— Может, все-таки случайно он отравился?

— Мам, ну уже не смешно. Говорю же, не пил он не проверенное пойло.

— А у соседа?

— Там рецепт, проверенный временем и самим соседом. Вот смотри, какая история вырисовывается. Семейка решила выпить. Отцу надо утром на работу. Поэтому он решил, что пол литра им на троих за глаза хватит. Открыл закупоренную бутылку.

— Откуда знаешь, что она закупорена была?

— Дочка рассказала. Открыл, налил, они все втроем выпили. И так до дна. Потом отец вспомнил, что ему утром на работу. Дочка его звала пойти продолжить гулянку к соседу, но он отказался и лег спать. Они у соседа выпивают самогон, и спирт нейтрализует действие метанола. Они живы и приходят домой. Их вырвало, но это мелочи. Вернулись, а дома труп лежит и их дожидается. Если отец с ними ушел бы догнаться, остался бы жив. А так помер.

— Больше он ничего не пил? Может, они ушли, а он заначку достал откуда-то и выпил.

— Не было в доме заначки. У них психология другая. Они все пьют. Им прятать пузыри не от кого. Да и зачем?

— Логично. Значит, отравили. Почему он не заметил, что бутылка вскрыта?

— Интересный вопрос. Значит, убийца купил бутылку нормальной водки. Вылил или поменял содержимое. И у него есть возможность и способ закрыть заводским способом. Или он просто народный умелец и знает, как это сделать.

— Как?

— Мне алкаши у пивнушки рассказали, как это можно сделать. И никто следов не заметит. Аркадий домой пришел уставший. Ему не до тонкостей было. Проверил акциз, открыл, сорвал пробку, спокойно выпил. Умер тихо во сне, и никто ему на помощь не пришел. Бутылку не смогли найти, да и телефон его куда-то пропал. Кто и куда унес? И зачем?

— Ты сейчас чем заниматься будешь?

— Сейчас я стану общаться со второй дочкой убиенного.

— От первого брака? Ты знаешь, как ее найти?

— Знаю. В интернете.

— Есть ее координаты?

— Тетя Катя дала.

— А у нее откуда?

— Ей внучка помогает интернет освоить.

— Какая молодец.

— Тетя Катя? Или внучка?

— Обе молодцы.

— У меня еще идея. У Веры Михайловны записи взять за месяц можешь?

— Смогу. А зачем?

— Они следили за сторожем весь день. Значит, у них были сообщники. И где эти два мужика жили? Квартиру снимали? Вот завтра по видео станет понятно, в какой дом они часто заходили. И вычислим, где они жили. Бабульки сказали, что помогут. Они всех знают, кто квартиры сдает.

— А если они где-то в другом месте снимали?

— Тогда не вычислим. И придется опрашивать пацанов: те могли их видеть. В общем, все послезавтра. Сегодня уже набегалась так, что ноги гудят. А мне еще завтра работать весь день.

— Иришка, может, бросишь это кафе? Деньги у нас есть. Скоро наследство будет. Да и так ты накопила прилично. Интересно. Вроде ничем не занималась, просто совала всюду свой нос, вела какие-то расследования. А деньги все-таки умудрилась заработать. Да еще столько. Как у тебя это получается?

— Работать я буду. Там неизвестно какое наследство. Может, долгов больше, чем

плюшек. Тогда я от него просто откажусь. Мне и так вся эта история не нравилась.

— Начни что-то новое. Кстати, Палыч-то как там?

— Из принципа цепляется за офисы. Агентство давно сдохло. Заказов нет никаких. Ему кто-то рассказал, что я в его офис хочу заехать. Вот он и упорствует.

— А ты что? Может, его поторопить?

— Зачем? Пусть он сам себя ликвидирует. Не буду ему мешать. Он сам себя хорошо разоряет. От злости постарел, подурнел.

— Сам себя поедом ест. Правильно ты тогда сказала, что он козел.

— Козлик был сегодня зол, он узнал, что он козел!

— Он в кафе не был?

— И сам ни разу не был. И работникам под страхом увольнения запретил к нам приходить.

— Его бесят не его неудачи, а твои успехи. Завидует.

— Похоже на то. Завистник обыкновенный. Страна производитель: Россия. Я пойду в интернете посижу. Посмотрю, чем дочка сторожа жила. А потом буду думать.

— А следователь что-то нарыл?

— Не знаю. Мы с ним договорились, что он на работу новости приносит. Приходит обедать и что раздобыл мне несет.

— А если что-то важное?

— Тогда срочно в кафе идет. Или мне говорит, куда подойти. Знаешь, он глуповат, но в части халявы мозг у него работает отменно.

— На халяву они все падки. Этот хоть не выделяется?

— Не выделяется, поскольку думает пожирнее сливки снять, а если повезет, то и сметаной мент полакомится. Пошла я работать.

Долго я просидела за ноутбуком. После полуночи пошла спать, когда глаза уже слипались. Как только голова прикоснулась к подушке, меня сморил сон.

Утро. Все снегом накрыло. Белоснежная пустыня. Апокалипсис. Хорошо, что мне на работу ездить не надо. Пешком дойти десять минут. По такому снегу идти одно удовольствие. Вывела Грейса прогуляться, а он стал носиться как угорелый и с разбега в снег кидается. Дворник кучи нагреб, и наш дурачок в них ныряет, как щенок жизни радуется.

На работу шла, раскидывая ногами снег. В воздух взлетали снежинки, и это было так красиво. Сказочная зима. Снег под ногами хрустит, как в детстве. Вот оно, счастье...

— Девочка, что ты снег ногами раскидываешь? И почему ты не в школе?

— Я не учусь.

— Куда только опекунский смотрит? Где твои родители?

— Дома. А папа в командировке, — отвечаю я растеряно.

— Быстро в школу, иначе родителям твоим расскажу.

И тут на меня напал такой гомерический хохот. Ничего, кроме смеха, не услышала тетка в ответ. Разозлилась и поковыляла себе дальше. Я пришла на работу и посмотрелась в зеркало. А точно я на девчонку похожа: румянец во всю щеку, глаза ярко блестят, маленькая и худенькая. Прогульщица уроков, короче. Как хорошо жить! Вот отругала меня женщина ни за что, а вроде и комплимент нехотя сделала. Все-таки так здорово!

Открыла кафе. Начался рабочий день. Клиенты шли косяком, но мы уже к этому потоку привыкли. Дети в одном зале, а взрослые в остальных двух. Все наелись, все довольны. Официантов мы так и не стали нанимать. Люди сами себя обслуживают по-быстрому, зато

мест свободных нет. Проект можно считать успешным: у нас уже и прибыль пошла, и затраты отбились. Свадьбы, дни рождения, корпоративы... Мы все проводим. Голова кругом от забот.

И вот она, первая неприятность. Никита пришел. Почему он приходит сюда, когда ему вздумается? Что ему еще надо?

— Привет.

— Здравствуй. Чем обязана?

— Пришел поговорить.

— Мне некогда.

— Тебе всегда некогда. Никогда на меня времени нет.

— Почему никогда. Мы с тобой договаривались встретиться. Ты не пришел.

— Я не мог. У меня были обстоятельства.

— Новая протезе требовала внимание? А сейчас мне некогда. Ты же видишь, я работаю.

— Нет у меня никого.

— Мне это не интересно. Что ты хотел? Зачем пришел?

— Поговорить хочу. И когда теперь ты соизволишь уделить мне время?

— Не знаю. У меня куча дел.

— Я. Я твоя куча. Ты о муже хоть иногда думаешь?

— Если честно, то нет. Мне просто некогда.

Тут смотрю, Петька с пацанами прискакал. Что-то мне с улицы маячат. Вот и почему он не в школе? Уроки уже начались.

— Ты почему не в школе?

— У нас бомбу ищут.

— Опять хулиганы позвонили? У вас там МЧС работает?

— Ага.

— И сколько будут искать?

— Часа два.

— А сюда чего примчались?

— Про пустырь поговорить. Когда начнем?

— Я же тебе все сказала вчера. Завтра станем разрабатывать план. Потом с пацанами в субботу и воскресенье там будем крутиться. Не в ущерб школе. А теперь в школу шагом марш.

Смотрю, они стройным шагом пошли в школу. Петька возглавляет толпу. Он намного выше всех, поэтому со стороны выглядит, как будто взрослый ведет учеников в школу. Великан и много гномов...

— Для других ты время находишь. Даже для чужих.

— Никита, ты сам подумай. О чем нам говорить? Мы все друг другу уже много раз сказали. Хотел свободы? Я тебе ее дала. Зачем ты мучаешь себя и меня? Просто давай разведемся. Тихо и мирно. Ты же на самом деле меня уже не любишь.

— Я тебя люблю.

— А действия твои доказывают обратное. Любви уже нет. Да и была ли?

— Была. Я тебя любил.

— Вот теперь ты правильно сказал. Любил. Все в прошедшем времени. Было да прошло. Нет уже того чувства, что было между нами. Ты живи своей жизнью. А я буду жить своей.

— Я не могу. Я без тебя не могу.

— Сможешь. И мог. Ты почти неделю, как с этой лысой познакомился и стал встречаться, мог без меня жить. Спиной ко мне всегда поворачивался. Не слышал и не видел меня. Как на пустое место смотрел. Меня уже тогда в твоей жизни не стало. Вот и я теперь к тебе спиной повернулась. А ты как хотел? Заведи новую пассию. Отвлекись. И меня забудешь.

— Я не хочу других.

— Он не хочет... Зато я хочу. Мое желание ты когда станешь учитывать? В общем, через неделю я подам заявление на развод в суд. Извини.

— Даже не выслушаешь?

— Хорошо. Чувствую, что ты так просто не отстанешь. Давай после работы и поговорим.

— Где?

— Приходи сюда в кафе к закрытию. У нас будет время поговорить.

— Я приду. Я обязательно приду.

Не могу понять. Зачем он ходит и скулит, как побитый пес, которого выгнали из дома за то, что нагадил на ковре? Самое интересное, что и друг его Александр перестал мне цветы дарить.

Устал от ухаживаний? Или муж прав, и он ему напакостить хотел? Развести с женой и отомстить за старые обиды. И главное, что в кафе он ни разу не приходил. Цветы дорогие слал? Так это давно было. А сам к «любимой» ни разу не пришел. Прошла любовь, завяли помидоры и больше им не зацвести...

И третий ухажер что-то затаился. Этот улыбчивый Иван. Мне улыбался, за ручку держался. Старомодно спросил разрешения ухаживать и слился.

И как это понимать? Это фиаско, сестра. Ты никого уже не прикалываешь. Все трое смотрели удочки. Даже старый Ванечка... Охохонюшки. То много женихов, не знаешь кого выбрать, то ни одного. Даже завалиющего мужичонки на пороге. Пусть и без цветов...

И тут кто-то рядом закашлял так показательно, чтоб на него обратили внимание. Полисмен пришел. Значит, что-то интересное нарыл. Или уже время обеда? Посмотрела на часы. Да нет, еще рано. Посмотрим, что он там накопал по своим каналам...

— Давно стоите?

— Да нет, наверное.

— Тогда пройдем в офис. В школе торчали?

— Вы уже знаете? Правильно. Школьники сразу сюда рванули. Донесли.

Зашли в офис. Я принесла нам кофе и пирожные. Время обеда еще не настало, так что можно обсудить новые сведения, пока аврал не начался. Я закрыла дверь на ключ, и мы приступили к обсуждению.

— Значит так, Самойлов Аркадий Иванович был официально женат один раз и не разводился. После смерти жены не женился. Жил вдовцом. Имел двух детей, рожденных в браке. Еще имел дочь, рожденную вне брака от сожительницы. Признал ребенка сожительницы своим официально.

— Есть еще один его ребенок. Но он его официально своим не признал.

— Почему?

— Утверждал, что беременная она не от него. Женщина попыталась его судом припугнуть, но оказалось, что Кашина Валентина Спиридоновна со многими мужчинками

спала. Аркадий ей пообещал предоставить в суд свидетелей этого прискорбного факта.

— Почему вы назвали их мужчинками?

— Они перестали быть мужчинами после того, как стали распускать по-бабьи свои языки.

— Понятно. Но она же с ними спала.

— И что? Обязательно об этом трепать на каждом углу? Они сплетники и хвастуны. Хуже баб сплетни собирают...

— А она что?

— Переехала в другой район. Наведите о ней справки. Кто она теперь и чем занимается. И про сына ее. Кстати, я думаю, что отравить хотели не только отца, но и дочь с зятем.

— Почему тогда они живы?

— Их вырвало. И они потом самогонку пили у соседа.

— Да. Такое может быть. Этиловый спирт — антидот метанола. Повезло им.

— Кстати, я выяснила. У нас паленым алкоголем нигде не торгуют. Только через дорогу в красном магазине. Это не в наших домах.

— Красный — это название магазина?

— Это цвет здания. Оно одноэтажное, из красного кирпича. Вот адрес. Там азиаты разливают суррогат. Можете накрыть их с отравой. Увозят они отраву обычно по понедельникам. Поторопитесь бы надо...

— Понял. Сегодня доложусь.

— Там два входа из самого магазина. Из подвала два выхода. Смотрите, не упустите, — сказала и протянула следователю адрес.

Он передал мне свои сведения. Я ему на словах рассказала все, что еще про этого похотливого деда узнала. Обмен неравноценный. Сами посудите: он мне документы, а я ему сплетни. Хотя мои сплетни полностью совпали с его официальными сведениями. И мы довольные распрощались.

На сегодня все. Осталось только вечером с мужем поговорить. И отчалию домой. Решила на ночь глядя прогуляться с Грейсом. Погодка чудная. Чего не погулять?

Ну вот и закрывать кафе пора. Никита пришел. Ждет. Не торопит. Закрывает кафе. Сдала на сигнализацию. Денег мы в кассе не оставляем. Да и большинство посетителей рассчитывается картами. Налички почти нет. На охрану ставим только из-за оборудования. Оно дорогое...

Никита открыл дверцу, я села в машину. Там тепло, уютно и привычно.

— Я думала прогуляться.

— Давай в машине посидим. Нам поговорить надо.

— Раз надо, говори.

— Иришка, давай начнем заново?

— Зачем?

— Я тебя люблю.

— Ты любишь. А мне это зачем?

— Ты меня любила? Хоть чуть-чуть? Любила?

На меня нахлынули воспоминания. Еще эти запахи в машине. Все хорошее вспомнила. Он понял, что я рассиропилась, и стал меня целовать. В общем, сами не заметили, как оказались на диване в офисе. Наслаждались прикосновениями, поцелуями, друг другом. Стонали, охали...

Вдруг дверь вылетает из замка и над нами три громы с автоматами. Это как? Нормально? Они поняли, что происходит и стали откровенно ржать.

— С сигнализации надо было снять, — ответили они на недоуменный взгляд мужа.

— Как в былые времена, — он тоже стал смеяться.

— Почему все время в офисе?

— И почему все время полиция с автоматами?

Мы лежим голые на обозрение. Только одеялом прикрывшись и смеемся.

— Хозяйка, иди, закрой за нами.

Вышла в зал, закутанная в одеяло, чтоб дверь за ними закрыть.

— А я вас помню. Я тогда в полиции служил. Мы к вам приезжали, когда на вас сосед снизу жаловался. Вы тем же самым занимались, — сказал и хохочет откровенно.

— Муж приехал.

— Тогда понятно. Штраф выписывать не будем. Скажем, ложная тревога. Но вы уж в следующий раз голову не теряйте.

— Хорошо, — ответила, а сама стою, краснею.

— Кстати, хорошее у вас кафе. Жена с сыном в восторге.

— Спасибо.

Смотрю, они опять хохотать стали. Сзади Никита подошел и прижался. Тоже в одеяло завернулся.

— Счастливой брачной ночи! — подколот нас старший группы.

— Спасибо.

Они вышли, мы закрыли дверь. Никита подхватил меня на руки. Те на улице стали еще громче смеяться. Поняли, чем мы заниматься будем. Вот и заржали жеребцы.

Всю ночь мы только тем и занимались, за чем нас застукал наряд охраны. Потом Никита сделал мне предложение руки и сердца. Надел мне на палец обручальное кольцо. Я не сопротивлялась. Но и согласие не дала...

Предупредила маму, что в кафе ночую с мужем. Она меня поняла.

Рано утром я подскочила.

— Никита, пора вставать.

— Спи, Иришка. Рано еще.

— Сейчас придут поварята.

Только сейчас до него дошло, что он не у себя дома. Пытался о чем-то поговорить. Но было не до разговоров. Надо бывшего мужа быстрее из кафе выпроводить. Открыла дверь. Никита вышел, сел в машину и уехал. Я позвонила и сняла с охраны кафе. Приготовилась встречать смену. Поварята если и удивились, что хозяйка пришла раньше их в кафе, то вида не подали. Не их дело, что она в такую рань в своем кафе делает.

Я дождалась Альбину Владимировну. Сдала пост и побежала домой спать. Почему спать? Да потому, что мой муж не дал мне заснуть до самого утра. Только под утро я задремала. Хорошо, будильник на телефоне сработал, а то застукала бы нас Альбина голыми в обнимку на офисном диване.

Прибежала я домой и сразу бухнулась в ванну отмокать. Потом вышла свежая и голодная. Мама на кухне сидит. Петька убежал получать знания. Чувствую, что будет у нас с мамой разговор серьезный.

— Ты как себя чувствуешь?

— Нормально.

— Решила к мужу вернуться?

— Нет. С чего ты взяла?

— Вы же вчера не газету «Вечерняя Москва» читали? Я правильно поняла?

— Не читали, ты права. Именно тем и занимались. Я голодная. Покормишь?

— А муж тебя не покормил?

— В каком-то смысле, накормил.

— То есть?

— Сказочками он меня вчера кормил. Как нам будет с ним здорово, если я опять к нему

вернусь.

— Судя по тону, ты не собираешься возвращаться.

— Не собираюсь. Ты права.

— Можно узнать, почему?

— Можно. Понимаешь, мама. Я его разлюбила.

— Ты это вчера поняла?

— Сегодня. Лежала утром на диване. Никита спал, а у меня было время спокойно подумать.

— А ты хорошо подумала?

— Знаешь, он бы мне опять стал изменять. Не сразу, а через год или через два. Я бы опять простила. И он опять бы изменил. Я опять, в который раз прощу. И будет так всю жизнь. Я вчера лежала, рассматривала его и думала. Вот он меня ласкает, а где его руки были? Кого ласкали все это время? Вот он меня целует, а кого еще его губы целовали? Где были, в каких чужих местах и на каких чужих девках за это время отметились? Про остальные части тела вообще лучше промолчу.

— Ты думаешь, что пока ты жила тут, он там гулял?

— Не знаю. В том-то и дело, что не знаю. Раньше знала. Другие бабы ему не были нужны. Он их просто не видел. Не замечал. Я была его светом в окошке. Меня он боялся потерять. До дрожи в коленках боялся. А теперь? Я буду хранить ему верность, а он все, что шевелится, будет трахать?

— Ну да, противно.

— Вот именно. Как будто общий муж. Один на всех. Этаким общественный мужчина. И скоро я спала бы с общественным мужем.

— Господи. Омерзительно-то как.

— Вот именно. Почти как общественный туалет. Можно туда разок сходить, но только если уж совсем приспичило и терпеть нет мочи. И то с брезгливостью и со страхом. А вдруг сразу какую жуткую подцепишь? Удовольствия на минуты, а страху натерпишься и неопределенности на месяцы. Ну его на фиг, такое счастье...

— Думаешь, он все-таки изменял тебе?

— Не знаю. Мужчина он пылкий. Сексуальный. Куда-то же он свою энергию сбрасывал. Может, на девок чужих. Не знаю. И не хочу уже знать. Это как разбитая ваза. Можно, конечно, ее склеить. И трещины видно не будет, но мы знаем, что она с трещиной. Вода оттуда капельками просачивается. Так всю жизнь и будем подтекать.

— Значит, больше ты ему не веришь?

— Не верю. И больше не хочу верить. Вот в чем беда. И как с ним теперь вместе жить? О чем с ним разговаривать? Вернусь, придется провести с ним рядом всю жизнь. А нет уже того тепла, радости и веры...

— Ты пойми, он просто привык, что ты всегда рядом. Успокоился и думал, что ты будешь при нем всегда. А он станет погуливать. Многие так делают. А он чем хуже? Тем более, что он до тебя девок как перчатки менял.

— Понимаю.

— А теперь его любимая игрушка может достаться другому мальчику...

— Не надо искать ему никаких оправданий. Если человек так поступил, значит, он так хотел. Знаешь, мама. Я вчера окончательно решила с ним расстаться. И так мне захотелось сильных романтических чувств. Любви, сводящей с ума.

— Безрассудства и глупостей? Как раньше?

— Вот именно. Чтобы голова от мужика кругом. Любви хочу безбашенной, когда ошибка за ошибкой. А тебе по фиг. Потому что любовь... Чтоб не жалеть ни о чем, чтоб нестись в урагане страстей. И не оглядываться назад, и не думать со страхом, что там, впереди. И пусть будет, что будет...

— Значит, мужа в отставку? Решено?

— Да. Закрываю перед ним двери. Он мне больше не муж. А дальше — хоть стучи, хоть пинай, разрешается даже бодать дверь лбом или рогами.

— Даже рогами? Ты ему изменяла?

— Нет. Я-то как раз была верной. Может, потому и обидно так. И больно. Могла бы мести хвостом налево и направо. Но не хотела изменять.

— Понятно.

— Если я с ним останусь, я буду вынуждена от него погуливать. А мне это противно. Если и муж, и жена не верны, зачем тогда они вместе? Не честнее просто расстаться? Зачем таким семья? Хочу верного мужа. И верной женой ему быть хочу. Вот такая я у тебя старомодная.

— Не старомодная. Просто честная.

— Только кому от этого легче. Ну ладно. Пойду посплю.

— Если твой бывший придет, что ему сказать?

— Скажи, что его отправили на заслуженную пенсию.

— Это как-то слишком жестоко.

— Тогда скажи, что на нашем рынке нет на него спроса.

— А если без шуток?

— Ничего не объясняй. Он получит повестку в суд. И сам все поймет.

* * *

Никита летал от счастья. Ну все. Иришка его простила. И такой фейерверк ему ночью устроила. Вот что значит скучала по мужу. Любит, значит. Не смогла сдержаться. Переспала с ним.

Каким же он все-таки дураком был, что на другую позарился. Вечером решил поехать к жене на работу. Надо на нее надавить маленько, чтоб она поскорее свои вещи собирала. Пора домой возвращаться. Попсиховала и хватит. Пора мириться.

Заказал большой букет для Иришки. И чуть поменьше с белыми розами для ее матери. Так будет правильно. Может, мать на нее окажет влияние, и семья быстрее восстановится. Раньше ее мать ему помогала. Бывало, они ссорились, а мать их мирила. Есть у него

сомнение. Она ничего на его вопрос не ответила. А он, уходя, специально громко спросил, когда она вернется к нему. Хотя жена занята была. Кафе это чертово... Сегодня вечером все и решится.

Он устал спать в пустой постели. Как ему было хорошо с ней он понял, только когда она ушла. И то, что она вообще уйти может от него к другому мужику, он понял, когда увидел, как ее лапает его друг Саня. Нагло, как свою собственность. Целовал жадно.

И он испугался. Того, что она навсегда уйдет. И не будет больше смех ее колокольчиком разливаться. И не будет шуток ее на грани фола, а ему они нравились. И не будет больше ее дурацких расследований, когда кровь в жилах кипит от адреналина. Ничего уже хорошего не будет. А тут еще ухажеров целая пачка нарисовалась. Лакомый кусочек — его жена.

В кафе Иришки не оказалось. Сказали, что сегодня она выходная. Значит, наверняка дома отсыпается. Тем лучше. Там, если что, ее мать ему поможет. И вещи упакует. А можно и не брать вещи. Новые купим.

Никита подъехал к дому жены. Бабки с ним не поздоровались. Наверное, не помнят уже, кто он такой. Склероз у старух наметился...

— Здравствуйте, мама. А Иришка дома? — спросил и протянул теще букет.

— Иришка дома. Что хотел? — задала вопрос теща.

Никита понял, что плохо дело. Она от него даже букет не взяла.

Значит, злится на него из-за дочери. Не простила пока. Ничего. Он загладит свою вину. Простит рано или поздно. А там внуки пойдут. Куда теща денется?

— Иришка, тут к тебе.

— Иду. Кто пришел? — с вопросом вышла в коридор Иришка.

— Никита? Зачем приехал? — как натурально жена удивление разыгрывает.

— Собирай вещи. Ты переезжаешь.

— С какой стати?

— Мы же утром все решили, — растерялся Никита.

— Ничего мы не решили. Но ты прав. Пора расставить точки над «и». Пошли в кухню. Там и поговорим.

— Прими букет, любимая.

— Никита, давай без всех этих прыжков и ужимок. Я хочу получить развод. Желательно через загс.

— Почему? Все же нормально было. Что произошло? Ты же меня простила.

— Не простила. С чего ты взял?

— Зачем тогда со мной спала? Зачем меня в постель затащила?

— Ты еще скажи, что я тебя изнасиловала.

— Зачем ты со мной играешься?

— Я не играюсь. Я просто хочу развестись.

— Почему?

— Я тебя больше не люблю. А жить с нелюбимым человеком я не буду.

— Зачем тогда со мной спала, если жить не собиралась?

— Не знаю. Просто захотелось секса, вот и переспала.

От таких слов глаза у него сузились, губы сжал в тонкую ниточку. И выпалил со злостью все, что думал.

— Ты это специально говоришь, чтобы сделать мне больнее.

— Думай, как хочешь. Я считаю, что нам надо развестись.

— У тебя кто-то есть? Кто он?

— А хоть бы и так. Моя личная жизнь — не твоего ума дело. В общем, я тебе все сказала. Давай разойдемся по-хорошему.

— Я тебе развода не дам.

— Значит, ты будешь рогатым мужем.

И тут до него стало доходить. У нее кто-то есть. Она их вчера сравнивала. Как они в постели. Своего нынешнего любовника и Никиту. И сравнение не в его пользу. Кто это? Гена? Нет, она его не простит никогда. Саня? Может, и он. Для кого-то же он бегаёт и дом ищет. Или этот улыбочивый Иван? Никита видел, как она с ним тогда ушла. Значит, соперник. Значит, придется побороться. Он ее не отдаст в чужие руки, когда столько с ней прожил, столько в нее души вложил. Не отдаст никому. Фиг вам всем...

Попрощались. Вышел из подъезда. Бабки разом замолчали. Значит, они его не забыли. Помнят, кто он. Просто старушки на ее стороне. Бойкотируют неверного мужа. Мы еще посмотрим, кто кого...

Вечером я пошла с Петькой выгулять собаку. Договорились, что в выходные пойдем на пустырь, чтоб посмотреть будущую вотчину. Ребятню с собой возьмем и собаководов соберем.

А что? У нас нет площадки для выгула собак. А тут такой хороший пустырь и не занят. Почему бы его не привести в порядок и не сделать собачью площадку? Милое дело. Лай собак здесь никому не помешает и собачникам здесь будет хорошо: можно будет питомцев с поводка отпускать, чтоб побегали и поигрались. В парке-то сильно не разгуляешься. Там люди кругом...

На следующий день полицейский принес мне адрес Кашиной. У нее родился сын, который до сих пор живет с ней. Придется к ней в обед съездить. Интересно, как живет женщина, которая набивалась в жены такому никчемному человеку. И почему она именно Аркадия в отцы своему ребенку хотела? Он же алкоголик и не красавец. Зачем он ей сдался?

Дом, где жила Кашина Валентина, был новым. Только я собралась набрать квартиру по домофону, как дверь подъездная открылась и вышли жильцы. Я быстро заскочила в подъезд. Консьержки на месте не было. Повезло. В подъезде стояли цветы, кругом чистота и порядок.

Ну что ж, значит, у Кашиной материальных проблем нет. Дверь из дуба новая и красивая, дорогая к тому же. Я позвонила. Дверь открылась полностью. За дверью никого. Что бы это значило? Может, надо волшебное слово сказать?

— Сим-сим, откройся!

— Уже открылась. Что стоите, заходите.

— А кто со мной говорит?

— Идите прямо, потом направо. И увидите...

— Разуваться?

— Так иди.

Пошла, как было сказано. Сначала прямо, потом направо.

— Направо было сказано.

— А это и есть право для меня. Если идти в другую сторону, то тогда вы мне должны были сказать налево.

— Согласен. Сглупил. Налево.

Я пошла налево. Дверь в комнату отворилась.

— Даже без заклинания. Так выпьем же за кибернетика...

Хотела еще поострить, но открывшаяся мне картина меня удивила. Вся комната была заставлена какими-то декорациями. Костюмы лежали везде. А в середине комнаты стояла...

— Голова профессора Доуэля.

— Точно. Угадала. Извини, не могу подать руки.

— Ясно, что не можешь. У тебя ручек нет! — и дьявольски захохотала.

— Извини за бардак.

— Да ладно. Ты в цирковом учишься? Фокусник?

— Был. Только меня выжили. Пришлось податься в свободные художники.

— Ты клоун Вася или Бим?

— Клоун из меня фиговыйй.

— Почему фиговыйй? Прикрываешься фиговым листком? Тогда ты Аполлон Бельведерский.

— Не смешно скаламбурила. Где я со своим ростом и где Аполлон...

— Извини. Практики давно не было. Вот и отвыкла каламбурить. Что не так с клоуном? По-моему, на детские праздники это самый ходовой товар.

— Страшный почему-то получается. Вроде крашусь, как учили, а все равно страхолюдина какой-то выходит. Дети его боятся. Так что клоуна почти не заказывают.

— А кого заказывают?

— Снегурочка — самый ходовой вариант.

— Так это только в Новый год.

— И в Новый год, и в старый Новый год, и в китайский новый год.

— Китайский только китайцы и празднуют. Вернее, тайцы. Им-то Снегурка зачем? Экзотики захотелось?

— А черт их знает. Но заказывают...

— А по славянскому календарю? В двадцатых числах марта?

— Пока такого случая вообще не было.

— Да. Скромные люди у нас. Погоди. Какая Снегурочка? Ты же парень.

— Кто под платьем видит?

— Нормально. А грудь где берешь? Накладная?

— Ага. Классно получается. От натуральной не отличишь.

— Под раздачу не попадал?

— За что?

— А пьяные заказчики в углу разве не пытаются зажимать? Представляю картину. Зажал тебя мужичок в углу, стал тискать, а там хозяйство. Сразу охальник протрезвеет...

— Да, конфуз выйдет. Только Снегурочка из меня тоже так себе. Некрасивая. Вот и не зажимают меня в углу.

— А с пьяных глаз? Заказчик до приезда Снегурки много выпьет. У него глаз замылился. И ага! Попала внученька под изнасилование.

— С пьяных глаз? Тогда я получу в глаз. И это если повезет. А так могут и с лестницы спустить, чтоб летел, пердел и когтями махал...

— Ты вариант с изнасилованием не просчитал.

— С каким изнасилованием?

— С групповым...

— Отобьюсь.

— Уверен? А если их много и они в плане любви голодные. Да еще если извращенцы?

Тогда тебе кранты, внучка... Не ходи одна на вечеринки. Целее будешь. Неужели Дедушку Мороза себе в пару не нашел? Так защитил бы тебя напарник, если что.

— Да где его найдешь нынче. Тем более для некрасивой внучки... А у тебя был опыт Снегурки? Приставали?

— Было дело. Хотели потискать. Но я с их детьми за ручку и не расставаясь до самой двери. Они мне пока-пока, и я им пока-пока... Но у меня не было того, что есть у тебя... Так что мне легче было. Интересно было бы посмотреть на Снегурку со стальными фаберже...

— А ты к маме пришла? Ее сейчас нет. Она недоросля учит.

— Недоросля? Только одного?

— Подготовка к институту. Хорошие деньги нынче репетиторам платят. И зачем эти дебилы получают высшее образование? Все равно же потом по специальности не устроятся. Будут менеджерами работать. Деньги и время только тратят...

— Скоро мама придет?

— Может, через час.

— Пока ее ждем, ты мне клоуна-то продемонстрируешь?

— Да, пожалуйста. Мне не жалко. Только смотри, как бы не пожалеть, а то по ночам плохо спать будешь.

— Ой-ой-ой! Напугал ежа.

— Слушай, а ты забавная. Впервые с кем-то так легко разговаривать. Обычно слова подбирать приходится, а с тобой все так просто.

— Раз просто, то ответь мне на вопросы.

— Сколько угодно.

— Твоя мама на твоего отца злится?

— С чего бы? Они нормально с ней жили.

— А кто твой отец?

— Сейчас, погоди. Покажу.

Выскочил из комнаты. И побежал куда-то. Принес фотоальбом и стал показывать мне свой фотоархив.

— Это вот я родился.

— А фотка, где ты голенький на одеяле лежишь, почему отсутствует? Обычно мамы голеньким мальчикам норовят снять, а потом невестам этот компромат показывают.

— Эту порнографию я спрятал. Уничтожать ее рука не поднялась. Но всем показывать такое я ей запретил.

— А чтоб наверняка соблазна не было показать, ты ее спрятал? Покажи.

— Такое показывают невестам.

— Чтоб впечатлялись увиденным?

— Но ты же не невеста.

— А вдруг? Чем черт не шутит...

Он внимательно на меня посмотрел и полез куда-то в шкаф.

— Не надо, я пошутила.

— А то смотри, я могу и показать. Ладно, сжалюсь, не буду. Это мы на море. Здесь мне два года. Это...

В общем, он мне с такой любовью показывал фотки своих родителей, что у меня язык не повернулся рассказать ему про настоящего отца. Что этот отец ему не родной был. А тут и мама его пришла. Красивая и холеная женщина. Уверенная в себе.

— У нас гости? Что же ты, Славик, к столу не пригласил гостью?

— Сейчас, — сказал и побежал стол накрывать.

Что семья не бедствовала, я поняла сразу. Еще увидев дом и дверь в квартиру. А когда Славик стал доставать все угощенья, то я поняла, что сахарный диабет мне обеспечен. Значит, у этой семьи есть деньги и на дорогие конфеты, и на остальные вкусности.

Стол был накрыт по всем правилам сервировки. Значит, для Славика это дело привычное. Семья соблюдает определенный ритуал. Да и в квартире все было стильно и подобрано со вкусом. Уж не знаю, какая Валентина была в прошлом, но сейчас она была на порядок выше своих бывших соперниц.

— Итак, с чем к нам пришла гостья?

— Аркадий Самойлов умер. Знаете такого?

Она вздрогнула. Но постаралась взять себя в руки. Лицо заморозилось...

— Так вы пришли ко мне? Извини, Славик, нам надо поговорить с гостьей.

— А кто такой этот Аркадий?

— Это из прошлой жизни. Друг моих родителей. Давайте прогуляемся и там поговорим...

— Хорошо. Славик, пока.

— Приходи еще.

Мы собрались на улицу. Там она сразу ко мне с вопросами пристала. Лицо разморозилось и стало обычным человеческим. Значит, она его не выкинула из головы и не забыла.

— С чем пришли? Шантажировать? Как Аркашка?

— Нет. Я не знала, что он вас шантажировал.

— Тогда зачем явились к нам?

— Его убили. А по поводу чего он вас шантажировал?

— Сыну собирался рассказать, что он отец. Но я все равно сказала, что не буду ему платить ни копейки. Шантажистам платить нельзя. Тем более таким бессовестным.

— Когда он к вам приходил?

— Месяц назад он меня случайно встретил. Я как раз машину припарковала к супермаркету. И дернуло меня в этот магазин поехать. Никогда здесь не отоваривалась. Просто по пути было. Припарковала я машину, а тут он возник. Откуда только выполз змей...

— С чего он взял, что у вас есть деньги?

— Машину, наверное, увидел. Кольцо опять же на пальце. Мужу угрожал рассказать. Только это ему никак не удалось бы.

— Почему?

— А Славик вам не рассказал? Мой муж помер два года назад. Сердце...

— Извините. Я не знала.

— И я не знала, что у него больное сердце. Скрывал от нас со Славиком.

— А если бы узнали?

— Погнала бы стенты ставить. Это операция такая.

— Я знаю. У меня мама доктор.

— Сейчас эти операции на поток поставлены. Риска практически никакого. Вы не подумайте. Я мужа любила.

— А он вас?

— И он меня. Он меня беременную подобрал, обогрел, выучил и полюбил свою Галатею.

— Расскажите.

— Слушай. В общем, я глупая была. Меня же до тридцати лет мама с папой пестовали. Любили и берегли от всяких жизненных неурядиц. Поэтому я жизни и не знала. Потом умер сначала папа во сне. Через год мама. И осталась я одна. Стали вокруг мужики крутиться. Ну как же, девица со своей квартирой. Да еще трехкомнатной. Только я на них не смотрела, а их это злило. Сплетни стали сочинять: то одному я дала, то со вторым переспала. Больно охочая я до мужиков, по их версии оказалась. Первейшая потаскушка в районе. Мужики сочинили, а жены их меня ненавидеть стали за выдуманные грехи. Но я на это внимание не обращала. Пусть говорят, лишь бы ко мне не лезли.

— Вы с Самойловым как пересеклись? Честно говоря, так себе мужичонка.

— А этот гад меня силой взял. У нас отчет был, и сидели мы до позднего вечера в бухгалтерии. Отчет сдавать, а у меня не сходятся итоги в журнале. Вот я и искала ошибку. Поэтому домой пошла поздно. Он пьяный меня в подъезде зажал, ударил по голове и снасильничал.

— Потому вы и вздрогнули, когда я его имя назвала?

— Противно было. Я себя для мужа берегла, а он так грубо взял не свое. До сих пор противно и мерзко. Домой пришла, все с себя сбросила, помылась. Мочалкой себя часа два терла. На следующий день затемпературила и взяла больничный. Потом оказалась беременной.

— Почему аборт не сделали? Если изнасиловали, аборт делают.

— Сначала хотела сделать аборт, но мне ночью родители приснились. Сказали, что не надо. Я и не стала. Аборт же все равно убийство. Сказала этому Аркадию, что беременная от него, а он стал меня перед всеми позорить. Выдумал, что я сама к нему в трусы залезла.

— Обычная уловка бесчестных мужиков.

— А потом меня травить стали на работе. Выжили. Я квартиру поменяла. И район был хуже, и квартира хуже, но мне от этих бы подальше. Только этого хотела. Устроилась на работу. Начальник узнал, что беременная, стал выживать. Я и уволилась. Боялась за ребенка.

— А потом?

— Сажу как-то на скамейке, плачу. Жить не на что: денег нет, работы нет. И скоро ребенок появится. Да еще и мать одиночка.

— Не позавидуешь...

— Сажу. Вдруг мне на колени роза шикарная падает. Подняла глаза, а там такой красавец стоит. Думаю, сейчас скажу что-нибудь и чары развеются. Исчезнет красавец. Или вообще скажет, что обознался. Но нет. Стал он меня успокаивать. Вот так я с мужем и познакомилась. Он меня на следующий день в загс потащил. Беременных сразу расписывают. И ребенка он своим признал. В общем, стал меня учить всему. Учиться заставил. Потом через друзей и на работу пристроил.

— Значит, не было бы счастья, да несчастье помогло.

— В данном случае так и получилось. Муж мне попался хороший, добрый, ласковый. Я этому Аркадию благодарна, что он меня так оскорбил и унизил. Одно жалко, я мужу детей не смогла родить. Страдала от этого. А он моего Славика, как родного воспитывал и баловал, как своего.

— Славик не знает, что отец ему не родной?

— Не знает. Мы с мужем скрывали, но придется рассказать. Боюсь я этого. Вдруг он меня возненавидит?

— Смотрите сами. От меня он точно ничего не узнает. Так что не бойтесь. Самойлов умер, а больше правду никто точно и не знает. Стойте на своем и все тут. Правда уже похоронена в могилах вашего мужа и этого насильника.

— А вам мой мальчик понравился?

— Ага. Только я замужем.

— А кольцо где?

— Дома. Соскальзывает с пальца.

— Жаль. Вы ему сильно понравились. Как вас звать?

— Ирина. А Славик — это Ярослав?

— Владислав. Влад и Слава.

— Хорошее имя.

— Вы мне не сказали. От чего он помер?

— Водки паленой напился. Он вообще алкашом стал запойным.

— Вот меня бог миловал. Беду отвел. К нам зайдешь?

— Нет, домой поеду. До свидания.

— Прощай.

Прощай, так прощай. В друзья к ней набиваться не собиралась. И к сыну ее тоже. Я ее понимаю, почему она со мной прощается. Я тайну ее знаю. И она боится, что проболтаюсь случайно. Поэтому и не хочет, чтоб я приходила. А я кремень. Буду молчать. Не моя тайна, не мне ее и раскрывать. Она и так хлебнула от сплетников...

Приехала в кафе. Никаких происшествий не было. Все усердно работают. Все нормально. Пошла в офис. Только села в свое кресло, расслабилась и собралась кофейку попить, как пришел Петька.

— Мне звонил Айболит.

— Он под деревом сидит?

— Кинолог готов поработать с Грейсом. Учеба в субботу утром.

— Почему именно в субботу?

— В другое время он не может. Сильно занят. Но за субботу и воскресенье он пса обучит.

— Мы же на пустырь собирались? Что делать будем?

— Совместим.

— Нет. Давай сначала с учебой закончим, а потом на пустырь. Навряд ли он весь день нам уделит. Скорее до обеда с нами позанимается, а потом мы на пустырь пойдем.

— Согласен. Хороший план.

— Ты только для этого приходил?

— Вера Михайловна какие-то записи передала. Смотреть будем?

— После работы. Дома.

День закончился быстро. Пошла сначала домой, но потом решила просто погулять. Смотрю, Петька бежит радостный. Чему радуется? А потом вспомнила себя в его возрасте. У меня постоянно рот был до ушей, и я все время веселилась. Даже завидно стало. Дожилась, что сама себе завидую. Эх, где мои семнадцать лет...

Меня не отпускала эта история с Кашиными. Что-то не сходилось. Мимика и слова не вязались. Почему спустя столько лет она вздрагивает, как от пощечины? Настолько

отвратителен был насильник? Или она действительно думала, что шантажист мертв, зато теперь пришли другие шантажировать?

Деньги этого Аркадия ей не нужны, это точно. А сыну ее? Он же временно без работы. Хотя под Новый год даже страшная Снегурочка много денег заработать может. Это же надо, парень нарядился Снегурочкой. Почему не Дедом Морозом? Хотя какой из него Дед Мороз? Плюгавенький, невзрачный, несолидный...

Славик соответствовал своему имени. Был славным, но маленьким. Черненький, востроносенький. Глазки-маслины блестят. Чуть выше меня ростом. И какой он Дед Мороз с таким росточком? Пыталась угадать по внешнему виду, сколько ему лет. Не смогла. Ему одинаково можно дать и тридцать, и сорок. А если судить по размерам, то и двадцать. Это как мне мой возраст не дают.

А бабульки-то наши стервы. И мужья их — сволочи. Надо бы изучить жизнь Кашиной. Вдруг там двойное дно есть. Люди себя обеляют перед другими. Вот и в ее случае ничего не проверишь. Насиловали или нет? От Аркадия сын или нет? Гуляла или нет? Ни на один вопрос теперь точный ответ никто не даст. Так что тайна сия покрыта мраком.

Завтра с утра к Максиму надо забежать. Еще кое-что попросить сделать. А сегодня займусь изучением биографии Кашиной и ее сына. А так же посмотрю то, что прислала Вера Михайловна. Все-таки интересно, зачем мужики следили друг за другом. Завтра пятница, а там и выходные...

На следующий день была запарка. Народ как ошалел, повалил сплошным потоком. В обед пришел следователь. Понравилось ему ко мне ходить: и покушать вкусно на халяву можно, и информацией разжиться.

— Что с Кашиной?

— Она не могла убить.

— Почему?

— Ей не нужны деньги. Тем более от Самойлова.

— Деньги нужны всем.

— Но не ценой убийства. И не от этого человека.

— Хорошо. Деньги ей не нужны, а месть ты в расчет не берешь?

— Мстить ему было тоже не за что. Она выгодно вышла замуж.

— Она же старая дева была. Да еще и беременная. Кому она нужна?

— И что? Женщина она симпатичная. Замуж ее взяли, с мужем она жила счастливо. Ребенка он признал своим.

— Метрики видела?

— Нет. Но фотографии семейные видела. А свидетельство о рождении вам проще поднять. Хотя есть у меня связи в загсе. Попробую завтра все сделать.

— Не идет у нас работа в этом деле. Застопорилось...

— А как там с магазином?

— Взяли бутлегеров этих. Отраву знатную готовили. Сколько людей бы потравили. Все изъяли. Теперь по магазинам изымают.

— А вас поощрили хоть?

— Благодарность объявили.

— Только благодарность?

— И премию выдали. Хотя там такие копейки.

— Наркоторговцев накроете, вам звездочка прилетит на погоны.

— Хорошо бы побыстрей.

— У меня просьба. Мне надо с этими людьми поговорить, — говорю и протягиваю ему готовый список.

— А эксперт-то вам зачем?

— Нужно.

— Он не будет вам ничего рассказывать.

— Вы сведите, а дальше я сама попробую его разговорить.

— Все же в заключение есть.

— Мне нюансы кое-какие надо узнать.

— Давай так сделаем. Ты мне вопросы напиши, а я их официально задам.

— Хорошо.

Я быстро накидала ему на листочке все вопросы, на которые хотела получить ответы.

Он их прочитал и удивленно посмотрел на меня.

— Разве этого нет в посмертной экспертизе?

— Нет. Поэтому и спрашиваю.

— И это действительно важные вопросы?

— Очень важные.

Он хмыкнул, но спорить не стал. И то хорошо. Не хотелось бы тратить время на то, чтоб убеждать его в важности ответов.

Вторая половина дня пролетела незаметно. Оглянуться не успела, как пора закрываться. Иду домой. Снег в руку набрала. Снежок сделала и кинула вдаль. Мимо за снежком пронесся Грейс. Наверное, Петька на прогулку вывел. Поймал. Умница. Ничего, займемся завтра твоим воспитанием. А то бегают тут кабан, честных людей пугает...

В субботу под утро снега намело так много, что ни о каком пустыре и речи быть не могло. Кто-то позвонил на телефон. Номер незнакомый. Ответила.

— Алло.

— Здравствуйте. Вы Ирина?

— Кто спрашивает?

Кинолог. Мы договаривались о тренировке.

— Угу.

— Я уже приехал.

— Куда?

— Стою у ветклиники. Подходите.

— Бегу.

Заметалась. Почему он в такую рань приехал? Восьми еще нет. Темнота кругом. Петька спит, я стала его будить. Тот еле глаза открыл. Понял, что я ему говорю. И теперь по квартире стали метаться двое. Наконец-то мы готовы. Пес уже давно свою амуницию собрал. Сидит и терпеливо нас ждет.

Наводить марафет я не стала. Так, зубы почистила, волосы расчесала. И хватит. Перед кем прикажете наряжаться? Перед собачником? Наверняка мужичок толстый и лысенький заявится. А для него и так сойдет.

Пока шли, Петька меня достал. Его волнует цена вопроса. Я сказала, что навряд ли она запредельная. Иначе тренер в субботу отсыпался бы, а не позарился на мелкую подработку. Хотя зря я не обговорила цену. Сейчас много запросит, и что мы делать будем? Отказаться уже неудобно. Вроде как сами напросились к занятому человеку. Потеряла я хватку.

Расслабилась. Теперь будем платить столько, сколько потребует. Впредь мне наука...

Подожли к ветеринарке. Рядом ни одной живой души в радиусе ста метров не наблюдается. Только мы с Петькой и Грейсом задницы свои морозим. Машину какой-то идиот неудачно поставил. Раскорячился на весь проезд. Подошла к двери клиники, дернула. Никого. Значит, кинолог не сидит и не пьет с Васей чай, ожидая нас. И где же он? Думала позвонить собаководу этому, чтоб узнать, где он потерялся.

Дверь машины открывается и оттуда выходит...

— Шкаф трехдверный.

— Нет, ты не прав, Петька. Это шкаф с антресолями.

— Интересно. А в антресолях мозг есть?

— Ты про поговорку вспомнил? Если по ней, то там должно быть пусто.

— Я понял, почему Грейс и он общий язык нашли.

— Одного уровня у них умственное развитие. Такой шкаф как гаркнет — обделаться можно. Поневоле все команды выполнишь.

Так мы с Петькой тихо переговаривались, пока он подходил к нам. Вблизи он был еще красивей. Наверняка женат. Не могли бабы такого красавца упустить и не захомутать. Кольца нет на пальце, но это не показатель. Мужики часто кольца не носят. Почему мне так не везет? Не мужик, а сказка. И мой размерчик. Как я люблю. Ну почему я такая дура и замуж выскочила за первого встречного? Дурища...

— Вы Ирина?

— Ага.

— Вашего питомца тренировать надо?

— Ага.

— Это он? — показывает своей ручищей на Грейса.

— Ага.

— По-моему я его как-то тренировал.

— Ага.

— Ну что? Приступим?

— Ага.

— Здесь будем заниматься. Или есть другое место?

— Ага.

Он на меня так посмотрел. И почему я так дебилно ему отвечаю? Он, наверное, подумал, что я недоразвитая. Нет, не подумал. Привык к тому, что бабы от него дуреют.

Все красавцы — мерзавцы. Помни это. Все красавцы — мерзавцы. Так мама говорила. А мама дочке врать не будет. У нее большой жизненный опыт. Многолетний и подтвержден практикой и наблюдениями за двуногими...

Пока Петька с кинологом занимался, я замерзла. Куртку-то я тонковатую впопыхах надела. Не по погоде. А сегодня не только снега много напало, но и мороз крепкий. Надо было мне дома оставаться, а не бежать куда-то сломя голову. Только опозорилась перед незнакомым мужиком. Первое впечатление я произвела на него аховое. Теперь ничего не исправишь. Это катастрофа. Мужик для меня потерян. Вот он странно в мою сторону поглядывает. Думает, что дебилку домой надо отправить, а то окочурится. Смотрю, он ко мне направился. Меня еще сильнее трясти начало.

— Ирина, вам холодно?

— Ага.

— Погреться в машине хотите?

— Ага, — ответила, а сама головой мотаю как нет. Ну точно debilka. Теперь он в этом уверен на все сто.

— Тогда садитесь в машину. Грейтесь.

— Ага.

Он дверь мне открыл, и я внутрь залезла. Там было так тепло и уютно, что сразу захотелось спать. Глаза сами собой закрылись, и я благополучно заснула. Сколько шла тренировка, столько я и дрыхла. Снились мне цветные сны фривольного содержания с кинологом в главной роли...

— Ирина, проснитесь. Мы закончили. Вас домой отвезти?

— Ага.

— Куда?

— Ага.

— Давайте я вам покажу, — вылез со своей помощью Петька.

Пока кинолог нас домой вез, они с Петькой о чем-то договаривались.

— Ирина, я завтра попозже заеду? А то я вам выспаться не дал.

— Ага.

— Тогда завтра в девять?

— Ага, — конкретно меня заклинило.

Доехали до дома. Он нас с Петькой высадил из машины. Развернулся и уехал. А я, как дура, стою на морозе и даже холода не чувствую. Ну все, родная, ты влипла... Теперь этот шкаф с антресолями меня полной дурой считает. Эллочка-людоедка. Даже хуже. Та хоть знала тридцать слов, а я всего одно. «Ага»...

Петька идет и откровенно издевается надо мной. Агакает. Передразнивает. Но это пустяки. Сейчас придем домой, он маме опишет всю ситуацию, и она поймет, что я пропала. Да еще такое позорное падение. И перед кем? Перед шкафом с антресолями, в которых пусто.

Надо выкинуть этого кинолога из головы. Но как же он красив, чертяка. Умопомрачительно красив. О, Господи! Опять любовь?

Пришли домой. Петька сразу стал рассказывать маме про меня. И мои ему намеки не возымели никакого действия. Все рассказал: и про косноязычие мое, и про глупую улыбку на лице. Оказывается, я глупо улыбалась, глядя на этого кинолога.

— Действительно так красив?

— Ага, — опять начала я тупить.

Поняла, что опять позорюсь, но теперь уже перед родными. Психанула на них. Никакого такта у людей. У меня, может, чувство большое и светлое. Интересно, что он подумал? Будет Айболиту выговаривать, что тот подсунул ему неадекватную хозяйку. Дурочку с переулочка...

На следующее утро я не стала брать трубку, когда позвонил кинолог. Телефон взял Петька. Поговорил, пришел в кухню и стал меня умасливать идти с ним.

— Ира, пошли.

— Иди сам. У меня температура. Я простыла и буду отлеживаться.

— А если он про тебя спросит?

— С какой стати ему про меня спрашивать? Ты хозяин. Твоя собака, ты и тренируй.

— А платить как?

— Узнай, сколько мы должны, а после тренинга заедешь сюда и возьмешь деньги. Какая разница, от кого он свои заработанные получит?

— Это ты из-за вчерашнего обиделась? Я больше не буду дразнить.

— Петька, я действительно вчера простыла. Я болею.

— Тогда я пошел?

— Иди. Удачной тренировки...

Петька ушел. Я завернулась в плед, сделала себе чай с малиной и пошла сидеть в интернете. Правда, всего через полчаса вернулся Петька. Ревет и сопли по лицу размазывает. Давно он так по-детски не ревел. Сидит на кухне, в голос воет на пару с Грейсом. Он ревет, пес подвывает...

— Ты чего так рано пришел? Вчера больше тренировались.

— Он сказал, что сегодня тренировки не будет.

— Почему? Что случилось?

— Сказал, чтоб без вас не приходил.

— Почему? Ты же хозяин собаки. Айболит для тебя же просил. Даже не для тебя, а для Грейса. Какая ему разница, кто с псом придет?

— Значит, есть разница, если он меня послал.

— Прямым текстом послал?

— Нет. Сказал, что с вами будет работать.

— А ты его чем не устраиваешь? У тебя деньги есть. Может, он думает, что ты не заплатишь?

— Он сказал, что с вас денег не возьмет.

— Это с чего такая благотворительность? Ничего не понимаю.

— А понимать ничего не надо. Он в вас втюрился...

Петька все свои умозаключения мне выкладывает с таким подвыванием. А мне стало радостно на душе. Не потому, что он Петруху отфутболил, хотя и это тоже. Будет знать, как дразниться. А потому, что я на кинолога тоже, оказывается, произвела впечатление. Значит, могу еще кому-то голову вскружить. Значит, живем. И это я не была накрашена, это он меня нарядной не видел. Значит, не похоронила я себя окончательно в аванюре под названием брак. Может, еще раз замуж сходить? Опять же услугу он окажет бесплатно.

— Тогда не пойму. Чего ты реवेशь? Он назначил новую дату тренировки?

— Сказал, чтобы вы позвонили. Он только с вами договариваться будет.

— Не реви. Позвоню. Считаю, деньги сэкономили. А то я думала, что он нам счет громадный выставит.

— Он сюда рвался.

— Зачем?

— Вас проведать, а то вдруг вы помираете здесь. Еще и меня отругал.

— За что?

— Сказал, что я должен был ему позвонить и отменить все, раз вы болеете. А не нестись на тренировку. Должен был сидеть у кровати больной и заботиться о вас.

— По сути, он прав. Ну ладно. Я спать.

И действительно, я сразу заснула. Видимо, любовная лихорадка дала о себе знать. Спала как младенец. Сны снились красочные и не для младенцев. Хорошие такие мне сны нынче снились...

Наступил понедельник, настала пора идти на работу. С утра забежала к Максиму. Он

выполнил мою просьбу. Какой у меня работающий и исполнительный друг. Я решила все в обеденный перерыв просмотреть, но в обед ко мне пришел следак. Буду называть его напарником. Он же мой напарник по расследованиям, поскольку одно дело с ним делаем.

— Значит, так. Эксперт очень удивился твоим вопросам.

— Почему?

— Счел их несущественными. Сказал, что они к делу отношения не имеют.

— Имеют. Ты сказал ему, что имеют и прямое?

— Сказал. И сказал, что сделаю официальный запрос.

— А он что?

— А он сказал, что ответит на официальный запрос. Он скоро сюда придет.

— Зачем? Если ты запрос сделаешь?

— Ему самому с тобой поговорить надо.

— Понятно. На какую тему?

— Он просто сказал, что придет сам.

— Ну что же, буду ждать.

Я вышла и заказала полноценный обед для напарника и кофе с пирожными для себя. Я могу позволить себе есть пирожные, поскольку не толстею. Принесла все в кабинет, а там сидит мужик лет сорока, замотанный жизнью. Следак глазами показал, что это и есть эксперт, и принялся уничтожать съестные запасы, как будто давно не ел. Точно, суббота же с воскресеньем были. Он сюда не приходил. Значит, очень голодный.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Как к вам обращаться?

— Андрей.

— А по отчеству?

— Не надо отчества. Просто Андрей.

— Хорошо. У вас для меня новости?

— Скорее просьба. Говорят, у вас свадьбы проводят, а у меня дочка замуж выходит.

Ищем, где свадьбу провести, а вашу кухню все хвалят.

— Свадьбы проводим. Кто вам нас посоветовал?

— Друзья семьи заказывали банкет на юбилей. Были в полном восторге. И регистраторша из загса посоветовала.

— Я сейчас позову распорядителя, вы с ней все обсудите.

Вышла и позвала Альбину Владимировну. Объяснила в общих чертах, что человеку надо, и мы вернулись назад в кабинет. Для начала она перед экспертом разложила все проспекты. Он сидел, уставившись на фотки и на прайс-лист, как баран на новые ворота. Ну видно же, что человек ничего не понимает в этом деле. Зачем один пришел? Здесь сама невеста должна принимать участие. Женщины должны готовить свадьбу, а не мужики свои мозги напрягать. А то будет у нее свадьба такая, что она папеньку проклянет.

— Вижу, вы в затруднение. Может, видео посмотрите?

— Ничего в этом не понимаю.

— Тогда пусть ваши дамы сюда придут. Тут и обговорим все детали.

— Да. Наверное, так будет лучше. А то накосячу.

Вот хоть убейте, но нравятся мне люди, которые честно признаются, что в чем-то не разбираются. И не стыдятся позвать группу поддержки в виде родни и специалистов. Есть такие люди, что упрутся рогами в землю и стоят на своем. Не потому, что вопрос для них

принципиальный, а просто из ослиного упряма. Дело между тем страдает.

Альбина Владимировна свою миссию выполнила. Она поняла, что у нас есть какие-то дела с этими людьми, поэтому ушла. Я же решила рискнуть и попытаться расспросить эксперта про труп, который нам подбросили.

— Можно вопрос?

— Да.

— Вот этот труп, который возле кафе нашли...

— Юрий Корнеев, — вставил следователь.

— Да, Юрий Корнеев. Он же делал пластику лица?

— Делал. Несколько операций было.

— Ринопластика. А еще? Или ринопластики много?

— Нет. Он же не Джексон, чтоб несколько раз бедный нос уродовать. Так и отпасть может. Была сделана ринопластика, потом моделирование лица и круговая подтяжка.

— Не по показаниям пластика делалась?

— Показаний для пластики из-за уродств не было.

— А можно на компьютере восстановить, какое лицо было до операций?

— Это дорогая процедура. Никто не позволит столько денег в это вбухать. Это же экспертов со стороны нанимать надо. Просчитывать, что было до. Тем более операций не одна были. Проблемы у парня были, но другого плана. Не любил он себя.

— Почему вы так думаете?

— Кто в своем уме станет себя так резать? Только тот, кто себя в зеркале видеть не может и сам себе противен. А это уже к психиатру.

— Многие знаменитости часто под нож ложатся.

— Если слишком часто под нож человек лезет, то психиатрам там работать надо. У человека явные психические проблемы. Я понимаю актеров, поскольку они своим лицом зарабатывают. Я понимаю тех, кто уродлив, поскольку тяжело с уродством жить. Но когда человек ради интереса себя вдоль и поперек пластает, то только психиатр таким поможет. Это мое мнение.

— Вы не могли бы как-то установить, кто делал эти операции?

— У меня таких связей нет. Я обычный рядовой эксперт. Если у вас самих есть знакомые среди пластических хирургов, то вам будет проще.

— И еще один вопрос. У трупа были пожизненные переломы?

— Нет.

— То есть руки, ноги, ребра и любые остальные кости он не ломал?

— Нет, не ломал.

— Тогда еще один вопрос. Только не удивляйтесь.

Я не стала его задавать вслух. Просто подошла к эксперту и пробубнила ему свой вопрос на ухо. Тот громко захохотал. Лицо от смеха преобразилось и сразу помолодело. Он стал мотать головой.

— Да или нет?

— Да. Еще какой.

Я опять ему на ухо задала вопрос. Он вообще заржал откровенно. И опять закивал.

— Согласны?

— Согласен. Полностью с тобой согласен. Может, он просто боялся. Все-таки такая ответственность, — сказал и опять заржал.

— Я полагаю, что вы все нюансы отразите в ответах на запрос следователя.

— Так это она подбила тебя мне такие вопросы задать? — спросил он следака. Тот нехотя кивнул головой.

— Я понял. Дам на твой запрос полный и развернутый ответ в сжатые сроки. Пиши запрос. Мне пора. Обеденный перерыв закончился. Приятно было познакомиться...

— До свидания, — попрощалась я.

— Когда моим зайти лучше, чтоб договориться о свадьбе.

— Когда решатся. Звоните, договоримся.

Я дала ему нашу визитку. Там телефоны указаны и сайт. Так что невеста и жених сами могут посмотреть все и определиться по услугам. А уж по цене как-нибудь договоримся.

Эксперт ушел. Следом за ним заторопился и напарник. А мне было над чем подумать. Да и еще надо было сегодня в загс заскочить, чтобы узнать про метрики Кашина Славика. Или лучше опять Макса напярчь? До того мне не хочется в загс тащиться, но, наверное, придется.

Совсем забыла позвонить кинологу. А может, ну его. Понятно же, что бесплатный сыр только в мышеловке. Сегодня решила не звонить. Потом позвоню, ближе к выходным.

А тем временем мне понадобится помощь моих подруг. Зачем? А я сама не смогу всех подружек и любовниц этого Юрия опросить. Там столько их наберется, что мама не горюй. И как он с ними со всеми только спать успевал? Трудился парень в поте лица. Стахановец, блин...

Завибрировал телефон. Взяла. Кинолог звонит. Сам нарисовался. И чего же ему неймется? Интересно знать...

— Здравствуйте, Ирина.

— Здравствуйте, — ответила я.

Только сейчас поняла, что я не знаю его имени и отчества. Вот это конфуз. Я же не знаю не только, как его зовут. Я вообще о нем не знаю ничего. Ну и черт с ним. Зачем мне его имя? Буду просто выкатать, как незнакомому. И зачем мне о нем знать? Он мне чужой человек. И я пока замужем.

— Вы выздоровели?

— Не совсем, — соврала я.

— Вы когда в себя придете, позвоните мне.

— Зачем?

— Продолжим тренировки.

— А почему с Петькой не продолжили? Он же хозяин собаки.

— Я знаю. В общем, звоните. Выздоровливайте, — сказал и замолчал.

Отключился. Зачем я ему соврала, что болею? А кто меня знает. Просто захотелось. Побоялась встречи? Наверное. Не готова я встречаться. Надо с моим браком что-то решать. И Никита куда-то запропастился.

Никогда я этих мужиков не пойму. То преследуют и жить без тебя не могут. По крайней мере, так говорят. Цветы охапками шлют, морды бьют друг другу. То потом исчезают. И ни ответа, ни привета. Цветы перестал посылать. Это я про влюбленного в меня Александра. Неужели муж был прав? И он, добившись нашего развода, просто успокоился? Врал мне про свою любовь. Отомстил Никите и радуется. Странные они мужики. Да и понимать их не стоит. Разные мы. Совсем разные.

Пришла домой после работы. Устала так, что ноги еле приволокла. Сразу села

просматривать то, что передала Вера Михайловна. Получается, что за этим Аркадием следили двое мужчин. Притом непрофессионально. Даже не скрывались. Разве что сынок его за углами домов старался спрятаться, а второй прям в открытую за ним ходил.

Ну и следопыты пошли. Один — его сын от первого и единственного брака. Второй — неизвестный мне человек. И он интересней. Обеспеченному мужику зачем за алкашом следить? Что такого алкаш может знать? Какими секретами владеть? Что такого ценного иметь? Ничего. Забавная картина вырисовывается.

— Все рассматриваешь видео?

— Интересно же. Чем им так дед этот насолил?

— Почему думаешь, что насолил?

— Тот модник у пивнушки говорит, что они на Аркадия оба с ненавистью смотрели. Он не мог ошибаться.

— Много ненависти на зоне видел?

— Точно. Эту эмоцию он слишком часто видел. Ошибиться не мог.

— Ты знаешь, я тут подумала. Я была неправа. Зря я тебя тогда за этого мужика отругала. Это я от страха за тебя. Вдруг он бы тебе зло причинил. Ты дело доброе сделала. Он же в самом деле мог опять на зону отправиться. И только потому, что друзья и коллеги отвернулись. Неужели ему и родные в помощи отказали?

— Я так поняла, что все, кто его до тюрьмы знал, от него отвернулись.

— Может, он просто плохим человеком был? Может, поэтому не помогли?

— Может быть. Но я думаю, что просто мараться не хотели. Считали, что выше его стоят по социальной лестнице.

— Спесивые друзья. Нет хуже людей, чем спесивые снобы.

— От тюрьмы да от сумы не зарекайся. А они забыли, что все под богом ходим. Носы от друга воротить стали...

— Мне сегодня Петька весь мозг выел своими тренировками. Что там с этим кинологом? Петька чуть ли не ревет в голос.

— Скажи ему, пусть не расстраивается. В субботу тренироваться будет. Но если опять дразнится начнет, я все отменю.

— А ты правда в кинолога этого влюбилась?

— Ой, не знаю. Я у тебя ветреная выросла. То одного люблю, то второго.

— А то третьего. Галина жаловалась, что твои ухажеры достали ее.

— Как достали? Хулиганят?

— Нет. Цветы слали.

— Кто?

— Этот Александр и второй, который Иван.

— А почему Галине?

— Так она им адрес твой не давала.

— Почему? Разреши ей адрес дать.

— Ей сын запретил, а она только своего Алешеньку слушает.

— Тогда пусть скажет, чтоб цветы не слали. Они же разорятся. Да и подленько это.

— Она им уже сказала. Так что они просто ждут твоего появления в замке, чтоб опять начать осаду.

— Значит, все-таки зацепила я этого Саню.

— Обоих зацепила крепко. Ты побыстрее решай, с кем останешься, а то как-то не очень

хорошо над чужими чувствами измываться. Тебе же отдача и прилетит. Они тебя любят.

— Хорошо. Я начну думать.

— Крепко думай.

На следующее утро Макс прислал мне сведения про этого второго мужика. Рудфельд Борис Аркадьевич. Он оказался законным сыном Аркадия. Тот его официально признал, но на женщине этой не женился. Вот вам и ответ, зачем следили.

Хотя все равно не понятно. Этот Рудфельд явно обеспечен. Наверное, мать его нашла-таки аргументы, чтоб заставить Аркадия признать себя отцом ребенка. Интересно, сколько она ему за это заплатила. И зачем ей это надо было? Отец он так себе и алкаш к тому же. Да и как человек дрянной. От таких людей надо держаться подальше: не утопит других, так в дерьме вывалит. Не боялась, что этот бесчестный прохвост сядет на шею сыну?

Как оказалось, отцом ребенком Кашиной числился ее муж. И фамилия ее теперь Горячева. Славик по метрикам у нас числится как Горячев Владислав Александрович. Самойлов Аркадий так и не признал себя его отцом. Валентина тоже не настаивала: она была замужем, и этот выпивоха ей уже был не нужен. У нее был законный муж, у Славика был законный отец, а у счастливого мужчины появились жена и сын. И жили они долго и счастливо...

Сегодня я выходная. Попробую просмотреть все, что мне прислал Макс. Пошла, сделала себе кофе и села за работу. Через два часа устала и пошла с Грейсом гулять. Разомнусь и свежим воздухом подышу.

— Куда идешь? — задали вопрос бабульки. Как они не мерзнут сидеть целыми днями на лавочке?

— Гулять. А что?

— Да ничего. Как там расследование?

— Да никак, — ответила и пошла дальше.

Я сначала хотела им всю правду рассказать про их «уважаемого» сторожа и про их пакостливых мужей. А потом поняла, что не стоит их лишать иллюзий. Валентине их мнение безразлично. Да и не хочет она из-за сына, чтоб правда всплывала. А им про ту историю знать не обязательно.

Выгуляв пса, пошла к Маринке в гости. Она уже должна прийти домой со школы. С ней и пробежимся по подружкам плейбоя Юры. Маринка была расстроена. Новый ухажер оказался скупердяем. И откуда она таких берет? Или они каким-то им одним неведомым образом узнают, что она готова за них платить? И у Киры тоже итальяшка альфонсом оказался. Невезуха.

— Мара. У меня к тебе дело.

— А ты разве просто так заглянешь? Всем от меня что-то нужно, и никто не придет просто так, чтобы просто меня пожалеть.

— Что случилось? Опять что-то твой парень отмочил?

— Нет. Просто на звонки не отвечает.

— Так не звони ему и все. Отпусти ситуацию. Расслабься.

— Это намек на выпить?

— Это намек, чтоб заняться каким-нибудь другим делом, которое тебя отвлечет.

— Каким, например?

— Не хочешь прошвырнуться в крутой ночной клуб?

— Сразу бы сказала, что выпить зовешь.

— Нет, не вышить. Кое-кого допросить надо.

— А ты корочки свои взяла?

— Взяла. И еще на парочку адресов заедем.

— Куда?

— В центр. В общем, у нас сегодня кросс по ночникам и по значным местам.

— Это я за. Это мы сейчас.

— Только сильно напиваться не будем.

— Ладно. Хотя у меня завтра выходной.

— Мара, ты чудо. Значит, ты со мной и завтра сможешь везде пройтись?

— Попробуем...

В центре мы сначала пришли в стриптиз клуб. Спросила Стеллу. Мне сказали подождать. Указали, куда можем присесть.

— Имя, как у девушки с низкой социальной ответственностью, — высказалась Мара.

— Это не имя. Это псевдоним для работы. Стелла — звездная стало быть.

— Зачем ей псевдоним?

— Ну вот представь, что некоторые девочки — студентки. Нынче девицы так подрабатывают в свободное от учебы время.

— Не из педагогического ли они?

— И оттуда есть, наверное. Не знаю. Она клиентам известна под именем Стелла. Все время накрашена.

— А так: морду вымоет, штукатурку смое, парик снимет и айда детей учить. И чему такая их научит? Как задом трясти?

— Не только, но в целом я с тобой согласна. Полное падение нравов.

— Мы в их время подрабатывали на почте и неучей брались подтягивать. За любые переводы хватались.

— Я летом гидом работала.

— Вот именно. У нас даже мысли не было булками трясти.

— И не только булками.

— Вот именно. А здесь полное падение нравов.

— Тогда что вы здесь делаете, в этом значном месте? — ответила нам девица.

— Вы Стелла?

— Она самая. Если вас, таких честных и порядочных, коробит это ремесло, то зачем вы сюда приперлись? — опять нахально спросила она.

— Нас интересует ваш друг, Юрий Корнеев. Знаете такого?

— Хватились. Я его уже лет пять не видела. Почему вы им интересуетесь?

— Понимаете ли, его убили. Родня наняла нас найти убийцу.

— Убили? А менты уже совсем ни на что не годны? Баб наняли. Трындец...

— Состоятельные люди, облеченные властью, кого хотят, того и нанимают.

— Как вы культурно назвали чинушу высшего ранга. А от меня что надо? Я же ясно сказала, что давно его не видела.

— Расскажите про свой роман.

— Роман? Вы это называете романом? Вы смешные. Не от мира сего. И почему я должна вам что-то рассказывать? На каком основании вы меня допрашиваете?

— Не допрашиваем, а опрашиваем. Но если вы резко против, то придется обратиться к его родне. Ваше заведение закроют для профилактики на время.

— Какой профилактики? — это задал вопрос стоявший за нашими спинами парень. У них здесь принято подслушивать? Пожалуй, и подглядывать тоже...

— А для такой. Убили сына и внука одних очень влиятельных людей. А вот эта дама отказывается нам помогать. Придется на вас давить.

— Хотя это и не наш метод, — вставила свои пять копеек Мара.

— Ну-ка пойди сюда, — отозвал парень девуцу в сторону.

Он что-то у нее спросил. Наверное, чьего сына убили. Судя по застывшему лицу, он знал, кто это такие. Он на эту Стеллу зашипел как змея. Что-то резко сказал. Потом с такой силой толкнул ее к нам, что она чуть не упала. Села с нами рядышком, ножки вместе свела, руки между коленками зажала, глазки свои наглые потупила, спинку сгорбила. И стала вести себя куда как скромнее и даже почтительней. Прямо святая невинность...

— Вы готовы отвечать на вопросы?

— Конечно. Задавайте, отвечу на все.

— Когда вы с ним встречались?

— Пять лет назад.

— Для чего?

— Для чего я могла с ним встречаться? Для денег.

— Он вам платил за интим услуги?

— Можно сказать и так.

— Так. Я смотрю, отвечать нормально вы не желаете. Вы вынуждаете нас пойти к администратору. Пеняйте на себя.

Мы поднялись, сделав вид, что уходим. Она испугалась, как будто мы ее к расстрелу приговорили. Руки сразу затряслись, и губы силиконовые мелко задрожали. Надо было с этой «Звезды» из гадюшника спесь сбить. Стала нас умолять не уходить. Мы вернулись назад.

— Выкладывай все быстро. Будешь выделываться, мы тебе глаз так натянем, что будешь до конца жизни радоваться. Шутки кончились. Мы с тобой не в бирюльки пришли играть. Человека убили, втыкаешь? — пригрозила ей Мара. Каким сленгом она от подростков научилась выражаться... Горжусь...

— Я поняла, — ответила нам Стелла.

— Так какие у вас были отношения?

— Интимные. Он так-то мне не платил. Он просто подарки покупал.

— Дорогие?

— Нормальные. При таких родителях мог бы и подороже покупать.

— Он левша был или правша.

— Левша.

— Рассказывай все, что вспомнишь, — приказала Мара.

Наверное, надоело из стриптизерши по капле сведения выдавливать. И та так зачастила, что прямо было не остановить. Все вспомнила до мелочей.

— А как он в постели был?

— Никак. Эгоист. Только о своем удовольствии думал.

— А как у него с этим делом вообще было?

— Нормально.

— Размер не подкачал?

— Больше среднего. Все у него там было нормально, только в голове у него совсем беда.

— Почему?

— Он иногда специально грубо себя вел. Любил боль причинять.

— А вы не узнавали случайно. С другими девушками он также был груб?

— Да. Говорю же, эгоист и псих недоделанный.

— Значит, расстались вы с ним не по-доброму?

— Честно сказать, я радовалась, что ему надоела. Сама сколько раз от него хотела уйти.

Да только боялась. Он часто говорил, что уйду я только тогда, когда он так решит. А потом он меня бросил, и я вздохнула с облегчением.

— Почему? Подарков же не стало.

— Да кому сдались его подарки. После него я себя скотиной чувствовала. А щедрых мужчин и без него хватает. Так что я была рада расставанию...

— Ну что ж. Назовите еще какую-нибудь его страсть?

— Не знаю. Я за его жизнью не следила.

— Спасибо за информацию.

Мы с Марой поднялись и пошли на выход из клуба. Девушки готовились к вечерним выступлениям. И Стелла пошла тоже на сцену. К нам быстро подбежал администратор.

— Она вам все рассказала, что вы хотели знать?

— В общем-то все. Скажите, Юра только с ней встречался из вашего клуба?

— Нет. Была у нас одна восточная девушка. Стелла у нее его отбила. Правда, потом сама не рада была. Жаловалась всем на дружка своего.

— Адрес ее можно получить? И имя, фамилию. Понимаешь, очень надо.

— Сейчас. Поищу. Может, и найду.

Убежал. Минут через десять принес. Довольный, что смог нам услужить. Радуюсь, что к ним сюда не нагрянет полиция, и что родня убитого не придет. Их он боится куда больше, чем жадных до денег полицейских. С полицией он привык договариваться, а вот с родными такое не прокатит.

Нам крупно повезло. Судя по адресу, эта стриптизерша жила где-то рядом с ночным клубом. Оказалось, что всего-то за угол завернуть надо было.

— Ты думаешь, что она нам что-то расскажет? — спросила Маринка.

— Сомневаюсь. Ну а вдруг. Если он с ней был таким же скотом, то от злости на бывшего расскажет.

— Тебе не кажется странным, что восточная девушка оказалась в таком месте? Куда ее родня смотрела? Как она в этот клуб попала?

— А как там оказываются восточные девушки?

— У них же женщине ничего такого нельзя. Для мужа себя берегут.

— Может она и не восточная. Просто легенда такая, а на самом деле вполне себе белая европейка. Посмотрим, что она из себя представляет. Может, нам не повезет. Может, она здесь больше квартиру и не снимает.

— Почему?

— Может, съехала. Не по деньгам стало.

— Или хозяйка узнала про ее «занятия в институте»...

— Или хозяин. Ну вот и пришли.

На самом деле я переживала. Мы достали адрес бывшей любовницы у администратора. Все-таки мы шли наугад: мы не знали ни саму девушку, ни с кем она живет. Мы не знали ничего и не предполагали, что нас ждет.

Администратор нам в этом вопросе не сильно помог. У этой Рузанны была в клубе подруга. И они недавно случайно встретились. Разговорились и Рузанна пригласила подругу в гости. На мой взгляд, полнейшая глупость. Зачем тащить домой того, кто знает о тебе неприглядные факты?

Согласитесь, что танцевать практически голой перед публикой в стриптиз клубе — не та профессия, которой можно гордиться. Скорее, это повод для стыда. А она того, кто знает про ее позор, к себе домой тащит. Глупо.

Когда администратор пообещал за информацию свое хорошее отношение, подруга Рузанны не смогла противостоять искушению и дала этот адрес. Рассудив, что Рузанна ей уже бывшая подруга и навряд ли они пересекутся когда-нибудь. А администратора в друзьях иметь очень выгодно. Поэтому подружка решила выслужиться перед начальством и адресом поделилась. При этом даже не поинтересовалась, а не прилетит ли что плохое ее давней подруге, с которой она пуд соли съела.

— Может, никакой Рузанны тут уже нет. И зря мы сюда притащились.

— Домофон на подъездной двери не работал. Тамбурная дверь не закрыта.

— Иришка, это знак. Значит, все у нас получится.

— Ага. Сейчас вылетит ее новый сутенер и надает нам обеим по голове.

— Она же теперь этим не занимается.

— Мара, не смей мои ботинки. Она из клуба зачем ушла? А куда? Почему ты уверена, что она бросила свое ремесло?

— В другой ночник усвистала краля?

— Не факт. Танцевать стриптиз можно и без шеста. Если ты не заметила, у нас в стране вызывают стриптизеров на квартиры.

— Представь, они с шестом на заказ поедут в метро, чтоб на такси не тратиться, — заржала подружка в голос.

— Их туда не пустят. Багаж не может быть больше двух метров. Но все равно забавное бы было зрелище. Стриптизерша в коже и в чулках в сеточку, на громадных каблучищах с шестом.

— Под мышкой зажала. На работу едет. Торопится...

— На работу вызвали. Срочный заказ, — громко ржали мы обе.

— Смешно. Ты права. Она наверняка из ночного клуба слиняла или за большими деньгами, или щедрого хозяина нашла.

— Тем более на азиаток сейчас спрос есть. Так что восточная принцесса без заработка не останется.

— Ну да, кому не захочется отодрать Шахерезаду.

— Шахерезада Львовна, я готов!

— А она ему еще и сказки расскажет.

— Толстенькому, лысому, картавому пузатику с маленьким отростком споет, какой он высокий и стройный, с густой шевелюрой половой гигант.

— Все тридцать три удовольствия. И обслужит, и в голову напоет песенок сладких. Тот домой к верной жене придет и будет себя мнить великим любовником.

— Тело обласкает, душу утешит.

Мы остановились перед нужной нам дверью, чтоб отсмеяться и не смущать своим ржанием свидетеля. Я нажала на звонок. Дверь в квартиру стала медленно открываться. У меня возникло желание ее подтолкнуть. Я думала, мы увидим высокую, худощавую,

волооковую восточную красавицу, а перед нами стоял маленький черненький колобок. Перепекли колобка дедка с бабкой. Не досмотрели, но зато неплохо так по сусекам поскребли. Килограмм на сто потянет. Девушка была смуглая. Понятно, что звезда Востока. Но она была еще и толстая.

Круглая, как в том анекдоте: «Метр пятьдесят, метр пятьдесят. Так где же вам, мадам, талию делать будем?» Мало того, колобок улыбалась как-то криво. Косоруким пекарем оказалась бабка. Мало того, что подгорел колобок, так еще и рот набок. Это не могла быть Рузанна. Эта тетка точно не тот человек, который нам нужен. Это или ее мама, или тетя или бабушка. Или кто угодно, но не она...

— Рузанну можно?

— Это я.

— Вы танцевали в ночном клубе стриптиз? — удивилась Маринка.

Девушка попыталась закрыть перед нами дверь, но не тут-то было. Мы разом навалились, и ей пришлось отступить. Она отпустила дверь, поэтому мы автоматически пролетели в гостиную и приземлились на диван. При этом лица у нас даже не выразили удивление таким поворотом дела. Как будто мы этот трюк хорошо отрепетировали в отсутствие хозяйки.

Мы удобно угнездились на диване. Теперь она нас отсюда не выпроводит, пока все нам не расскажет. Посмотрели на стриптизершу-колобка, не удержались и опять стали хохотать. Стоило нам только представить, что этот колобок крутилась на шесте, как нас опять настигал приступ гомерического смеха. Наконец мы успокоились и смогли говорить.

— Вы точно Рузанна?

— Что надо?

— Поговорить.

— Воспитанные люди сначала звонят и просят уделить им время.

— Вот как мы заговорили! Про права свои вспомнила. Вот не права ты. Ты же кто? Стриптизерша. Задницей и сиськами трясла перед мужиками и бабами извращенками. А значит, от нас никакого тебе почета и уважения. Воспитанные люди приезжают к таким гражданам, как ты, в гости без предупреждения и с вооруженными людьми. Заковывают преступницу в наручники и определяют ей дальнейшее место жительства на нарах...

— В кандалы! — проорала Маринка.

— Вот так поступают воспитанные люди вроде нас, — подтвердила я.

— Почему в кандалы? Зачем в кандалы? Что я такого сделала? Я тут ни при чем. Это не я. Это все он сделал.

— Ты же сама знаешь, что чистосердечное признание облегчает наказание. Давай, рассказывай все, не томи, — жестко сказала Мара.

И полился рассказ. И стала она каяться в грехах своих. Но совсем не в том, на что мы надеялись. Но перебивать ее исповедь мы не стали и выслушали до конца. Нужен же нам кнут, которым, если что, будем ее подхлестывать. Тем более, что я все ее откровения на диктофон записала. Так что теперь у нас есть, чем развязать ей язык. Она выложит нам всю подноготную ее отношений с богатеньким мажором.

— А теперь у нас вопрос. Лет пять назад ты вступила в интимную связь с Юрием Корнеевым.

— Ужас. Так это он вас ко мне прислал?

— Допустим.

— Не вернусь, так и передайте. Пусть лучше убьет.

— Почему? Он был плохим любовником?

— Отвратительным.

— В чем это выразалось?

— Он садист. А почему вы про него вдруг спрашиваете? Что случилось? Что вам от меня надо? Вы кто?

— Почему же сразу не спросили? Юрия убили. Нас наняла его родня, чтобы найти убийцу. Рассказывай, что у вас было.

— Не буду я ничего рассказывать.

— Тогда собирайся в тюрьму.

— За что это? Права не имеете.

— Имеем. Ты сама нам сейчас призналась в мошенничестве, совершенном группой лиц по предварительному сговору. Так что до десяти лет тебе корячится, пончик, — проговорила я угрожающе.

— Там на баланде ты и похудеешь. Опять на шесте крутиться сможешь, — добавила Мара.

— Я не хочу в тюрьму. Может, можно договориться?

— Можно. Но нужно ли?

— Нужно. Очень нужно, — говорит и смотрит на нас умоляюще.

— Ну ладно. Наше дело — убийство. А мошенничество — другой отдел, — стала мямлить Мара, изображая, что толстушка нас уболтала.

— Ну хорошо, пойдем тебе навстречу. Но выкладывай все, что было, ничего не скрывая.

— Я поняла. В общем, он меня заметил в стриптиз клубе. Он в ночниках частый гость был, а я новенькая. Пришла и ни фига еще не понимаю.

— Зачем в клуб пошла? Приличной работы не нашла?

— Там платили прилично. А куда без образования идти?

— Да хоть продавцом. Но не голым же задом трясти.

— Продавцу платят мало. И везде сразу намекают, что спать с хозяином придется.

— А ты пробовала устраиваться?

— В том-то и дело, что пробовала. Про постель сразу оговаривали хозяева. А в клубе сама решаешь. Хочешь — спи с клиентом. Не хочешь — не спи ни с кем. Уж лучше задом трясти и приличные деньги получать, чем с толстым вонючим хозяином за спасибо спать.

— Как с Юрой познакомилась?

— У меня первый выход был. Он то ли пьяный, то ли обкуренный был. На шест залез и упал, затем встал и прямо там стал раздеваться и своими причиндалами попытался трясти. Охрана культурненько и нежно его под белы рученьки вывела и водителю сдали с рук на руки. А утром выхожу из клуба через черный ход, задержалась с непривычки. Костюм тяжело снимался, да еще и девчонки ускакали, помочь снять латекс было некому. Промучилась долго, поэтому я одна и вышла. А он там меня ждет. Пригласил к себе. Я сначала отказалась, но мне тогда деньги нужны были, а он своим кошельком передо мной тряс. В общем, позарилась я на его деньги. Думала, что заработаю, он хоть мне заплатит нормально.

— Заплатил?

— Куда там. Не заплатил ни рубля, ни копейки.

— Значит, долларами или евро?

— Ничего не заплатил. Только пощечин по лицу надавал. Обозвал продажной дрянью и обматерил разными словами. Потом еще раз поймел и выпихнул за дверь. Сказал, чтоб завтра пришла еще раз, иначе он в интернет выложит наши развлечения.

— Ну и как? Пришла?

— Нет, конечно. Я ему не поверила. Он сам в клуб приехал.

— Зачем с ним второй раз пошла, если не поверила?

— Он сказал, что вел себя так из-за того, что его девушка бросила. Наплел что-то. Лапшу на уши навешал. Лав-стори рассказал. И я поверила, что он другой. Что он добрый, но несчастный. Его бросили...

— А тебя родители не учили на слово чужим людям не верить?

— Учили, но я ему поверила.

— Потом-то поняла, с кем имеешь дело?

— Потом поняла. Только он сказал, что сам будет решать, когда мне уходить. Попытаюсь уйти сама — пожалею.

— А ты прям пыталась от него уйти?

— Пыталась. Меня из клуба утром его подручные перехватили и привезли в его хоромы. Там он надо мной издевался несколько дней и потом отпустил.

— Почему в полицию не заявила?

— Смеетесь? Где я и где он со своим папашей.

— Почему не уволилась из клуба?

— Этот гад мой адрес узнал и адрес моих родителей. Сказал, что все снятое выложит в интернет и моим родителям придет. Пусть полюбуются, какую дочь они воспитали.

— Как вы расстались?

— Мне повезло. Я же всем в клубе врать стала, что он такой замечательный любовник, что подарки дорогие делает. Кстати, до него слухи дошли, ему это понравилось. Он помягче со мной стал.

— Поверил слухам?

— Не знаю. А вот Стелла точно поверила. Она на него сдуру позарилась и увела его у меня. Он мне отставку сам дал. Сообщил, что я ему надоела до чертиков, и он меня бросает.

— А ты?

— Я целый день на радостях напивалась, танцевала и пела... Освободилась.

— Теперь главный вопрос. Он действительно делал видео?

— Он снимал, как сам с другими сексом занимается.

— С другими? Он что, и мужиков того?

— Я знаю только про женщин.

— Понятно. А снимал он всех? И где снимал? Ты видео видела?

— Всех. Снимал везде. Видео он мне показывал и не только мое. Я так и не обнаружила в той комнате ни одной камеры. И где он хранит видео, я не нашла. Все обыскала.

— Получила потом на орехи?

— Нет. За что? Он же не узнал, что я везде шарилась. Я не с целью ограбить. Не подумайте. Я просто хотела видео стереть или украсть. Как получится.

— И что это значит? Значит, у него камеры есть везде, в каждом помещении. Но включал он их только тогда, когда с клиентом приходил. Или все-таки они всегда работали? И он видел, что ты ищешь что-то.

— Но решил пока не наказывать? Может быть и так. Он любил с людьми поиграться.

Как ребенок игрушкой. Показать, кто в доме хозяин.

— Еще вопрос. Как он в постели был? — задала я вопрос.

— Традиционный или извращенец? Как вообще в плане этого того самого? — уточнила Маринка.

— Обычный. Инструмент у него нормальный. Да и так он вполне приемлем, если бы не его привычки издеваться, повелевать и унижать. Это он любил...

— Больше вы с ним не встречались?

— Боже упаси. Лучше уж умереть.

— Понятно. Спасибо за информацию.

— Но вы обещание выполните?

— Людям деньги верни сегодня же. Мы проверим. Если не вернешь, пеняй на себя. Сядешь. А пока гуляй на свободе. Заслужила.

Вышли с Марой из квартиры этой дамочки. Ощущение такое, как будто в помойной яме побывали.

— Эта маленькая сволочь та еще штучка, — начала разговор Мара.

— Согласна. И постоянно находит оправдания любой своей подлости.

— А этот ее пассаж. Деньги ей срочно понадобились. Не хотела ехать...

— А деньги-то понадобились на новый крутой смартфон. Я бы поняла, если на лечение больного родственника. Идиотка, за телефон отдалась.

— И то не заплатили. Я бы сказала, что она классическая дура.

— Притом круглая.

— Я все могу понять. Но вот этого. Слушай, а как она так сильно разъелась? Это же бомбочка.

— Нейтронная. И звать ее Малышка...

И опять, в который раз за сегодняшний день, мы рассмеялись. Честно говоря, уже от смеха челюсти болели. Остался адрес еще одной девушки. Она сама от этого Юры ушла. Она себе могла позволить уйти, не оглядываясь, с такими-то родителями. За нее было кому заступиться.

Одно «но» было не в нашу пользу. Нас по этому адресу наверняка встретят охранники и выгонят взащей. Или вообще из окна квартиры вышвырнут. У этой девицы родители были покруче предков доморощенного плейбоя...

Дом, где жила бывшая подружка мажора, впечатлял. Машина. Памятник эпохи советского монументального классицизма. Его в народе называют «Сталинский ампир». Он лучше любых архивов и документов говорил о мощи советского партийного аппарата.

— Вот это да! — громко вздохнула Мара.

— Не завидуй. Богатые тоже плачут.

— Они дураки. Не умеют ценить то, что у них есть.

— Они просто к такой роскоши привыкли. Их отцы были богаты, их деды были богаты.

— Их прадеды... И так далее.

— Ты права. Они всегда были на коне. Это не только люди заслуженные, но есть и просто профессиональные пройдохи. Они, как дерьмо в проруби, всплывают на поверхность при любой власти.

— И умеют же люди жить как короли.

— Помни, что королям иногда рубят головы. А уж травят-то постоянно.

— Ладно. Уговорила. Больше не буду завидовать.

Мы вели свой разговор в красивом громадном холле. Парадная. Вот правильное слово. Парадная, и никак иначе...

А попали мы в это помещение просто. Зашли вместе с женщиной приятной наружности и неопределенного возраста. Она нас оглядела с головы до ног внимательно, как сотрудник НКВД, и сочла достойными того, чтобы впустить. Так же внимательно нас изучал ее пес, потом завилал облезлым хвостом. Хозяйка поняла, что мы ему нравимся. Из чего сделала вывод, что мы приличные молодые леди.

А то могла бы и охрану позвать, чтоб вытурили нас взащей, как грязных попрошаек. Отогнали бы нас вениками от подъездных дверей, как шелудивых собак, да еще бы и водой окатил старый дворник, чтоб больше не совались в приличные жилища. Нечего со свинным рылом соваться в калашный ряд. Вся эта живописная картина быстро пролетела у меня перед глазами. Правильно мама говорит, что у меня живое воображение.

Номер квартиры мы знали. Поднялись на нужный этаж. Я хотела постучать в дверь, но она сама распахнулась.

— Заходи. Чего опаздываешь? — спросила меня с порога.

— Пробки, — автоматически соврала я.

Самый лучший ответ, на который большинство народа в Москве даже не сделает замечание о твоей пунктуальности, это просто сказать, что пробки. Всем все понятно. Знаете, как рассуждают мажоры?

Если ты особа важная персона и умом не тронулась, то будешь до усрачки сидеть в дорожной пробке и не станешь ерзать из-за опоздания. Тебе незачем торопиться. Пусть плебеи спешат. Если ты ерзаешь и суетишься, то к тебе уже стоит приглядеться. Тот ли ты, за кого себя выдаешь.

А вот если ты совершил святотатство, бросил свое авто, и не дай бог, спустился в подземку, то тебя тут же вычеркивают из списка избранных. Да как ты посмел испоганить светлый образ мажора?

Многие из них не знают, как в метро войти. А уж как рассчитывать, для них вообще тайна. Они же до сих пор считают, что в метро оплачивают проезд жетонами. В кино каком-то видели. И родители им рассказывали...

— Нашла себе оправдание. Почему вас двое?

— Вторая помощница.

— Ладно. Приступай.

Скинула шелковый халат. Разделась перед нами догола. Охренеть! Во нравы! И легла на пол. Ничего под себя не постелила. И что я должна теперь делать? Стою растерянная.

— Пол мраморный. Мастит не боишься заработать? Застудишься.

— Раньше ты говорила, что так положено. Мол, разница температур.

— Я не могла так говорить. Может, это была не я?

Она повернула ко мне лицо. Присмотрелась. Поняла, что я не та, кого она ожидала. Ну, думаю, теперь нам крышка. Сейчас нас будут отсюда выгонять. Возможно даже пинками.

— А мне плевать, кто ты. Пришла на замену, так работай. Правь спину. А то мочи нет уже терпеть.

Вот теперь я поняла, что от меня требуется. У девицы болит спина. Она заказала либо массажиста, либо мануального терапевта. Хотя мануальный терапевт и массажист обычно со своим столом приезжают. А здесь ей услуги оказывали на полу. Да еще на холодном. Развели на деньги цацу, самозванцы врачи. Нагло развели...

— Есть что постелить под вас?

— Что именно?

— Простынку. Или лучше спортивный коврик.

— Сейчас, — и вышла в другую комнату.

Она прямо перед нами, не стесняясь, голой ходит. Ничего плохого сказать о ее фигуре не могу. Все на месте. Правда, грудь маловата. Недодал ей в этом плане боженька. Но она этого, видимо, не стесняется. Так бесстыдно перед чужим человеком ходит по дому. Хотя мы же для них обслуга. Мы не люди. Мы для них что-то вроде мебели. Бессловесны и угодливы...

Она принесла спортивный коврик. Прилегла. Я просмотрела спину. Озвучила ее проблему.

— Позвонки сейчас на место поставлю. И все будет нормально. Только в спортзал недельки две нельзя ходить.

— Почему твоя товарка не поставила?

— Не захотела терять выгодного клиента. Вы же каждый раз именно ее вызываете?

— Ну да. После ее массажа меня боль отпускает.

— Она вам массажем напряжение временно снимает. А позвонки-то не вправила. Боль и возвращается. Массаж она каким кремом вам делала?

— Она свой какой-то приносила.

— Вы название смотрели?

— Нет. Зачем мне.

— Она вам, скорее всего, делала массаж, наносила гель обезболивающий. Приезжала довольная домой. И ждала, когда дура богатая ее опять массаж делать вызовет.

— Ты кого дурой назвала?

— А кто вы? Вас нагло на деньги разводят. А вы платите. Откуда такую массажистку надыбали? Почему не посмотрели, каким средством она вам спину мажет? Гоните эту самозванку пинками до «Бутырки», где ей самое место.

— Ты-то сама кто? Ой-е!

— Ну вот, теперь все будет нормально. Только постарайтесь несколько дней полежать на более ровной поверхности.

Раздался звонок.

— Кто-то пришел. Наверное, массажистка ваша приперлась.

— Сейчас она у меня отхватит. Ну, погоди у меня, тварина наглая! А вы молчите. Ни слова.

Мы кивнули головами в знак согласия.

— Здравствуйте, Маргарита Николаевна. Вы сегодня хорошо выглядите, — защебетало возле дверей.

— Какое там хорошо? Ходить не могу.

— Сейчас мы вам поможем. Сейчас я вам боль сниму.

— Давай, помогай. А то сдохну сейчас от боли, — зашла Марго в комнату.

— Ой? А кто это?

— Не обращай внимание. Подружки зашли поведать.

Врет, как дышит. Актриса. Талантище. Вот не знала бы, что она уже здорова, поверила бы на слово, что помирает от боли дамочка. А нахальная обманщица сразу расслабилась и стала щебетать безостановочно. Рот у нее практически не закрывался. Она так отчаянно

хвалила эту Маргариту. Прямо задницу человеку зализала лизоблюдка.

— А ну-ка, дай сюда крем. Чем ты мне там мажешь?

— Это профессиональный, очень дорогой крем. Из листков дерева с островов... Бла-бла-бла...

— Дай крем, тебе говорят, — тихо сказала я.

— Немедленно, — вторила мне Мара.

До массажистки стало доходить: что-то пошло не так. Она рванулась к входной двери. Марго на полу сделала движение, получила подсечка. Аферистка упала и из ее торбы вывалилось все, что там было. Я взяла гель.

— Ну точно. Узнаю этот запах. Это же родной деклофенак. Продается в простых аптеках. Цена в пределах трехсот рублей. Так на каких островах, говоришь, сырье собирают?

— Ну что, Марго? Вызываем полицию? Ты знаешь, детка, сколько тебе корячится?

— Не надо полицию. Я все верну. Я просто не знала, как ей помочь.

— Вправила бы позвонки и вся недолга.

— Я не умею.

— Тогда зачем заказы берешь? Ты понимаешь, что человек из-за тебя инвалидом стать мог?

— Как инвалидом?

— Каком кверху. Деньги верни.

— У меня с собой нет такой суммы.

— Значит, вызываем полицию.

— Стойте. У меня на карте есть. Я сейчас переведу.

В общем, ушла она только тогда, когда рассчиталась с Маргаритой. И деньги отдала с процентами.

— С этой мымрой закончили. Но я так и не поняла. А вы тогда кто? И что вам от меня надо? Денег ты не просила. Значит, какой-то другой интерес?

— У тебя не физмат ли за плечами?

— Откуда знаешь? Справки наводила?

— Нет. Просто рассуждения логичные. И как ты с этой выдрой лоханулась. Хотя могу понять, когда что-то болит, то ум отключается. Но ты не думай. Я позвонки тебе на самом деле поставила на место. Теперь просто следи за осанкой и выбрось свой матрас на помойку.

— Ты знаешь, какой он дорогой? Выбрось. Разбросалась тут.

— Наверняка ортопедический? Со всеми наворотами?

— Ну да.

— Выкинь. Приучись спать, как спят японцы.

— На полу?

— На циновке. Или на тонком матрасе. Твоя спина тебе только спасибо за это скажет.

А все эти навороченные матрасы — просто рекламный трюк.

— Ладно, это все лирика. Итак, что вам надо от меня?

— Сведения.

— Какие?

— Про Юру Корнеева. Его убили возле нашего кафе.

— Убили? Так пусть полиция этим занимается. Это их прямая обязанность. Тебе-то зачем туда лезть? Девка ты вроде не глупая. Зачем себе ярмо на шею вешаешь?

— Понимаешь, не все так просто. Его могли спокойно по дороге выкинуть. А зачем-то к

нашим дверям подтащили. Вот я и хочу понять, зачем такие лишние телодвижения. Да и просто любопытно.

— Я поняла. Ты доморощенная мисс Марпл?

— Только в молодости. Не такая уж я старая, согласись.

— Согласна. Но наверняка зловредная старушенция и в молодости везде свой нос совала.

— И как она до таких лет дожить умудрилась?

— Видать, редкой изворотливостью обладала бабулька.

— Умом и интуицией, что немаловажно.

— Ну ладно, убедила. Кстати, ты мисс или миссис?

Показала ей колечко на руке. Сегодня я его надела.

— Значит, состоялась...

— Не поняла? Что значит состоялась?

— Это мои родители думают, что девушка состоялась и не зря прожила свою жизнь, если вышла замуж.

— Да ладно? Что за глупость.

— Вот такие они у меня старомодные. Считали, что я обязана побыстрее выйти замуж.

— И старались найти приличного жениха?

— Зришь в корень. Значит, решили они меня поскорее выдать замуж.

— Извини, что перебиваю. Но что с тобой не так?

— В смысле, не так?

— Ты не уродина, даже наоборот. Не тупая. Не наркоманка и не алкашка. Почему замуж так срочно? А в институте получить образование?

— У меня не так мои родители. Они поскорее внуков хотели.

— В процессе учебы и нашла бы мужа.

— Они от всякого быдла не хотели внуков.

— А от кого хотели?

— От проверенного потомка известной нам порядочной семьи. Им хотелось внука получить и понянчить успеть. И решили они меня начать сватать всем, кто искал невест.

— Твое мнение учитывалось?

— Самую малость. Чисто для проформы. Тут родители Юрки срочно засуетились. Оно и понятно. Такое родство на помойке не валяется. Стали своего сыночка на мероприятиях светить, лишь бы я на этого душевного уroda внимание обратила. Но я-то знала, какой он на самом деле.

— Откуда?

— Подруга школьная с ним сошлась. Она нам в социальном плане не ровня. У нее родители простые. Защитить ее было некому. Ох, и наплакалась она мне в жилетку про него.

— Он знал, что вы с его любовницей подруги?

— Знал. Даже как-то проговорился, что ему будет интересно нас сравнивать. Вот я и послала его открытым текстом.

— А родители что?

— Его родители проглотили. Мои стали меня винить, что мы расстались.

— А вы сходились?

— Еще чего не хватало. Идиот этот, представь себе, мне фото в голом виде прислал.

— Сохранилось?

— Где-то в старом компе вроде есть. Сейчас поищу. От меня же родители только потому и отстали, что я им показала, какие фотки он мне шлет и какие послания пишет. Не знаю, что они его отцу сказали, но он от меня отстал. Побоялся своему отцу перечесть.

— Почему?

— Тот жесткий человек. Перекроет ему финансирование. И амба кролику. Шкурку на шапку, а мясо на вертел.

— Жестоко.

— А ты как думала? Его знаешь, сколько людей ненавидело. Уйма. Сдохнет его папаша. И настанет копец кутенку.

Все это она рассказывала, а сама достала старенький ноутбук и стала в нем что-то искать. Наверное, ту самую фотку.

— Спросить хочу. А ты зачем ее сохранила?

— Не знаю. Хотя нет. Думала, что пригодится. Мало ли как дела в жизни повернутся. Это сейчас мои предки в силе. А случись что с родоками, так его конкуренты и «друзья» по мне проедутся. Раздавят и имени не спросят. И сердце не будет болеть. Плевать им будет, что меня с пеленок знают. И что я на коленях у них маленькая сидела...

— Были примеры?

— Да ты оглянись. Кстати, эти Корнеевы первыми по мне слонов пустят. Грабить примчатся. Если его сынок сдох, то туда ему и дорога. Нашла!

Она пододвинула ко мне свой ноутбук. Там молодой парень снял себя во всей красе. Фаберже свои отснял и в профиль, и в анфас. Все в мельчайших подробностях. И в полный рост, и в полной боевой готовности себя запечатлел. И даже в состоянии нестояния, как говорится.

— И как тебе такая фотосессия?

— Я думала, он одну фотку прислал. А он все показал в деталях. Не оставил места для фантазий. Ты оценила по достоинству?

— Оценила и по достоинству ответила.

— Прямой наводкой?

— А ты как догадалась?

— Долго он на полусогнутых перед тобой прыгал?

— Долго. Не бойся. Мой ответ его заставил задуматься о жизни.

— Скачай мне.

— Куда?

— Да хоть на телефон. Потом скину, куда захочу.

— Не боишься, что муж обнаружит? Потом греха не оберешься. Подумает, что любовник.

— Мы разводимся.

— А что так? Надоел?

— Вроде того.

— Ты, смотрю, молодая да ранняя. Я еще не вышла замуж, а ты уже разводишься. Хотя не бери в голову. Другого найдешь.

— Угу. Слушай, в какой квартире живет дама с собакой. Крупный шотландец с облезлым хвостом.

— Тебе зачем?

— Хочу с собакой помочь. Жалко пса. Облысеет же...

— В пятьдесят третьей. Запомнишь?

— Запомню.

Мы еще с Марго немного поговорили. Интересная собеседница. Звала в гости приходить. Подруг ее раскидало по жизни, и Марго даже пожаловаться некому на жизнь свою. А порой так хочется. Пообещали прийти, как сможем...

Ехали мы домой довольные. И дело сделали, и насмеялись от души. Теперь осталось передать фотки следователю и эксперту. Хорошо бы еще и видеоархив найти. И подсобрать побольше доказательств.

— Это надо же снимать своих девушек на видео! — возмутилась Мара.

— Может я не права. Но мне кажется это каким-то извращением. Снимать свои кувыркания.

— Я не ханжа. Но мне бы тоже не понравилось, что меня снимают во время любовной акробатики.

— Да еще без согласия. Любые действия без согласия партнера — это насилие. А он втихушку снимал и еще другим показывал. Странно, что его раньше не убили. У него с головой ку-ку...

— Иришка, а что ты завтра делать будешь?

— Пока не знаю. Мне надо посмотреть все, что мне Макс прислал. А у меня с работой в кафе руки не доходят.

— Завтра кого-то надо будет допрашивать?

— Война план покажет. Мы и так сегодня сделали двойную норму. Всех троих опросили. Я устала. Почему-то стала не высыпаться.

— Это потому, что мужика не стало. Так бы он тебя измотал, и ты спала бы мертвым сном до самого утра. Вон как мой. Правда, он меня иногда так бесит, что я готова ему в рожу вцепиться.

— За что?

— Да не за что. Просто так. Бесит...

— Бывает.

— У тебя с твоим также было?

— Да нет. Наоборот, какое-то время вообще не расставались. Как сиамские близнецы были. Мы парой везде ходили. Изматывал он меня ночью исправно. Да и днем тоже. И права ты, спала я как мертвая. Ночью не просыпалась. Это потом он все испортил.

— Все они одним миром мазаны. Сволочи...

Мы подъехали к дому Маринки. Она меня позвала к себе посидеть. Чай попить, сегодняшний день обсудить. Мне тоже некуда было торопиться. Вот я и согласилась. И я не виновата в том, что у них там началось...

В общем, мы зашли в квартиру. Ее сожитель вышел к нам в прихожую в трусах. У меня Никита сразу бы кинулся одевать штаны в таком случае. Хотя его фигура и фигура этого парня, как говорят в Одессе, две большие разницы. Никита за собой смотрит. Пресс каждый день качает.

А это недоразумение вышло. Он сначала почесал свое волосатое брюхо, а потом стал, не стесняясь ни меня, ни Маринки, чесать свои яйца. Притом делал это с явным удовольствием. Этого Маринка уже не выдержала. Она его за эти фаберже схватила и стала выкручивать. Когда чудака на букву «М» взмолился к Маре о пощаде, она вцепилась в его моську. Он завизжал по-бабьи. Тогда Мара сменила место применения силы.

Вцепилась в его жиденькие волосы. Волосы у него были длинные. Он мнил себя музыкантом. Часто говорил сам о себе, что он неограниченный талант. А я считала, что недоделанный рокер. Он называл себя бардом, певцом и композитором. Хотя ни одного своего авторского произведения нам так ни разу не продемонстрировал.

По этому вопросу мы с ним во мнениях не сходились. Во избежание эксцессов свое мнение я держала при себе. Боялась, что выскажу свое «фи», Маринка с ним расстанется и будет меня в этом винить. А я не хотела быть виноватой...

В общем, этот бесталанный «певец и композитор» все время ходил по дому с немтыми волосами. Делал хвост. Хвост был не конский, что было бы красиво и украсило бы этого орка. Но на его беду хвост получался крысиным, что невероятно бесило Маринку. И тут она перед своими глазами увидела то, что ее бесило сильнее всего.

Тогда она отцепилась от волос, отодрала сиденье от унитаза. Этот ленивец его не закрепил, хотя она много раз просила. И надела его через голову и плечи на талию своему дорогому и обожаемому. Как ей удался этот трюк? Я несколько удивилась такой силище. Это же все-таки пластик. Он вроде не тянется, как резина. В общем, стоит мужик посреди квартиры с порванными труселями, с расцарапанной мордой, с подбитым глазом и вырванными волосами. А на его талии, как влитая, красуется унитазная сидуха.

Но на его беду Маринка не остыла. И он понял, что ему придется получать еще много чего. Когда это до него дошло, он дал стрекача. Перепрыгнув через свою старенькую гитару, он рванул на свободу. Там люди. Они помогут отбиться от неадекватной Мары.

Красивым аккордом прозвенела порванная струна на его бардовской гитаре. Голова вошла в гитару как по маслу. И получился вполне себе красивый галстук. Под ним скромной балетной юбочкой смотрелся стульчак. Я села тихо в углу на пуфик и не отсвечивала.

Я просто Маринку хорошо знаю. Осталось у нее еще одно неоконченное дело. Не был выкинут вчерашний мусор из помойного ведра. Маринка его и выкинула... В окно. Куда же он должен прилететь? Прилетел мусор туда, куда должен был. Прямое попадание в голову нашего таланта. По закону подлости пакет порвался, и из него вывалилось сильно пахучая субстанция. Прямо на голову небожителю. Наверное, чтоб господь его по запаху узнал.

Вот теперь все. Можно выходить из укрытия. Расправа состоялась.

— Круто ты с ним!

— А нечего перед гостями яйца чесать! Я ему сотню раз говорила!

— Я думала, он только передо мной так выступил.

— И перед Кирой. И даже перед моей мамой.

— А морду-то зачем?

— Ты не видела, какая она у него довольная была? Чешет яйца и млеет. А мне стыдиться прикажешь? Краснеть за него?

— А волосы?

— Пусть научится их мыть. А потом отращивает. Мало того, что я их везде нахожу, так он еще и стульчак не поднимает. Вытирай потом за ним.

— Всегда?

— Когда поднимает, то не отпускает. А это натурально бесит.

— Гитару на шею, как победителю в песенном конкурсе «Алло, мы ищем таланты!»?

— Это за вчерашнее бляение до полуночи. Это от благодарного слушателя награда. Я много раз ему говорила, чтоб настроил ее и убрал на место. Нет, постоянно на нее натыкалась.

— А мусор не вынес, хотя ты просила? И не один день?

— Угадала. Теперь вынесет, никуда не денется.

— Ну и как ты сейчас? Отпустило?

— Отвела душеньку, теперь довольна. Полегчало. Столько в напряжение была. Хорошо-то как.

— Что дальше делать будешь? Назад примешь?

* * *

— Зачем? Да и есть у него кто-то. Пусть туда и катится этот непризнанный гений. Считай, я мусор выкинула. Осталось его барахло. Ты мне поможешь?

— Что именно?

— Собрать и отвезти его родителям.

— Ты только их не бей.

— Их-то за что? Они знают, какой их сынок чудило. Они так радовались, когда нашлась дура, которая его приняла. Я их понимаю. Я его выгнала и все. А они его родили, поэтому им с ним теперь всю жизнь маяться...

Так за разговорами мы собрали все его вещи и перетасили их в машину. Мара проверила, чтоб ни одной штотки бывшего сожителя в ее квартире не осталось, иначе этот наглый халявщик может вернуться. И мы поехали к его родителям. Те встретили Маринку с удивлением. Сын к ним не прибегал, не приезжал и не прилетал на крыльях сыновней любви...

— Значит, у своей второй любовницы причалил, — резюмировала Маринка.

— Он от тебя гулял? — удивилась мать непризнанного гения.

— Гулял, — уверенно ответила Мара.

Мы развернулись и быстро спустились к машине, пока его родители не уговорили Маринку простить непутевого гуляку. Уже в машине Маринка громко выдохнула.

— Наконец-то я от него избавилась. Дело сделано. Спасибо тебе.

— А мне за что?

— За то, что помогла.

— Я тебе не помогала. Та все сама наворотила. Я в углу отсиделась. И не фиг брать меня в соучастники! — засмеялась я заливисто.

А вы бы не смеялись? Такой колоритный мужичок получился...

— Ты мне духовно сегодня помогла. Своим присутствием. Одна я бы не решилась почистить Авгиевы конюшни. Терпела бы и дальше. Злилась бы каждый день, но терпела. А теперь место рядом со мной свободно. Можно искать достойного претендента. И вздохнуть полной грудью.

— Что я могу сказать? Поздравляю! Поехали назад? Или ко мне?

— Давай к Кирюхе поедем. Отдохнуть хочу от этих передраг. И подружку свою навестим.

— Порадуем ее.

* * *

Но была еще одна женщина, которая пела и плясала на радостях. Баба Глаша, соседка Маринки сверху.

Она же Глафира Антуановна Гольдман. Ее дед был большим оригиналом. И не мог придумать ничего лучше, чем назвать сына Антуаном. И это в советское время. Не Ленинид какой-нибудь, не Ким и тому подобные имена того времени. Нет, буржуазное имечко выбрал для сына. Заковыристое. Антуан.

Только ленивый не дразнил Антуана. Клички были разные. «Буржуйское отродье» было самым простеньким и не обидным. Антуан от злобы учился все усерднее. И стал великим ученым. Мирового уровня. Но и он, и все остальные прекрасно понимали, что никем бы он не стал, если бы не его любимая Сара.

Сара. Это имя он с придыханием произносил всю жизнь. И даже умирая, прощался с своей Сарой. О ней переживал. Как она там без него жить будет, его милая Сара.

Его Сара была всех в школе, когда его дразнили. Защищала. Ее дразнить было без толку. Она на дразнилки никак не реагировала. Именем своим очень гордилась. Чуть что, она сразу выкрикивала имена всех известных ей «Великих Сар мира». Список получался громадным. И хамы сразу стыдливо затыкались. В их обычных именах не было ничего примечательного. Такого списка великих тезок явно бы не набралось.

Ну как именем великих мира сего можно дразнить? А никак. Да и кулачки у нее были хоть и маленькими, но дралась она отчаянно, как мальчишка, и была очень больно. Без красивой подсветки из драки с ней никто никогда не уходил.

Фонари получались ровные, красивые и яркие, аккуратно под глазом. Профессионально его Сарочка умела разукрашивать физиономии врагов. Да и язык имела острый. Так приложит, что дразнить начинали того, кто разборки затеял. А она опять выходила сухой из воды.

Ну и кто с такой станет связываться, скажите на милость? А когда стало понятно, что Сара взяла новенького задохлика под свое крыло, то все как-то притихли. Даже самые ярые хамы только шипели свои обзывки вслед, но так, чтобы их Сара, не дай бог, не услышала.

Связываться с ними двумя было себе дороже. Так и оберегала Сара своего любимого мужа всю жизнь. И сберегла-таки. И войны все они пережили, и репрессии, и всякие другие политические катаклизмы. Так и шли по жизни счастливые и прикрытые своей любовью, как броней...

Благословили их небеса дочкой Глашенькой. Девочка пошла вся в маму. Такая же неугомонная и жаждущая справедливости. Так в боях местного значения она и состарилась, и закалилась. Не человек получился, броня!

Марина бабе Глаше очень нравилась. Скромная и тихая девушка. Если и были пьянки и гулянки, то редко. И то с такими же скромными и тихими, порядочными девушками, как она сама. Глафира ее незримо опекала. Если Марине делали замечания, она всегда извинялась. Воспитанная...

Откуда и с какой помойки привела нынешнего сожителя ее соседка снизу, баба Глаша не могла понять. Мариночка звала его на французский манер Сержем. Сергей, стало быть. Хотя какой там Серж? Серый. Вот его настоящее имя. Другого имени он не достоин. Она его презирала...

Зачем она притащила в свой чистый дом это недоразумение? Вечно невымытый. Реденькие волосы всегда грязные. Вечно в каком-то рванье. Рваные джинсы и такая же майка. Еще и курит какую-то дрянь. А потом полночи на кухне гогочет и горланит свои

идиотские песни. Глафира Антуановна давно хотела пожаловаться Мариночке на ее бойфренда.

Баба Глаша не была отсталой и понимала, что Марина сожительствует. Не все нынче бегут в загс. Не старые времена. Но и сожитель должен совесть иметь. Она, может, спать хочет? А он ей мешает. На самом деле баба Глаша всю ночь смотрит телевизор. Бессонница у нее. Но про это не обязательно всем знать. Пусть думают, что она спит, а он ее своими завываниями будит.

Только собралась она идти жаловаться соседке, как услышала из квартиры снизу крик. Кричал мужчина. Потом он завизжал. Хлопнула громко дверь квартиры снизу. Послышался грохот на лестнице.

— Убегает скунс вонючий, — пробормотала баба Глаша.

Наступила тишина. Баба Глаша решила выглянуть в окно. Любопытство, знаете ли. И то, что она увидела, чрезвычайно ее обрадовало и развеселило. По направлению от дома бежало это Маринкино недоразумение в рваных трусах, в какой-то юбке и с гитарным украшением на шее.

— Концептуальный перформанс, однако, — определила баба Глаша.

Мариночка, как натура художественная и имеющая тонкий вкус, решила добавить немного красок в свое бессмертное творение. Выкинула ему на голову мусорный пакет. Тот порвался, и картина оказалась завершенной. Какая красота получилась! Глафиру Антуановну поразила ходячая скульптура Сержа. Она приобрела совершенство.

— Идеально! — восхитилась Глафира Антуановна.

Она ему даже название придумала: «Вынос мусора».

А тем временем наряд полиции проезжал мимо Маринкиного дома. Они устали. Вызовов было много. Им хотелось просто отдохнуть и выпить чаю.

— Гляди, что творится! — сержант заинтересовано стал смотреть направо.

— Рановато для сезонного обострения, — ответил ему напарник.

— Это что же на нем надето?

— Да фиг его разберешь. Трусы вроде.

— Что делать будем?

— Может, ну его? Поехали чай пить?

— Не получится. Он к нам бежит.

— Быстрее поворачивай, иначе догонит. На трассе ускоримся.

— Чтоб его... Развели психов...

— Блин, не успели...

Психом был сожитель Марины. Он себя со стороны не видел. И считал, что выглядит вполне приемлемо. Узрев патрульную машину полиции, он рванул к ним. Они прибавили скорость. Он решил, что они не увидели его. Хотя он махал руками и подпрыгивал. Ему была нужна их помощь...

— Помогите! — заорал псих и попытался открыть дверцу.

Внутри сидели полицейские. Дверку они не открывали и психу не позволили открыть. Заблокировались изнутри. Кто же этого психа знает, на что он способен. Оторваться от него им не удалось. Полицейские искали способ избавиться от проблемы. В голову ничего путного не приходило. Все варианты были так себе...

Они понимали, что если он засунет свою голову в машину, то им долго придется убирать салон от мусора. На голове у психа было самое настоящее гнездо из непонятной

субстанции. Эта сооружение еще и воняло. Псих стал им что-то говорить. Руками пытался показывать.

— Приоткрой и спроси, что ему надо, — не выдержал сержант.

— А может, просто дурку вызовем? Сдадим его и все.

— Узнай. Только погоди, открой немного. Вдруг он блохастый...

Полицейский приспустил немного боковое стекло. Псих стал орать.

— Она меня выгнала! Ведьма! — проорал он в образовавшееся отверстие.

— Ты слышал? Его ведьма выгнала. Точно, псих...

— Может, это он про жену или тещу...

— Ну да. Те еще могут быть ведьмы...

— Она мое имущество не отдает! — кричал Серж полицейским.

— А это уже самоуправство, — высказал свое мнение сержант.

— Ты что, намекаешь? Сходить с ним и помочь?

— Придется. Сюда его не посадишь, намусорит придурок. Да еще и неизвестно, чем он там болеет. Сходи с ним. Слышь, ты к нему не прикасайся. И салфетки в бардачке возьми. Руки вытри. И к себе блохастого близко не подпускай.

— У меня семья, дети. Я не могу рисковать.

— Так ты и не рискуй. Просто держись на расстоянии...

Сержант выбрался из машины, кряхтя и охая. Неохота идти, а придется. И пошел с психом, куда тот показывал. Напарник его тихо ехал следом. Правильно сделал. Подстраховывал собрата по оружию. Кто этого психа знает, что у него на уме. А вдруг он разбушуется? Тогда его армейский друг запрыгнет в машину и останется целым и невредимым. Никогда не знаешь, что от этих психов ожидать. Такие случаи иногда бывают, что реальный трэш...

Псих нервничал. Сильно размахивал руками и жутко чесался. Может, он никакой не псих? Вдруг он из этих, из извращенцев. Вон как начесывается. Точно блохастый. Или вообще вшивый... Придется собачьим шампунем от блох помыться сегодня. А то как бы самого теща из дома из-за блох не выгнала. А она грозила не раз...

Между делом странная кавалькада стала привлекать внимание. Люди стали додумывать свои версии. Фантазировать. Пока добрались до дома, пока вошли в подъезд. Псих поднялся на нужный ему этаж и остановился перед добротной дверью. Кивнул на дверь головой.

— Она здесь, — прошептал он, вращая глазами.

Полицейский позвонил в звонок. Дверь никто не открывал. Тишина. Он связался с напарником и попросил посмотреть на окна квартиры. Тот ему ответил, что в окнах света нет.

— Никто не открывает. Никого нет дома, — резюмировал полицейский.

— Там она. Затаилась, англичанка чертова со своей мисс Марпл.

— Даже так? Ведьма англичанка? И мисс Марпл с ней? Интересно...

— Эта Шерлок Холмс ее подучила.

— Холмс с ними? Он женского рода? Трансвестит? Понятно, — до сержанта стало доходить, что это самый настоящий псих. Небось, криминальных романов и тупых книжек начитался, вот мозг и заклинило. Оно так обычно в жизни и происходит. Все беды от ума...

— Надо у соседки спросить, где она?

— У какой?

— У любой. Хотя они все ведьмы.

Тут спускается старушка с мусором к мусоропроводу. Глянула на них с опаской, пытаюсь понять, что происходит.

— Женщина. Вы не могли бы нам помочь?

— А что случилось? — поинтересовалась она.

— Вы хозяйку этой квартиры знаете?

— Знаю. Хорошая девушка.

— Гражданин жалуется, что она его вещи не отдает.

— Какие вещи? Он в нашем подъезде уже два дня бомжует. Она его жалеет, подкармливает. Не выгоняем только потому, что жалко. Замерзнет он на улице. А он на нее еще и наговаривать взялся? Гад неблагодарный.

— Он не ее сожитель?

— Да что вы? Она интеллигентная женщина. Красавица, каких поискать. А вы на этого взгляните? Чтоб она до такого опустилась? Он же вшивый. Или блохастый. С собаками дворовыми спал...

— Так он не местный?

— Нет. Вы только посмотрите. Он еще и стульчак где-то подобрал, дурачок. Ты зачем его на себя одел, глупый? Это же сиденье от унитаза. И гитару эту опять на помойке подобрал. Вчера только еле с него ее сняли. Дин Рид он, видишь ли.

— Дин Рид? Это кто?

— Это такой музыкант был. Уже умер. А этот вчера весь вечер с Элвисом разговаривал. Пыхнет сигаркой и сам с собой так весело смеется. Ох, захламит он наш подъезд. Зря его Мариночка пожалела...

— Вы его имя и фамилию не знаете?

— Нет. И вообще, заберите его отсюда. Пусть его специалисты подлечат. Он же и воет как собака. Всю ночь вчера выл. И жалко его, и надоел он нам.

Полицейский стал понимать, что придется психа все-таки определять на лечение. А значит, никакого чая в ближайшее время им не видать. Серж тоже понял, что бабка сверху решила ему за что-то отомстить. Старая гримза. Его заберут в психушку. В лучшем случае. А в худшем — посадят.

Поэтому он стал делать то, что умел делать лучше всего. Он побежал. Внезапно сорвался с места. И побежал, что было сил. Живым он в руки психиатров не дастся. И ментам тоже. Развели тут тридцать седьмой год...

Напарник полицейского сидел в машине и ждал друга. Вдруг дверь в подъезд резко распахнулась, и псих выбежал на всеобщее обозрение. Трусы его зацепились за гвоздь, порвались и повисли тряпкой на двери. Серж их сорвал с гвоздя, схватил в руки, как знамя, и побежал во всю прыть по улице. Со стороны могло показаться, что Серж сорвал с себя трусы в порыве чувств и стал размахивать ими, горланя во всю глотку про Варяга, который не сдается врагу и не желает пощады. Фальшивил Серж сильно...

Серж летел. Он бежал, но ног под собой не ощущал. Легкость была в его теле необычайная, и он наслаждался бегом. Серж их провел. Этих тупых ментов он вычислил и обманул. Теперь он свободен, о чем и пел во всю мощь своих легких. Так с песнями он прибежал к своей любовнице Миле.

Мы же тем временем про приключения сожителя Мары и не подозревали. Сидели в гостях у Киры и давились от хохота, наперебой рассказывая ей про сегодняшнее выдворение Сержа из квартиры Маринки.

— Не день, а сплошная юморина. Сначала стриптизерша, круглая, как колобок, подняла нам настроение. Потом Серж с гитарой на шее повысил градус веселья, — высказалась я.

— Теперь мы все одинаково молодые и свободные, — сказала Кира.

— Погоди, еще Иришка замужем, — поправила ее Маринка.

— Какие ее годы? Разведется...

— Что мы завтра делать будем? — спросила я подружек.

— Пока не знаю. Отсыпаться буду. Выплюсь хоть по-человечески. Зря я, что ли, этого храпящего козла сегодня выперла?

— И я, наверное, завтра посплю.

— И я спать буду.

— Вот и договорились. На завтра у нас сонный день.

И опять все хором захохотали.

Тем временем в своей квартире сидела баба Глаша и радовалась своей хоть и маленькой, но победе. Отомстила она все-таки этому хиппи волосатому за свои беспокойные ночи. А то ишь, песни свои горланил, даже телевизор заглушал. Она ночью не спит. У нее бессонница. Она телевизор смотрит...

* * *

Приехала я домой поздно. Мама сидит на кухне, меня ждет.

— Как день прошел?

— Да нормально. Мара своего альфонса выгнала.

— Отважилась? Молодец.

— Я тоже так считаю. Знаешь, так смешно получилось...

Ну и рассказала все от начала и до конца, что сегодня с нами происходило. Мы с мамой смеялись до слез. Да так громко, что Петьку разбудили. Он на наш хохот пришел.

— Проснулся? Что завтра делать будешь?

— Учиться. Что же еще?

— А может, после обеда чем поинтересней займемся?

— Чем, например?

— Можно кинологу позвонить. И если он завтра во второй половине дня свободен, то Грейса потренируем.

— Хорошо. А если занят?

— Тогда пойдем с пацанами на пустырь. Будем бабу снежную лепить.

— Лучше мяч гонять.

— По снегу мяч? Хотя завтра решим, что будем делать.

— Война план покажет?

— Точно.

Пошли все спать счастливыми...

* * *

Рано утром опять снега намело. Ощущение такое, как будто в небесной канцелярии нам

решили выдать все осадки за год. На пустыре снега навалило по пояс. Я туда решила сходить, поскольку нашла, у кого можно арендовать бокс в гаражном кооперативе «Дорожник» или как там эта контора теперь называется. Хороший бокс. Скорее всего, хозяин угонщикам раньше сдавал место.

Мне в гаражи попасть необходимо. Хотелось бы понять, где могла быть лаборатория. Неужели они съехали раньше, чем мы навели на них полицию? Почему? Что их вспугнуло?

Там есть необследованные помещения. Осмотр был поверхностным. В закрытые гаражи они не заходили. Санкции на вскрытие закрытых боксов никто не просил. Вот полиция ничего и не обнаружила. А мы со своей дрессированной собакой там все облазим. Каждый закуток обнюхаем. В каждый уголок заглянем. Везде свои любопытные носы засунем.

Но пустырь отложили на потом. Там трактор пока дороги не почистил. Пробраться до гаражей нереально. Все снегом замело. Синоптики говорят, что за два дня выпадет месячная норма. Хотя им верить — себя не уважать.

Зато кинолог с такой радостью согласился на занятия. В любое время готов приехать. Обрадовался звонку. Может, Петька прав, и он действительно мне симпатизирует?

Я взяла Грейса и пошла гулять на старую площадку. Приличная собачья площадка. Народа почти нет, только редкие прохожие. Грейс никого своими размерами не напугает. Ему уже почти полтора года. Как быстро время летит. Давно ли его подобрали куцега, замерзшего. Скоро придется ему подружку искать. И где мы невесту найдем? Хотя у него такая родословная, что к нему очередь должна выстроиться из невест.

Пришла домой. А там уже Петька копытами стучит. Доложилась ему, что на сегодня только кинолог. Зато учеба будет долгой и плодотворной. Петька верещал от восторга. В оговоренное время пошли к месту встречи с кинологом.

А он стал еще краше. Хотя о мужиках вроде так не принято говорить. Но что есть, то есть. Как он это делает? И так была смертоубийственная красота для женского пола. А тут вообще. Стою и на него люблюсь. Отпад...

— Здравствуйте, Ирина.

— Здравствуйте.

— Выздоровели?

— Как видите. Извините, но как вас зовут. А то не знаю даже, как к вам обращаться.

— Алекс.

— Это Александр или Алексей?

— Алексей.

— А по отчеству?

— Зачем по отчеству? Просто Алекс.

— Я же вам не нужна? — спросила я.

И стала оглядываться в поисках места, где бы посидеть. Он намек понял. Открыл дверку. Запустил меня в салон и включил музыку. Шопен. Классика. Вальс цветов. Ну что же, под такую музыку самое то дремать. Облагородимся и выспимся всласть. Проснулась я только, когда меня по щеке ласково погладили. Тихонько так, ласково погладил...

— Вставайте. Ирина...

— Да. Конечно. Сейчас. Вы уже закончили?

— Петька один полчаса потренирует. А я к вам погреться.

— Петька там не замерзнет?

— Сказал, что тепло оделся.

Сидим в машине. Гнетущее молчание. О чем с ним говорить, я не знаю. Да и стесняюсь. У меня до сих пор таких красивых мужиков в знакомых не водилось. Чувствую себя с ним как-то неудобно. Не комфортно мне с ним в такой интимной обстановке. А он еще прямо в глаза смотрит, не отрываясь. Алекс так загадочно молчит и улыбается ласково.

Открыла дверь, вышла из машины. Вдохнула морозного воздуха. Хорошо-то как. А то думала, что разучилась дышать. У меня от него аж дыхание перехватило. Лучше буду тренировку Петьки с Грейсом смотреть.

Он тоже за мной вышел. Встал сзади вплотную. Почти прижался. Дышит шумно. А у меня волосы на затылке от его присутствия дыбом стоят. Вот как бы ему намекнуть, что не надо так близко ко мне вставать, иначе я за себя не отвечаю. Я же тоже не железная. И чувства свои имею...

— Ирина, а вы завтра вечером заняты?

— Хотите еще одну тренировку провести?

— Нет. — засмеялся.

— А что тогда?

— Хочу пригласить вас в кино на вечерний сеанс.

— Вы в курсе, что я замужем? — показываю ему кольцо на пальце.

— В курсе. Но вы же вроде разводитесь...

— Кто такое сказал?

— Петька.

— Откуда ему знать? Мы сами еще ничего не решили, — сказала я.

Отошла от Алекса на несколько шагов. Вроде как ноги размять. А сама решила держаться от него подальше. Он просто рядом постоял, а я уже как пластилин стала мягкой и податливой. Мни как хочешь, лепи, что хочешь.

После тренировки Алекс предложил нас подвезти до дома. Я сказала, что пешком пройду. Петька уставился на меня. Но от услуги тоже отказался. Со мной пройтись решил за компанию. Пришли домой. Я просто ушла к себе в комнату. Не стала ни есть, ни пить, ни с кем ничего обсуждать.

Было мне по-настоящему плохо. Наверное, я влюбилась. А иначе почему меня в его присутствие так колбасит? Надо держаться от этого Алекса подальше. Ему поразвлекаться за мой счет хочется. Самоутвердиться. А меня он зацепил серьезно. И я к этому не готова...

Вот и наступило еще одно утро. Выспалась и пошла на работу пешком. До обеда была рутинная. В обед началось светопреставление. Сначала пришел Никита. Смотрю на него, но вопрос не задаю. Он и так понял мой немой вопрос.

— Нам надо поговорить, — ответил он мне.

— Опять?

— Мы с тобой по-человечески так и не поговорили.

— А как мы говорили? Не по-собачьи же...

— Не получается у нас поговорить нормально. Вечно что-то мешает.

— Может, это судьба? Может, тогда и не надо нам разговаривать? Проще просто разбежаться в разные стороны и все.

— Нет. Нам с тобой надо серьезно и откровенно поговорить. Решить все наши разногласия. Здесь и сейчас. А то наломаем дров...

Меня вызвали в зал. Там у клиента какой-то вопрос к начальству возник. Пока я с посетителем разговаривала, пока вопрос решили. Вернулась назад. И так-то вымоталась

сегодня, а тут еще Никита решил права качать.

— Это что такое? — показывает мне интимные фотографии убиенного мажора Юры Корнеева. Те самые, где он голый в разных ракурсах.

На меня эти фотографии произвели впечатление, когда мне их Марго показала. А я женщина и оценивала их не только с позиции красоты, но и с позиции мужественности модели. Ну, вы понимаете, что я имею в виду. Там этот Юрий такой сексуальный плейбой...

Представляю, что сейчас подумал Никита. И главное, какие чувства испытал. Что надумал себе, пока меня не было. Наверняка решил, что у меня с этим мажором что-то уже было. А иначе зачем бы он мне такие фотки послал? Ревнует. Кипит прям от злости и возмущен предполагаемой изменой жены. Хотя так ему и надо. Не будет по чужим телефонам лазить.

— Кто тебе разрешил в моем телефоне копать? — огрызаюсь я. Помню, что лучшая защита — это нападение.

— Я твой муж. Имею право, — начинает качать свои права.

— Нет, не имеешь. Ты это право потерял. Мы в разводе.

— Мы пока не развелись. Веди себя достойно звания жены.

— Ах, каким высокопарным слогом мы заговорили. А не ты ли, милый муж, нарушив клятву верности, себе любовницу завел? Да еще и с придурью.

— Я с ней не спал. Я тебе не изменял с ней.

— А с кем изменял?

— Ни с кем.

— Но ты с ней целовался. Значит, поцелуи не считаются изменой?

— Нет.

— Значит, я могу целоваться с кем хочу и сколько хочу? И даже взасос? Правильно я понимаю? Целуясь и обнимаясь с мужиками, я тебе не буду изменять? Значит, сегодня и начну.

— Только попробуй. Раздавлю...

— Кого?

— Обоих. А пока...

И неожиданно со всей силы швырнул телефон в стену. Только осколки в разные стороны разлетелись. И лицо такое, что верю. Убьет... Но то ли от недостатка ума, то ли от глупости бабской пошла на обострение.

— Значит так. Пошел вон. Немедленно выметайся.

Подошла к двери, распахнула ее настежь. Он вышел. Пусть идет. Это надо же, телефон разбил. Ненормальный. Ревнивый дурак. Теперь придется у Марго снова фотки этого Юрика-жмурика клянчить. Сейчас попрошу ее мне переслать фотки на комп. Блин. Телефон же разбит. Как теперь звонить, пока новый не купила? Телефон хороший был. Я к нему привыкла.

Решила попробовать скачать информацию с телефона на ноутбук. Вдруг получится? Фотки хотя бы скачать. Не хочу я связываться лишней раз с сильным мира сего. Поэтому к Маргарите в самом крайнем случае буду обращаться. Просто не нравится мне бесстыжие люди. Совсем стыда если нет, то неизвестно, на что человек способен.

Посидела за ноутбуком. Фотки удалось с телефона скачать. Уже радость. А потом до конца рабочего дня сидела и смотрела на пустую стену.

Как это символично. Этот телефон подарил мне Никита. Мы уже были женаты.

Счастливы были. Я свой тогда где-то потеряла. И он мне подарил самый навороченный. Хотя я и не просила. А теперь разбил вдребезги.

Так и с нашим браком. Позвал замуж, создал семью. И сам же разбил. Так приключений ему захотелось. Свежего девичьего тела. А теперь что хочет? Телефон назад не вернешь. И семью тоже не восстановить...

Домой шла грустная. Возле подъезда меня ждал Алекс.

— Здравствуйте, Ирина. А я решил к вам заскочить.

— Вы меня в кино как-то звали. Предложение в силе?

— Ага, — Алекс перенял от меня дурную привычку так отвечать.

— Тогда приглашайте.

— Приглашаю в кино.

— На последний сеанс? С удовольствием, — согласилась я.

— Тогда поехали.

Мы подошли к машине. Он мне вручил цветы. И поехали развлекаться. Я только маму предупредила, что в кино со знакомым пошла, чтоб она не волновалась.

Фильм был мне неинтересен. Я уставилась на экран. Но сам фильм даже не видела. Я думала. Решала, как дальше буду жить. В общем, я ушла в себя. Алекс подумал, что мне нравится фильм. Но он его тоже не смотрел. Он смотрел на меня. Не отрываясь. Хотел целовать начать, но побоялся испугнуть. Так и сидели с ним: вроде вместе в одном зале, но врозь.

А тем временем Никита злился. Он вышел из себя. Ни одна девица не выводила его так. Он ждал жену после работы. Извиниться хотел. Объяснить все. Она пришла, а ее встречает какой-то новый мужик. Не тот, который с фотографий. Она села к нему в машину и уехала. Никита долго сидел, ничего не понимая. Потом поехал домой. Но не к себе, а к отцу. Надо было посоветоваться.

— Отец. Нам бы поговорить.

— Давно тебя не было. Давай поговорим. О чем будет разговор?

— Я развожусь.

— Что-то произошло?

— Она мне изменяет.

— Странно. Я думал, она не такая. Ты ничего не путаешь?

— Права была мама. Не любила она меня.

— Мне казалось, что любила. И даже очень.

— С чего ты взял?

— Вы были в нашем поселке ньюсмейкерами номер один. Вы с ней любили друг друга везде, где приспичит. Как кролики. На вас ставки делали даже бабки. А ты говоришь, что не любила, — пытался вразумить его отец.

— Нельзя женщин любить. Когда любишь — это слабость. И женщины это чувствуют. Начинают вить из тебя веревки.

— А ты ее любил?

— Я ее и сейчас люблю. Только она меня уже разлюбила.

— Почему?

— Да там мелочь...

— Значит, не такая мелочь, раз до развода дело дошло.

Никита стал отцу рассказывать. Без подробностей. Обрисовал вкратце картину, чтоб

отцу стало понятно. И он смог дать совет.

— Я взбесился из-за ее упертости. Ведь любит меня, а твердит постоянно, что нет. Ведь хочет со мной жить, а говорит, чтоб развод дал. Или уже не любит и не хочет?

— Тогда амба, сынок. Приехали. Суши весла...

— И зря я телефон ее разбил.

— Ты ее телефон разбил? Зачем?

— Там были фотографии другого мужика.

— И что? Мало ли чьи фотографии у нее могут быть. Она же у тебя везде свой нос сует.

Вот и сняла кого-то для дела. Опять куда-нибудь вляпалась.

— Ага. Только мужик-то голый. В ее телефоне чужой голый мужик.

— Обидно, что не твои фотки голяком?

— Скажешь тоже. Зачем ей фотки чужого голого мужика? Объясни?

— Тайком сняла. Может, ей это надо для дела.

— Голый ей позирует. Выставил свое хозяйство на показ. Во всех видах и ракурсах. Во всей красе...

— Да, согласен. Это странно. Фото чужого голого мужика.

— Вот именно. Хочешь фотку голого мужика — сними мужа.

— Согласен с тобой. И как там у него? Все в норме?

— Нормально у него везде.

— А она что на эти фотки сказала?

— Разозлилась, что я в ее телефоне копался. Сказала, что не имел права.

— В чем-то она права. А телефон ты зачем разбил? Это глупо.

— Ну и что? Сам купил, сам и разбил. Имею права. Я все по этим фоткам понял. Иришка мне изменила. Этот мужик ее имел. А я лопух и рогоносец. Правильно я телефон разбил. Надо было об ее голову его разбить, чтоб вышибить этого холеного козла из ее головы.

— Тогда разводись. Раз она изменила, то разводись.

— Почему?

— Если кто-то из супругов изменяет, это уже не семья. В постели всегда должно быть двое. Если нет, то это уже не семья, а бордель.

— Я ждал ее, хотел ей сказать, что согласен на развод. Решил, что завтра в ЗАГС поедем заявление подавать. А за ней другой мужик приехал.

— Точно другой? Не тот, что на фотографии?

— Точно. Этот еще шикарней.

— Не знаю, обрадует это тебя или огорчит, но твоя жена тебе не изменяла.

— С чего ты взял?

— Твоя жена не из тех, кто хвостом вертит. Пока ты с ней не разведешься, крутить романы не будет. Подумай об этом. А лучше извинись.

— И купить новый телефон?

— Купи новый. Сам разбил, сам и исправляй. Не заводи больше любовниц. Похоже, она у тебя не умеет прощать. Если сейчас простит, то второй раз нет... Никита сидел и думал. А ведь точно. Все у них пошло кувырком с этой лысой Эльвиры. И как он на нее повелся...

А я с Алексом тем временем уже подъезжала домой. Кино я так и не посмотрела. Вск дорогу до дома думала. Ехали молча. Припарковались у подъезда. Алекс держит мою руку. Не отпускает. Стал наклоняться, чтоб поцеловать. Сначала руку. Потом щеку. Потом губы. Классика.

Как будто по старым добрым женским романам учился соблазнять девиц на выданье. Или они интуитивно вычисляют, к кому какой подход нужен? Пожалуй, я не буду скромничать и его удивлю. Стала отвечать на поцелуи. И так это нас захватило, что еле оторвались. Хороший самец. Чего уж скрывать. Восхитительно хорош он в этом деле. Восторг в душе. Туман в глазах. Фейерверки в небе. Если Алекс и в остальном также хорош, то мне конец. Завяз коготок. Пропала пичужка...

А может и правда завести надо любовника. Почему мужу можно изменять, а мне нельзя? Почему я не могу поступить так же, как он. Тем более мой партнер так красив...

Домой зашла тихонько. Не хотела никого будить. Пусть спят. Прилегла на кровать, хотела поразмышлять. Но заснула...

Ранним утром меня разбудил крик Петьки. Тот громко орал, что в школу опаздывает. Проспал и не выгулял Грейса. Значит, мне оставил подарочек. Совсем совесть потерял.

С утра ко мне приехал Алекс. Ждал у подъезда. Я как раз выхожу из подъезда, а тут он. Неожиданно. Так с ним вместе и выгуливали пса. Пока гуляли, Алекс стал задавать странные вопросы. Обычно такими вопросами девушки парней донимают. А здесь все наоборот. Чем больше общаюсь с мужским племенем, тем больше удивляюсь их нелогичности. А еще говорят, что женщины глупы. На себя бы посмотрели...

На работе с утра хотелось спать. Почему меня постоянно в сон клонит? Вроде никто мне не мешает выспаться. Хотя нет. Сегодня на час раньше меня Петруха разбудил. Потому и не выспалась. Легла поздно, встала рано. Раздался стук в дверь. Открываю. Стоит курьер.

— Вам посылка.

— От кого? И вы уверены, что мне?

Называет мои фамилию, имя, отчество. Все вроде правильно. Я таких дорогих подарков ни от кого не жду. Максимум цветы от Алекса. И то навряд ли. Он привык сам свои букеты дарить...

— От кого не знаю. Я только доставляю. Клиент остался инкогнито.

— Принимать подарок от кого-то неизвестного не буду.

— Примите и распишитесь, — настаивает курьер.

— Я отказываюсь принимать. Даже если это подарок. Подписывать вашу бумажку не буду. Подарков я не жду.

Сказала, как отрезала. Курьер растерян. Редкий случай в его практике. Такого еще не было. Девушка не хочет подарков. Весь мир, наверное, у него в голове перевернулся. Стоит и ждет. А у самого моська кислая, как будто лимонов килограмм съел.

— Как так-то?

— Вот так.

— И что мне с этим делать?

— Давайте я напишу отказ. Или как это у вас называется?

— Ладно, — согласился курьер, а у самого физиономия грустная.

Он думал, что сейчас девица при нем распакует коробку. И будет прыгать от восторга. На шею ему бросится. Глядишь, и его поцелует. А что? Было уже пару раз такое. Распаковала, увидела дорогой телефон и кинулась ему на шею. Хотя он тут и не при чем, а

все равно приятно, что он кому-то за чужой счет подарок сделал.

А эта не от мира сего. Стоит и глазами своими его сверлит. Того и гляди дыру прожжет. Все настроение испортила. А ему еще весь день работать. И куда мир катится? Уже и дорогой игрушке барышни не рады. Совсем обнаглели...

Курьер ушел. Зато появился мент. Он сюда как на работу ходит. Главное, с такой миной недовольной. Будто я ему миллион должна.

— Ну что у нас?

Так и хочется ему ответить, мол, не нукай, не запряг. Но сдержалась. Не с руки мне с ним сейчас ссориться. Хотя, честно говоря, вся эта катавасия мне уже надоела. Уехать бы куда-нибудь. Подальше от всех...

— Пока ничего.

Смотрю, он уселся на диван и не уходит. И на кой черт я в это дерьмо влезла? Поняла, что он не уйдет, пока его не покормят. Как шелудивый пес. Его чужой человек покормил, за ушком почесал, а он теперь думает, что так будет всегда. Да и черт с ним. Не пообедаю. Принесу ему поесть. Пусть натрескается до отвала и уйдет. Главное, чтоб ушел. Надоело все...

Пошла за обедом. И десерт себе прихватила. И кофе побольше. Может, хоть так проснусь. Да и настроение самой себе поднять. В общем, покормила мента этого бесхозного. Жалко его почему-то стало. И работа дерьмовая ему досталась. Хотя он же следователь, значит, сам себе работу выбрал. И женщину себе выбрал такую же. Дрянную хозяйку, которой на него плевать. Вечно мятый какой-то. И голодный. Как кот помоечный...

Полицейский ушел на работу. Пообещал напоследок, если что случится новое сообщать. Поблагодарил за вкусный обед и ушел. Настала тишина. Мне так хорошо и спокойно стало. Прилегла на диван и не заметила, как заснула. Значит, просто не выспалась я сегодня. Оттого и настроение было на нуле.

Но все вскоре изменилось. Поспать мне так и не дали. Было настроение на нуле, опустилось ниже плинтуса. Опять заявился «Злодей всех времен и народов». Проснулась от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Не знаю, как вы. А я иногда чувствую взгляды. Бывает так. Чувствую дискомфорт.

Я открываю глаза, а Никита сидит напротив на стуле и смотрит на меня. Внимательно рассматривает. Наверное, придумывает, как будет меня убивать. Медленно и с наслаждением. Или любить? Вот и ломай теперь голову, что у него в глазах было? Какое чувство плескалось? Любовь или ненависть?

— Тебя кто пустил?

— Дверь была открыта.

— Странно. Я вроде закрыла.

— На замок не было закрыто.

— Все равно надо было постучать.

— И спросить разрешения?

— Именно.

— Ты бы меня не впустила.

— Угу.

Почему телефон у курьера не забрала?

— Зачем он мне?

— Я твой вчера разбил.

— И что теперь? Ты его мне подарил, а теперь захотел и разбил подарок.

— Я хотел извиниться.

— Извиняйся.

— Извини меня. Я все понял.

— Мне уже все равно. Никита, ты все уничтожил, что подарил.

— Ты же сейчас говоришь не только про телефон?

— Догадливый. Верно. Не только.

— Значит, ничего уже не вернуть?

— А надо ли? У меня уже другой. Зачем тебе эти пляски и хороводы вокруг меня?

Прошлого не вернешь. Доверие потеряно. Ты свободен. Живи, как хочешь. Что еще ты не понял? Что еще тут надо объяснять?

— Ты мне изменяла?

— Пока нет. Но не дашь развод — буду. И не посмотрю на то, что замужем...

— Наступишь на свои принципы?

— Еще как наступлю. Ты знаешь, а я тебе даже благодарна.

— За что?

— Не удивляйся. Спасибо за жизненный урок. Ты мне преподал хороший урок. Да и мужем ты был хорошим. Но пришла пора расстаться. И каждому идти своим путем.

— Я не хочу.

— И что с того? Я хочу. Это главное...

— Так это были фотки трупа?

— Уже и на столе пошариться успел? Вот в этом ты весь.

— Посмотрел. А сразу не могла сказать, что в телефоне для дела фотки.

— Никита, я понимаю, ты себя считаешь пупом Земли. Но это не так. Я перед тобой не намерена отчитываться. Мы чужие люди. И хватит уже.

— Что?

— Ходить вокруг да около хватит. Честно говоря, мне надоели уже эти выяснения отношений. Просто дай от тебя отдохнуть. Тебя слишком много в моей жизни. Ты не даешь мне жить. Ты меня душишь.

— Вернула мне мои же слова? Согласен. Зря я так тогда сказал. Сдурил. Это было жестоко. Но ты же так не думаешь? Ты меня любишь? Или я тебе надоел?

— Надоел. Хуже горькой редьки надоел. Оставь меня в покое. Услышь меня.

— Хорошо. Завтра едем в ЗАГС. Подадим заявление на развод.

— Спасибо...

Наконец-то ушел. Я завтра буду уже свободной. Муж дает развод. Ура! Даже не думала, что так хорошо сразу станет. Как будто штангу с плеч сбросила. Таскала долго и даже привыкла к ней. А тут раз — и скинула. Счастье-то какое. Свобода!

На столе лежит подарок. Распаковала коробку. Телефон хороший. Возьму. Все-таки Никита действительно мой телефон разбил. А идти и покупать новый нет никакого желания. Если принес и оставил на столе, выходит, что решил лично вручить, а не через курьера. Логично...

Пришла домой. Видимо, на лице все мои чувства написаны. Мама сразу пристала с расспросами.

— А ты чего такая счастливая? Прямо светишься...

— Муж приходил.

— Помирились?

— Наоборот. Договорились о разводе без суда.

— А ты хорошо подумала? Не пожалеешь потом.

— Я долго думала. Тем более он и сам понял, что меня уже не любит.

— По-моему, наоборот, любит.

— Мам. Ты вспомни, как он меня добивался. Налетел, ошеломил, завоевал. Тогда я ему нужна была. Потому и энергия в нем другая бушевала. Я ему тогда жизненно необходима была. Как будто без меня ему не жить...

— Помню, как он тогда тебя приступом брал. По всем правилам военного искусства атаковал. По всем направлениям. Всеми родами войск.

— Вот именно. Я тогда от его напора просто обалдела. Очнулась, а уже поздно брыкаться. Замужем уже. Да и нравилась мне с ним жить. Хорошо мне с ним было. Чего скрывать...

— Сейчас не так?

— Теперь не так. То ли нужна я ему, то ли нет. Он сомневается. Не уверен.

— А сегодня он решил окончательно, что ты ему не нужна?

— Определился. Рассудил, что развод — это хорошо. Опять можно ночами гулять и девок разных танцевать. Разнообразная сексуальная жизнь опять же начнется. И на жену оглядываться не надо. Никого стесняться не надо. Ни с кем считаться не надо. Не жизнь, а лафа. Куда ни посмотри, везде одни плюсы. Так что для него все к лучшему. Сам себе хозяин...

— Тебе не жалко его бросать? Его же сразу приберут к рукам другие.

— Обязательно приберут. Если он позволит. Молод, красив, богат, не женат. И в постели великолепен. Выгодный жених. Товар высшего качества. Как ни крути. Спрос на него будет.

— А ты что будешь делать?

— А меня уже готовы подобрать. Не бойся, мама. И на твою брошенку спрос есть.

— Почему брошенку?

— Потому. Даже если женщина сама ушла от мужа, она все равно в глазах людей будет несчастной брошенкой. Такой менталитет. Мужик становится свободным, как птица в полете. Орел, одним словом. А женщина сразу становится брошенкой, выкинутым товаром. Бывшая в употреблении...

— Не жалеешь, что настояла на разводе?

— Нисколько. Даже рада...

Мама посмотрела на меня с сомнением. Я ее понимаю. Так резко все в нашей жизни поменялось. Было вроде все хорошо. Не так давно Никита бегал и опекал меня. И вот его рядом нет. А она к нему уже привыкла. Все-таки мужем он был хорошим. А в их времена такими не раскидывались. Да и в наше время такому мужику отставку дать может только полная дура. Значит, я именно дура и есть. Но зато я теперь счастливая дура...

На следующий день я отложила все дела. Сажу и жду, как дура, когда муж появится на пороге нашей квартиры. Он же сам вчера сказал, что пойдем заявление в загс относить. Там оба нужны для подачи заявления: и муж, и жена. Но вот уже обед, а мужа все нет. И вот уже ужин, а мужа все нет. Теперь уже и загсы все закрылись. А мужа все нет. Продинамил...

Мама смотрит на меня с сочувствием.

— Не надо было преждевременно мне радоваться. Поторопилась.

— Может, что-то случилось? Ты бы ему позвонила.

— А то я не звонила. Мам, я ему весь день набираю.

— Трубку не берет?

— Вне зоны доступа.

— Значит, что-то случилось.

— Что случилось? Резко расхотел разводиться? В аварию попал? Что?

— Позвони его отцу. Узнаешь.

— У меня нет его телефона. Знаешь, лучше ты позвони тете Гале. Может, она знает, почему он не приехал?

— Хорошо. Сейчас и позвоню.

Стала набирать номер родственницы. Галина трубку долго не брала. Наверное, занята была. Потом ответила. Может, просто не хотела с нами общаться? Но почему? Состоялся разговор.

— Галина, здравствуй.

— Здравствуй.

— Галина, ты можешь сказать, что с Никитой произошло?

— Забудь этот номер и больше сюда не звони. Никогда.

— Отключилась.

Мама отдала мне телефон. Она сильно удивлена. Вернее, шокирована. Никогда не слышала она, чтоб Галина так с кем-то говорила. Обычно она приветлива. А тут прямо с места в карьер сказала, как отрубилась.

— Почему она так сказала? — спрашивает она у меня.

— Мама, ты нашла, у кого спросить. Я ничего не знаю. Давай перезвоним и уточним.

— Тогда она тебя просто пошлет. Она такая. Церемониться не станет.

— Что тогда делать будем?

— Знаешь, давай завтра к ним в поселок заедем.

— Только поедem в поселок утром. Они за ночь успокоятся. И нам удастся нормально поговорить.

— Мне кажется, что там действительно что-то произошло. И Никита к этому напрямую причастен.

Встали с утра пораньше. Быстро собрались. Петьку в школу отправили и поехали. В поселке не было ни души. Хотя здесь всегда было тихо. Поэтому мне и нравилось здесь жить. Решили сначала узнать, что с Никитой. А потом, вооружившись сведениями из первых рук, пойти к тете Гале.

В дом Никиты мы звонили долго. Потом я вспомнила, где у него лежат запасные ключи. Открыли дом. А там будто бы Мамай проскакал с ордой. А следом еще и войско Донское проехалось, объединив силушку с казацкой вольницей...

Грязь и запустение. Все кругом разбросано, как будто в доме никто не живет. Но сначала пожил засранец, бросил дом, и никто в него заселяться не стал. Никиту мы так и не нашли. Во всех комнатах посмотрели, в кладовках. Во все шкафы заглянули. Никого.

— Он, наверное, у отца своего живет, — предположила я.

— Может быть. Как думаешь, что это такое?

— Не знаю. Он раньше таким засранцем не был. Теряюсь в догадках...

— Тогда давай к его отцу пойдem?

Пришли к дому его отца. Позвонили. Нам дверь не открывают. Стояли полчаса. Потом

решили, что нас просто не хотят пускать в дом. И пошли к магазинам. Там кто-нибудь из бабок не выдержит и расскажет. Так и случилось.

— Явилась, не запылилась, — подала первой голос тетя Нюра. Она честно заслужила свое звание главной сплетницы этого коттеджного поселка.

— И как только совести хватило сюда заявиться. Не стыдно? — это уже ее поддержала «верная подруга дней суровых» Мария Ивановна.

Решила к агрессивным не подходить. Прошла сразу в магазин. Все равно сплетни стекаются к продавщице. Она мне в подробностях и расскажет.

— Здравствуйте. А вы не подскажете, где Никиту можно найти?

— Он в больнице.

— Как в больнице? Что с ним?

— Не знаю. Но их всех в больницу забрали.

— Кого всех?

— Никиту, его друга Саню, Ивана Мельникова и сына генерала.

— Зачем?

— Вы ничего не знаете?

— Не знаю. Что случилось?

— Они вчера дуэль здесь устроили.

— На пистолетах?

— Нет, на ружьях.

— Стреляли друг в друга?

— Нет, по мишеням.

— Подстрелили кого-то случайно?

— Нет. Вроде я такого не слышала.

— Тогда зачем в больницу?

— Так они напились, как свиньи, и перелаялись между собой.

— Отравились спиртным?

— Нет.

— Тогда кто-то покусал их в пьяном виде?

— Нет.

— Или они друг друга покусали?

— Нет.

— Собаки напали?

— Нет.

— Волки?

— Нет. Но они перессорились между собой. Как тигры сцепились.

— Почему они в больнице оказались?

— Их туда скорая привезла.

— Понятно, что не пешком они ушли. Почему? Какой диагноз?

— А я знаю?

— Хорошо. Расскажи, что они делали после того, как распили спиртное, постреляли по мишеням и перелаялись между собой.

— Они решили устроить соревнования за главный приз. Кто из них быстрее, выше, сильнее, — горделиво стала повествовать продавщица.

— По-моему, это соревнования на главный приз за звание самого тупого, — вставила

свое веское слово мама.

— И я даже знаю, кто взял главный приз, — съехидничала я.

— А вот ни за что не догадаетесь.

— Говори.

— Никто.

— Почему?

— Последний этап соревнований — заплыв в озере. Кто переплывет, тот и берет главный приз! — радостно сообщила она нам.

— Ты понимаешь, дочка, чем этот заплыв мог закончиться?

— Понимаю. Как бы узнать, чем он закончился в реале. Без всяких если.

— Они в больнице. Все. Что еще хочешь знать?

— Воспаление наверняка подхватили. Идиоты. Помрут, и приз никому из них не достанется.

— Теперь хотя бы понятно, почему Галина на нас зла.

— Считает, что это все из-за меня. А при чем ее Алешенька? У меня с ним ничего не было никогда.

— У тебя с ним нет. А вот у него с тобой, по его фантазиям могло бы быть.

— Я же их не заставляла устраивать тупые старты.

— Не заставляла. Но тебя не смущает состав спортсменов?

— Нет. Просто мужчины сильно перепили и стали мериться, у кого больше. Обычная история. Я здесь ни при чем.

— Все равно нам лучше в дом к Галине не соваться. Иначе нас обеих просто прибьют.

— Думаешь, что генерал из ружья или из пистолета наградного пристрелит. Или его жена за своего сына отомстит. Давай тогда к Никитиному отцу еще раз попробуем сунуться. Там проще все узнать.

— Но если нам опять не откроют, то поедем в больницу.

— Хорошо. Какой главный приз был? Что на кон ставили? — спросила мама.

— Битва прям не на жизнь, а на смерть. Из-за чего такие жертвы? — спросила я из любопытства.

— Из-за вас рубились.

— Что? — вот эта новость меня добила.

Продавщица, сообщив новость, была счастлива и безмерно горда своей осведомленностью. Улыбалась, пока не увидела, как я разозлилась. Из магазина я выскочила злющая.

Меня поставили на кон. Нет, ну вы подумайте. Они меня разыгрывают. А чего в карты меня муж не проиграл? Что дальше? Будет меня на панель зарабатывать гнать? Или под меня деньги в банке займет? Обалдеть. Так меня еще никогда не оскорбляли.

Вопреки маминым опасениям, машину я вела аккуратно. Не гнала. Да и некуда теперь гнать.

— Мы сейчас к ним в больницу?

— В больницу я не поеду.

— А когда поедешь? Завтра?

— Я никогда не поеду в больницу. Для меня теперь они все не существуют. Никогда мне о них не напоминай. Никогда.

— Дочка. Они же были пьяные.

— Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Завтра я несю заявление на развод.

— Но он же в больнице. Он может и не выжить.

— Такие скоты всегда выживают. Они еще нас с тобой переживут. Так что не волнуйся.

Больше раздумывать и тянуть я не буду.

— Он же не со зла. Он же по пьяному делу.

— Пусть кого-то другого на кон ставит. Я все сказала. Давай больше к этому вопросу возвращаться не будем. Все!

— Что делать будешь?

— Жить, любить себя. Отдохну душой от всей этой мерзости...

— Мне жаль. Он мне казался таким хорошим.

— Хороший? Ничего себе. Жену на кон ставит. Лучше бы провели дуэль на пистолетах. Или в русскую рулетку бы сыграли. Меньше бы идиотов в мире осталось...

— Ты только не злись.

— Слушай, а кто же этих идиотов из озера вытащил? Если они все плыли, то кто спас кретин?

— Вот это уже интересно. Мимо кто-то проходил?

— И всех четверых придурков вытаскивал. И до дома дотащил?

— Нет, что-то тут не то.

— Я не поеду. И не проси. Хочешь — сама навещай. Машина мне завтра не нужна. А меня даже не проси. Я-то еще надеялась, что он меня любит. А он на меня спорил. Вовремя я от него смылась. А то он меня под мужиков бы стелить стал из-за выгоды. Сволочь...

— Понимаю, обидно.

— Обидно? Да меня как будто в дерьме вываляли. Ладно. Просто разведусь и все забуду, как страшный сон.

Сколько ехали домой, столько я и возмущалась. Все не могла успокоиться. Согласитесь, что это верх наглости на кого-то спорить. Я у них приз. Каково? Обнаглели. Тоже мне, спорщики.

Спорить вообще можно только на то, что тебе принадлежит. Кому из них я принадлежу? Никому. Никто из них мне не хозяин. Никому я не раба. И не крепостная. Никите я жена. Но у нас не Англия средневековая. У нас жена имеет равные с мужем права и его собственностью не является.

Я собралась после обеда заняться своими делами. А мама решила все-таки из упрямства поехать в больницу. Что ж, вольному воля. Хочет что-то там выяснять — пусть выясняет. А моей ноги в этой больнице не будет. Мне уже про Никиту не интересно. Отгорело...

Мама узнала, в какую больницу их отвезли. Взяла мою машину и поехала выяснять, что там у озера между ухажерами произошло. Я же созвонилась с владельцем гаража. И пошла смотреть, чтоб снять в аренду для своего авто. Это для меня намного важнее, чем сведения про этих, как оказалось, мало знакомых мне людей. Неприятных мне людей.

Я подошла к гаражам. Меня там ждал маленький худенький мужичок. Он сиял. Ну оно и понятно. Арендаторы съехали и не заплатили. Интересно, он знает, кто ему такую подлянку подложил? А то вдруг сейчас вместо аренды гаража получу лопатой по хребтине. И хорошо, если еще гвоздодером по башке не получу. А то навряд ли живой вырвусь...

Да нет, не похоже, что меня от мужичка ждут неприятности. Вроде ведет он себя дружелюбно. Все рассказывает и показывает. Даже план гаража дал посмотреть. Общий и индивидуальный. Осмотрели все полочки.

— Инструменты я вам оставляю. Пользуйтесь. Другой бы все с собой забрал. А я арендаторам оставляю. Вот домкрат, отвертки все и так по мелочи.

— Спасибо. Только вы знаете, мне все равно с мужем придется сюда еще раз приехать.

— А почему он сегодня с вами не приехал?

— Занят. Хотел, но не получилось. Все равно он нужен. Сама я решить не могу. А то сниму, а он потом на меня орать будет. Без него никак.

— Хорошо, — ответил он, а у самого лицо так скукожилось.

Недоволен. Хотел по-быстрому втридорога дурехе гараж сдать. И домкрат сломанный сватает. Как бы за него потом денег не потребовал. И отвертки все разбиты. Хитрый хозяин. Решил, что бабенку глупую облапошил. А вот на-ка выкуси. Увернулась от аренды. С таким надо держать ухо востро.

Вечером созвонилась с Алексом. Договорились, что он мне поможет в деле снятия гаража. Только нам надо в гараже ненадолго остаться с Петькой и Грейсом. А для этого надо будет кому-то отвлечь хозяина. А мы пройдемся с псом. Пусть он понюхает, в каком боксе наркотики делают...

Вечером приехала из больницы мама. Расстроенная. И тут началась самая настоящая психическая атака на меня.

— Иришка, тебе надо посетить мужа.

— Нет, мне не надо.

— Ты же ничего не знаешь.

— И знать не хочу.

— Нам все неправильно продавщица рассказала.

— Но главную-то суть она правильно раскрыла? Меня на кон ставили...

— Так не Никита же.

— Да ну? А кто?

— Это Александр с Алексеем, сыном Галины.

— Алексей этот при чем? Я его всего раз видела.

— Ты его видела и этого он счел достаточным, чтоб на тебя спорить.

— Зачем? С какой стати?

— Ты садись. И я тебе по порядку все расскажу.

— Хорошо. И то только потому, что с этим Алексеем вообще ничего не понятно. И мне стало любопытно. Ему-то это зачем?

— А вот сейчас узнаешь. В общем, у Галины с генералом беда.

— Мама, хватит придумывать. Какая у них беда? Они по заграницам ездят. Беда — это когда есть нечего и дети дома не кормлены. Вот это беда. А эти два пенсионера в шоколаде. Да у генерала пенсия, как у некоторых зарплаты...

— Слушай и не перебивай. Они просто никому не говорили. Стыдно. Их сын — головная боль родителей.

— Почему? Он не наркоман, насколько я могу судить. И не алкоголик.

— Но он игроман.

— Ничего себе, какой рояль в кустах нарисовался. А с виду и не скажешь, что парнишка с прибабахом.

— Вот именно. Они от всех это скрывали. Говорили, что в городе живет, что бизнесмен.

— Так он проигрывает?

— Точно.

— Не везучий кадр?

— Вот именно. Ему везет, как утопленнику.

— А за него родители долги выплачивают?

— Бывает и так.

— А по другому как? Чем он долги погашает? Есть источник дохода у него?

— Женщины. Он живет за счет женщин.

— И находятся дуры, готовые за него платить?

— Ты удивишься, как много их. Дуры в нашей стране не переведутся никогда. Впрочем,

как и дураки.

— Понятно. Он с женщинами в возрасте спит? Сколько ему самому?

— Ему уже тридцать. Спит с разными. Кто платит, того он и ублажает.

— Значит, он кому-то задолжал и приехал к родителям денег просить?

— Они не говорят. Но думаю, что так и было. Они ему дали денег. Но дело в том, что на него написали заявление в полицию. А у них уже денег нет.

— Обманутая любовница? Сама, наверное, ему деньги дала. Так в чем проблема? Он мальчик взрослый. Знает, как решить эту проблему. Едет к обиженной им дамочке. Заставляет ласками да уговорами забрать из полиции заявление. И все в порядке. Спокойно промышляет тем же самым.

— Теперь все серьезней. Теперь она хочет, чтоб он женился на ней.

— Тоже мне проблема. Взял бы и женился, раз она хочет. Потом разведется. Или он девственность свою бережет? Он уже спал с ней. Просто человеку с улицы дама не стала бы деньги доверять. Жил с ней и облапошил девку.

— Так и есть. Тут ты права. Но он нашел выход получше.

— И какой? погоди, не говори. Догадаюсь сама. Другая женщина — его выход. Решил найти другую дойную корову. И уже присмотрел наверняка будущую жертву.

— Присмотрел. Тут ты права.

— Какой надо быть душой, чтоб связаться с жиголом. Он альфонс. Халявщик. Хотя он симпатичный. Но не настолько, чтоб прям за него цепляться и все деньги отдавать. Лично я и копейки бы ему не дала. Мне альфонсы как-то не нравятся.

— Значит, ничего ему не обломится.

— Ты намекаешь, что он меня собрался разводить? Так зря он. У него ничего бы со мной не вышло. А теперь тем более ничего не светит.

— Он думал, что ты легкая добыча. С мужем поссорилась. Подранок. Рана на душе кровавая. А тут он красивый и порядочный. Готов тебя утешить...

— Порядочен... Он в одном промахнулся. У меня же денег нет.

— Почему нет?

— Потому. Для такого альфонса надо много. А у меня пока только кафе.

— Кафе ваше приносит очень приличную прибыль. Под него тебе кредиты в любом банке бы дали.

— То есть он решил, что я ради него бизнес заложу?

— Нет, тут другое. Я думаю, он про наследство знает. На него нацелился.

— Так он думает, что там миллионы? Навряд ли. Как бы там долгов не было больше, чем активов. Он откуда про наследство узнал?

— Родители рассказали.

— И дурачок надумал на чужие денежки свою лапу наложить? Глупенький Буратино...

Но все равно это не объясняет, как они докатились до пари. Как на это поддался Александр? Он-то не игрок...

— Это еще одна тайна, покрытая мраком. Правду они не говорят. Александр еще в себя не приходил. А Алексей молчит, как партизан. В общем, этот сынок еще и спорщик. Любит он с людьми спорить по любому пустяку. К сожалению родителей, спорит он тоже на деньги.

— Он спорщик. Понятно. Но как в этой куче дерьма Александр оказался?

— Он ему пообещал твой адрес дать, если тот его победит. Как тебе такой вариант? Алексей ставку сделал. Раздразнил Александра. Тот поддался на провокацию.

— Это глупо. Проще было через справочную поискать. У тети Гали спросить мой адрес.

— Алексей запретил родителям давать наш адрес. Они его послушали.

— Идти на глупый спор тоже как-то тупо. Я не заметила, что этот Александр тупой. Мне казалось, что он с мозгами дружит.

— Не думаешь, что его подбили на спор, когда Александр выпил. Тот сгоряча и согласился. А потом отступить было поздно. Сглупил...

— Вот именно. Такое ощущение, что ему мозги отказали.

— Он влюблен. Любимая исчезла. Он бежит в мыле и ее ищет.

— А тут змей-искуситель ему говорит, что имеется адресок его зазнобы, и он его отдаст, если влюбленный юноша совершит подвиги Геракла... Это подло с его стороны.

— Согласна с тобой. Он знал, что вода в озере холодная даже летом. А зимой в этом озере плавать вообще самоубийство. Александр этого не знал. А Алексей местный. Знал наверняка, что Александр не переплывет озеро. Подлец. Самый настоящий подлец.

— И убийца. Он же парня чуть не убил.

— Тот сам упертым оказался. Нет, чтоб назад повернуть, когда понял, что не может доплыть. Но нет, он настойчиво греб в обратном направлении от спасительного берега. Хорошо, что ты с ним не стала встречаться. Конечно, он красивый. Но с мозгами у него явные проблемы. Тоже мне, Ромео нашелся...

— Вот и пойми, комедия это или трагедия. Как у них со здоровьем?

— Вроде бы скоро выпишут.

— Погоди. Опять не поняла. Александр полез в воду ради адреса. А этот Алексей как там оказался?

— Это вообще интересно. Мимо озера шел в магазин Иван.

— Понятно. Он увидел, что Александр тонет, и стал его спасать?

— Да. Увидев Ивана, Алексей сам стал изображать спасение утопающих.

— Наверное, сам стал тонуть?

— Откуда знаешь? Догадалась?

— Не могло ему это безнаказанно с рук сойти. Должен был его всевышний наказать. Вот и прилетело...

— Так, теперь я расскажу, какую роль сыграл Никита.

— Можешь не рассказывать. Тоже шел мимо. Увидел, как трое тонут, и стал всех спасать. Он плаваньем занимался и даже моржом был одно время.

— Так и было. Так что зря ты на него так осерчала.

— Но продавщица в магазине про соревнования говорила.

— Это Алексей влюбленного Ромео накачивал и обрабатывал. Раззадоривал. Сначала стрельбище устроил. Потом вроде с конкурентом соревновался. Издевался над влюбленным

дурачком...

— В общем, игрался уже с живой куклой по имени Александр. Надоело ему в карты играть. Стал играть людьми. Забавлялся. Сволочь какая...

— Ты знаешь, дочка. Он садист.

— В каком смысле?

— В прямом. Он стоял и наблюдал, как Саша начал тонуть. И наслаждался. Иван говорит, что он улыбался...

— Ему не показалось? Может, просто Алексей растерялся?

— Может быть...

— И еще один вопрос. Галина с мужем знали, что произошло?

— Нет, не знали. Им сынок другую версию рассказал.

— И по его версии, все эти глупости они сделали ради меня?

— Он им так сказал.

— Те решили, что я виновата. И тебе от них досталось...

— Получается так.

— Тогда мне все ясно. Когда можно их в больнице посетить?

— Завтра. Теперь уже завтра.

— Значит, завтра наших пострадавших и навестим...

Утром я стала собираться в больницу. Накрасилась, сделала прическу. Красота. Теперь можно и на войну идти. Мама смотрела на меня во все глаза. Она понимала, что-то я затеяла. Она решила, что я просто для мужа наряжаюсь. Буду с мужем мириться. И она не так далека была от истины.

Я действительно решила помириться с мужем. Все-таки человек геройский подвиг совершил. Трех людей спас от верной гибели. Утонули бы в озере эти идиоты. И нашли бы их даже не сразу. Только к лету. Да и то навряд ли. Какое горе было бы генералу и Галине. И родителям Александра.

Ивана невестка с сыном бы оплакивала. Других родных у него нет. И сам Никита мог утонуть. Кто его бы оплакивал? Мать и отец. А я? Оплакивала бы его я? Наверное...

Но даже не это меня внутренне примирило с мужем. Одно дело мстить человеку, который сподличал. Измена, на мой взгляд, подлость в отношении жены. И совсем другое дело строить козни и замышлять месть против героя. Согласитесь, что трепать нервы герою как-то не комильфо...

С трудом припарковались возле больницы. Прошли к врачу. Хорошо, что у мамы здесь главврач знакомый. Нас даже в палаты решено было запустить. Мама сразу прошла к Никите. Я узнала, где лежит Алексей, и пошла туда.

Захожу в палату. Сидит возле кровати убитая выходками сына мать. Генерал стоит у окна. Лицо суровое, губы сжаты в тонкую линию, брови насуплены. Только сынок их лежит довольный. Увидел меня и рот до ушей растянул в счастливой улыбке. Мерзкий, противный хорек. Подошла к кровати, изобразила сострадание на лице.

— Как ты?

— Нормально.

— Долго здесь будешь?

— Доктор сказал, что дня три. Нет смысла долго меня здесь держать.

— Значит, без последствий обошлось?

— Все нормально. А ты чего здесь?

— Поблагодарить тебя зашла.

— Да не за что.

— Да есть за что!

И такую ему оплеуху по морде отвесила.

— За что?

— За мужа моего, которого я люблю. А он из-за тебя чуть не погиб. Понял?

— Понял.

— И еще получи!

Отвесила еще одну хорошую оплеуху по наглой радостной морде. От души приложила придурка. От щедрот моей души.

— А это за что?

— За то, что твои родители моей маме нахамили. Лично от себя я бить тебя пока не буду. Но не обольщайся. Не дай бог, ты хоть раз на моем горизонте появишься, альфонс. Пожалеешь...

— Ириша, ну зачем рукой-то бить? Еще так со всей силы, — тетя Галя сидит пристыженная. Вину свою чувствует. Но сынок-то родной, его жалко. Он и так пострадал...

— Не случилось, понимаете ли, веера под рукой...

И спокойно, не спеша, как будто ничего не произошло, покинула палату. Рассчиталась с гаденьшом. У окна стоял генерал и улыбался. Рот до ушей, хоть завязочки пришей. Счет дваноль в нашу пользу. Пойду дальше подарочки раздавать.

Зашла в палату Александра. Тот лежал и шумно дышал. Спал. Будить я его не стану. Пусть спит, выздоравливает. Явно там с легкими проблема. Хотя сам виноват. Это надо же быть таким придурком, чтобы зимой в озеро залезть. Понятно, что чувства. Но и голову иметь на плечах надо...

Иван был в соседней палате. Чувствовал себя нормально. Приходу моему обрадовался. Оставила ему гостинцы. Пожелала ему здоровья. Он сразу спросил мой номер телефона. Умный мужик. Быка за рога предпочитает брать. Хорошо, что он этого Саню кинулся спасать. Ведь сам погибнуть мог. А прыгнул другого спасти. Тоже герой...

Зашла в палату к Никите. Он лежал и грустно смотрел в окно.

— Привет.

— Иришка. Ты как здесь? — приподняться пытается.

— Ждала тебя. Не дождалась. Решила сама приехать.

— Я не смог вчера.

— Угу. Я вижу.

— Правда, я не смог. Просто занят был.

Я все понять могу, но это же надо таким скромным быть. Другой бы перед любимой женщиной перья распушил, про свои подвиги настоящие и мнимые кинулся рассказывать. А этот что? Где захватывающие истории, как спасал троих горе-пловцов?

— Как ты? Чувствуешь себя нормально?

— Все нормально.

— Когда выписывают?

— Сказали еще понаблюдать надо.

— Там в доме у тебя бардак.

— Приеду, уберусь.

— Мы можем с мамой убрать.

— Спасибо, я сам.

— Ладно. Я тогда поехала домой.

— Зачем приезжала?

— Проведать.

— И все?

— И все...

Помахала ему рукой. И пошла. Пусть полежит и подумает. Ему полезно. В другой раз будет задумываться о последствиях.

Едем с мамой домой. И вдруг ее прорвало.

— А ты жестокая.

— Почему это?

— Неужели нельзя было с ним поласковой? Зачем так жестоко?

— Это ты про Алексея? Поделом я ему по морде съездила.

— Ты Алексею по морде дала?

— Ну да. Два раза. А ты про что?

— Про мужа твоего.

— Почему это я с ним жестокая? Я же его навестить пришла. Чего еще ты от меня хотела?

— А поласковой нельзя было?

— Пусть спасибо скажет, что я вчера им физиономии сгоряча бить не приехала. Я и так ему предложила в доме убраться. Что еще ты от меня хочешь?

— Могла бы с ним помириться.

— Ага. То есть я теперь с ним переспать должна в благодарность за спасение чужих мне людей?

— Фу, как грубо.

— Зато правдиво.

Дальше ехали молча. Мне не в чем виниться. И прощать его только за то, что он спас там кого-то я не собираюсь.

— Я прощу тогда, когда смогу.

— И когда это будет?

— Не знаю. Извини за прямолинейность. Притворяться я не умею...

— Понятно.

Приехали домой. Дома уже Петька с Грейсом ждут меня, чтоб идти гараж снимать. Созвонилась с кинологом. Договорились, что через полчаса подъедет. Подъехал. Фу-ты ну-ты палки гнуты... Разряженный. И вот куда он так расфуфырился?

— Алекс, можно вопрос?

— Спрашивай.

— Ты куда так вырядился? Я тебя от каких-то дел оторвала?

— Нет. Просто думал тебя в ресторан пригласить. Как все здесь сделаем. Пойдешь?

Вот еще один интересный кадр. А раньше меня спросить нельзя было? Хотя бы по телефону? Вырядился и ставит перед фактом? Типа я тебе помог, теперь горячо меня благодари. Иди со мной в ресторан, даже если тебе не хочется.

— Я не пойду.

— Почему? — удивился он.

— Не хочу. Настроения нет. Извини.

Ну как же так? Ему мужики объяснили, что надо красивую женщину в ресторан выгулять. Тогда она даст тебе все, что ты хочешь. Он и приготовился. Помылся, побрился, приделся, даже дома все убрал. На всякий случай марафет навел. Он готов. А она не хочет...

Сначала он хотел ее домой сразу пригласить. Но решил присмотреться к ней. Потом подумал, что сводит в ресторан. А там и домой можно. Он все будет делать, как положено. Он за ней ухаживать будет. Просто раньше ему ни за кем не приходилось ухаживать. Не было надобности. Девушки сами на него вешались. Ему даже соблазнять их не надо было...

Он просто не знал, как надо себя вести с такими женщинами. У него таких не было. Обычные женщины были. Мужики говорили, что все они у него были красавицами. Ему казалось, что обычные. И всех даже не упомнишь. Черт его знает, что они в нем находят. Липнут к нему, потом преследуют. Даже плачут после расставания.

И что им от него надо, он примерно понимал. Кому семью, кому просто ласки, кому постель. И как-то же он умудрялся сходить и расставаться без сожалений. После первого же свидания ехали или к ним, или к нему домой. Уже там у них все было. И любовь, и постель, и страсть.

А эта... Вот как с ней себя вести, если от нее колени дрожат? Мандраж непонятный по телу прокатывается. Не было у него такого. Странная она вообще. Вроде замужем. А ломается, как девочка...

А вообще, что она из себя строит? Возомнила о себе невесть что. Вот тоже возьму и не поеду. Мне, может, тоже не хочется. Он притормозил.

— Что-то случилось?

— Я вспомнил. У меня дела. Срочные.

— Хорошо. Извини, что побеспокоила. Петька, выходим.

Вышла из машины вместе со своим этим оруженосцем Петькой с собакой. Помахала ручкой и пошла спокойно домой. Даже не возмутилась. И вот как с такой дело иметь?

— Тетя Ира. Это что было?

— Этот мужик понял, что ему ничего сегодня не обломится. Он решил, что не стоит на меня время тратить. Решил не идти на поводу у возмнившей себя королевой девицы. Поедет к той, которая попроще.

— Почему?

— Что почему?

— Почему ему не обломится? Вы же сами говорили, что он вам нравится.

— То, что мужчина нравится — не повод идти с ним в ресторан.

— Я бы на вашем месте сходил в ресторан. И поели бы за его счет, раз ему приспичило. И дело свое сделали бы. А так где мы вам за полчаса мужа найдем?

— В смысле? Какого мужа?

— У нас всего полчаса, чтоб заявиться в гараж с мужем.

— Тогда придется с Максом идти. Сейчас я ему позвоню.

Созвонилась с Максом. Договорились через десять минут у моего подъезда встретиться. Он только рад помочь. Стоим и ждем его у подъезда. Подъезжает этот Алексей.

— Садитесь.

— Зачем? Вы же заняты.

— Освободился.

— Спасибо. Я нашла, кто мне поможет.

— Садитесь. Помогу. Сказал же...

— А я вам говорю, что уже не нужна ваша помощь. И скажите сумму, которую я вам должна за обучение собаки.

— Да пошла ты со своими деньгами! — высказал, дал по газам и улетел.

— Тетя Ира. Ты научилась феноменально быстро доводить до иступления мужиков. Виртуоз. Аплодирую стоя.

— Пошли, ехидное создание. Нам пора. Вон Макс подъехал.

К нашему подъезду выруливал Макс. Новую тачку прикупил. Завидный жених стал.

— Нет, реально. Вы, наверное, невыносимы. Я вообще-то не понял, почему он психанул. Но психанул он сильно. Он же вас послал.

— Точно, — согласилась я, а у самой улыбка во весь рот.

— Странная вы женщина. Вас послали, а вы лыбьтесь. Должны ругаться в ответ и материться в его адрес.

— Обойдется. Слишком много чести.

— Я бы на вашем месте на него бы наорал. Пусть бы инфаркт получил.

— Злой ты, Петька. Он тебе собаку выдрессировал и даже денег не взял. А ты ему инфаркт...

— А чего он вас посылает.

— Пусть посылает. Пойти или нет, это уже нам решать...

— Тебя кто-то послал? — Макс удивлен.

— Послали.

— Почему? За что?

— Она не захотела в ресторан идти с одним, — встрял Петька в разговор.

— И что? Это повод посылать?

— У него были планы на потом. Я их обломала. Он не перенес отказ.

— И показал свое истинное рыло, — вставил снова свое мнение Петька.

— Давайте обсудим, что и когда будем говорить.

Стали обсуждать детали, как будем осматривать гараж. Макс отвлекает хозяина разговорами, а мы с собакой обследуем гараж. Все обсудили.

Разводка хозяина прошла успешно. Пока Макс хозяину зубы заговаривал. Мы с собакой обследовали гараж. В конце переговоров Макс отказался от аренды. Сказал, что в соседних кооперативах аренда намного дешевле. И мы поехали домой. Нам было о чем подумать. Макс привез нас к подъезду. Попрощался. И был таков.

— Вот это друг. Помог и ничего взамен не просит.

— Так мы с детсада дружим. У нас взаимовыгодное партнерство.

— Это как?

— Он добывает информацию. Я ее пристраиваю. Прибыль делим пополам. И ему хорошо, и мне.

* * *

А тем временем Алекс никуда не уезжал. Ему было интересно, что она будет делать. Если честно, он надеялся, что она передумает. И с чего он так на нее разозлился? Опустился до того, что послал ее. Без матов, но она поняла, что ее послали. Ну не хочет человек в

ресторан ехать. Так и шут с этим рестораноном. В чем-то она права. Он же сам решил ее пригласить. И даже ее мнения не спросил. Она и отказала. Может, у нее свои дела были...

А зачем она ему свои деньги пытается отдать за обучение пса? Он же сказал, что не возьмет. Это был его подарок. А она вздумала его оскорбить и подарок вернуть. Вот и нарвалась. Ой, он дурак! Никогда же не выходил из себя. А здесь вдруг. Интересно, что она будет делать? Наверняка завтра позвонит. И попросит подвезти и помочь.

Не попросит. И не собиралась. Вон примчался еще один кретин. Быстро же она нашла ему замену. Теперь понятно. У нее есть запасной вариант. Не чета ему. Вон на какой тачке прикатил. И быстро. Минут десять всего прошло. Добавить к этому еще мужа. Итого три мужика рядом крутятся. Оптимальное число любовников. И как этот хоровод муж терпит? Может, потому и разводится, что с любовником ее застукал.

Ничего не понял Алекс. Он у друга решил спросить совета. Тот опытный в любовных делах и бабами вертит только так. Не ему чета. Профессионал в деле ухаживаний за женским полом. Алекс приехал в привычное место сборки. Мужики уже сидят в ресторанчике и лясы точат. Проблемы обсуждают, баб своих и чужих.

— Привет, Алекс. Что так рано?

— Свидание отменилось, — ответил Алекс с неохотой. Слишком много любопытных глаз и ушей. А он хотел бы наедине обсудить со своим другом проблему.

— Она на диете?

— Нет, просто сказала, что не пойдет со мной в ресторан.

— Почему?

— Не хочет.

Тут все мужики на него уставились. Назревает интересный разговор.

— Чтобы девка в пафосный ресторан отказалась идти на халяву пожрать дорогой еды? Такого в моей жизни еще не было. Она больная?

— Не больная она.

— Слушай, Алекс, а что у тебя с другими бабами как-то по-другому было?

— Да.

— Ты за ними ухаживал?

— Нет вроде.

Тут все мужики на него уставились во все глаза. Есть и пить перестали. Так хочется узнать секрет этого необыкновенно везучего мужика.

— Как нет вроде? Ты им цветы дарил?

— Нет.

— Ты их в ресторан приглашал?

— Нет.

— В кафе?

— Нет.

— Конфеты дарил, шампанским поил?

— Нет.

— В кино, в цирк, в зоопарк водил?

— Нет.

— Никуда не водил и не тратился на них?

— Да.

— Совсем? Ни копейки не тратил?

— Ни копейки.

— Так ты за ними, получается, совсем не ухаживал?

— Получается, что нет. А зачем?

— Ну как зачем. Чтобы в койку затащить. Или ты с ними и не спал?

— Спал. Но они и так давали, без всех этих заморочек.

Все в помещение перестали говорить. Даже те, кто до этого вроде бы и не слушал разговор. Подумаешь, мужики опять чужих баб обсуждают. Обычное дело. Но краем уха слушали все-таки разговор. Интересно же. Везунчик какой выявился. Бабы сами ему на шею вешаются, без всяких затрат...

— А теперь ты напоролся на ту, которая никуда с тобой не идет?

— Почему никуда. Я ее в кино сводил.

— На какой фильм?

— А разве не все равно? Не помню. Комедия какая-то была.

— То есть как вроде? Ты на экран не смотрел?

— Нет.

— А куда смотрел? На нее глаза пялил?

— Да.

— На грудь смотрел?

— В глаза.

— А на грудь почему не смотрел? Она у нее хоть есть?

— Есть. Давай не будем обсуждать ее внешность.

— Она страшная?

— Почему страшная? Красивая.

— А она тебе не дала и дальше отказывается с тобой гулять?

— Да. Я ее вчера послал.

— Матом?

— Не матом, но послал.

— А она? Ты пойми, Алекс. Я же не просто так спрашиваю. Мне надо понять, что за цаца от тебя нос воротит. Чего ей не хватает?

— Она замужем.

— Мужа боится?

— Нет, не боится. Она с ним разводится. И у нее любовник есть.

— Значит, ты третий. У нее большой выбор. Мой тебе совет. Бросай ее. Она гулящая. Рога тебе будет наставлять. Ни одна баба не стоит того, чтоб терпеть ее выкрутасы. Ты же не хочешь быть рогоносцем?

— Не хочу. Там с мужем ничего не ясно. Они вроде разводятся, а вроде нет.

— Тем более. Не лезь в семью. Семья — это святое.

— Тебе откуда знать. Ты вон просто баб меняешь как перчатки.

Друг был уже пьяненький. Поэтому и разоткровенничался.

— Всех их вместе взятых я бы поменял на одну свою бывшую. И других не надо.

— Так в чем дело? Верни старую любовницу.

— Не получится. Она от меня ушла. А я ее любил, как оказалось. Появись она сейчас передо мной, встал бы перед ней на колени и ноги бы ей целовал. На руках бы носил всю жизнь. Да поздно. Не вернется она уже никогда. А вообще, смотри сам и никого не слушай. Поймешь, что жить без нее не можешь, иди и забирай. Борись, чтоб потом локти не кусать

остаток жизни...

Алекс посмотрел внимательно на друга. И пошел из ресторанчика. Домой пошел. Думать...

* * *

А в это время я пошла гулять. Мне не спалось. Наступила полночь. Район тихий. Хулиганов у нас нет. Вместе со мной гуляет громадный пес. Он по своим бойцовским качествам отличный защитник. Я взяла в руки поводок и пошла гулять с собакой. Променады перед сном. Иначе не засну...

Сначала Грейс нарезал круги вокруг меня, потом стал расширять радиус действий. Потом чего-то насторожился и встал в стойку. Направил свою морду в сторону помойки.

— Что? Почуял знакомый запах?

Пес что-то тьякнул в ответ.

— Мы туда не пойдем. Да я и мусор не захватила.

— Гав.

— Иди сам, если приспичило. Я туда не пойду, там темно.

— Гав.

— Сам такой. Тебе просто территорию захотелось пометить. А мне зачем?

Вот я нормальный человек? С собакой, как с человеком разговариваю. Да по мне явно психушка давно плачет. Мечусь куда-то постоянно в стороны. С мужиками определиться не могу. Вот и последний ухажер просто послал. Надоела я ему своими кандибоберами...

Фонарь у помойки не горит. То ли кто-то разбил, то ли просто лампочка перегорела. Пес скрылся внутри. Мне на ночь глядя туда вслед за ним заходить не хочется. Вонь нюхать? Или с крысами встречаться? Не больно-то хочется.

Я понимаю, зачем туда пес забежал. Ему надо свою территорию пометить. Чтобы другие кобели на его территорию не зарились. Это его вотчина. Но мне-то метить ничего не надо. Я просто гуляю. Грейс выбежал. Тьякнул. Опять скрылся. Опять выбежал. Уже тьякнул два раза. Опять туда смылся. Зовет меня?

— Ну ладно. Зайду. Но если там ничего такого нет, то конец тебе. Ничего вкусного неделю получать не будешь. На корме сухом поститься всю неделю...

— Гав.

— Охренеть. Труп. Опять новый труп. И опять я нашла. Менты меня скоро к батарее наручниками пристегивать начнут, чтобы я не ходила где попало и трупы им не находила. Вот нормальные люди деньги находят, клады там разные. Одна твоя хозяйка только трупы и находит. А знаешь почему? Потому что полная дура. Правильно мне говорят! — уже заорала я от злости и бессилия.

— Гав.

— Ты вообще заткнись. Кто тебя просил сюда свой нос совать? Ну надо же. Вышла погулять и опять труп нашла. Господи, мне что теперь на улицу не выходить вообще? — возмутилась я. Обидно очень...

Сама стала звонить домой. Пока набирала, пошла посмотреть, труп ли там. Вдруг мне повезет и он живой.

— Петька. Срочно буди маму. Пусть берет свой спасательный чемодан и к помойке

идите.

— А что там? Опять собаку нашли?

— Лучше. Человека.

— Трупешник?

— Сам ты трупешник. Он пока жив. Правда, ненадолго. Одеяло захвати.

— Бежим.

Пока мои шли, я успела вызвонить Макса и Айболита. Те прискакали быстрее Петьки с мамой. Айболит вообще в тапках примчался. Макс что-то спешно дожевывал.

— Ты посмотри. Но по моему у него пульс еще есть. Правда слабый.

— Есть. Кто ж его сюда почти голым выкинул?

— А я знаю?

— Ты ничего не видела? Ты же его нашла?

— Грейс нашел.

— И там никого не было?

— Если бы был кто-то, он бы его задержал. Ты же знаешь, наш пес умный.

— Его в больничку надо. Ты скорую вызвала?

— Вызвала. Может, пока его к тебе в ветеринарку отнесем? Капельницу там поставить, обогреть? А то пока скорая приедет...

— Втроем мы его не унесем.

— Сейчас Петька подойдет.

— Это хорошо. Вот она его и осмотрит на месте.

— Где труп? — издали закричал Петька.

— У контейнера. Ты одеяло принес?

— Принес. И чемоданчик вот.

— А мама где?

— Сейчас подойдет.

— Тогда пошли его на свет вытащим. И укутать его надо. А то обморозится.

— Если уже не обморозился. Он не один час тут лежит.

— Ну и чуйка у тебя, Иришка. Как ты умудряешься везде трупы откапывать? — это уже Макс высказался.

— Судьба у меня такая. Планида. Карма. Слышал слово такое? Кому-то суждено быть программистами. А нам с мамой жизни спасать на роду написано. И ничего не поделаешь. Вот и кручусь, как могу. Выкручиваюсь...

— Да ладно, не обижайся. Я пошутил.

— На шутки твои я уже давно не обижаюсь, Макс.

— И правильно делаешь. Может, поторопимся?

— Главное, чтоб скорая быстрее приехала. У них больше возможностей ему помочь...

Принесли парнишку в кабинет. Укутали. Мама следом забегает. Стала его осматривать.

— Жалко. Парень молодой, лет двадцать пять. Мам, что с ним?

— По голове получил. И отравление сильное. Так вроде отморозить себе ничего не успел. Вовремя ты его, дочка, нашла.

Отошла и стала шептаться с Айболитом. А тут и скорая примчалась. Быстро они. И наша помощь уже не была нужна. Ему промыли желудок. Потом прокапали чем-то. Затем пытались его привести в чувство. Он что-то залопотал.

— Во влипли по самое не балуй. Интурист. Теперь сроду не отпишемся, — врач скорой

загрустил.

— Почему не отпишитесь?

— Да если что не так, то нас по судам затаскают. Не понятно, что он там лопочет.

— Почему не понятно. Он говорит, что ему очень холодно. Замерз. Он немец, — перевела я.

— Ты немецкий знаешь?

— Знаю.

— А я в школе учил, но я его что-то не понял.

— Он баварец. У них диалект другой. Тяжело с непривычки понимать швабский диалект.

— Раз понимаешь, то переводи.

В общем, поработала немного переводчиком. Парень оказался немцем. Из Мюнхена. Молодой. Действительно, ему всего двадцать пять лет. Турист.

— Что он там говорит? Как его сюда занесло?

— Он заблудился. Интересуется, где он.

— Что с ним случилось? Он помнит?

— Что с ним произошло, он не знает. Просто свет померк. Очнулся от того, что ему холодно.

— Спроси, где его одежда?

— Он не знает.

— Как он был одет? Вы его одежду не находили?

— Не было там никакой одежды. Сейчас Петька еще раз посмотрит. Мы не нужны?

— Пока нет.

— Тогда мы одежду его пойдем поищем.

Вышли из ветеринарки. Петька мне что-то глазами семафорил. Знаки какие-то подавал.

— Давай, колись, что это была за стрельба глазами?

— Я знаю, кажется, кто его грабанул.

— Откуда?

— Майка на нем приметная. Я ее видел недавно.

— Говори.

— У меня одноклассник. Его отец недавно откинулся.

— За гоп-стоп сидел?

— Разбой.

— Вооруженный?

— Угу.

— Значит, он против нас может и ножиком начать махать. Пошли по его адресу. Разыграем его. Как, говоришь, его зовут?

— Друга?

— Хоть друга, хоть отца.

— Мишка.

— Пошли к твоему Мишке.

Пришли в соседний дом. Петька позвонил в дверь. Открыл дверь его одноклассник. Он не спал. Вышел к нам на площадку.

— Как отца зовут?

— Вам зачем?

— Предупредить. Сейчас за ним менты приедут. Десятка ему корячится.

— Гонишь.

— Вот те крест. Зови папашу.

На площадку вышел урка. Именно такими: худыми, жилистыми, с мордой кирпичом, их изображают в кино. Вылитый киношный злодей.

— Тебя интурист опознал. Сейчас менты прискачат.

— Гоните, — процедил он и цыкнул в мою сторону.

— Ну и хрен с тобой. Тебе, идиоту, десятка за иностранного подданного корячится.

Хочешь за дерматиновую куртку десятку схлопотать?

— За какую куртку? Что ты гонишь?

— Ты про камеры слышал, что их везде напичкали? Так там твоя рожа видна, как на фото: в профиль и в анфас. Не ошибешься.

— И что теперь делать? — высунулась с вопросом его подружка. Или кто она ему там.

— Отдать его вещи. Мы скажем, что в помойке их Грейс нашел.

— А все ты, лярва жадная. Курточка хипповая, курточку классную хочу. Стерва жадная!

Прибью! — начал он орать и наступать на свою сожительницу с кулаками.

— Ты ее потом прибьешь. Сейчас некогда, менты на хвосте. Барахло тащи быстрее. А то загремите по сговору лиц. Оба.

Пока полупьяные родители туго соображали, Мишка быстро все шмотки собрал и притащил. Всучил их Петьке. Значит, не хочет, чтоб родители по этапу отправились.

— Спасибо, братан. Не забуду, — сказал он Петьке.

— Ты, сеструха, говори, если что. Помогу, — это уже в мой адрес прозвучало своеобразное «спасибо» от его отца.

— Сочтемся. От ментов попробую отмазать, — ответила я скромно. И мы с Петькой помчались к Айболиту.

На улице Петька стал меня допрашивать с пристрастием.

— Теть Ир, а почему ты сказала, что куртка дерматиновая?

— Для того, чтоб они ее нам отдали. Они дорогую куртку из натуральной кожи ни за что не отдали бы. А дерматиновую, пожалуйста, забирай...

— А я было думал тебя поправить. Потом подумал, что тебе видней.

— И правильно сделал, что промолчал. Куртка у немчуры шикарная. Просто эти разбойники хороших вещей мало видели. И нам на слово поверили.

— Ну и хорошо.

— А кто говорит, что плохо. На дурака не нужен нож. Ему с три короба наврешь, — запела я вполголоса.

— И делай с ним что хошь, — продолжил песню Петька.

Прибежали в клинику вовремя. Пострадавшего переодели в его вещи. Майку чужую с него сняли.

— Это что за майка? — доктор меня спрашивает.

— Не знаю. Она на помойке валялась, я на него натянула, чтоб не замерз. Он же практически голый был. Только в боксерах. Вот и прикрыла, чем могла.

— Понятно. А его вещи где взяли?

— Они там на помойке валялись.

— А почему раньше вы их не видели?

— За баками не заметили.

Пострадавшего увезли в больницу. Ехать с ним пришлось мне. Нужен же нашим врачам переводчик. Вот так я оказалась в больнице, где лежал мой муж. Решила заодно и Никиту навестить.

Ночь. Тишина в больнице. Зашла в палату к мужу. Присела на стульчик рядом с кроватью. И крепко заснула. Умаялась я переводчиком работать. Практики давно не было. Вот и скрипела мозгами с трудом. Правда, немец меня понимал с полуслова. Значит, не все еще позабыла. Договорились, что я у мужа буду в палате, если что. Двойная польза: я родственника навещу, и переводчик под рукой у врачей будет.

* * *

Никите снился сон. Он спит в своем доме. Рядом Иришка сопит под боком. В плечо ему уткнулась. Есть у нее такая привычка — в него утыкаться. А он и не против. Только сейчас понял, какое это было счастье, когда она, в него уткнувшись, спала. Сопит тихонько как ребенок. Проснулся и вот тебе сон в руку.

Жена спит на его руке. Правда, он в больнице, а не дома у себя. И она одета так, как будто с собакой гуляла. Не для посещения больного одежда. В палату заглянула медсестра. Растеряна. Разглядывает их.

— Извините, пожалуйста. Нам переводчик нужен, — сказала она шепотом.

— Где же я его вам возьму.

— Вон она, рядом с вами прикорнула. Разбудить бы.

— Сейчас.

Погладил по голове. Она не просыпается. Поцеловал. Открывает глаза. Еще ничего спросонья не соображает. Сонная. Потягушечки стала делать. Как раньше всегда делала, когда они вместе в одной кровати засыпали. В глазах мелькнуло узнавание неверного мужа. Глаза дымкой подернулись. Все. Закрылась от него...

— Извините. Нам бы вас на минуточку. Там ваш немец проснулся.

— Сейчас иду.

Вышла из палаты. Даже ничего ему не сказала. Только головой кивнула. Ни тебе с добрым утром. Ни как дела. Ничего. А чужого человека вопросами бы закидала. Заботой окружила. И что там за немец? Новый претендент на руку и сердце? Быстро же она. Недавно один мужик был. Теперь на европейцев переключилась. Ревность Никите не давала покоя...

Встал и пошел искать, где и кому она там переводит. Спросил у дежурной сестры. Та назвала номер палаты. Пришел туда. Надеялся, что это просто совпадение. Жена на самом деле пришла к нему в больницу навестить. А тут немца привезли. Ну она со своими знаниями и вылезла. Помочь решила. Она такая у него мимо не пройдет. Обязательно помогать кинется.

На кровати лежал молодой симпатичный бургер. И что-то лопотал на своем, счастливо улыбаясь. Это точно немецкий, только акцент какой-то странный. Гладит немчура ей руки, целует пальчики. И благодарит за что-то. Вот немец, перец, колбаса...

Никита решил дождаться жену и расспросить. А пока решил поговорить с медсестрой. Та ему и поведала, что бургера привезли вместе с Иришкой. У него была разбита голова. Она при нем переводчиком. Понятно. Опять кого-то спасала.

Иришка вышла из палаты.

— А ты чего здесь?

— Просто пришел посмотреть, кого ты опять притащила.

— Ни к тебе же притащила.

— Иришка, хватит дуться. Откуда ты этого бургера баварского выкопала?

— На помойке нашла.

— Опять? — уже не сдерживаясь, засмеялся он. Настолько смешно это звучало. Человек с помойки.

— Не опять, а снова. Я вообще думала, что он труп.

— Да у тебя прям нюх на трупы.

— Вы что, сговорились все?

— Ну, прости.

— Да и не я его там нашла. Грейс постарался.

— Ты Грейса выгуливала?

— Я же говорю. Вышла погулять.

— Ночью?

— Ладно тебе поучать. Когда хочу, тогда и гуляю. У нас район тихий.

— Петька с тобой был?

— Нет. Он дома спал. В общем, я смотрю, пес территорию метить побежал. Потом на помойке застрял. Затем меня звать стал.

— Человеческим голосом?

— Не человеческим. Хватит ерничать...

— Извини. Просто ты не меняешься. Опять труп и опять на помойке.

— А вот тут ты не прав. Пациент опять жив и здоров. Грейса на помойке откопали, результат ты сам видел. И этого вовремя подобрали. Он даже себе ничего не отморозил.

— Повезло ему, что ты гулять вышла. Но в следующий раз с собой Петьку бери.

— Да поняла я уже. Мне все по разу высказали.

— И правильно сделали, что высказали. Нечего по ночам одной гулять.

— Уговорил. Буду ночами гулять с любовником.

— Язва...

Развернулся и ушел к себе в палату. Ну и черт с тобой.

* * *

Пойду с немчурой поговорю. Зачем он в наш район поехал. Это не туристический маршрут. Что он в такой дали от центра делал? И главное, кто его отравил и чем?

Поговорила с немцем. Оказывается, он давно хотел познакомиться с русской девушкой, с которой переписывался по интернету. К ней в гости в нашу страну и приехал. Они с ней гуляли по Москве. Потом ходили в ресторан, в музей. А затем она его пригласила к себе. И больше он ничего не помнит.

Очнулся укутанный в одеяло. Практически голый, в нелепой майке. Над ним склонился белокурый ангел. И чертовски холодно. Потом только до него дошло, что его подобрали на мусорке. И лечили его почему-то в ветеринарной клинике.

— Почему в ветеринарной клинике?

— Нельзя было терять времени. Что было под рукой, тем тебя и оживляли.

— Понятно. А почему на мне майка была? Чья она.

— Извини, но это я ее на тебя напялила. Она с помойки. Ты голый был, на тебе только боксеры. Тебя хоть чем-то надо было согреть. Растерла майкой и надела ее на тебя.

— Спасибо. Почему я там оказался?

— Думаю, что тебя чем-то твоя подружка опоила.

— Зачем?

— Обокрасть хотела. Деньги при тебе не нашли. Значит, она прикарманила.

— Она не могла. Она меня любит.

— Да? Тогда давай эксперимент. Попробуй с ней связаться.

— Как? У меня телефона нет.

— По интернету.

— Ноутбука нет.

— Ничего, у меня есть интернет. Возьми мой телефон. Кстати, ты своим родным сообщи, что с тобой все в порядке.

— Хорошо.

Немец сначала обзвонил своих родных и знакомых. Отметился, что жив и здоров. Потом стал пытаться найти в интернете свою обожаемую девушку. Но не нашел.

— Нет ее. Страница закрыта.

— Правильно. Развели тебя, как лоха на деньги. Взяли на гоп-стоп и все.

— Что такое гоп-стоп?

— Грабеж. Тебя ограбили. Обманули. Девушка твоя подсадная утка.

— В каком смысле? Что такое подсадная утка?

— Понимаешь, на Руси есть вид утиной охоты. Охотник садит на воду домашнюю утку, которая похожа на утку крякву. Та голосом подманивает диких уток. Охотник стреляет диких уток. И у него есть ужин.

— Я глупый утенок? А она приманка?

— Правильно. Это такой вид интернет мошенничества. Девушка знакомится с парнем. Кружит ему голову. Он летит в чужую страну. Его здесь грабят. Хорошо, что утенку не сильно голову проломил.

В палату зашел Никита. Принес мне кофе.

— Какой у меня заботливый муж. Спасибо.

— Пожалуйста. Я же помню, что без кофе ты по утрам не жилец.

— Спасибо. Хочешь послушать?

— Иришка, ты хочешь аферистов этих поймать?

— Нет. Голый номер. Меня он, знаешь, чем заинтересовал?

— Чем?

— Его отравили тем же наркотиком, что и труп у нашего кафе.

— Да ладно. Не бывает таких совпадений.

— Вот именно. И опять в нашем районе. Только ему повезло.

— Чем?

— Он выжил. То ли дозу малую ему дали. Не рассчитали. То ли то, что ему сразу промывание сделали и капельницу поставили. Но что-то его спасло.

— Я знаю, что его спасло.

— Что?

— Ты на прогулку вышла. Не нашел бы его Грейс, и промывать бы там нечего было. И

капельница не помогла бы. Ангел-хранитель тебя на улицу выгнал, чтобы его спасти. Вот тебе и не спалось ночью...

— Совпадения еще те...

— Ну что, ищайка? Взяла след?

— По-моему да, — согласилась я. И у меня моська такая довольная. Сияю...

— Что делать будешь?

— Не знаю пока. А что?

— Я тебя знаю. Полезешь в это дело.

— Ты бы лучше своими делами занимался. Ты знаешь, что вы, оказывается, на меня спорили?

— Что за чушь? Кто спорил? Кто такое сказал?

— Твоя продавщица. А вот кто ей такую сплетню принес? По версии твоих бабок, я виновата в том, что вы в воду зимой полезли. И совести у меня нет. Вы в следующий раз меня в карты проиграете?

— Никто на тебя не спорил. Что за чушь. Уволю к чертовой матери эту сплетницу.

— Уволь. Она твоей жене, пусть и бывшей, кости перемывает. А жена Цезаря должна быть вне подозрений.

— Завтра же уволю.

— А чего не сегодня?

— Меня завтра выписывают.

— Тот Никита, которого я знала, который меня любил, уволил бы за такое продавщицу сегодня. Сейчас же. Магазины на фиг бы позакрывал, чтоб бабок сплетниц наказать. Все ради меня. И тот Никита не стал бы искать откормочки. Когда тебя выпишут, подаем на развод. И не тяни, пожалуйста. Хватит с меня этого нелепого притворного брака. Завтра у тебя выписка. Послезавтра подаем заявление.

Развернулась и пошла на выход. Больше мне не о чем с ним говорить. Все, что надо было, я Никите сказала. Немца провела. С мужем окончательно попрощалась. Будем теперь идти по жизни порознь...

* * *

Приехала домой. И вспомнила, что мне на работу надо. С этим немцем вообще про все свои дела забыла. Пришла в кафе. Хоть там все в порядке. Персонал работает. Посетители кушают. Одна я тунеядствую. Зашла Альбина Владимировна. Я ей вкратце рассказала, что произошло.

— Ты шла бы домой отсыпаться.

— Я лучше здесь прикорну. Не хочу никуда идти.

— Почему?

— Мне дома не дадут поспать. А я спать хочу. Всю ночь не спала. Только под утро заснула. И то вполглаза у кровати мужа...

— Поспи. Мы тебя беспокоить не будем.

— Я дверь закрою. Вы, если что, стучите. Вам я открою.

— Хорошо. Спи.

Только Альбина Владимировна вышла, как я закрыла дверь и заснула крепким сном.

Ничего не слышала. Ни как полицейские приходили. Ни как Никита стучался и что-то мне говорил через дверь. Ни как телефон звонил. Ничего. Провалилась в сон. И проснулась только к закрытию кафе.

Дождалась, когда все уйдут. Закрыла кафе. Поставила на сигнализацию. И спокойно пошла домой. Хотелось спать. Мы договорились, что на работу я приду к обеду. Буду отсыпаться. Дома завалилась в кровать и сразу же заснула. Сон — лучшее лекарство, в том и числе и от любовных мук...

Все-таки я глупая. Мне на работу к обеду. Но я проснулась в восемь часов. И что мне делать теперь? Спать совсем не хотелось. Решила прогуляться с Грейсом. Променада — то, что мне нужно, чтоб прийти в себя и начать думать, а не страдать.

В парк пошла потренировать Грейса. Давно воспитанием собаки хозяин не занимался. А собаку надо тренировать постоянно, чтоб не расслаблялась. А то смотрю, Петька вообще пса разбаловал. Тот хочет — выполнит команду, не хочет — не выполнит. Так не пойдет. Служебная собака должна выполнять все команды, которые подает ее хозяин. Вот и занялась повторением пройденного. Начальный курс дрессировки повторили.

Смотрю, а ко мне кинолог Алекс на всех парах чешет. И что он здесь делает? Отыскал меня там, куда сгоряча послал? Ну что же, пришла пора мне отыграться за тот посыл. Культурненько его пошлем. Не грубо, как он это сделал. А завуалированно, вызвав восхищение...

— Здравствуйте, Ирина.

— Здравствуйте.

— Давно вас не видел.

— Неужели соскучились? Так дорога была длинная.

— Какая дорога?

— А куда вы меня послали? Только вот сегодня пришла.

— Извините меня, я тогда вспылел. Не обижайтесь на меня. Я дурак.

— Да что вы, какие обиды могут быть. Я на дураков не обижаюсь. Что с дурака возьмешь? Анализы и то с глистами. Да и в путешествие я развеялась. Весьма познавательный тур, доложу я вам. Советую и вам туда сходить. Даже настаиваю. Вам полезно будет там же побывать...

Развернулась и пошла домой. Он стоит, рот открыв. Не сразу до идиота дошло, что его послали. Так он тугодум еще к тому же. Вот правильно говорят в народе. Если чего-то бог дал с избытком, значит, где-то обделил.

Такой яркой красотой наделил парня, что при виде его у меня аж дыхание перехватывает. А вот воспитания и ума недосыпал, обделил. Бывает. В нашей жизни чего только не бывает. А я уже свои планы на него строить начала. Картину совместной семейной жизни рисовать... Дурында. Пусть такое чудо достанется кому-то другому.

Уж сколько я с Никитой ссорилась, и то он меня ни разу не посылал. Как бы не злился. А у этого парня явно с нервами непорядок. И гордыни сверх меры. Бабенки разбаловали своим вниманием. Такой еще меня колотить начнет. А мне это надо? У него кулаки, как у меня лицо. Нет уж, пусть идет рыбку ловить в других водах.

Подошла к дому. Там Никита сидит в машине и явно меня поджидает. Зачем, интересно знать? Подошла и в машину села.

— Привет, любимая.

— Здравствуй. Зачем приехал?

— Я магазины закрыл. Продавщицу уволил. Бабулькам сказал, что магазины больше работать не будут.

— Ты приехал рассказать о проделанной работе? Отчитаться, что ли?

— Ты же сама сказала...

— Вот именно. Никита, ты меня слушаешь, да не слышишь. Раньше ты меня оберегал, потому что хотел оберегать. Хотел защищать. Берег меня от всех невзгод, потому что так сам хотел. Сам решал. Понимаешь? А теперь тебе мои подсказки понадобились? Неужели ты так ничего и не понял?

— Да что я должен понять?

— Мне уже безразлично, закрыл ты там магазины или нет. Безразлично мне все, что там. Все, что связано с тобой. Меня не интересует. Не трогает...

— А я тебя тоже не трогаю?

— Никита, я что-то не понимаю. Ты же считал наш брак тюрьмой. Ну вот, я тебя услышала и сделала, как ты хотел. Открыла все казематы. Кандалы с тебя сняла. Ты свободен. Лети на волю, топчи курочек, радуйся... Зачем ты в тюрьму-то назад рвешься? Зачем тебе цепи? Надзор наш с мамой. Мы же тебя душили. Опять же, выбор у тебя появился большой. Выбирай, не хочу.

— Не знаю. Только мне так худо без тебя.

— Бывает. Привыкнешь. Со временем заменишь меня другой женщиной. Ты знаешь, я спасибо тебе хочу сказать.

— За что?

— За то, что меня от брачных оков освободил. За свободу. Если наш брак был тюрьмой, то я была надзирателем. Ты меня освободил от занимаемой должности. И я теперь тоже вольный человек. Я поняла, что мне моя свобода нравится. И у меня теперь выбор огромный. Спасибо. Теперь я птица вольная.

— Это ты мне назло так говоришь?

— Нет. Давай разводится. Пока еще уважение осталось...

— Только уважение и все? Больше у тебя ко мне ничего не осталось?

— Все...

Вышла из машины и пошла домой. Зашла в квартиру.

— Поговорили? — мама видела, как я садилась в машину к мужу.

— Поговорили.

— Что решили?

— Муторно на душе. А ведь когда-то я от мужа своего была в восторге. И куда все делось.

— Значит, все-таки развод? Я думала, что он тебя уговорит не разводиться.

— Ты сама же говорила, что жить с нелюбимым — пытка. Я не палач, чтоб мужа пытать. Хоть он и заслужил...

— А ты его не любишь?

— Не люблю. Может, и не любила никогда. Не знаю уже. Я тогда от разрыва с Геной отошла. А тут он налетел. Такой весь красивый, веселый, яркий. Завертел, закружил. Вот я и клюнула на приманку. Подумала, что он же меня любит. И этого для брака достаточно. Он так красиво уговаривал.

— Но ты же с ним была счастлива.

— Была. Теперь нет. Он разлюбил. Нет уже в нашем браке главного — любви. А я не

могу без любви. Я без нее не живу. Никита тогда меня, прежнюю, убил. Всю неделю поворачивался ко мне спиной и убивал этим. Сквозь меня смотрел. Как будто я стеклянная. Никто ему. Ничего не видел. Ни слез моих, ни боли. Я привыкла за ту неделю к безжалостному Никите. И рассталась с тем, умным, любящим и добрым. И сама прежняя умерла. А теперь что он хочет от меня? Сочувствия? Понимания? Но это уже другая Иришка. Ей на него плевать. А он все ходит и ходит, рану ковыряет грязным ножом...

— Ты бы ему это все так и сказала...

— А толку? Я ему говорила, что не умею прощать. Он мимо ушей пропустил. Я говорила, что уйду, если он мне изменит. Он меня не услышал. Что толку ему говорить? Если он меня не слышит.

— А раньше слышал?

— Раньше слышал. А если не слышал, то чувствовал меня. Он тогда любил.

— А сейчас ты что хочешь?

— Чтоб он меня в покое оставил. Мне надо отползти и раны зализать, чтоб выжить. А он идет за мной и добивает... Просто пусть отстанет. И я начну жить по-новому с другим любящим мужчиной.

— Но не с ним?

— Не с ним...

Никита стоял за дверью. Когда Иришка вышла из машины, он пошел за ней. Решил, что у квартиры нагонит и поговорят спокойно. Не на нервах. Но она быстро зашла в квартиру. Дверь за собой не закрыла полностью. Он стоял и слушал. И теперь до него дошло, что он натворил. Впервые до него дошло, что она не его Иришка. Потеряна. Для нее его больше нет...

Вышел, сел в машину и поехал к отцу. Советоваться. Отец был его приезду рад.

— Здравствуй, сын. Что случилось?

— Почему ты думаешь, что что-то случилось?

— Ты лицо свое в зеркале видел?

— Что с ним не так? Уродлив?

— С таким лицом убивать ходят.

— Так я уже убил.

— Кого?

— Свою жену.

— Как?

— Тебя интересует способ? Да не смотри на меня так. Не в том смысле. В смысле морально убил. Так я ее пальцем не тронул. У меня на нее рука не поднимется.

— Фу. А я уж подумал, что ты супругу замочил. Довела, думаю.

— Это я ее довел. Все, папа. Не любит она меня. Да и не любила никогда, наверное.

— С чего взял?

— Она так сказала.

— Тебе?

— Матери своей.

— Это ничего не значит. Говорила под эмоциями. Ты ей сделал больно. Вот и она тебе делает так же больно.

— Она что, мне мстит?

— Неосознанно. Понимаешь ли, сын. Ты ей изменил.

— Да сколько можно повторять? Не изменял я ей. Не изменял.

— На меня не кричи. Я знаю, что ты не изменял, но был же готов изменять? И ее мнение и чувства тогда тебя не заботили. Теперь ее очередь. Считай, что это ее реакция на стресс, который она по твоей вине пережила. А на стресс как человек реагирует? Тремя способами: замри, беги и бей.

— И что теперь? Меня бить будут?

— Давай посмотрим, что у вас происходило. Она сначала замерла. Неделю все это терпела. Думала, что пронесет. Не пронесло. Ты в своей слепоте стал с другом откровенничать. И договорился.

— Да какой он мне друг? Ты в курсе, что он сюда из-за нее приехал. Не друга навестить. А ее у меня отбить. Ухлестывать за ней начал. У меня на глазах целовались...

— А ты как хотел? Она же говорила, чтобы ты дал ей развод. Она уже перешла на вторую стадию, когда от горя бегут. А ты ее держишь и не отпускаешь.

— Она сразу же замуж выскочит, как только развод получит.

— Ты ее не слышишь и не даешь развод, поэтому она тебя начинает потихоньку бить. Пока морально она тебя избивает. Терпи, раз заслужил.

— Понимаю, что заслужил. Что мне делать? У меня цейтнот. Дам развод, она совсем от меня уйдет. Там уже стоят другие козлы и копытами стучат. А не дам, она меня ненавидеть станет пуще прежнего. Как не поступи, все равно крах нашему браку.

— Ты, стало быть, себя к козлам отнес. Правильно отнес. Ты с ней и поступил как козел. Уж извини за правду. Развод ей дай. В ЗАГС подайте заявление. У вас месяц будет, чтоб опомниться. А за месяц много чего случиться может.

— Ничего не изменится. Она просто переждет месяц и все. И по новой нового мужа пойдет искать. Я же тоже к ней подкатил, когда она со своим... рассталась.

— Слово любовник произнести не можешь? Собственник? Так какого тогда так с ней себя вел? Потерял ее, теперь плачешь?

— Я не думал, что все будет так.

— А как ты думал? Она рано или поздно все равно про твои похождения узнала бы. И все равно ушла бы от тебя. Так что, может, и к лучшему, что вы расстались...

— Я только сейчас понял, что люблю ее.

— Опомнися.

— Да, я поздно опомнися. И ничего уже изменить не получится.

— Так дай ей развод и дело с концом. Начинай жить заново. Без нее. Заведи амур с какой-нибудь красавицей. Клин клином вышибают. И живи...

— Не могу. Это уже будет не жизнь...

Повернулся и молча пошел. Если он даже у отца не вызвал сочувствия и жалости, то что говорить о других? Саня был его другом с детства. И тот Никиту ненавидит. Он когда Саню спасал, тот брыкался и отталкивал спасателя. Утонуть хотел? Отец вон тоже нотации ему читает.

Одна мать только радуется. И откуда узнала, что он с женой разводится? Наверное, отец рассказал. Она там в своей Америке до потолка прыгает от радости. Мать Иришкина раньше их мирила. Дочке своей мозги как-то на место ставила. Так и для тещи Никита врагом номер один стал. В общем, никто его не поймет... Сам виноват...

Я же после разговора с мамой как-то успокоилась. Выговорилась и легче на душе стало. Начала собираться на работу. Решила про себя, что уйдя с головой в работу, отвлекусь от своих проблем. Раньше у меня это хорошо получалось.

Накопилось много дел. Так что вперед, на амбразуру. Только надо все перелопатить, что мне Макс прислал на почту. От следака получить всю нужную мне информацию. И погрузиться в сладостный мир аналитики, логики и выводов.

Если отключить эмоции и рассуждать логично, то моя жизнь вполне удалась. Есть свой бизнес. Была замужем. Как Маргарита высказалась, я «состоялась»... Есть где жить, есть на что жить. Правда, детей пока нет. Но это не к спеху. Да и рожать детей надо от любимого мужчины.

Осталось только поменять того, с кем жить. А вот тут мне пока ничего не ясно. Думать надо. И держать ухо востро. Сейчас с этими делами расхлебуюсь, отдохну от душевных мук и займусь своей жизнью вплотную. Наверное, нужно было пострадать. Иначе не поняла бы, что не с тем человеком живу. Не на того время свое трачу. Не тому любовь свою отдаю...

На работе первым делом взяла себе кофе с пирожными, открыла ноутбук и засела изучать присланные мне Максом сведения. Четко работает Макс. Обещал за три дня нарыть информацию. Столько всего нарыл, что долго разгребать придется. Накопилось неизученной инфы валом. Поэтому и очнулась я только после того, как уборщица и посудомойки заглянули ко мне в кабинет, чтобы попрощаться и напомнить про время.

Время пролетело незаметно. И даже мысли не промелькнуло про своего мужа. Глядишь, и позабуду про неверного супруга. И хорошо бы. А то надоело страдать. Мало того, я заметила, что эта моя неопределенность всем нервы трепет. Вроде с кислой миной я одна тут должна ходить. А почему-то у всех лица суксилились. Значит, порчу всем настроение.

— С этой проблемой надо срочно что-то делать. Соберись, тряпка. Хватит ныть. Нас ждут великие дела! — сказала сама себе. А сама закрываю дверь в кафешку.

— Ира, с кем ты там разговариваешь?

— Сама с собой.

— Это же явный признак сумасшествия.

— Вот с тобой, Петруха, точно с ума сойти можно. Сколько раз говорила не подкрадываться так тихо.

— Да я не подкрадывался. Я вас давно зову. Вы просто в себе были.

— Ну а теперь вышла наружу. И у нас много дел.

— Куда теперь полезем? В нас будут стрелять?

— Размечтался. Максимум по шее надают. И то навряд ли.

— Почему?

— Мы с тобой — недостойный объект для приложения физических усилий. Ты у нас подросток по паспорту. Да и по внешнему виду тоже. Я подростком кажусь из-за внешности своей. Мелкая пигалица. Такую даже бить страшно. Вдруг прибьют ненароком. Малышня мы с тобой. А что делают с малышкой, которая лезет, куда не просят?

— Подзатыльники раздают и матерят.

— Не весь арсенал ты перечислил. Главное забыл. Пендели под тощей зад. Это самое главное оружие против подростков нахальных и любопытных... Стреляют пусть в людей

серьезных. А на нас даже патроны жалко. Се ля ви, мон шер...

— Так это же хорошо.

— А кто говорил, что плохо. У нас с тобой сейчас самая выгодная возрастная позиция для наших дел. Нас всерьез никто не воспринимает. Внимания на нас не обращают. Шастают здесь какие-то подростки, и что с того? Они везде шастают. Нигде от них спасения нет. А наделать мы много чего можем. У тебя так вообще привилегированное положение.

— Почему?

— Тебе еще четырнадцать нет. Тебя даже не осудят.

— Точно. Значит, я везунчик.

— Не сильно-то радуйся. Эта лафа скоро кончится. И тогда кранты тебе, Петруха.

— Что делать на неделе будем? А то скукота какая-то настала. Выходные же на носу.

— Угу. Скоро суббота. Ну что? Переворочим осиное гнездо в выходные палкой?

Погоуляем на костях упырей?

— Я только за. А кого мочить будем? А менты в курсе?

— Пока нет. Мне еще подумать надо. Взвесить все, чтоб как можно сильнее их к наркоте привязать.

— В каком смысле?

— Смотри. Уже несколько дней нет этого химического запаха. Значит, он лабораторию прикрыл. Надолго ли?

— Может, он съехал?

— Или что-то произошло, вот он и затаился.

— Или настряпал отравы и теперь ищет сбыт.

— А ты прав. Молоток, Петруха. Об этом я в первую очередь подумала. Он может искать, куда партию пристроить. На этом его заловить можно.

— Сами мы не сможем. Ментов подпрягать придется.

— А кто говорит, что мы сами будем геройствовать? Нам за это деньги не платят.

Обязательно ментов возьмем в дело.

— Значит, вы опять всех мышей переловите, а сметану будет лопать кто-то другой?

Опять какой-нибудь инспектор Лестрейд?

— Ничего не поделаешь. Жизнь не справедлива. Ну ты не расстраивайся. Мы себе тоже праздник устроим...

Пришли домой радостные. Насмеялись и нагулялись. На этой радостной ноте и закончился мой день.

* * *

На следующий день к Никите ранним утром к дому пришла делегация из жителей поселка. Они выдвинули требования.

— Открывай свои магазины! Разбогател на народном добре и род рода человеческого! — начала высказывать требования от лица жителей всего поселка баба Нюра.

— Буржуи проклятые. Сталина на вас нет! — подхватила Мария Ивановна.

— Когда магазины откроются? — просто спросила адекватная старушка.

— Магазины не работают и работать больше никогда не будут, — оповестил население Никита.

— Как это не будут работать? А мы как же? — забеспокоились сплетницы.

— Как хотите. Я магазины продаю. Так что вам придется в город ездить.

— Как в город? Ты обязан нас продуктами снабжать.

— Мы второй день без хлеба. Ты за что на нас осерчал, милоч? — спросила

Никифоровна.

— Хоть у одной ума хватило узнать причину такого отношения к себе, — пробурчал

Никита.

— Так и за что нас на голодную смерть обрек?

— Не надо утрировать. В городе все купить можно. Или в соседнее село идите за покупками.

— Чем же мы провинились? — не унималась умная старушка.

— Сплетнями семью мою разрушили. Этого вам недостаточно?

— Так не мы же их сочинили, — выдвинула она аргумент.

— А кто?

— Нюрка на хвосте принесла. Известная сплетница...

— Вот Нюрка пусть вам продукты и поставляет.

— У тебя же все пропадет. Продай хоть людям.

— А вам какая забота мое добро считать?

— Так жалко же.

— А семью мою не жалко было? Своими сплетнями жену мою затюкали. На кой черт мне эти магазины, если моя жена в них купить ничего не может? Вот и вынужден их продавать. Мне жена дороже. Идите в соседнее село. Там отоваривайтесь.

— Не продашь — подпалю магазин! — выступил вперед особо бойкий старик. Единственный чертополох среди ромашек.

— Пали, — сказал Никита и зашел назад в дом.

— Ну что? Досплетничалась? — это уже старушки стали на бабу Нюру орать. Того и гляди побьют.

— Я-то тут при чем? Его жена бросила. А вы меня виноватите! — баба Нюра попыталась отбиться от обвинений.

— А из-за чего его жена бросила? Из-за твоих сплетен, корова ты комолая.

— Не при чем здесь я. Это Машка сплетни принесла, — перевела она стрелки на подругу.

Мария Ивановна стоит и глаза выпучивает. Понимает, что они теперь в паре со своей подружкой ответить перед народом могут. И ссылка на старость не пройдет. Жалеть их никто не будет. Здесь все старики и старушки. Так что бить будут от души и даже больней, потому как костылями.

— Так мы правду сказали. А продавщица сама все додумала. У нее фантазия хорошая.

— Ах, это я додумала? Теперь держись, старая ведьма! Сейчас я всем расскажу, что ты про них про всех сочиняла! — выступила вперед продавщица.

Она и так пострадала. Ее уволили. Хорошо, что хоть не по статье. Где она теперь такую работу найдет? Да еще недалеко от дома.

Баба Нюра с Марией Ивановной поняли, что сейчас отгребут полную охапку неожиданных подарочков в виде тумачков и выданных волос. На подарки эти кумушки-подружки никак не рассчитывали. Да и праздники уже все прошли.

Притом желающих их вручить оказалось слишком много. И они моложе и здоровее их.

Убежать подругам от возмездия не удастся. Поэтому они быстро заскочили в калитку на территорию дома владельца магазинов. Буржуй это все затеял, он пусть их и защищает. Так рассудили сплетницы.

Народ не желал отпускать своих визави без поздравлений и оваций. Они по достоинству оценили бабкин народный фольклор, пересказанный народным сказителем, временно исполнявшей обязанности продавщицы. Восторг пожелали выразить все и разом. Но забор им мешал добраться до своих кумиров. А выразить свое почитание было жизненно необходимо. Тогда вперед выступил самый «молодой» старик. Единственная мужская особь в этом бабском коллективе.

— Ну что, бабки? Мужик понадобился?

— Зачем? — удивились хором бабки.

А парочка сплетниц даже испугалась. Затихли там, за забором. Старик этот в свое время был хорошим гуленой. И бабки, к которым еще не пришел в гости склероз, это пока еще помнили. Некоторые взглянули на него с надеждой. Некоторые с опаской, но заранее стали придумывать, что они дома скажут в свое оправдание.

— Да не затем, зачем вы подумали.

— А что мы подумали? — задала вопрос самая умная.

— С гадинами расправиться, вам мужик нужен.

— Зачем?

— Вы же через забор не полезете. Не сможете...

— А ты прям сейчас перепрыгнешь?

— Попробую.

Бабки понимали, что дедок просто перед ними хорохорится. Но им было любопытно посмотреть, как он оконфузится. В свое время он любил в поселке девчонок третировать. Многие от него натерпелись насмешек в молодости. И теперь им представился шанс вернуть должок.

— Ну что, я пошел на абордаж.

Дед стал забираться на забор. Ему помогали, подталкивая со своей стороны бабки. Дедуля сильно усох. А штаны носил широкие, как в молодости. В общем, зацепился он. Вот своими широкими штанами и зацепился. Крепко, непонятно за что. И никак не отцепиться. Висит в двух метрах над землей и орет благим матом на смеющихся бабок.

— Да ты штаны расстегни, — советует ему умная старушка.

— Зачем?

— Вывалишься и все. Потом и их с забора сдернешь, — посоветовала ему умная старушка.

Дед молчал. Висит, молчит, но штаны не расстегивает. Предпочитает висеть, чем позориться. А дело в том, что когда за ним пришли бабки звать его протестовать на митинг у дома буржуйского, он стал быстро одеваться и напялил штаны на голое тело.

Если расстегнет, то вывалится голым из штанов. И предстанет перед всеми бабками голым и старым. В ватнике, в валенках с калошами, в шапке ушанке и без трусов. А этого позора он вынести не мог. Лучше смерть, чем такое позорище.

— Расстегни штаны! — стали голосить бабки хором. Они-то понимали, что долго этот дурень так не провисит. Окочурится.

Умная бабка пошла к нему и стала расстегивать ему штаны. Со стороны могло показаться, что бабки загнали деда-самца на забор и собираются насиловать. Для чего

встали в очередь. А тут стали подходить новые бабки и очередь занимать. И уже приступили к активным действиям.

Дед стал орать, чтоб к нему не лезли всякие старухи, которые были когда-то персиками, но сейчас страшной курагой стали. И потому он не хочет, чтобы они до него дотрагивались.

Всю эту комедию абсурда стоял у окна и снимал Никита. Он с самого начала решил заснять, что будет. Может, Иришка увидит, как он отстаивает ее права и вернется. Правда, бабок ему было жалко. И деда этого придурковатого тоже. Но если это поможет ему вернуть жену... Хотя и понимал всю абсурдность своих надежд. Ну а вдруг?

Тем временем то ли бабке удалось расстегнуть деду штаны, то ли он сам из штанов выпал ввиду своей сухощавости. Но он шлепнулся в сугроб голым. Бабульки стали его обступать с непонятными намерениями. Через кованую ограду было видно, как дед спешно стал зарываться в снег.

— Обморозишь себе добро, старый дурень, — выговаривают ему старушки.

— Пошли вон, развратницы! — перешел уже на повизгивание дедок.

И только одна умница догадалась снять его штаны с забора и кинуть ему их в сугроб. Тот прям в снегу стал их одевать. Потом вылез и побежал домой. Бабки тоже почему-то резво встали на копыта и порысили за дедом на очень даже приличной для их возраста скорости.

Со стороны могло показаться, что дед вырвался от озабоченных бабок и бежит в поисках убежища, ищет, куда бы скрыться. Развратные бабки гонят свою жертву на расправу. Там, у флажков, его будут ждать другие амазонки. Охотничий сезон на дедов-самцов открыт. Облава началась...

Никита просмотрел снятое видео. Подумал. И переслал жене. Будь что будет. Иришка у него девица с юмором. Если они с ней и не помирятся, то хоть он ее рассмешит...

* * *

А тем временем я сидела в офисе и разбирала присланное Максом мне на почту. Вдруг булькнуло в телефоне. MMS-ка от кого-то пришла. И что там мне прислали, интересно знать. Я даже не посмотрела, кто прислал.

Спустя три минуты я смеялась так громко, что в кабинет стали заглядывать работники. Интересно же, над чем это так начальница ухохатывается. А посмеяться было над чем. Это же самая настоящая комедия.

Особенно эпичным был конец комедии. Вдаль идет широкая дорога. А по ней улепетывает, прихрамывая, оконфузившийся старый дед. Отрывается из последних сил от преследующих его бабок.

Старушки за ним бегут быстро, хоть завтра можно зачислять в школу олимпийского резерва. И костыли им не нужны. Они ими машут. Пропал дед. Эти бабки его догонят. И каюк старому опытному волчаре...

Отправила мужу просьбу открыть магазины. Да и продавщицу вернуть на работу, но с условием, чтоб больше никаких сплетен не разносила. Иначе опять вылетит с работы. А то стало жалко и деда этого, и бабок. Конечно, они сплетницы. И иногда злой язык хуже пистолета. Но они старые и их жалко. Да и повеселили они изрядно. Особенно дед. Вицин отдыхает...

Я не удержалась. И дала видео посмотреть Альбине Владимировне. Она потихоньку всем поварьям показала. И такой гомерический хохот на кухне стоял. Короче, всем это видео настроение подняло. Скачивать и пересылать не дала. Нечего видео вирусным делать.

Интересно, что на это мама и Петька скажут. Петька наверняка предложит в интернет выложить. Почему бы и нет? Пусть злоязычные старушки звездами себя почувствуют. Может тогда думать будут, сочиняя свои сплетни, каково человеку. Побывав в чужой шкуре, лучше начнут понимать тех, кто от их сплетен страдает.

Вечером шла домой счастливая. Вроде и сплетниц наказали. И дело доброе сделали. И опять же всем настроение подняла. Пока я дома пила кофе, Петька с мамой обхохотались. Им тоже видео понравилось.

— Как только он догадался их снять?

— Наверное, интуиция. Уж больно старички в самом начале по-боевому выглядели.

— Поэтому все комедийным фарсом и закончилось, что они воевать с буржуем пришли.

А куда дед так помчался?

— Не знаю. Отогреться, наверное.

— В туалет он побежал, — высказался Петька.

— Снег из штанов вытряхивать. Да и задницу на печку примостить. Замерз...

Петька предложил выложить видео в интернет. Я поддержала эту идею.

— Иришка, тебе не жалко их?

— А им других не было жалко? Они своими сплетнями многим усложнили жизнь. Так что это им в ответ прилетело послание от пострадавших.

— Они же станут позорищем?

— Почему они станут позорищем? Они будут назиданием и примером для других сплетниц. Сплетники хуже садистов, когда свои сплетни распускают и дорисовывают в меру своей испорченности полученные сведения. К конечному потребителю новость приходит уже кардинально перевернутая. И главное, не поймешь, кто виноват в этой сплетне. Концов не найти. Пусть в нашей шкуре побывают. Тогда будут других щадить...

— Уж сколько они вам с мужем кости перемывали. Не отцеплялись. Все вашу с Никитой жизнь обсуждали.

— Точно. Не переставали. Вроде мы добро им делали. А все равно они к нам добрее не стали. Как камни сплетни в нас кидать стали. Без устали. С таким наслаждением меня травили. Я удивлялась их ненависти...

Петька обрабатывает видео, положит на музыку и выложит в интернет. Пусть бабки себя со стороны увидят. Пусть почувствуют, каково это, когда в твою жизнь лезут беспардонно, с грязными намерениями. Петька популярность в интернете наберет...

А на следующее утро я метнулась к Максусу.

— Щепетильное у меня к тебе дело.

— Напугала. Говори, что надо сделать.

Я и объяснила ему, что и как надо сделать. Иначе моя идея не будет иметь последствий для убийц.

— Сделаю. Но мне денька три надо. Сегодня, завтра, послезавтра. Терпит?

— Но ты сразу, как только все подготовишь, мне скажи. Чем раньше мы начнем, тем лучше. И найди мне вот по этой фотографии, где этот человек в последние четыре дня засветился. Можешь?

— Параллельно сделаю. Запущу программу распознавания лиц. Где-нибудь на какой-

нибудь камере да всплывет. А тебе он сильно нужен?

— Очень сильно. Это тот упырь, который наркоту делал. Боюсь, что мы его вспугнули, и он отсюда слинял. Вычислить его надо обязательно. Иначе он и дальше будет людей травить. На нем уже пять трупов числится. И это только в нашем районе. А сколько их еще будет...

Весь день я потратила на то, чтоб составить свои схемы. Мне надо было понять, как так случилось, что талантливый химик стал изготовителем наркотиков. Мог изобретать лекарства и помогать людям. У него было великое предназначение. А он встал на сторону зла.

Как вполне успешная женщина опустилась до того, чтоб стать тем, кем стала. Неужели человеческая подлость и жажда денег может так вывернуть наизнанку человека, что он готов будет убивать. Только к ночи у меня сошлась вся схема. Без сучка без задоринки. Стройная схема, как, когда, с кем и почему. До мелочей все продумано и упорядочено.

Второй этап — это собранные доказательства упорядочить. Чтоб комар носа не подточил. Наступление начнем с папаши убитого Юры Корнеева. Того трупа, который нам подбросили под двери детского кафе. Сначала мы чиновника папашу опарашим известием.

Зря мошенники нам труп под двери кафе подбросили. Не продумали они мелочи. На них идиоты и спалились. Эти мелкие детали подпишут им смертный приговор. Не хватило ума подумать о последствиях. Все великие аферы сыпятся из-за мелочей.

* * *

На следующий день мы с мужем пошли подавать заявление в загс на развод. Подали. Вышли на улицу.

— Ну как? Ты довольна? Скоро от меня освободишься.

— Довольна. И ты скоро будешь свободен.

— Значит, все? Конец?

— Конец.

— Почему? Неужели нельзя меня простить?

— Ты знаешь, Никита. Я как-то смотрела старый фильм. Там Золотухин в главной роли. У него была любимая жена. Он в армии отслужил. У них в браке уже и ребенок был. Устроился он на работу водителем. А однажды застукал свою жену с любовником. Случайно. Так получилось. Ей, видишь ли, любовник, которого играл Высоцкий, руки целовал. Мужа дома нет, а ей чужой мужик руки целует.

— Знаю этот фильм. «Единственная» называется. И что ты этим хочешь сказать?

— Я все не могла понять, почему муж от нее ушел. Ведь явно ее любит. И она любит. Но зачем тогда изменяла? Муж ушел и на нелюбимой женился. А она не верила, что он уйдет навсегда. Почему ушел, для меня тогда было загадкой. В результате три несчастных человека. А теперь я все поняла.

— И почему?

— Жить с человеком, который предал, нельзя. И прощать такое нельзя. Если бы он с ней остался, он бы и ее, и себя уничтожал своим притворством.

— Наверяд ли. Простил бы рано или поздно.

— Не простил бы. Не смог. Ему эта картина в память на годы врезалась. Как любовник ей руки целует, а она млеет от сладкого удовольствия. А так муж попробовал быть

счастливым с другой. Надеюсь, что получится снова полюбить. А останься он с той. Это отравляло бы их жизнь. И итог был тот же. Тоже было бы три несчастных человека. Он, она и их ребенок. Любовь, убитая изменой, ни к чему хорошему не приводит...

— У тебя что-то с математикой. Когда он женился на нелюбимой женщине, несчастных стало четверо. Он, бывшая жена, новая жена и его ребенок.

— А с чего ты взял, что его новая жена была несчастна?

— Была. Он ее не любил. Женился назло первой жене.

— Зато она его любила. И была счастлива. Пусть не всегда, пусть какое-то время, но была.

— Всегда можно простить, если любишь.

— Вот именно. Если любишь. Будь счастлив, бывший муж.

Я развернулась и пошла на работу. С утра ходила разводиться с мужем. Подумаешь. Это не повод отлынивать от своих обязанностей.

В обед пришел полицейский. Договорились, что на следующий день мы едем разговаривать с отцом Юрия Корнеева. Следователь попытался у меня узнать, что такого невероятного я хочу сообщить отцу убиенного мажора. Но я свято хранила тайну. Иначе этот деятельный следователь нам с Максом всю игру поломает. А мне нужен один день для того, чтоб Макс успел подстраховаться...

* * *

Итак, настал день открытий. Мы поехали к чиновнику высшего ранга. К небожителю. На гору Олимп нас сначала не пускала охрана. Держали у подножия горы. Плевать они хотели на этого полицейского. Со всеми его ксивами. Я написала записку, попросила передать Корнееву старшему.

Через три минуты за нами прилетел его личный референт. И нас проводили в зал для переговоров. Мы чинно уселись. И стали ждать. Через пять минут к нам вышел холеный, но уже старый мужик. Возраст не скроешь. Вот сколько бы не работали над ним косметологи, стилисты, массажисты, а старостью от него несло за версту.

Он старше своей жены лет на сорок. А ей самой уже прилично. Она ему сына родила. И сынок уже успел вырасти половозрелым ублюдком. Значит, ему лет примерно семьдесят. Или даже больше...

Понятно, что других детей он навряд ли уже родить успеет и воспитать. Хотя этот его сын таким утырком вырос. Можно по подружкам Юрика поискать. Вдруг какая забеременела и родила. Внучок у политика бы был. Все-таки ребенок сына. Родная кровиночка...

Обычно люди жалеют о смерти человека. Но смерти этого утырка я бы радовалась. Правда, жертвы его тоже не одуванчики в поле собирали и не веночек плели. Но этот отъявленным мерзавцем был.

— Я не понял. Вы шутки такие в полиции практикуете?

— Это не полиция. Это я утверждаю.

— Значит, ты шутница. Говори.

— Вы похоронили не своего сына.

— Ты с ума сошла? — попытался меня вразумить следователь.

— Могу это доказать.

— Есть доказательства? Какие?

— Фото, видео и экспертизы.

— Выкладывай.

— В общем, меня сразу напрягло, что ваш сын на старых видео левша. Он же левша?

Правильно?

— Левша. И что?

— Пошли дальше. Но труп, который обнаружили, носил часы на левой руке. Левши так не делают.

— Обоснуй, — попытался встрять мент.

— Смотрите. Ваш сын всю свою жизнь был богат. И в часах он разбирался.

— Лучше меня. Он любые часы мог с закрытыми глазами опознать.

— Вот и я о том же. Никогда ваш сын на рабочую руку не нацепил бы часы. Тем более такие дорогие.

— И эксклюзивные. При нем были очень редкие часы. Их выпустили очень ограниченным тиражом. Его любимые. Коллекционные.

— Надел бы левша Юра часы на рабочую руку? Где он эти редкие часы мог поцарапать? Коллекционные редкие часы? Да он бы себе эту руку скорее отрубил...

— Допустим. Но это не доказательство. Этого мало, чтоб я вам поверил.

— Но достаточно, чтоб начать сомневаться. Не так ли?

— Допустим.

— Второе доказательство — это судмедэкспертиза. Она ясно говорит о том, что убиенный был при жизни правой. И никак иначе. Это мы, обычные люди, не отличим, где труп левши, а где правши. Но любой врач и эксперт со стопроцентной долей вероятности скажут, кем был найденный труп при жизни. Так вот, согласно экспертизе, труп был праворуким. Как вам это нравится?

— Эксперт может ошибаться.

— Вот. И я так подумала. Поэтому вот вам еще доказательства. Помните эти срамные фотки? Их ваш сын прислал одной молодой особе, на которой собирался жениться.

— Она вам их отдала?

— Не стоит кому-то мстить. Никто ничего нам не отдавал. Дело в том, что в интернете ничего бесследно не исчезает. Всегда при желании можно поднять все сообщения и файлы, когда-либо пересылаемые при переписке.

— Допустим. Что эти фото доказывают?

— А теперь посмотрите на фото трупа. Неужели ничего не замечаете? Это официальное фото из материалов дела.

— Что я должен заметить?

— Ну как что? Размеры самого важного. То, чем дорожит любой мужчина. Чем особенно дорожил ваш сын. Пуще жизни берег, холил и лелеял. Чем ни при каких обстоятельствах Юрий не стал бы рисковать? Пять лет назад у него был вполне приличный размер. А тут он вдруг резко уменьшился. Вдвое. Оттяпали враги? Или он сделал неудачное обрезание?

— Шутки здесь неуместны. Напомню вам, мой сын умер.

— Может, умер. Не берусь утверждать, что он жив. Но подсунули вам не вашего сына.

— Есть еще что?

— Это вот адреса подружек вашего сына, которые были у него пять лет назад. У них вы можете узнать все про его размеры и о пристрастиях в постели. А это вот адрес последней подружки вашего сына. Она вам расскажет о новых пристрастиях вашего нового сына. И вы поймете, что ваш сын не мог так резко поменяться. В чем угодно, но не в этом. Кстати, она вам и про размеры его достоинства расскажет.

— Это все?

— Нет. Есть еще одно доказательство. Эксперты сравнили фотографии и видео того человека, который снят пять лет назад, и того, который не так давно на видео назывался вашим сыном. Это два разных человека. Вот заключение независимого эксперта. Ваш сын пропал два года назад. Потом вдруг опять появился спустя почти полгода или даже больше. Так?

— Мы с ним разругались. Он сказал, что не хочет меня видеть.

— По скайпу сказал? Или сообщение прислал?

— Сообщение.

— Из-за чего поругались?

— Не помню. Из-за пустяка какого-то.

— Кто ругань начал?

— Он вдруг вспылил на ровном месте. Я еще удивлялся тогда. Поехал к нему мириться.

— Но он вас не пустил? Так?

— Сказал, чтоб я шел к такой-то матери. И даже двери не открыл.

— Потом он вам звонил?

— Нет. Обижался долго. Из-за пустяка крупно поругались.

— Правильно. Им нужно было время, чтоб операцию свою проверить. Для этого инсценировали скандал. В это время и была произведена замена вашего сына на двойника. Ему сделали операции, чтоб он был похож на вашего сына. И все. Дело в шляпе.

— Он сам сделал операцию. Нос исправлял.

— Называется ринопластикой. Он как-то попал в аварию. Нос был сломан подушкой безопасности. А все потому, что пристегиваться ремнем надо. Два ребра справа были сломаны, нога правая в щиколотке была сломана. Про этот случай я знаю. Ему всего лишь делали ринопластику. А у трупа лицо кроили несколько раз. Еще раз повторюсь. Ваш сын всего лишь нос делал. А тут человека пластали несколько раз. Видите разницу? Вам не кажется странным? Вот и судмедэкспертиза говорит о множественных операциях. И у трупа никогда ребра не ломались. И нога тоже никогда не была сломанной. Это еще одно доказательство, что не своего сына вы с такими почестями хоронили. Не своего сына оплакивали, не по своей кровиночке скорбели...

— Уже становится интересно. А как же голос? Голос-то был сына. Я его голос ни с чем не спутаю...

— Ну вы даете... Экий вы, батенька, наивный. Рассмешили меня. В наше время даже дети знают, что есть специальные программы. Я могу говорить любым голосом, который выберу. Я говорю, а программа преобразовывает голос под оригинал, который нам нужен.

— Тогда вопрос. Где мой сын? Он жив?

— А вот этого я вам не могу сказать. Потому что не знаю. Могу лишь дать вам совет. Наймите частных сыщиков. Они вам найдут его живым и здоровым. Или найдут труп вашего сына и его убийц. Советую вам по вновь открывшимся обстоятельствам затребовать эксгумацию трупа.

— Зачем?

— Сделайте анализ ДНК. И тогда точно поймете, что это не ваш сын.

— Ты кто?

— Человек, которому убийцы вашего сына подкинули труп под дверь кафе.

— И что? Тебе все это зачем надо?

— Видите ли, это меня разозлило. Поэтому я вам все сейчас и рассказываю. Свою с ними счета. И надеюсь, что вы сами найдете убийц вашего сына. Вам это легче будет сделать. У вас и возможностей больше. И надавить на следствие вы можете.

— Свободна.

— Что, простите?

— Пошла вон.

— Как скажете. С удовольствием.

Стала собирать все свои доказательства. Он на меня как рывкнет. Ишь ты, он еще запугивать меня решил, старый индюк. Нет уж. Все свое я с собой унесу. Сам лапками подрыгай и поищи своего чертова сыночка. И нечего на меня рывкать. Тоже мне, пуп земли нашелся. Следователь тут еще нелепо суется. Под руками мешается.

А папаша-то такой же мерзопакостный субъект, как и сыночек. Небось, такой же упырь. В молодости таким же гадом был, как и сынок его. Правильно. Яблочко от яблоньки недалеко откатилось. И такое же червивое. Как там в народе говорят: «От осинки не родятся апельсинки».

— Могу оставить вам документы на флешке. Потом сами посмотрите...

— Идите...

Сидит, глаза прикрыл. Как бы не окочурился, болезный. А то мало ли. Так рывкать — никакого сердца не хватит. Или инсульт разобьет.

Полицейский вышел за дверь. Меня за рукав тянет. Но я решила рискнуть.

— С вами все в порядке?

— Уйди уже...

— Может, вам скорую вызвать?

— Да твою ж мать! — стал он орать.

Материться стал непотребно в мой адрес. Я выскочила в коридор. Дверь за собой захлопнула. Тут в нее что-то прилетело с другой стороны.

— Вот и все. Можно уходить, — довольная прошептала следователю.

— Давно было пора. Нас сейчас в лепешку размажут.

— Не размажут. Дело сделано. Я его довела до белого каления.

— Вот именно, что довела. Вдруг он помрет?

— Не помрет. Разозлится. Начнет искать виноватых в своем окружении. А мне этого и надо. Давайте быстрее делать ноги.

— Да я лифт уже вызвал. Но его что-то нет.

— Тогда пошли на лестницу. Быстрей...

— Почему?

— Сейчас он сюда бушевать выйдет. И в вас предметы метать. Оно вам надо?

— Нет, не надо. Не посмеет. Я же при исполнении.

— Насмешил. Вот при исполнении и получишь на орехи. Шевели копытами, а то он нас пошевелит...

И мы так с ним ускорились, что мигом пролетели несколько пролетов. Вылетели в

фойе, и я на полной скорости перепрыгнула турникет. Следак замешкался перед охраной, стал показывать свое удостоверение. А я уже покинула пределы здания. И стояла, ждала его на стоянке возле машины.

— Ты авантюристка! И на кой черт я с тобой связался? Теперь меня уволят.

— Не уволят.

— Уволят. С волчьим билетом турнут.

— погоди стонать. Скоро ты геройский подвиг совершать будешь.

— Какой? — востепенулся полицейский. Героем он быть хочет, поскольку им плюшки раздают в виде премий. Хочет быть героем, но не посмертно...

— Банду брать будем.

— Какую? Ты меня вообще посадить решила?

— Нет. Потерпи. На днях будем твоих наркоторговцев накрывать. Готовь место для награды.

— Чувствую, мне наградой будет увольнение. Это в лучшем случае. А так — отдельная комната.

— У вас квартиры на работе раздают? — прикинулась я дурой.

— Камера одиночка мне светит.

— Почему это?

— Я сдуру связался с психопаткой. Ты же больная. И как я сразу не догадался? Какая нормальная девушка будет преступников ловить, экспертизы читать? Нормальная перед зеркалом крутиться будет...

— И ты тоже стал психом одиночкой? Значит, это заразно, — съязвила я.

— Только псих мог с тобой связаться. Ты же психическая...

— В логике тебе не откажешь, — подкузьмила я его. — Ладно. Поехали домой.

— К кому? К тебе или ко мне? — решил он пошутить.

— Шутка глупая... У нас с тобой не те отношения...

— Согласен. Неудачно вышло. Глупо. Извини...

— Ладно, чего уж там. Бывает. Разворошили мы это осиное гнездо. Теперь будем смотреть, кто оттуда вылетать станет и с какой скоростью...

— Ты это специально сделала?

— Что?

— Хамила ему.

— Да не хамила я. Просто маленько злила.

— Нет, не маленько. Ты его специально сильно злила. Сама проговорила. До белого каления ты мужика довела. И мне из-за тебя чуть не досталось...

— Да ладно тебе. Риск — дело благородное.

— Я не договаривался, что ты меня подставлять будешь...

— Чем это я тебя подставила?

— Этот Корнеев сейчас моему начальству позвонит, и пиши пропало. Меня уволят по команде сверху.

— Твоему начальству он может позвонить только с одной просьбой.

— С какой?

— Дать тебе карт-бланш в расследованиях. Ему сейчас самому интересно стало, кто его за нос водил целых два года. И поверь мне, он будет делать все, чтоб это выяснить.

— А сын его жив? Как думаешь?

— Скорее всего, мертв.

— Тогда он нам отомстит.

— Не отомстит. У него будет кому мстить. Он другими занят будет.

— Вот именно. Сначала их в порошок сотрет. Потом примется за нас.

— Что ты все ноешь и ноешь? Вот скажи мне, зачем ему нам мстить? Мы ему доказали, что не его сын мертв. А какой-то совсем чужой ему мужик. Он нас за это благодарить должен. Сейчас Корнеев все силы бросит, чтоб найти своего настоящего сына. Живого или мертвого. Мы ему показали, что его кто-то несколько лет за нос водит и, скорее всего, обворовывал, используя двойника. За это он нас тоже должен поблагодарить.

— Как бы нам кровавыми слезами не умыться от его благодарности.

— Нет ему смысла нам мстить. Да и некогда ему будет.

— Значит, не до нас ему будет?

— Папашу кто-то обворовывает. Так что ничего не бойся. Корнеев старший в ближайшее время будет занят поисками убийц сына и воров, которые у него в карманах два года шарили. И что-то мне подсказывает, что это одни и те же людишки. Так что не до нас ему будет.

— Хорошо. А потом? Что ему помешает нам потом отомстить?

— Зачем?

— Мы узнали про его позор.

— Соглашусь. Это повод нам мстить. Только повод какой-то мелкий... Опять же, ему потом будет не до нас...

— Хорошо бы, чтоб он про нас вообще забыл.

— Это вряд ли...

Всю дорогу полицейский скулил и жаловался. Везде ему чудились мстительные жители Олимпа, которые спать и есть не могут, так хотят бедному менту отомстить. А он бедный сиротинушка. И некому за него, несчастного, заступиться. Начальство только шпынять умеет. В общем, он так надоел мне своим нытьем, что когда мы приехали и он пошел на работу, я была безмерно счастлива. И бывают же такие трусливые нытики. Как его вообще в полицию занесло?

Я сделала основное дело, что на сегодня задумала. Теперь могу спокойно поработать. День пролетел незаметно. Наверное, Корнеев рвет и мечет в своем офисе. Всем его прихлебателям досталось. Он теперь занят будет разборками в своем окружении. Вора будет искать... А я пока остальные залежи разгребу. Мне тут Макс много чего прислал. Вот я и сидела до позднего вечера, новые сведения перелопачивала. Честно говоря, очень устала...

Уже по дороге домой меня Петька встретил.

— Теть Ира, а у нас гости.

— Кто?

— Никита.

— Только не это. Опять...

— Не хотите его видеть?

— Нет желания.

— Совсем?

— Совсем.

— Тогда правильно, что я пошел вас предупредить?

— Угу.

— Что делать будете?

— Пойду в гости к подругам.

— А я тогда домой.

— Петька, скажи маме, что я ночевать сегодня не приду. Этак бывший муж меня еще и из собственного дома выживет...

— Тогда я пошел...

— Угу...

Пошла в гости к Маре. Она теперь одна живет. Там у нее хоть выплусь. Не готова я с бывшим мужем встречаться. Вчера же виделись в загсе. Он что, теперь от меня никогда не отстанет? Вот влипла...

Я поняла про себя одно. Я трусиха. Не могу Никиту видеть. И не потому, что противен. Как раз наоборот. Я боюсь. Боюсь того, что опять не устою и мы с ним в постели окажемся. Боюсь, что раскисну и прощу. А прощать и жить с гулякой мне не хочется. Потом большее будет расставаться...

Надо только перетерпеть это время, когда к бывшему тянет, как магнитом. Просто побыть от него на расстоянии и не общаться. Это просто привычка. Тогда еще есть шанс, что освобожусь от этого наваждения. Всего лишь немного надо потерпеть. А еще лучше начать знакомиться с другими молодыми людьми.

На полпути к Маре позвонил Петька. Сообщил, что мой муж уже ушел. Пойду тогда домой. Спать предпочитаю в своей кровати. У подруги хорошо, но это чужая квартира и чужая постель. А мне бы в свою кроватку залечь и спокойно заснуть...

Дома меня ждала мама. Даже ужин разогрела.

— Кушать будешь?

— Нет, мам. Я в кафе поела.

— Ты оттуда все позже и позже приходишь.

— Жду, когда посетители уйдут. Да и свои дела доделываю.

— Ну и как твои успехи?

— В чем конкретно?

— В расследовании. А то бабульки меня спрашивают, а я не знаю, что им ответить.

Есть какие-то результаты?

— Про Аркадия пока ответить нечего.

— Боишься мне говорить?

— Да не известно там ничего. А вот про труп...

— А что про труп?

— Корнеев не своего сына похоронил.

— Как не своего? Они же его опознали: и отец, и мать.

— Опознали. Им подсунули труп, который сделали похожим на их сына.

— Как сделали похожим? Грим? Пластика?

— Пластика. Парню сделали несколько операций, чтоб он стал похож на Юру Корнеева. Представляешь, сделали его полную копию, денег не пожалели. Значит, большой куш могли потерять со смертью этого Юрия.

— Думаешь, что из-за денег все провернули?

— А из-за чего еще? Не из любви же к его папаше они так потратились. Чтоб из одного человека сделать другого, очень большие деньги нужно хирургам заплатить. Класный специалист над этим лже-Юрой поработал. Высший пилотаж. Гениальный мастер.

Микеланджело в пластической хирургии...

— Ну да. Больших денег стоит такая работа.

— Добавь к этому еще те деньги, которые заплатили этой копии Юры. И очень неслабая сумма высветится. Крупная афера была кем-то прокручена.

— А ты как узнала, что он не он?

— Сопоставила имеющиеся факты. Посмотрела экспертизы. Поговорила с любовницами. Просмотрела внимательно видео. И все поняла.

— А что могли сообщить тебе его любовницы?

— То самое, мам. Каков он в постели. Как снабдила его природа атрибутами мужественности...

— То есть?

— Сама смотри. Были у этого Юрия две любовницы. Пять лет назад они были его подружками. Обе те еще прожженные девицы. Но обе в голос говорили, что он садист. Любил причинять боль и издеваться. Размеры у него были приличные.

— Ты имеешь ввиду достоинство?

— Именно. А вот последняя его любовница вдруг вспоминает о нем с теплотой. Говорит, что нежен был и ласков. Трепетно к ней относился.

— Может, он просто полюбил эту девушку. Вот в постели и стал другим.

— Ну да. Такое могло бы быть. Если бы не одна деталь. Он как-то резко стал мелковат. Именно там, где был достаточно крупным мужиком. А тут такой малец вдруг стал.

— Как это? Совсем малец?

— Раза в два меньше. И зачем он себе половину члена отхватил? Или собаки откусили? Или обрезание сделал? Ровно наполовину. Или его так враги обкорнали, чтоб не сильно похвалялся своей мужественностью? И им не было завидно. Конкурента убивали...

Мама уже вовсю смеялась. Особенно ее развеселила версия с врагами.

— Вот тебе весело. А я когда такой же вопрос его отцу задала, так тот злиться стал.

Надулся, напыжился...

— Может, у него такие же проблемы.

— Может быть...

— Ты опять решила дергать смерть за усы?

— Нет, мам. Представляешь, его новая любовница от него ушла. Говорит, что все хорошо в плане денег и сам он хороший, добрый человек. Но вот слишком уж он маленький. Не вынесла она такого малыша. Сочла себя оскорбленной таким размером. Не вынесла душа поэта позора мелкого...

— Иришка, хватит меня смешить. А менты почему этого всего не увидели?

— Следователь — обычный мужик. Зачем он на мужские члены будет смотреть? Это они в бане друг на друга пялятся. Сравнивают. А тут его не мужское достоинство волновало. Ему дело закрыть надо было...

— И если бы не ты, то они это дело побыстрее закрыли бы.

— Промурыжили бы и закрыли. Промурыжить обязательно. Это согласно уголовно-процессуальному кодексу. Без этого никак... Но не получилось. Не срослось. Еще трупы нарисовались. С этим Юрой уже пять штук. Столько человек отравлены одним препаратом. Это серия...

— И отравленного немца не забудь. Его этой же дрянью подпоили.

— Было бы шесть. А хороший у нас пес. Сам из помойки вылез. И остальных

вытаскивает. Спасатель вырос...

— Главное — умный как человек.

— И добрый...

— Говорят, что собаки — повторение своих хозяев.

— Тут люди правы. Смотрю на Петьку и вижу Грейса. Такой же щенячий задор. Такая же всеядность. Оба те еще троглодиты...

— Что ты хочешь? Они еще растут.

— Вымахали великанами. Куда им еще расти? Ну почему я у тебя такая пигалица? Меня тоже вроде неплохо кормили. А выросла от горшка два вершка...

— Мал золотник, да дорог.

— Многие скажут, что мал клоп, да вонюч...

— Ты миниатюрная. Мужикам, наоборот, тебя защищать хочется.

— То-то сегодня в меня этот Корнеев чем-то вслед запустил.

— Чем?

— Не знаю. Пепельница на столе была. И набор письменный. Выбирай...

— Значит, сильно ты его достала.

— Да не я. Это он злобу выплескивал на то, что его целых два года кто-то за нос водил. Представляешь, каково ему осознавать, что его, такого умного и могучего, какие-то хитрецы вокруг пальца обвели и поймали. Нагло, в особо извращенной форме, деньгами наказали...

— Зачем двойник нужен был?

— Чтоб безнаказанно папашу грабить. Или для того, чтоб использовать в своих мутных схемах по отъему денег у родного государства. Папаша наверняка что-то мутил с государственными денежками. Скорее всего, через сына своего. Вот аферисты ему копию Юрия и предоставили. Чтоб кормушку не потерять...

— А теперь? Почему теперь его отравили?

— Не знаю. Наверное, решили свернуть свой бизнес. Может, решили драпать, а болтливый довесок Юра им ни к чему. Да и рассказать много чего мог заинтересованным лицам. Пока точно не знаю. Могу только додумывать. Но обязательно узнаю. Время есть. Пока там папаша шороху наводит, мы тут этого наркобарона ущучим. Мне только времени немного надо. И помощь Макса.

— Макс, смотрю, всю старается. Иришка, скажи честно. Ты на этом как-то заработать хочешь?

— Это если получится. А почему бы и нет?

— Каким образом?

— Посмотрим. Я пока ничего не решила. Мне многое не ясно. Понятно, что здесь основную роль сыграли эмоции преступников.

— Какие эмоции?

— Слушай. Интересная история получается. Жила была девушка Генриетта. Как ты думаешь, какой сокращенный вариант этого имени?

— Гена? Генри? Не знаю.

— Вот именно. Как ни сократи, а все равно мужское имя получается. А Генриеттой звать ребенка — это слишком длинный вариант. Запарисься произносить.

— Ну и что, что имя неудобное. Взрослей и меняй. Кто мешает? Ваша Кира же поменяла. И ничего не облезла.

— Не сравнивай. У Киры были верные друзья, которые всегда приходили на помощь.

Мы с Маришкой и Элька. А еще у Киры были кулаки, которыми она больно умеет бить. Такую девочку обижать — себе дороже.

— И длинные ноги, которыми она мастерски умеет пинать. Особенно плохих мальчиков. Помнишь ту историю в восьмом классе. Здорово она того каратиста уделала. Мастерски.

— Помню. Разве такое забудешь. Он каким-то чемпионом вроде был. Пояс имел. А тут дворовая пацанка его так отметелила. Над ним все смеялись потом. Сам виноват. Не задирай незнакомых девочек в незнакомых дворах. В общем, наша Кира просто не любила свое имя. А себя она любит, еще как любит. Так что это совсем разные ситуации.

— Понятно. Продолжай.

— Воспитание не позволило бедной Генриетте поменять имя. Ее воспитали почитать родителей. А родители были против. Свою ненависть девушка перевела со своего имени на себя. Не любила она себя. А раз она себя сама не любит, то кто другой ее любить будет?

— Замкнутый круг какой-то.

— А тут парень появился. Слова ей красивые говорит. Подарки, пусть и дешевые, но дарит. И даже песни под гитару ей пел. Не под окнами, а так, сидя с ней на лавочке. Цветочки пусть с клумбы и с дачи, но приносил исправно. В общем, настоящий романтик ей достался в ухажеры. Впервые она кому-то нравилась.

— А родители? Разве они свою дочь не любили?

— Почему не любили. Любили. Но люди они были суровые. Работающие. И все эти «буржуйские антимонии» не признавали. Ребенок одет, обут, накормлен и учиться. Что еще надо, чтоб доказать свою любовь. Скупы были ее родители на ласку.

— А тут такой парень нарисовался. Добрый и ласковый. Она влюбилась?

— Влюбилась как кошка. И сдалась на милость победителя. Победитель не был великодушным и честным. Но Генри узнала об этом потом. Она забеременела, а ласковый котик враз стал на нее тигром рычать и лаяться не хуже цепного пса. Бросил он ее беременную, обозвав непотребным словом из пяти букв.

— Обычная история.

— Не совсем. Генриетта решила обмануть родителей. Для их же блага, как она считала. Она наняла Аркадия, человека женатого. Он сыграл роль человека, которому стыдно за свой бесчестный поступок. Они сказали родителям, что влюбились с первого взгляда. Но и жену он бросить не может. Она давно смертельно болеет. Но вот как только она помрет, он на нежной Генриетте женится. Тут же. Не сходя с места, дал клятву. И ребенка официально признал. Все чин чинком. Родители успокоились и не изгнали дочурку из благоустроенного рая в виде сталинки в центре Москвы.

— А что же Аркадий?

— Аркадий получил одновременно деньги. Очень приличную сумму. Но свою роль исполнил честно.

— Откуда у девушки деньги?

— Страховку получила. Заработок. Да мало ли. Колечко продала. В общем, они помогли друг другу.

— Интересно. А дальше?

— А дальше, спустя много лет, дочка Аркадия решила выйти замуж. И жених сыскался. Такой же алкаш, как и невеста, но умный и знающий себе цену. Нищая невеста ему не нужна. Ничего страшного, что она и ее отец алкаши. Главное, чтоб не нищая. Аркадий

находит выход. Он решил потревожить своих других детей и жену. Приезжает, а там такое везение. Оказывается, жена умерла. Он вовремя нарисовался. В самый раз наследство делить.

— Она завещание не оставила? Глупая женщина.

— Она же не знала, что он ее переживет. Смерть пришла внезапно. Умирать она не собиралась. С таким-то образом жизни он раньше ее должен был умереть.

— По закону подлости получилось, что он живой, а она мертва...

— Угу. И Аркадий развивает бурную деятельность. Законная дочка от законного брака зубами от злости поскрипела, но согласилась выплатить Аркадию отступные, чтобы он отказался от своей доли в наследстве.

— Большое наследство?

— Трехкомнатная квартира. Больше ничего нет. Стоит его доля немного. Но Аркадий дочери с ее братом нервы бы потрепал будь здоров. И все суды бы выиграл. К гадалке не ходи. На суды и адвокатов больше бы потратили. Поэтому дочка собрала деньги и отдала отцу. Сделку скрепили, как положено. Итог: дочка с братом — единоличные хозяева квартиры. Аркадий при деньгах. Пора Аркаше приниматься за остальных наследников.

— А он сволочь первостатейная.

— Точно. Негде клейма ставить.

— И к кому он поехал следующему? Кого еще решил «осчастливить»?

— К Рудфельдам подался. Там у него сынишка подросток, Боренька. Этот фрукт, хоть и не родной Аркадию по крови, а по его лекалу выкроен, из того же материала сделан. Подлец вырос первостатейный. Но гениальный...

— В каком смысле?

— Он гениальный химик. Вот в каком. Он очень любит деньги. Так уж получилось, что это его единственная и непреходящая страсть. Деньги.

— И как? Получил он от своего сына деньги?

— Естественно, нет. И шантажировать Бореньку ему нечем. Но напакостить решился. Рассказал Боре, как стал его отцом. Смеялся, как деда с бабкой провели с его матерью. И над матерью его грубо насмеялся. Шутил скабречно. Бил по самому больному. Бабенка, мол, настолько никому не нужна была, что ему заплатила, чтоб он ребенка признал.

— Зачем он это сделал? Это жестоко.

— Он алкаш. Что ему чужие чувства. Он разозлился, что не развел Борю на деньги. Вот и решил побольней ударить так называемого сына. Но Боря сделал свои выводы и затаил злобу. Вот с этого, по сути, все и началось.

— Так этот Боря злопамятный?

— Еще какой.

— И что он сделал?

— Помог сестре вылезти из кредитов, в которые она залезла по вине отца.

— Значит, не такой он плохой.

— Плохой. Сейчас поймешь, почему. Он же не просто погасил ее кредиты. А дал в долг. С возвратом. Когда потребует. Но она и этому была рада. Бедолага в этих кредитах, как в паутине запуталась. Долги копились с катастрофической скоростью. Проценты росли. Отчаяние тоже.

— Понятно. Небось, и проценты большие капали.

— Ага. А тут спасение пришло. Открывай ворота. К вам рыцарь едет на белом коне и в

золотых доспехах. Спешит вас спасти... Денег сестре дал. И стал уговаривать наказать папашу, за все отплатить сторицей. И задумали они дело мерзкое — обобрать отца и на улицу выставить. С голым задом оставить и его, и дочь его, чтоб неповадно было подличать в отношении родных и близких.

— Это они его отравили?

— Нет, не они. До них успели.

— Кто?

— Я думаю, что квартиранты. Они отца с дочерью решили отравить. Отец умер, а дочь, зараза такая, выжила. Решили с дочкой потом разобраться, раз в первый раз не умерла. Пусть в наследство вступит. А затем и ее очередь подойдет.

— Как мы и думали.

— Они уже дочке и деньги в долг дают. Так что скоро и она из окна вышла бы погулять. Но всю картину им поломали вдруг появившиеся другие наследники. Да еще в таком большом количестве. Аж трое. Официально признанные.

— И что они теперь делать будут?

— Кто? Наследники? Они уже права свои на наследство отца предъявили. И эти же люди станут наследниками дочки, случись с ней что. Вообще-то справедливо. И брат, и сестра ничего от своего законного папаша не видели. Он даже алименты не платил. Никак не помогал. Мать одна их воспитывала, кормила, поила, одевала и обувала.

— А квартиранты что?

— Сидят теперь квартиранты и не знают, что делать. То ли продолжить свою аферу. Но не травить же всех новых родственников? Слишком их много нарисовалось. То ли сматываться к себе, пока их менты не накрыли и не предъявили убийство. А главное, что они и денег теперь своих не увидят.

— И много они ей денег давали?

— Да нет. Чисто на алкоголь. Они и расписок от нее не брали. Наверное, хотели ее вывезти в глухое село и там заставить отдать квартиру. А тут столько наследников. Всех не вывезешь. И всех не заставишь отдать свои доли...

— Зато она теперь в безопасности.

— Она в безопасности, и это факт. Ее родственники хотели сподличать в отношении ее и отца, а получается, жизнь ей спасли. Но теперь не удастся доказать, что квартиранты отравили Аркадия метанолом.

— Почему?

— Много времени прошло. Да и доказательств нет никаких. Разве что они дочку бы травить стали. Их на горячем и застали бы. Нет перспективы у этого дела. По всему выходит, что сам Аркадий паленую водку купил. И сам отравился. Сам и виноват. Обратное доказать уже невозможно. Сами квартиранты в убийстве не признаются. Так что закроют дело и все...

— Логично получается.

— Одно плохо. Другие люди от этой семейной шайки еще пострадают.

— А зачем Борису был нужен Аркадий?

— Борис — талантливый химик. Работал на госпредприятии. Гранты даже получал под свои разработки. У себя в лаборатории он занимался алкалоидами и наркосодержащими препаратами.

— Откуда сведения?

— Интернет помог.

— Макс достал?

— Что-то Макс раздобыл, что-то я нарыла. А на досуге Борис производил наркоту для продажи. И здесь он решил заняться тем же. Очень уж привык жить на широкую ногу. Деньги любит... Для этого и заkontakчил с Аркадием. Денег ему много посулил. Сам, мол, будет в шоколаде и дочку деньгами обеспечит. Вот Аркадий и клюнул на приманку. Помог Борису с арендой гаражей. Три ремонтных бокса за бесплатно сынок занял. Сторож решил так распорядиться незанятыми гаражами. Борис в Кирин дом заселился.

— Откуда узнала? Встретила его?

— Нет. Макс вычислил по камерам. Программа распознавания лиц его нашла. Этот Борис даже у Киры в подъезде живет.

— Вот это совпадение...

— Тут так много странных совпадений. Мне кажется странным, что сладкая парочка наркоманов купила где-то ночью наркоту. Борис недавно здесь появился. И сам вроде нигде не светился. Как наркоманы так быстро на него вышли? Неужели он такой дурак, что сам наркотики продает? Но на дурака он не похож. Наоборот. Или это просто совпадения?

— Что-то тут не так.

— Я тоже так думаю. И еще у меня много сомнений... Производит наркотик Борис. Но нам же надо не просто знать.

— А что еще?

— Понимаешь, нам надо, чтоб он был привязан к этой наркоте юридически. Например, задержал его патруль, а у него наркоты на кармане много доз. Или, к примеру, застукали бы его прямо в его лаборатории, где он производил наркоту. Или он бы ее продавал. А так он просто живет в снятой квартире. И докажи, что он наркоту химичит. Домыслы и слова к делу не пришьешь.

— Да. Трудно это.

— А без железной привязки к наркоте ему и трупы не предъявишь. Он потребует суда присяжных. Там судят не профессионалы. Они опираются не на факты, а на чувства. Его могут оправдать.

— А если в съемной квартире сделать обыск?

— Он скажет, что квартиру недавно снял. Что там спрятана наркота, он не знал. Может, предыдущие жильцы оставили. А любые сомнения суд трактует в пользу подсудимого.

— Трудно будет доказать его вину.

— Потому и не дергаемся. Ждем, когда он в гаражи пойдет.

— Почему в гаражи?

— Там у него лаборатория.

— Уверена?

— Наверняка. Грейс там лаял возле боксов. Значит, там наркотики Борис производит. Последние три бокса он занял своей лабораторией. Если бы взять и облаву устроить, когда он там начнет отраву варить. Вот это было бы здорово. На горячем его заловить.

— Значит, это вопрос времени? Удастся поймать Бориса?

— При условии, что он опять пойдет в гаражи наркоту делать. Тогда менты его смогут взять на горячем. И трупы к нему привяжут так, что не отмажется. Сидеть с таким набором долго будет.

— На мой взгляд, таким давать надо пожизненный срок.

— С этим делом все ясно. А у меня к тебе вопрос. Зачем бывший приходил?

— Объяснить мне пытался.

— Что объяснить? Что здесь можно объяснять?

— Что не изменял тебе.

— Я знаю, что они не переспали. И что? Он готов был переспать. И спал бы с ней за моей спиной. Еще радовался и гордился бы своей находчивостью и изобретательностью. Какой он хитрый и как все хорошо продумал. Да вот не повезло ему. Не удалось проявить свою хитрость и изворотливость. Я раньше от него ушла.

— Но он с ней не спал. Не было измены.

— Но готов был спать. И изменять был готов. Как ты не поймешь, что он все равно бы мне изменил. Он с ней целовался.

— Он не считает это изменой.

— Хорошо. Если это для него не измена, то почему он на Александра налетел и стал драться? Мы же только целовались. Я же с его другом тоже не спала. Однако он так разорался и стал биться с ним не на жизнь, а на смерть. Кулачные бои устроили. Это значит, что Никита сам поцелуи считает изменой. И в душе понимает, что хоть и не спал с этой лысой, но все равно изменял. И давай не будем больше об этом. Я скоро буду свободной и рада этому. Я довольна тем, как все обернулось.

— Иришка, а ты же сама хотела этого. Разве я не права?

— Может ты и права. Я только сейчас поняла, что меня тоже тяготил этот брак. Я тоже себя в последнее время чувствовала, как птица в клетке. Мы же с тобой Никите ничего не запрещали. А вот он мне стал запрещать. Того не делай. Этого нельзя. В дела полицейские не лезь. Ничего делать нельзя. А теперь я освободилась и довольна. Он сам мне руки развязал. Я стала сама себе хозяйкой. И назад в клетку я уже не хочу...

— Так бы сразу и сказала. Зачем было ревность изображать.

— И в этом ты права. Я его теперь даже не ревную. И это для меня странно. Любила же его. И ревновала. Казалось, что жить без него не могу. Куда все делось? Куда ушла любовь? И что с этим теперь делать?

— Тут я тебе не советчик. Тебе самой в себе разобраться надо. Покопайся в своей душе. Выкинь оттуда старый мусор, все, что не нужно лично тебе. И поймешь, что дальше нужно делать. Мы тебе только мешать будем своими советами...

— Ладно. Разберусь со временем. А сейчас пошли спать, а?

— Пошли. Засиделись мы с тобой. Полночь уже...

* * *

На следующий день я была выходная и решила пойти к Кире в гости. Мне так захотелось поговорить по душам. Человек животное социальное и общение ему необходимо. Вот и я хотела пообщаться с подругой. А то давно не виделись. Кира была в расстроенных чувствах.

— Представляешь, он бросает трубку.

— Кто? Итальяшка?

— Да какой итальяшка? Я про нового своего ухажера говорю.

— А ты уже нового завела? А нам почему не сказала? Почему мы не знаем?

— Да знаешь ты. Я же вам говорила, что в самолете познакомилась.

- Ты говорила, что телефонами обменялись. А что у вас уже всю роман не говорила.
- Вроде я говорила. Маринка знает. Ну так вот, Гриша трубку не берет.
- Не берет или бросает?
- Сначала пару раз бросил. А теперь просто не берет.
- Может, не до тебя ему.
- Три дня?
- Может, телефон потерял. Телефон украли. Много чего могло произойти.
- И что мне теперь делать?
- У вас какие отношения? Конфетно-букетный период или дальше зашли?
- Уже постельный. С тех пор с ним встречаемся.
- Ты его адрес знаешь?
- Знаю. А что?
- Можно пойти его навестить.
- Пошли.
- А вдруг он на работе?
- Гриша онлайн работает. Так что он дома.
- А это удобно будет? Вдруг его это разозлит?
- Вот все и выясним. Пошли. Хватит искать причины, чтоб слинять...
- Ну ладно. Пошли...

Как они меня с Маринкой так быстро вычисляют? Я действительно хотела закрутиться и слинять. Я Киру знаю. Выяснение отношений — не ее конек. Добром это не кончится. Мирные разговоры за чашкой кофе — не ее метод. Значит, где-то будет ой-ой-ой. И кого-то сейчас будут бить. Либо любовника, либо его пассию...

Вышли из дома Киры и пошли по направлению к моему дому. Где-то посередине она свернула и прошла к розовому дому. Есть у нас такой дом, который служит ориентиром для новичков.

Строился он по новой технологии. И квартиры в нем хорошие, большие и светлые. Но выкрасили дом почему-то в яркий розовый цвет. В народе быстро дали название этому цвету. И дом обозвали поросычьим. Вот на это яркое пятно и ориентировалась Кира.

Подожли к нужному подъезду. Дверь распахнулась, и оттуда выскочили подростки. Мы с подругой сразу зашли. Никакого вахтера здесь не было предусмотрено. Путь наверх открыт.

- Нам повезло, не пришлось набирать по домофону.
- Хочешь застукать любовника с поличным?
- Как получится...
- Что делать будешь, если он не один?
- Там посмотрим.

Подожли к двери. Кира нажала звонок. Состроила зверскую физиономию. Значит, точно без эксцессов не обойдется. Дверь распахнулась, и перед нами предстала нежная розовая зефирка. Килограмм так на сорок пять.

Не смейтесь. Перед нами стояла вся такая воздушная и слащавая девица. Воздушный халатик окаймлял розовое тщедушное тельце. На голове красовалась взбитая наверх кучерявая шапка волос яркого розового цвета. Маленькие бесцветные глазки подведены розовым карандашом. Веки накрашены розовыми тенями. Ресницы и брови белые. Но переплюнула это убожество ядовитого розового цвета помада на больших силиконовых губах.

— Понятно. Этот конь с яйцами любит все розовое. Извращенец.

— Точно. Дом розовый и подружка розовая. Ты у нее узнай. Может, ты зря нервничаешь и у нее пристрастия тоже розовые...

— Плевать на нее. Где этот почитатель розового зефира? Убью гада! Гришенька, — позвала она притворно ласково любовника.

Переговариваемся с Кирой между собой, делая вид, что не замечаем сие розовое недоразумение. По настроению пришедших в гости фифочка поняла, что могут начать бить. А судя по росту и настрою соперницы, бить будут со всей силы и не понарошку, как бил ее по попке «котик». Поэтому зефирка, в чем была, в том и рванула на мороз.

Представляете картину? Выбегает из подъезда вся такая нежно-розовая зефирка в розовом же халатике, в розовых пантолетках с розовым пушком. И в довершение всего — в розовых наручниках на правой руке.

Фифочка была не дура. По крайней мере, именно так она считала. Видимо, за свои гулянья по чужим постелям она получала от обиженной изменой стороны и не раз. Поэтому чисто интуитивно она рванула к магазину. Там есть где укрыться, и среди народа наверняка найдутся настоящие мужчины, кто ее защитит. Правда, бутиков здесь поблизости не было, а был только продуктовый магазин низкого ценового сегмента. Лично она считала, что эти магазины для нищобродов.

И все бы ничего, да она забыла, что халатик просвечивает, а нижнее белье она уже успела снять в предвкушение ласк своего котика. В магазин она влетела на полной скорости и напоролась на весьма приличного дядьку. Тот ее просто притормозил, чтоб она не упала. И тут началось.

— Ты чего к моему мужу прицепилась? — заголосила какая-то толстая тетка.

— Я не цеплялась. Извините...

— Не цеплялась? А зачем ты ему наручники пристегнула?

Девушка посмотрела, а наручники и правда пристегнуты к дядьке. Как это могло случиться, она не поняла. Наручники хоть и отделаны розовым мехом, а без ключей их не расстегнешь. Фирменные, штатовские. Дорогая вещь... А ключики она у любовника оставила. В спешке убегала.

И что теперь делать? Страсти разгораются. Дядька стоит и на нее смотрит. До них обоих начинает доходить, как это выглядит со стороны.

— Граждане, посмотрите, что же это делается, а? «Прости... господи...» уже на улице приличным людям проходу не дают.

— Извините, так получилось.

— Что получилось? Моего мужика захомутать? Пусик, ты ее знаешь? — это она уже своему мужу кричит прямо в лицо, брызгая слюной.

— Нет, Томочка. В первый раз вижу...

Ничего не предвещало катастрофы. Пусик сегодня с радостью пошел с Томой в магазин. Жена была в приподнятом настроении. И Пусик мечтал сегодня с Томой вечером посидеть по-семейному. А тут такой конфуз. К нему прилепилась какая-то нимфетка...

Он понял, что пропал. Была у него любовница. Есть грех. Но на эти мощи он бы ни за что не позарился. Ни в жизнь. На кой черт ему эта жаба тощая? Даже ухватить не за что. Ничего женского... Но бить его будут именно из-за этой розовой тощей селедки... Он выпрямился, крепко зажмурил глаза. И только твердил что-то речитативом о своей невинности.

— Да успокойтесь, женщина. Не нужен мне ваш люмпен. Господи, и куда меня занесло. Одни нищелюды кругом...

А вот это она зря сказала. Она могла бы получить поддержку от населения в случае чего. Обозвав покупателей, она настроила народ против себя. Все приготовились смотреть захватывающий спектакль. Заняли места в партере. Продавцы у полок замерли. Кассиры перестали подносить товар к сканеру. Покупатели тоже перестали искать нужный товар. Немая сцена: «Ожидание извержения Везувия»...

— Ну как же так? Опять дома очки забыла! — раздался в тишине горестный стон какой-то старушки.

— На, старая. Любуйся. Сейчас начнут, — протянул ей очки какой-то дедок.

— Еще не началось?

— Погоди. Только занавес подняли...

— Поскорей бы. А то меня дома потеряют... За хлебушком пошла...

— Сейчас будет тебе и хлебушек, и зрелища...

— Да поскорей бы уж начинали...

— Не торопи. Дай им насладиться перемирием...

И тут началось. Сначала тощая зефирка решила сбежать. А как? Если она пристегнута к крупному мужику наручниками. Хорошими и крепкими розовенькими наручниками. Тогда она попыталась утащить за собой этого мужика. Со стороны казалось, что гулящая продажная женщина силком тащит клиента. Помните? Как в фильме: «Цигель-цигель, ай-лю-лю.»...

Мужик понял, что теперь точно не пронесет и бить будут. Притом, скорее всего, взятой из отдела посуды сковородкой. А это очень больно. Он на собственном опыте уже испытал. Поэтому он просто решил сбежать от разгневанной жены. А как? Если его тормозит зефирка в розовом... Выход пришел в голову неожиданно. Он вспомнил молодость, подхватил на руки тощую селедку и побежал куда глаза глядят.

От такого поворота событий его жена сначала онемела и остолбенела. Прямо как жена Лота. Затем она очнулась и побежала догонять парочку. Естественно, товар в магазине оставить она не могла. Слишком долго его выбирала. Поэтому она рванула за мужем с товаром.

Продавцы и кассиры от такого поворота событий тоже остолбенели. Они думали, что будет драка в магазине и толстая тетка просто оттаскает тощую за волосы. Тем дело и кончится. К этому они привыкли. Но к тому, что сначала профурсетка уведет у законной жены прям из магазина мужика, а толстая украдет товара не на одну тысячу и побежит следом догонять изменников, они не рассчитывали.

Поэтому за всей этой троицей рванули пятеро. Два кассира, два продавца и любопытный покупатель. И вся эта кавалькада неумолимо приближалась к отделению полиции. Почему именно туда? Мужик точно просчитал, что туда он сможет добежать даже с зефиркой на руках. И там он сможет спрятаться за решеткой от разгневанной жены. За решеткой она его уже не достанет...

* * *

Тем временем мимо ехал наряд полиции. Они ехали с вызова, где была драка. Все

разбежались, никого не задержали. Ехали злые. И тут такое...

— Нет, ну ты погляди. Опять психи на улицу выбрались.

— Что ты хочешь. Весна близко. Они ее приближение чувствуют.

— Как чувствуют?

— Как звери в лесу. Проснулись от спячки. Теперь начнется.

— Что? Опять?

— Да ладно тебе. Эти вроде чистые.

— Ну да. На блохастых вроде не похожи...

По улице бежал мужик, нес на руках девицу в розовом. Та сильно визжала. Следом за ним бежала из последних сил тетка в возрасте с дуршлагом яркого салатного цвета на голове. Следом, видимо, бежали те, кого эта сцена заинтриговала и возбудила...

— Откройте! — начали кричать издали мужик с девицей в розовом.

Подбежали к патрульной машине, открыли дверку. Быстро бухнулись на заднее сиденье и стали орать.

— Гони. Скорее гони отсюда.

— Так. Граждане, успокойтесь. Вы кто?

— Гони. Иначе она нам всем сейчас вторую мировую устроит.

Полицейские посмотрели в ту сторону, куда со страхом смотрели мужик с девкой. И увидели ужасное зрелище.

— На нас напала Годзилла! — сержант выкрикнул в рацию первое, что пришло ему в голову.

Почему именно Годзилла? Да потому, что он вчера с ребенком смотрел одноименный фильм. По сценарию ужастик. Но страшно не было ни ему, ни сыну. Они весь фильм ржали. Но если бы сын увидел эту Годзиллу, он бы стал ссаться в постель. Сержант, во избежание такого сценария с ним самим, дал по газам. Писаться в постель в таком возрасте? Нет уж, увольте.

Годзилла бежала следом. Оторваться не удалось. Он прибавил скорость. Годзилла не отставала. Отстали уже те пятеро, кто бежал за ней. Сначала отпочковался от них любопытный покупатель. Устал бежать. Решил, что любопытство не стоит таких усилий.

Потом отстали продавцы. В конце концов, за украденный товар отвечать будут кассиры. Потом отстали кассиры. Просто они выдохлись. Конечно, жалко денег. С них высчитают эту недостачу. Ничего, они оплатят вкладчину. Фиг с ним. Жизнь дороже. Иначе они на этой марафонской дистанции умрут и все...

Удивила полицейских Годзилла. То ли ей был так дорог мужик, что она боялась его потерять и предпочла сдохнуть на беговой дистанции. То ли у него в кармане было много денег, и она боялась за их сохранность. Тем более розовая фифочка — та еще барракуда. Все деньги у лошары выманит. То ли Годзилла просто была сумасшедшая и словила глюки. Но бежала она быстро, ритмично вдыхая и выдыхая морозный воздух. Издали она была похожа на паровоз, который выпускает пар.

— Зачем ей дуршлаг на голове?

— Для форсу бандитского, — ответил мужик.

— Про бандитский форс ничего не скажу. Не специалист я в бандитах. Но из-за дуршлага у нее несколько фривольный вид.

— Какой вид?

— Не соответствует общей стилистике.

- У Годзиллы стиль? Вы смеетесь?
- Точно, они все сумасшедшие. Так куда вас?
- В полицию. Хочу сообщить об убийстве.
- Каком убийстве?
- Сейчас убивают человека. Я побежала за помощью...
- Так чего молчала. Куда ехать?
- К розовому дому.

Полицейские быстро переглянулись и поехали по указанному адресу.

* * *

Кира была недовольна. Бой не состоялся. Она собиралась победить в неравной борьбе на глазах своего возлюбленного треклятую соперницу. А та ретировалась с поля боя. Смылась с ринга, не приняв вызов. Победа была не полной. Триумфа не получилось...

- И что теперь делать? — растерянно спросила она у меня.
- А я знаю? Пошли домой.
- Нет уж. Зря я, что ли, сюда перлась? Три дня мучилась неизвестностью...
- Кира, погоди. Что ты собираешься делать?
- Поговорить. Пусть хотя бы деньги мне вернет.
- Какие деньги?
- Он у меня занял.
- Много?
- Много. Ой, Иришка, я такая дура. Он меня обманул...
- Расписка хоть есть?
- Нет. Я не взяла. Мы же пожениться собрались. Неудобно как-то.
- Хоть догадалась, что он обманул... Пошли.
- Куда?
- Деньги твои заберем.
- Пошли.

Мы зашли в квартиру. Прямо на журнальном столике в зале лежали пачки денег. Кира, недолго думая, их схватила, и мы пошли домой. Но не к Кире, а к Маре в гости. Решили там пересчитать деньги и подумать, что дальше делать.

Любовник Киры ничего не подозревал о происходящем. Он дылде уже дал отставку. Почему дылде? Любовник Кире такую кличку дал из-за роста. Гриша всем своим бабам давал прозвища. Эта была дылдой. И он отправил ее в отставку. Поэтому и не брал телефон. А зачем она ему? Денег у нее уже нет. Так что пусть гуляет по холодку. Какие же бабы дуры. Правильно отец говорил...

Григорий любил себя. Очень сильно. Даже больше денег. Он всегда любил в ванне поваляться, понежиться. Лежал в наушниках и релаксировал, наслаждался музыкой. Пока эта тощая кошка драная там все приготовит, он спокойно в ванной понежится. Устал от этих баб. Но что делать? Жить-то как-то надо. Другого он ничего не умеет...

Еще соседка по лестничной клетке должна его вечером посетить. Сразу после тощей придет толстая пышка. Как они его задолбали. Одно хорошо. Двое ему денег уже дали. Теперь осталось третью раскрутить на бабосы и живем. Поедет гулять к знойным

африканкам. Имел он к ним слабость...

Тем временем соседка по лестничной клетке вышла выкинуть мусор. Она увидела, что дверь в Гришину квартиру приоткрыта и прошла. В ванной кто-то плескался. Она открыла дверь и увидела любовь всей своей жизни. Он лежал в ванной, слушал музыку, закрыв глаза.

Недолго думая, она залезла к нему в ванную. Вода «вышла из берегов». И они стали заливать соседей. Поняли, что натворили, вылезли из ванной и стали собирать воду.

Григорий голый. Она решила, что это достаточно интимная обстановка и стала срывать с себя одежду. В порыве страсти завалила бедолагу на холодный мокрый пол, пока он не очухался и не убежал. Ей так хотелось большой и чистой любви...

В квартиру с автоматами наперевес ворвались полицейские.

— Руки за голову, ноги на ширине плеч, мордой в пол! — с таким криком ворвались они в ванную.

А там барахтался голый несчастный Григорий под тушей соседки...

— Ах ты гад! Только я за порог, как ты с этой жирной свиньей кувыряться! — возмутилась тощая девица.

— Кто это здесь свинья? Ты, кошка помоечная...

— Григорий мой жених! — заверещала розовая.

— Мы в загс заявление на днях отнесем, — парировала толстуха.

— Григорий — мой жених! Мы уже и домик присмотрели в Ялте!

— Ах, домик!

И они сцепились. Толстая схватила зефирку за волосы, хотела ее оттаскать за розовую шевелюру. Но волосы остались у нее в руках. Это толстуху так шокировало, что она перестала драться. Тогда соперница сбила ее с ног и стала пинать розовыми пантолетками. Было не столько больно, сколько обидно. Полицейские попытались вмешаться. За что тощая девица пнула одного по ноге со всей дури. Он взвыл от боли и нажал на курок. Раздался выстрел. Народ со страха тут же полег на пол.

— Вот то-то же, — довольно произнес полицейский.

— Вы оказали сопротивление властям. А это статья.

Полицейские, недолго думая, взяли всю компанию и привезли в отделение. Там закрыли в обезьянник. Пусть немного остынут...

— Сидеть тихо! — приказал сержант. А сам поехал на следующий вызов...

— Изменщик! — проверещала девица в розовом.

— Григорий мой жених, — прошипела толстая деваха.

— Да забирай. Мне такой не нужен. Пусть вернет мои деньги.

— Какие деньги? — состроил удивленную моську Гриша.

— Что я тебе на дом дала.

— Отдам я тебе деньги. Никуда не денусь. Они дома...

Деньги Григорий возвращать не собирался. Не для того он на нее столько времени потратил, чтоб так просто отдать честно заработанное трудом в постельных баталиях. Но скумекал, что здесь не место и не время для глупых споров и пререканий. И пообещал деньги вернуть. Обещать — еще не значит жениться...

— Григорий мой жених, — все твердила толстая.

— Да успокойся ты. Твой. Смотри, не подавись.

И тут в отделение ввалилась еще одна персона. Дежурный сразу понял, что она психическая. Да любой бы догадался на его месте. Уж больно странно выглядела тетка. С

дуршлагом веселенькой расцветки на голове. Она ничего не говорила. Просто перла напролом, широко раскинув руки и открыв рот. Глаза сумасшедшие. Кровью налились. Ноздри от гнева раздуваются. Одежда в такой холод расстегнута.

Томе казалось, что она умирает. Ей не хватало воздуха. Бедолага давно так не бегала. Мужа своего она не любила уже давно. Но вот она увидела, что он пользуется спросом, и к нему пристают дамочки легкого поведения, моложе ее и симпатичней. Тут она вспомнила все хорошее, что между ними было, и решила отстоять свое право подать ему в смертный час стакан воды. А там уж жизнь покажет, подаст она ему просто стакан воды или дорогой коньяк...

Именно поэтому она решила отбить своего благоверного у этой фифы с пониженной социальной ответственностью. Как скаковая лошадь, Тома неслась упорно за патрульной машиной. Не отставала.

Правда, в пути Тома случайно отвлеклась и пристроилась в хвост другой патрульной машины. Перепутала. Но вскоре она поняла свою ошибку, когда догнала их на перекрестке и заглянула в окно. Водитель чего-то испугался и сдал вправо. Врезался в светофор. Тома притормозила и ушла на поворот. В машине не было Пусика. Значит, машина не та.

И тут обманутая жена поняла, что рано или поздно патрульная машина приедет в отделение. Помчалась скорей туда. Она затаилась злобной росмахой в кустах, резко выпрыгивая при появлении каждой новой машины. Чем жутко пугала полицейских.

— Задержать ее, что ли? — предложил лейтенант.

На крылечке в отделение курили полицейские. И, как принято во время перекура, делились впечатлениями. Вот и сейчас они заметили тетку, которая выпрыгивала из кустов при появлении патрульных машин.

— Зачем? — поинтересовались остальные.

— Эта больная кому-нибудь под машину кинется.

— Оно тебе надо? Знаешь, сколько ее оформлять придется? Придется спецбригаду вызывать. Потом ждать, когда ее оформят. Пусть погуляет еще на свободе.

— Тогда пошли отсюда от греха подальше.

— Выпустили шизиков на волю.

— Точно.

— В дурдоме, наверное, день открытых дверей.

Они докурили и вошли внутрь. Надо было ехать на вызов... Вот тут и приехала та машина, которую она караулила. Она не разглядела, был ли муж внутри. Но номер машины был тот, в который они с розовой девкой запрыгнули. Тома представила, как муж сидит внутри, такой несчастный и напуганный. Она решила его спасти. Во что бы то ни стало...

— Посади меня...

— Зачем?

— Посади меня, — страшным замогильным голосом говорила дежурному она и угрожающе надвигалась на него всей своей громадной тушей.

— За что я вас посажу, женщина? Идите домой! — пропищал от страха дежурный.

Он бы и более грубо ей мог ответить. Но его смущал дуршлаг веселенькой расцветки на голове.

— Посади меня...

И дежурный решил от греха подальше посадить ее временно в обезьянник. Пусть с ней другие разбираются. А то эта психическая тут дел натворит. Все на вызовах. Кто его от нее

защитит? Некому. Он реально оценил свои физические данные и ее возможности и решил больше не сопротивляться такому искреннему желанию тетки посидеть в клетке.

Только когда Тома очутилась внутри, она поняла, что там нет ее бедного мужа, но есть злыдня фифочка в розовом. Правда, на голове у фифочки красовалась не розовая богатая шевелюра, а реденькие беленькие волосы. Просвечивала кожа головы. И стало этой тетке жалко фифу, которой уже кто-то выдрал с корнями все волосы.

Розовая, увидев свою оппонентку, попыталась спрятаться в угол за толстую соседку. Но толстая ее за спину не пустила, решив, что та хочет нанести ей коварный удар в спину. Розовая поняла, что ей конец...

— Пусик где?

— Кто?

— Муж мой где?

— Не бейте меня. Я правда его не знаю...

— Где мой муж?

— Его сразу отпустили. Разобрались во всем и отпустили.

— Наверное, он дома уже, — с улыбкой успокоилась тетка.

Мужа ее менты отпустили сразу, еще когда поехали на адрес. Отстегнули от наручников розовой фифочки и указали на выход. Девушка в халате говорила про убийство. А мужик слезно просился домой, к любимой жене, к своей Томе. Вот и отпустили его. Пожалели убогого. Ему еще предстоит с разъяренной женой объясняться. Мужик трусцой побежал к магазину, радуясь свободе.

Смотрит, а на дороге их сумка стоит. Жена, наверное, устала тащить и бросила поклажу. Это был битый жизнью и женой дядька. Он шустро подхватил покупки и поскакал в магазин рассчитаться и кое-что прикупить к столу.

К приходу жены он решил подготовиться. Оказалось, что он все так же горячо любит свою жену. Свою Томочку. И она его тоже любит. Вон как за машиной мчалась, не отставала. Чем до жути напугала ментов. Пусик стал гордиться своей женой. Его у любовницы предполагаемой отбить хотела. Он сейчас дома богатый стол к ее приходу накроет, и они вдвоем посидят, молодость вспомнят...

Тому, разобравшись во всем, отпустили. Пришел какой-то мужичок при погонах и стал разбираться с теми, кто за решеткой.

— Говорить по очереди. Сначала ты, с посудой на голове.

Тетка стоит, выпучив глаза. К кому обращается этот большой начальник?

— Говори. Нечего глаза тут пучить... Дуршлаг на башку зачем надела?

Когда ее с обеих сторон толкнули тощая и толстая, она поняла, что это к ней обращается строгий начальник. И вспомнила, что был у нее в руках дуршлаг. Только она думала, что его в погоне потеряла. Ан нет. Хоть дуршлаг сберегла...

— Он бежать мне мешал.

— На голову-то зачем нацепила?

— Так удобней было бежать... Он в руках мешался.

— Логично. Голову не жмет?

— Нет.

— Снимай.

— Хорошо.

— Иди домой. И скажи спасибо, что я сегодня добрый. А то определили бы тебя с таким

довеском на голове в дурдом и все...

— Спасибо.

Начальник открыл решетку и выпустил тетку. Она быстро попрощалась и помчалась на радостях домой. Надеюсь, что ждет ее в квартире живой и здоровый муж...

Таким же образом полицейский начальник разобрался с остальными обитателями обезьянника. Всех отпустил домой. Нечего им здесь делать. Сейчас толпу с происшествия привезут. Массовая драка. Обезьянник надо было освободить для мигрантов...

Розовая заказала такси, и они поехали к Грише все вместе. Зефирка, чтоб забрать у любовника свои деньги. А толстая соседка — проконтролировать, чтоб не было между розовой и ее Гришей разврата... Григорий ехал и думал, что завтра надо с квартиры съемной съехать. Иначе толстая соседка его добьет...

* * *

Мы же тем временем сидели у Маринки дома. Деньги пересчитали. Там была вся сумма, что взял у нее Гриша. То ли это ее деньги, то ли он со всех баб трясет одинаковые суммы.

— Хорошо, что деньги хоть вернули.

— Как ты вообще на него клюнула? Не видела, с кем связалась? — спросила Мара у Киры.

— Ты знаешь, Мара. Я вот не смогла бы отличить мошенника альфонса от нормального мужика, — попыталась я вступить за Кирюху.

— И деньги бы ему дала? — ехидно спросила Мара.

— Нет уж. Тут уж фигушки им. Я вообще считаю, что мужикам свои деньги женщина не должна давать ни при каких обстоятельствах. Любовь любовью, а деньги они сами должны зарабатывать.

— Поэтому к тебе альфонсы и не приклеиваются.

— Да как сказать? Было дело, — загадочно высказалась я.

— Что у тебя тоже был альфонс? — удивилась Кира.

— Не был, но приклеиться хотел. На халяву пожить за мой счет один такой рассчитывал, — и рассказала им про сына тети Гали.

— Обалдеть, как много стало таких мужиков, — удивилась Мара.

— Я раньше вообще не встречала таких. Знала, конечно, что существует такой контингент. Но сама с ними никогда по жизни не встречалась. Это впервые. И за последний месяц уже второй раз с такими сталкиваюсь...

— И не советую встречаться. Ничего хорошего.

— Совсем ничего? А в постели?

— Тоже так себе, — призналась Кира.

— А зачем же ты с этим Гришей встречалась?

— Думала, он меня любит. Семейно хотела.

— Дурят этой любовью нашего брата наглые мужики. Знают наше больное место, — высказалась Маринка.

По сути, я с ней согласна. Она права. Морочат своей любовью нам голову мужики. Раскусили они, что для женщин эти слова много значат. Мужики просто скажут: люблю и все. Думают, что после этих слов и посещения загса женщина уже перешла в их полное

владение. И эксплуатируй ее и в хвост и в гриву, делай с ней что хочешь. Она твоя. А вот и нет. Фиг вам. Национальное индейское жилище вам... И ежей на воротник...

Домой пришла поздно. Стала рассказывать все маме.

— Сколько развелось этих альфонсов. Тьма. Почему? — мама удивляется нынешним реалиям.

— Не хотят работать. Проще женщине на шею запрыгнуть и жить за ее счет.

— Но почему? Теперь намного легче заработать деньги. Это раньше кайлом махали. А теперь просто мозги подключай и все...

— Не могут. У них мозгов хватает только на то, чтобы присосаться к кому-то и жить за чужой счет. Всегда были в обществе паразиты. Просто об этом не говорили.

— Ну да. В советское время не принято было язвы общества обнажать. А были и женщины легкого поведения, и альфонсы...

— Так что ничего нового мы не изобрели. Все это было много тысячелетий до нас. Люди не меняются...

— Хорошо, что Кире деньги вернули. Она куда их дела?

— В банк положила.

— Он в полицию на нее заявление не напишет?

— За что? Она сняла деньги свои кровные и положила их же на счет. А о том, что она Григорию занимала и у него их забрала, мы договорились молчать. Да не будет он с ней связываться. Себе дороже...

— Новую жертву найдет?

— И очень быстро. Бабы — дуры...

— Все?

— Все поголовно. И я в том числе...

— Иришка, откуда такое самобичевание? Что-то не нравится мне сегодня твое настроение.

— Сама от себя в шоке. Хотя и люблю себя до одури. И тебя люблю, и папку, и Петьку оболтуса, и даже шерстистого помоечного Грейса.

— Гав.

— Дурак ты, конечно, ленивый, Грейсюта. Но любовь — штука такая. Логике не поддается...

На этих словах и разошлись, смеясь, по своим комнатам спать...

* * *

На следующее утро у меня был праздник. Боря проявился. Поперся все-таки трудоголик в гаражи химичить. Не вытерпел праздного бездействия. Или деньги кончились. А к деньгам он привык. И без них жить уже не может...

Вот теперь настало время его там прихлопнуть. Захлопнуть мышеловку. Я сразу же созвонилась со следователем. И ровно через двадцать минут гаражи были оцеплены полицией. Ворота вскрыты. Все сделали быстро и четко. Захват гаражей прошел успешно. Взяли Борю на горячем. Он только работать начал, химик недоделанный...

В общем, взяли Бориса за потрепанные крылья, сняли с жердочки петушка и увели в соседний курятник. Читай в полицию. Для того, чтобы поставить на путь исправления, по

которому они со своей сестрицей пойдут дальше, в светлое будущее. И будет у них одежда в полосочку и небо в клеточку. Или он проявит свое благородство и будет выгораживать свою сестрицу? Думаю, что будет. Так он меньший срок получит. Да и на воле ему кто-то нужен. Должен же кто-то ему передачи с воли слать. На себя все возьмет. Не из благородства, нет. Простой расчет сработает...

Следователь вообще молодец. Привязал Бориса ко всем пяти трупам основательно. Не подкопаешься. Дело оформлено так, что не развалится в суде. Экспертиза подтвердила, что от его чертовой наркоты померли пять человек. Так что сидеть Борису не пересидеть...

Вечером в кафе пришел следователь. Сияет, как новенький тульский самовар. Небось, ему теперь от начальства пряников полный кулек насыпят. Не только премию должны выдать, но и в звание повысить...

— Как дела? Теперь Борис от тюрьмы не отвертится? — спрашиваю для проформы.

— Столько доказательств. Еще с поличным взяли, прямо в лаборатории. Никак ему не отвертеться. Везде его пальчики, готовая наркота расфасована.

— А телевидение помогло?

— Они все на камеру сразу стали фиксировать. А он даже не сразу сообразил, что попался. Стоял, как замороженный.

— Видела я репортаж.

— Как я там?

— Красавец. Хоть завтра к награде. Его кто-то крышует?

— Он ничего не сказал. Про крышу пока молчит. А может все проще и нет ее. Иначе бы нас уже теребили.

— Побоятся теребить. Резонанс слишком большой у этого дела. Наружу вышла информация. Под ковер уже не заметишь...

— Припаяют ему сполна. Теперь дело в шляпе. Но как ты его вычислила?

— Агентура сработала.

— Какая агентура?

— Над которой ты смеялся. Бабки и дети. Самая лучшая агентура на свете — это местное население.

— Ну, чума. Как они его выследили?

— Поставили на пост номер один, к бабке одной, камеру для наблюдения.

— Где камеру взяли?

— Места знать надо.

— У нас в полиции такого оборудования нет. А если и есть, то фиг дадут. Не допросишься. Запарят рапорты и прошения разные писать.

— Я вам еще подарочек подготовила.

— Какой?

— Еще одно доказательство, снятое скрытой камерой. Внутри гаража. Там все. Как он в гараж заходит, как его открывает, как работать начинает, как расфасовывает.

— Как внутри? Вы внутрь заходили?

— Нет, не заходили. Зачем? Камеру специальную на гибком шланге спустили в вентиляцию. Оттуда и снимали.

— И как видео?

— Получилось отлично.

— Давай, — протянул руку. Ждет.

- Сейчас не могу дать. Сначала видео покажут киношники, они мне за это платят. Потом они вам его передадут. Извини, но мне тоже людям платить что-то надо. Они работали. Время свое тратили. Людей надо поощрять.
- Так сама же говоришь, что тебе помогали бабки и дети. Какие им деньги?
- А им, по-твоему, денег не надо? А тому, кто техникой обеспечил? Камеры — не дешевое удовольствие. Он что, морковку сырую грызть должен? Этот человек тоже на вознаграждение рассчитывал. Ты же получил премию? А они чем хуже? Времена советские прошли. За грамоту и выпел нынче только лохи трудятся...
- Понятно. Только как я это оформлять буду...
- Как информацию, полученную от анонимного источника. Или от СМИ. Вам виднее как это лучше оформить. Мое дело было помочь застукать Бориса.
- Давно ты его вычислила?
- Да сразу. Он не сильно прятался. Наглый и борзый...
- А почему мне не сказала? Почему за нос водила?
- Ты парень горячий. Сразу его брать бы кинулся. Так?
- Ну так. Взяли бы, а потом бы раскололи.
- А если не раскололся бы Борис? Молчал бы как партизан. Что бы ты сделал?
- Отпустил...
- Вот именно. У нас задача была какая?
- Какая?
- Привязать его к наркоте, чтоб не отбрыкался в суде присяжных. Что мы с тобой и сделали. И нас с законченным делом можно поздравить.
- Его еще посадить надо. Надолго.
- Сколько лет ему дадут?
- Не меньше одиннадцати. Если по максимуму, то пожизненно.
- Главное, чтоб он по амнистии не вышел. А то даст ему небольшой срок наш самый гуманный суд в мире. Мы же гуманные в этом плане до безобразия...
- По таким статьям амнистия не положена. Не пятьдесят третий год, когда убийц и марафетчиков пачками бездумно выпускали.
- Пусть бы получил побольше и отсидел все от звонка до звонка...
- Будет сидеть, я сказал, — гордо, подражая голосом Глебу Жеглову, сказал следователь.
- Ну что же. Ему есть чем гордиться. Такое дело большое раскрутил. Накрыл наркоторговца с поличным...

* * *

- Вечером пришла домой с работы. Накрыт праздничный стол. Петька сидит на кухне счастливый. Мама тоже. Интересное кино...
- По какому случаю гуляем?
- Так наркобарона же сегодня утром взяли. Весь двор гудит.
- Бабульки разболтали?
- Они самые.
- Болтун — находка для шпиона. Что народ говорит?

— Так по телеку все показывают. По всем каналам крутят.

— Как ты думаешь? Он надолго сядет? — маму интересует, чтоб не было у нас наркотиков во дворе.

— Может, повезет и дадут пожизненное. Все-таки пять человек умерли от его наркотиков.

— А мент сможет доказать? Он же тупой, — высказался Петька. Как все подростки, он любит судить о людях в черно-белых тонах.

— Не настолько тупой, чтоб такое дело профукать и не довести до суда. Даже если бы он захотел, такое громкое дело ему начальство просрать не даст.

— А вдруг? Ты же его не знаешь...

— Он поумней многих полисменов будет. Ему хватило ума прислушаться к чужому мнению. И потерпеть немного. Гордыню свою поприжать. А это говорит о способности ясно мыслить.

— Ну да. Основную-то работу для него другие сделали.

— Мне попадались такие менты, которые голос разума вообще не слышали. Им говоришь, а они свое талдычат. Этот хоть слушать умеет...

— А сестра Бориса сядет?

— Думаю, что он ее выгораживать будет.

— Почему?

— Давай рассуждать логически. Поймали его одного в лаборатории. Значит, нет смысла ему ее сдавать. По сговору лиц они больше получают.

— Ее привязать никак не получится?

— Не получится. Если она сама не признается. Или он от злости ее не решит сдать. Но это навряд ли. Не такие они тупые, чтоб самим себе с пола срок поднимать.

— Он молчать будет, чтоб ему кто-то с воли грев слал, — высказался Петька.

— Откуда такие мощные познания в тюремной лексике? Колись...

— Мишка другом стал.

— Какой он тебе друган? Таких друзей за хрен да в музей. Он урка готовый. Нет у урка друганов. Есть лохи. И ты один из них. И мы с мамой для них такие же. Для них все, кто не они — лохи...

— Не правда. Он меня уважает.

— Петька, запомни. Нет у уголовников понятия дружбы. Как только ему будет выгодно тебя использовать, как туалетную бумагу, он тобой подотрется. И про твою помощь забудет. И про то, что ты друг тоже. Тем более там у папаши не одна ходка была. Рецидивист...

— Это не так...

— погоди. Скоро они тебя будут склонять на какую-нибудь авантюру. Ты не вздумай поддаваться. Посмотри на их жизнь. И подумай, хочешь ли ты так жить? По тюрьмам скитаться. А там, кстати, вонь ужасная...

— Откуда сведения?

— Вот удивил ты меня своим наивным вопросом. Бывала я там. По делу приходилось туда пару раз пройти. Там, скажу я тебе, та еще обстановка в камерах.

— А я и не собираюсь с ними в разбоях участвовать.

— Они тебя втемную могут попытаться использовать. Если в тюрьму сядешь, то на кого пса оставишь?

— Да не собираюсь я с ними ни в чем участвовать. И не думал даже.

— И не думай. И ничего никогда у своего Мишки не бери. Ни в долг, ни насовсем. Ни на время, ни навсегда. Никогда не бери. Платить придется по самой высокой цене.

— Совсем не брать?

— Совсем. Никогда эти люди ничего просто так ни для кого не делают. Обязательно потом тебя заплатить заставят. Не так, так этак...

— И что теперь? С ним не общаться?

— Просто дистанцируйся. Находи предлог, чтоб с ним не общаться. Не друг он тебе. Совсем не друг. Запомни это. Он будущий разбойник. По стопам своего отца пойдет в тюрьму. Династия, черт их дери. Да и Грейс к нему настороженно относится. Ты заметил?

— Заметил. Рычит, когда он подходит. А пару раз чуть не тяпнул.

— Вот. Собака умнее тебя. Она чувствует плохие намерения твоего дружка по отношению к тебе. И предупреждает.

— Разве собаки понимают людей?

— Вот ты даешь. Ты биологию изучал?

— Ну...

— Палки гну. Сам тогда должен знать, что человек в стрессовых ситуациях выделяет определенные гормоны. Собака чует, что запах человека изменился. Страх чует, злобу, вранье...

— Ну, вы хватили. Вранье-то как он учуять может.

— Английские ученые доказали, что при вранье человек выделяет гормоны стресса. Научно доказанный факт. А у собаки нюх в тысячу раз тоньше человеческого. Так что любые изменения в настроение человека Грейс учует. А он Мишку твоего на дух не переносит.

— Почему вы так думаете?

— Сам посуди. Много людей ты знаешь, облаянных твоим псом?

— Мало.

— А Мишку твоего он не только облаял, но и укусить пытался. Дважды. Если мои слова ни о чем тебе не говорят, то послушай своего умного пса.

— Да понял я, понял... Давайте праздновать.

В общем, поговорили по душам. Петьке наставлений надавала. А то ишь, нашел себе среди разбойников друзей. Посмеялись. Радостно на душе так стало. День прожит не зря. Злодея наказали. А завтра немца навещу...

С утра пораньше стала собираться в больницу. Накрасилась. Причесалась, нарядилась. Не знаю почему, но мне захотелось быть сегодня красивой. Еще вчера решила навестить Александра и немца нашего помоечного. Может, просто почувствовала себя женщиной, а не просто женой...

— Здравствуй, Генрих.

— Здравствуй, Ирина.

— Как твое самочувствие?

— Сказали, что нормально.

— Кто сказал?

— Врач и медсестра.

— А ты сам как думаешь?

— Голова пока еще побаливает. А так хорошо.

— Скоро выпишут?

— Еще неделю будут наблюдать.

— Генрих. Я у тебя узнать хотела. Твоя девушка соответствовала своим фотографиям, которые тебе высылала?

— Да. Мы когда встретились, я ее сразу узнал.

— Где вы бывали со своей девушкой?

— Зачем тебе?

— Мы могли бы попробовать ее вычислить.

— Как?

— По камерам.

— А в Москве есть камеры?

— Много. На каждом углу.

— В вашей стране камеры расставляют по углам? Почему?

— Это просто такое расхожее выражение.

— И как его понять?

— Значит, везде. Камеры у нас расставляют возле всех значимых объектов.

— Понятно. Загадочный русский язык?

— Угу. Но у меня к тебе вопрос. Ты же наверняка на своем компьютере сохранил ее фотографии.

— Сохранил. Только они там, в Германии.

— Твои родные и близкие могут переслать ее фото?

— Зачем?

— А как же мы ее искать будем?

— Мне она уже не нужна. Я ее забыл.

— Как так? Ты же ее любил.

— Любил. Думал, что любил. Но не любил. Она красивая. Вот я и решил, что люблю. В общем, все так сложно...

— Понимаешь, Генрих. Дело в том, что она отравительница. И промысел свой криминальный она не бросит. Тебе крупно повезло. Наш пес тебя обнаружил на помойке, и тебя чудом спасли. А кому-то не повезет, и тот человек умрет только потому, что мы не довели дело до конца.

— Понимаю.

— Преступница не перестанет искать жертву. И новая жертва погибнет из-за нас. Ее надо найти.

— Согласен. Но чем я могу помочь?

— Во-первых обратиться в полицию. Были у тебя полицейские?

— Был. Приходил один.

— Значит, врачи сообщили куда надо о преступлении. Тебя допрашивали?

— Да.

— Как его найти?

— Он дал номер телефона.

— Давай мне.

— Зачем?

— Мне он нужен. Мне с этим полицейским надо поговорить. И еще...

— Что еще?

— Ее фото. Мне нужны ее фотки. Сколько она тебе снимков присылала?

— Много. А сколько надо?

— Желательно все. Чем больше параметров для сравнения, тем быстрее мы ее найдем.

— И тем быстрее ее поймает?

— Точно.

— Хорошо. Я звоню брату. Он перешлет нам фотографии. Сегодня.

— А можно сейчас?

— Можно.

Я дала ему телефон. Он созвонился со своим братом. Через полчаса мне стали приходить фото подружки Генриха. И чего этой дурехе не хватало? Красивый парень. Увез бы ее в свою благополучную Германию. И жила бы там добропорядочной бургершей.

Или у нее здесь любовник? А этот несчастный влюбленный парень ей не нужен был изначально? Травили его зачем? Ограбили бы и все. Зачем грех на душу брать? Много неясного.

Глупая девица свое настоящее фото ему отсылала. Или она собиралась за него замуж, но он ее как мужик не устроил? Вот и решила хоть малую копеечку с него срубить, прежде чем в отставку отправить?

— Генрих, извини за вопрос. У вас с ней было?

— Что было?

— Любовью вы с ней занимались?

— Нет. Мы же только познакомились.

— Хотя бы целовались?

— Да.

— Вы собирались дальше развивать отношения?

— Я собирался. Она мне понравилась.

— Понятно. Ладно. Мне пора. Я пойду.

— Ты еще придешь?

— Приду. Мне обязательно тебя надо будет увидеть.

Я вышла из палаты Генриха. И пошла навестить Александра. Он уже пришел в себя и вполне нормально себя чувствовал.

— Здравствуй, Саня.

— Иришка. Я думал, что ты не придешь.

— Почему? Я уже приходила тебя навещать.

— Да?

— Ты спал. Будить не стала.

— Так это от тебя были передачи?

— Наверное, от меня. А может еще от кого-нибудь. А что?

— Да я их медсестрам отдал.

— Почему?

— Думал, что это от Никиты.

— Понятно. Как ты?

— Нормально.

— Скоро выпишут?

— Нет. Сказали, что недельку здесь придется торчать.

— Врачам виднее.

— Я смотрю, кольца на пальце нет.

— Мы подали заявление на развод.

— И когда ты станешь свободной?

— С какой целью интересуешься?

— Жениться на тебе хочу. Я люблю тебя.

— Понятно. Ты мне расскажи, зачем ты в озеро полез?

— По дурусти. Даже вспоминать не хочу. Надо же было быть таким дебилом. Еще и выпил...

— Хорошо, что хоть сейчас это понял. Ты же мог утонуть.

— Понял я уже. Полез в воду, как последний дурак...

— У нас невозможно быть последним дураком. Обязательно найдутся последователи.

— Иришка, я тебя люблю.

— Понятно. Ты выздоравливай. Я еще зайду.

— Когда?

— Скоро. А что? Может, что-то надо? Ты сильно похудел...

— Страшным стал?

— Нарываешься на комплимент?

Он засмеялся весело. Мы еще с ним поговорили. Обо всем и ни о чем. Потрепались, как в народе говорят. Легко мне с ним. Я ему рассказала про немца. Как спасали бургера. Он внимательно рассказ слушал. Вот так же внимательно меня слушал Никита в самом начале нашего знакомства. А потом? А потом пропускал мои слова мимо ушей...

А что будет с этим Александром? Что меня с ним ждет, если я за него выйду? Хотя бы через год. Он женским вниманием наверняка не обделен. Вон как сюда раз за разом медсестра заглядывает. Явно ревнует. Это видно невооруженным глазом. Уже себе в женихи, наверное, его определила.

А что я хотела. Высокий, красивый. Шевелюра вон какая богатая на голове. Да и глаза. Озера синие. Редкое сочетание. Черные волосы и синие глаза... Убойный мужик. А фигура... Один пресс что стоит. Так и хочется по животу провести ладошкой. Удостовериться. Не оптический обман ли...

Экая вы, Ирина Александровна, озабоченная дамочка... Мужик еще не ваш. Сама пока замужем. А уже по чужому прессу ладошкой проводить собралась. Тьфу на меня... Одичала без мужика. Как есть одичала...

Попрощалась с Александром. Пошла на стоянку. Пока шла к машине, глупо улыбалась. Настолько меня обрадовало, что я стала интересоваться другими мужчинами. Я ведь пока замужем была, других мужчин в плане любви не рассматривала. Как будто не существовали они.

Был Никита и другие чужие мне мужчины. Думала, что окаменела совсем. Разучилась любить. Не разучилась. И вижу, и оцениваю, как раньше, до замужества. А и правильно. И красивее, и поинтереснее мужа бывшего есть парни. Так что будет с кем свой развод отпраздновать...

Приехала домой. Припарковалась во дворе и пошла к Максиму пешком. Надо его попросить найти эту подружку по переписке. Фотографии есть. Может, где-то эта сволочь засветилась на камерах?

Классически развели бедного немца. Он полный лох. Добропорядочный бургер. Что с него взять. Хорошо, что хоть не умер. Представляю, какое горе родне. Мало того, что убили, так еще и нашли бы труп на помойке. Какое оскорбление для истинного арийца...

Вот интересно. Приедет он к себе в Германию и что станет всем рассказывать про

Россию? Какие плохие женщины эти русские. Его, такого бедного, убить пытались? И не упомянет того, что есть нормальные люди, которые его спасали. Доктора, которые возле него ночи напролет сидели. И медсестры симпатичные, которые за ним ухаживали и судно ему подносили.

А про Грейса вообще ни одного слова не скажет. Пес даже не удостоится упоминания. А ведь он этому немцу жизнь спас. Или скажет? Или все будет наоборот? И хороших людей тоже вспомнит. Может быть. Глупый он, наивный. Но добрый...

Поговорила с Максом.

— Иришка, два дня дай мне, и я все сделаю.

— Отлично. Два дня — самое то.

— Но это при условии, что она не залегла на дно.

— Это понятно. Слушай, а можно архивы просмотреть?

— Какие?

— Видео.

— Ты издеваешься? Ты знаешь, сколько перелопачивать надо будет? Тут двумя днями не отделаешься. Ты хоть бы дала место, где они гуляли.

— Зачем?

— Можно было бы ее лежбище вычислить. Все-таки это попроще будет сделать, чем все просматривать.

— Хорошо. Я завтра с ним поговорю. Точно, последнюю точку определим.

— Вот. Правильный настрой.

— Тогда я пойду?

— Иди. Не мешай мне работать...

— Кстати, классную тачку прикупил.

— Тебе понравилась?

— Еще бы. Говорю же, что классную... Ну ладно. Я пошла...

— Угу.

Пришла домой. Дома тишина. Петька еще в школе. Мама на работе. Грейс дрыхнет на лоджии. Зубами щелкает и ногами дрыгает. Наверное, догоняет врага во сне. Считаю, что дома никого нет. Ну и хорошо. Посплю, пока есть возможность. Скоро все дела доделаю. И буду свободна. Поеду отдыхать куда-нибудь. Туда, где тепло и весело...

К маминутому приходу мы с Петькой приготовили ужин. Поужинали. И завалились спать. Вот не пойму никак. Человек ведь не медведь? И в зимнюю спячку ему впадать не положено. А почему меня так в сон клонит постоянно? Ощущение, что я лежала в спячке, меня вдруг разбудили, а я недоспала. Хожу с мутной головой. Еле соображаю.

С утра пораньше успела смотаться в больницу. С немцем поговорила. А вот с Александром быстро не получилось. Вчера мой визит был для него неожиданностью. Поэтому он лежал в постели небритый.

Красивый, но небритый. А я небритых мужиков не очень люблю. Ну не нравятся они мне. Хоть он трижды за своей бородой и усами ухаживает. Мне неприятно целоваться с небритым. И общаться как-то не комильфо.

Мне все время кажется, что у них в бороде и усах остатки вчерашней еды застряли. Да и ощущения неприятные при поцелуях. Как мочалкой по лицу елозят. Откуда эта мода дурацкая на бороды пошла? И кто мужикам сказал, что борода делает их мужественными? Она делает их страперами. Старит сильно.

В общем, захожу в палату к Сане. А там лежит этакий красавец: чистый, бритый, благоухающий. Ну, жених. Как есть жених. Хоть завтра свататься.

— Привет.

— Иришка, привет.

— Хорошо выглядишь.

— Я знал, что ты придешь.

— Откуда?

— Чувствовал.

— Целоваться будем?

Я-то в шутку так сказала. Хотела разрядить обстановку. Саня принял за разрешение действовать. Раз пригласили, он всегда готов. И тут такой ураган чувств на меня налетел. Стали с ним целоваться. Люблю я это дело. Грешна. Да и он толк в ласках знает. Друг от друга с трудом оторвались. Договорились, что вечером к нему приеду навестить. Ему уже разрешили гулять. На территории больницы есть беседки. Погуляем с ним вдвоем...

Я попросилась и поехала быстрее к Максиму. Надо ему адреса дать, где наш влюбленный немец со своей зазубной променад делал. Да и мне до обеда на работе надо быть. Хоть полдня поработать для проформы. А то я совсем обнаглела. Чем угодно занимаюсь, только не своим кафе...

Но поработать спокойно мне не дали. В обед появились два амбала, внешне похожие на дебилов. Тела громадные, а головы маленькие. Питекантропы какие-то. Я их вспомнила. Эту охрану Корнеева старшего. И на кой черт они сюда приперлись? Что их хозяину от меня надо?

— Чем обязана?

— Поехали.

— Куда.

— Там узнаешь.

— Никуда я не поеду. С какой стати?

— Поехали.

— Я не хочу никуда ехать.

— Твоего мнения не спрашивают.

Главное, один говорит, а второй вообще молчит. Как воды в рот набрал. Наверное, он просто говорить не умеет. Первый, видать, улучшенная версия питекантропа. Прокачанная. А второй — версия лайт, облегченный вариант. Интересно, как они меня заставляли будут?

Первый прошел к столу и попытался меня вытащить из-за стола за шкуру. Ну и кто из нормальных людей стал бы такое издевательство терпеть? Я что ему, кошка нашкодившая? В туфли ему нагадила? И он тащит меня в лужу носом натывать?

Естественно, у меня включились защитные механизмы. Автоматически. Зла этому идиоту я не желала. Даром, что ли, я полжизни провела с отцом в казармах? Быстро привела неандертальца в чувство.

Очнулся он уже на полу. Правая рука у него не работала. Висела плетью. Я ее высушила, как парни учили. Быстро и четко провела захват и сделал бросок через бедро. Правда, чуть пуп не надорвала. Тяжелый он оказался, гамадрила страшная. Но получилось все равно классно. Зрелищно...

Беда этого шкафа на ножках была в том, что он никак не ожидал от какой-то пигалицы такой прыти. Не рассказывать же убогому всю свою жизнь в мелких подробностях.

Если кто забыл, то мой отец профессиональный военный. Мы с мамой всю жизнь по этим секретным военным частям за отцом мотались. Естественно, что в армии между командировками в горячие точки всем бойцам было скучно. Поэтому военные любили возиться с детьми. Релаксировали они так. Душой отдыхали, что ли...

А может, просто перед командиром выслужиться хотели. В душу к каждому не влезешь и мысли не прочтешь. Частенько я была единственным ребенком на всю часть и напоминала военным о родном доме и о семье. Вот они и норовили, соревнуясь между собой, любопытную девчущку научить защищаться. Чтоб не надеялась на чужую помощь.

Всеми возможными способами учили защищаться. Любыми предметами, что попадутся под руку. Всю новую информацию я впитывала как губка. Перерабатывала ее у себя в мозгах. Примеряла на свои скромные физические возможности. Получалось что-то невообразимое. Непонятное какое-то боевое искусство...

Убойная смесь невообразимых и вместе с тем простых приемов. Знания, переработанные и усовершенствованные. Адаптированные лично под меня приемы и уловки. Вроде и то, что мне показывали, но не совсем то, а что-то новое. Рассчитанное на самозащиту такого маленького и слабенького карлика, как я...

Второй гиббон молчал. Ни слова не проронил. Сгрел своего поверженного напарника в кучку. Закинул его на плечо, чтоб вынести. И застрял в дверях. Я сначала подумала, что он просто по габаритам не может пройти. Застрял. А потом поняла, почему он заморозился. Он рассматривал фотографию на стене. Долго рассматривал. Потом повернулся ко мне лицом и сказал первое слово. Я просто обалдела. Он еще и говорить умеет...

— Извините.

— Скажи хозяину, что коль ему надо, то сам пусть и приезжает.

— Угу.

— Ты все понял?

— Угу.

— Не перепутаешь?

— Нет. Извините.

Он просто улыбнулся. Надо же. Как улыбка меняет лицо. Может, не такой он и питекантроп. Или это он с перепуга так очеловечился. Подумал, что сейчас и ему прилетит с ноги...

Больше никто ко мне не приезжал. Наверное, пока Корнеев раздумывает, как меня достать. А все-таки интересно знать, зачем я ему понадобилась... Любопытная картина вырисовывается. Он наверняка своего настоящего сына искать задумал. И тех, кто его убил.

Неужто хочет меня нанять, его сыночка искать? Тогда почему так нагло себя вел его охранник? Когда просят, так нахально себя не ведут. Просят по-другому и с другими интонациями. Не может же он меня угрозами заставить вести расследование. Я не его подчиненная. И не полицейский, на которого через начальство надавить можно под страхом увольнения. Непонятно себя вел его охранник. Слишком борзо... Питекантроп какой-то...

Вечером забежала в магазин и прикупила фрукты Сане. Пришла в палату. Он лежит грустный.

— Чего грустим?

— Тебя жду.

— Пойдем гулять?

Пошли в беседку. Сидели, разговаривали, смеялись. А он забавный. И с ним весело. С

Никитой в последнее время все стало как-то грустно и серо. И я ничего с этим одна не могла поделать. А с Сашей легко и весело. Ну и кого бы вы предпочли на моем месте? Того, кто умней, веселей, красивей...

Не заметили, как время нашего свидания истекло. Смеялись и целовались. За Саней прибежала медсестра. Призвала к порядку, мол, в палату извольте пройти, сударь. Вам по графику спать полагается в такое время, а не девок кавалерить...

Ревниво оглядела меня с ног до головы. Пристально рассматривала, как врага. Не удивлюсь, если она мысленно мне на лбу точку поставила для контрольного выстрела. Как я ее понимаю...

Мужик-то красавец. И не женат к тому же. Палата платная, значит, деньги у него наверняка есть. А тут приперлась шмакодявка какая-то выгодного жениха уводит... И это она не знает, что у него свой бизнес и дом большой в коттеджном поселке недавно купил. А то бы бой уже шел не на жизнь, а на смерть. За руку и сердце, а главное, за кошелек красавца...

— Больной, в палату! — голосить медсестра стала еще от дверей в больницу. На всю ивановскую проорала.

— Сейчас.

— Не сейчас, а сейчас же.

— Приду, когда захочу.

— Тебе пора. Иди, — попробовала я поддержать медсестру.

— Да ну ее... Давай лучше целоваться...

И опять на два часа в беседке задержались. В общем, он пошел в палату в десять часов. Я за ним. Предупредила маму, что домой не приеду. Но зачем-то соврала. Сказала, что у немца буду. И зачем врала? Самой не совсем понятно...

В палате с Саней только и делали, что целовались. Ворковали до утра. Вели мы себя тихо, разговаривали полусшепотом и никому вроде не мешали. Смеялись тоже тихонько, чтоб никого из соседних палат не разбудить. Только медсестра утром таким взглядом меня провожала. Я думала, что убьет...

На работу я явилась к обеду. Приехал Корнеев. Зашел в кабинет. Долго стоял и смотрел на фотографию. Повернулся ко мне. На лице удивление неподдельное.

— Где ты с ним познакомилась?

— Изба горела, я вошла... А мимо кони проносились...

— Хамишь?

— Догадливый...

— Теперь понятно, откуда в тебе столько наглости.

— Вы по делу? Или пришли любезностями обменяться?

— У него приемчикам научилась?

— Что вам угодно?

— Найди мне сына.

— С этим вам лучше идти в полицию.

— Они не найдут.

— С чего вы решили, что я могу найти? Вы меня переоцениваете.

— Скорее недооценил. Экспертиза показала, что он не мой сын.

— Знаю. Не бывает так, чтоб левша вдруг стал правшой. Да и любил ваш сын себя сверх меры. Не стал бы он свое лицо столько раз резать. А к достоинству своему вообще никого бы

не подпустил. Кроме женщин, естественно...

— Возьмешься?

— Нет.

— Почему?

— Не хочу.

— Я хорошо заплачу.

— Нет у меня лицензии на этот вид деятельности. Наймите детективов.

— Они ничего не сделают. Только деньги умеют брать.

— Найдите честных. Детективов много, авось и выберите нормального...

— Кого? Может, посоветуешь?

— Нет у меня знакомых таких.

— Найди мне сына.

— Обратитесь в полицию. Это их прямая обязанность.

— Они не найдут.

— А я тут при чем?

— Найди.

Мужик решил меня измором взять? На второй круг уговоров пошел. И ведь не отстанет.

Придется сказать правду.

— Вы меня зачем нанять хотите? Скорее всего, ваш сын мертв.

— Понимаю.

— Так чего вы от меня на самом деле хотите?

— Чтоб ты убийц нашла.

— А сын уже не нужен?

— Нужен. Но и убийц найди.

— Ну хорошо. Мне надо посоветоваться. Подождите.

Вышла в коридор. Позвонила своему знакомому. Он детектив. Хороший детектив. И он-то как раз может найти и тело, независимо от того, живое оно или мертвое. И убийц разыщет. Да и связи в полиции у него есть. Созвонилась с Лехой.

— Здравствуй, Шерлок.

— Ирина. Какими судьбами? Только не говори, что опять в какое-то дело влезла.

— Почти. У тебя как с работой?

— Плохо. Заказов нет.

— Значит, свободен?

— Абсолютно...

— Тогда лети в наше кафе. Срочно. Тут для тебя работа нашлась.

— Уже лечу...

Офис его недалеко от нашего кафе расположен. Поэтому спустя пять минут он был у меня в кафе. Постояли в коридоре. Дала ему отдышаться. Бежал во всю прыть. Не солидно перед заказчиком появляться в виде загнанного коня. Ему кратко изложила суть дела. Леха решил взяться за этот заказ. Зашли в офис.

— Вот вам нормальный детектив. Честный и порядочный, он привык свою работу делать на совесть, — представила я Корнееву детектива.

— Алексей, — представился он Корнееву.

— Корнеев. Мне нужно, чтоб нашли моего сына. Живого или мертвого.

Кинул нераспечатанную пачку долларов на стол. Прямо в банковской упаковке.

— Хорошая сумма. Но эта работа стоит намного дороже, — заявила я.

— Насколько дороже?

— В пять раз.

— Пятьдесят тысяч долларов? Ты не обнаглела?

— Забирайте деньги и нанимайте кого хотите и где хотите.

— Хорошо. Половина сейчас, половина потом.

— Нет. Все и сейчас. Иначе вот бог, а вот порог. Заплатите эти деньги полиции. Они вам носом землю рыть будут.

— Только ничего и никого не найдут.

— Может быть и так. Вы интересный человек. Вы и рыбку хотите съесть, и косточкой не подавится. Половина за то, что находим вашего сына. Вторая половина за то, что находим убийцу.

— Хорошо. Я согласен.

— Отлично. Мне нужен доступ в квартиру вашего сына.

— Зачем?

— Нам надо завтра осмотреть его квартиру. А также остальные места его жительства, если он жил еще где-то кроме квартиры. Дача, коттедж. Везде, где он хоть временно, хоть постоянно обитал.

— Зачем? Что вы там хотите найти? Там полиция уже все осматривала.

— Это необходимо для дела. Вы же уже поняли, что полиция ничего делать не хочет. Работают спустя рукава. Почему я вас должна уговаривать? Это необходимо для выполнения задачи, которую вы перед нами поставили.

— Хорошо. Охранник завтра деньги привезет. Также адреса и ключи от всех квартир.

— Охранника нам на время займите.

— Какого.

— Который здоровым приехал.

— Зачем?

— Нужно.

— Хорошо. Он останется с вами, пока будет вам нужен.

— Сроки расследования на наше усмотрение.

— Согласен. Мне главное, чтоб сына нашли и его убийцу...

— Вот и договорились.

Леха только стоял и смотрел вслед уходящему Корнееву. Перевел взгляд на меня. Удивление и восторг увидела я на его лице.

— Нормально ты его умяла.

— В смысле?

— Ты его заставила все свои условия принять. Ты знаешь, кто это?

— Знаю.

— Иришка, ты не боишься?

— Чего?

— Его.

— Иди сюда, Леха. Посмотри на фотку.

Подошел. Долго рассматривал фотографию. Сначала смотрел на фотку, потом на меня. Шокирован.

— Обалдеть...

— По-твоему кого я могу бояться?

— Это фотомонтаж?

— Нет. Это фотка с одной тренировки. Папины бойцы тренировались.

— А ты там как оказалась?

— Стреляли...

— Вот как была ехидной, так и осталась. Ничуть не изменилась.

— Так это к лучшему. Ты всегда знаешь, что от меня ожидать...

— Это точно. Знаю. Всего. Ты непредсказуемое чудовище...

— Я смотрю, и ты не изменился. Все такой же добрый. Значит, мир не совсем перевернулся. И мы можем по-прежнему сотрудничать.

— Как договариваемся?

— О чем? — изображаю дурочку.

— Как делить будем?

— Работу или гонорар?

— Насмешила...

— Как обычно делили. Гонорар. Минус затраты. Прибыль пополам.

— «Ол райт, Христофор Бонифатьевич»...

— Давай я тебе расскажу, что уже удалось нарыть.

Леха кивнул в знак согласия, и я начала свой рассказ. Рассказала, как нам труп подкинули. Как дворник раскололся. Как я обнаружила, что коварно подкинутый нам злодеями труп не является сыном Корнеева.

В этом месте Леха стал откровенно ржать. Уж очень ему понравились мои версии отполовинивания мужского достоинства лже-Юрия. Повела и про химика, и про убитого сторожа. Про немца, на помойке найденного. В общем, все рассказала. Леха со мной согласился по всем выводам.

— Все эти дела между собой связаны. Я еще точно не поняла, как...

— Согласен. Связь прослеживается.

— Смотри. Борис сидит, но кто-то его наркоту сбавивал. Не сам химик. Он хитрый. Сам подставляться не будет.

— Надо искать того, кто в цепочке.

— Леша, нам за это не платили.

— Плевать. Давай попутно все раскрутим.

— Но сначала займемся тем, за что нам платят. Завтра поедем осматривать квартиру.

— Что ты там хочешь найти?

— Ответы на мои вопросы.

— Какие?

— Я подозреваю, что Юру убили из-за его пристрастий. Не специально. Так получилось. И это кто-то близкий ему...

— Каких пристрастий?

— Он драл все, что шевелится. Был садистом. Мне почему-то кажется, что искать в этой сфере надо.

— Что ты тут найдешь? Столько времени прошло. И Корнеев прав. Менты ничего не нашли. А после них искать — это голый номер.

— Не совсем, Леша. Они не знают, что сынок Корнеева записывал видео со своими пассиями. Они не искали эти записи. Мне бы посмотреть это видео.

— Значит, завтра с утра поедem осматривать квартиру...

— С завтрашнего дня и начнем. А сегодня у меня свои дела.

— И я сегодня занят.

— Еще Макс нам кое в чем поможет.

— Чем?

— Биллинг немца и этой фифы проверит.

— Хорошо.

— Аналитику сделает. Совпадения выявит. Установит, где последний раз телефон Юрия работал. И чьи еще телефоны в то же время и в том же месте засветились. Будем выявлять все совпадения.

— А менты это не сделали?

— Вот и я о том же. Они ничего не хотят делать. Потому папаша к нам и прискакал.

— Когда убийц вычислим, ты ему сообщишь?

— Конечно.

— Он же их убьет.

— Если сможет. Я сначала полиции все выложу.

— Ты же сама говоришь, что этот сын сволочью был.

— Так его подружки говорили. Но им веры нет.

— Почему?

— Те еще представители человечества.

— С низкой социальной ответственностью?

— Угу... Ладно. Давай прощаться. А то мне по своим делам надо бежать.

— До завтра...

Леша ушел. А я быстро засобиралась в больничку к своему воздыхателю. Нравится мне это чувство влюбленности. Хочется летать и песни петь...

Саня уже метался по палате. Ждал меня. Думал, что не приеду.

Раньше Никита также не находил себе места, если долго меня не видел. И у него привычка была постоянно меня если не за руку крепко держать, то хотя бы постоянно касаться или гладить. А теперь словно чужие. Да и мне стали не очень приятны его касания. Словно раньше свой был, родной. А теперь посторонний парень. Отвыкаю от мужа. Потихоньку, постепенно...

Опять целовались с Саней напропалую. Чем еще заниматься влюбленным. Мы бы и дальше зашли. Но здесь больница, я стесняюсь...

На следующее утро мы собрались на квартире Корнеева младшего. Я, Леха, охранник, следователь, эксперт и сын Веры Михайловны. Леха сразу стал ворчать на меня, что я много народу притащила. Мол, работать будут мешать. Устроила проходной двор. А мне кажется, что он просто денег жалеет.

— Зачем здесь этот очкарик?

— Кто лучше знает, где ставить скрытые камеры? Тот, кто их устанавливал.

— Он устанавливал здесь камеры?

— Не здесь. Но в своей жизни он их установил столько, что не сосчитать... Нам нужна помощь профессионала, чтоб обнаружить все камеры.

— Следака зачем сюда притащила?

— Следователь все чин чинoм оформил документально. Осмотр квартиры проводится законно. Иначе как ты убийцу посадить собираешься.

— Зачем эксперт?

— А вдруг что новое обнаружим? И он с удовольствием поехал.

— Конечно, он рад поехать, раз ему доплатить обещали.

— Не сердись. Каким ты ворчуном стал. Мы все здесь имеем свой интерес в этом деле.

— А тебе какой интерес?

— Я всего лишь хочу удовлетворить свое любопытство. Да и деньги мне не лишние будут...

— Охранник нам зачем?

— На всякий случай. Вдруг понадобится...

— Вот я понимаю, что ты что-то задумала. Но не могу понять, что...

— Ладно. Давай работать. Нам сегодня много сделать нужно.

Сын Веры нашел пять профессиональных камер. И это только в спальне.

— Камеры профессиональные, — высказал он свой мнение.

— Дорогие?

— Очень. Есть датчики движения. Когда в комнаты кто-то входил, камеры начинали автоматически писать видео.

— Сколько камер всего?

— В каждом помещении по одной. В ванной три. В туалете одна. И в спальне пять.

— В ванной столько зачем?

— Значит, и там снимал. С трех точек...

— А в туалете зачем? Неужто и там снимал? Извращенец...

— Устанавливал специалист? — задала я вопрос.

— Хороший специалист. Я с трудом нашел.

— Сколько стоит такая установка?

— Дорого.

— Вот видишь, Леша. А ты говоришь зачем столько народа, — обратилась я к детективу.

— Куда видео шло? — сразу поинтересовался следователь.

— Записи шли на выносной носитель. Пока не нашел куда. Но найду.

— Может, на ноутбук? — встряла в разговор я.

— Какой?

— Вон на столике лежит.

— Может быть. А полиция разве не брала его на осмотр?

Следователь с экспертом переглянулись. Горько вздохнули и замолчали. Значит, ничего они не делали. Ноутбук даже не проверяли. Эксперт попробовал поработать с ноутбуком.

— Пароль стоит, — огорчился эксперт.

— И что теперь? — следок на меня смотрит с надеждой.

— Понятно, что он не выставлял на всеобщее обозрение эту информацию. Могу помочь, — предложила я свои услуги. А что? Так быстрее дело с мертвой точки сдвинется.

— Как?

— Есть кто пароль сгенерирует и информацию вам достанет из ноутбука.

— Я не могу отдать вам ноутбук, — включил законника наш полисмен.

— Тогда сами майтесь. Вам же надо, не мне.

— Ну, хорошо. Но в руки вам я его не отдам.

— И что вы предлагаете?

— Везите меня к вашему хакеру.

— Ага, сейчас. Только тапки переобую... Не хотите и не надо.

— Потратился Юра на камеры прилично. А он просто так ничего не делал, — произнес охранник тихо.

— Точно, — подтвердила я.

— Откуда знаешь? — поинтересовался следователь.

— Подружки его сказали. Он каждую копейку считал. Скупердяй. А тут на такую аппаратуру потратился? С чего бы? Значит, он как-то на ней деньги зарабатывал, — сделала я вывод.

— Намекаешь, что он свое видео продавал? — уточнил Леха.

— Может быть. Он же актером мечтал быть. Грезил о всемирной славе. В театральный трижды поступал, — выдала я информацию.

— Нашел свой призвание?

— Он по натуре нарцисс. Любил на себя смотреть и собой восхищаться, — высказался охранник.

— Ты у него работал в охране? — переспросила я.

— Работал. Но решил уволиться. Тогда его отец меня к себе забрал, а сыну отдал другого своего охранника.

— Где можно того охранника увидеть?

— Дома, наверное. Юры нет, его и уволили.

— Он сильно расстроился? Теперь без работы остался...

— Нет, не сильно. Он свое дело собрался замутить.

— Ему хорошо платили?

— Прилично. Нам всем его отец хорошо платил. А что?

— Да нет, ничего. Просто мне любопытно, сколько ты получаешь. Я смотрю, ты выгодный жених...

Он покраснел, как красна девица. Застеснялся. Глазки в пол опустил. Обалдеть. Взрослый мужик, а ведет себя с женщинами как подросток. Интересно, а он не девственник случайно...

В общем, итог осмотра квартиры такой: камеры обнаружены. Снимать и изымать их не стали. В надежде, что вдруг кто интересный туда заявится. Ноутбук изъяли временно. Надо информацию изучить на нем. Следов крови где-либо эксперт не обнаружил. Его мнение, что если они и были, то за столько лет их уже замыли напрочь...

Таким же образом проверили еще три квартиры. И остался напоследок большущий дом за городом. Коттедж почти на тысячу квадратов. С подземным подвалом. В общем, работы завтра будет завалиться. А мне дали задание к завтрашнему дню, чтоб мой хакер нашел пароль от ноутбука.

Поэтому все разбежались по домам, а я прямым ходом до Макса. Ему и дала задание на ночь.

— Иришка, почему как только ты появляешься, так обязательно у тебя что-то суперсрочное?

— Максик, миленький. Надо.

— Тебе всегда все надо. У меня и так завал.

— Это самое срочное. И нам копию сделай.

— Тебе зачем? Что ты с этим собираешься делать?

- Пока не знаю. Но пусть будет на всякий случай.
- Слышь, Плюшкина. Колись! Зачем тебе информация с этой железяки?
- Нужно.
- Значит, не скажешь?
- Не сейчас. У меня пока только подозрения.
- Ладно. Уговорила. Завтра с утра заберешь.
- Это во сколько?
- В восемь устроит?
- Ага.

Оставила ноутбук у Макса, а сама побежала к своему парню на свидание. Довольная и счастливая...

* * *

На следующее утро заскочила к другу и забрала ноутбук Юрия. На бумажке Макс написал пароль.

- На всякий случай. Вдруг у этого актера есть еще один ноутбук.
- Ты думаешь, что там такой же пароль?
- Наверняка. Люди в своих пристрастиях консервативны. И пароли меняют редко.
- Ну да. А то бы постоянно путались. У меня тоже один пароль и на компе, и на телефоне.
- Значит, ты как все. Консервативна. А ты в курсе, что вообще-то пароль надо менять хотя бы раз в полгода?
- Нет. Да и ленивая я. У меня на компе нет ничего такого, что можно было бы украсть. И за что было бы стыдно...
- Ты видео не снимаешь?
- Нет, не имею таких наклонностей. У меня там только свадебные видео и фотки. А это я и так выложить могу в общий доступ.
- Ладно. Я тебе работу сделал? Сделал. Иди и работай. Не отвлекай меня...

Я поехала в коттеджный поселок. Сегодня загородный дом осматривать будем. Может, я что-то не понимаю, но скажите мне, зачем люди такие громадины строят? Для чего? Особенно если живет в таком доме один человек. Да хоть и трое. Зачем такая громадина? Дом содержать надо. Ухаживать за ним. Когда дом пустует, он стареет. изнашивается быстрее. Не должны пустовать дома. А этот уже, по моим сведениям, почти два года пустует. Там никто толком не живет.

Туда только Корнеев старший приезжал несколько раз. Да и то так, чтоб поностальгировать по ушедшей молодости. А самому Юрию этот дом и раньше не нравился. Жить он в нем не хотел. И вот для кого такую домину отгрохали? Только деньги на ветер выкинули...

Состав осматривающих дом был тот же. Я, Леша, охранник, IT-шник, мент и эксперт. Эксперт обследовал каждый закоулок, следователь осматривал коттедж на предмет какой-либо техники. Он никаких камер не заметил. Сын Веры Михайловны делал свои дела. Начал обследование сверху. Спустя пять минут позвал наверх следака. Значит, что-то нашли.

- Есть. Есть следы! — обрадовался эксперт, когда осматривал перила.

— Следы чего? — сразу спросила я.

— Предположительно крови. Теперь надо тщательней искать.

Оказалось, что балясины местами были кровью забрызганы. Правда, ее кто-то пытался замыть. Но не удалось. Остались следы крови в малодоступных местах. Эксперт соскреб кровь на экспертизу.

— Уже удача, что уборщица старая и подслеповатая, — высказался Леша.

— Хозяева сами кровь замывали. Кто убил, тот и кровь замыл. Чужому человеку такое дело не поручишь. Сдать ментам может. А плохо работу сделали, поскольку не привыкли тряпкой махать...

— Мужик замывал?

— Не факт. Могла и женщина, для которой этот труд не привычен.

— Значит, не зря в такую даль тащились, — прибежал сверху следак.

— Думаете, что его в этом доме убили? — поинтересовался охранник.

— Я думаю, здесь сына убили. Понять бы почему. Зачем? — задумчиво высказалась я.

— Теперь надо камеры искать. Доказательства нужны.

— Камеры есть, но они не очень. Здесь он аппаратуру подешевле поставил, — крикнул сверху очкарик.

— Значит, здесь он для себя шпионил. А там видео делал на продажу, — сделала я вывод.

— Шпионил? — сразу напряглись все.

— Если человек не в своем доме, а это дом его отца, втихушку поставил камеры, то что он делает? Шпионит...

— За кем?

— Пока не знаю. Но по логике, за матерью или за отцом следил. Больше здесь никто не появлялся, — высказалась я.

— Может за прислугой? — выдвинул следак свою версию.

И как таких недалеких в полицию берут? Версия-то дерьмовая. Я все понимаю. Кашу хоть и едят головой, но она не должна в ней оставаться. А у этого следака в голове каши не на один горшочек припасено...

— За ними не интересно шпионить. Бабке сто лет в обед и дед — садовник. Оба одинокие: ни детей, ни внуков. Зачем за ними следить? — подал голос охранник. Поддержал мою версию. Спасибо тебе, добрый человек...

— И чем стариков шантажировать можно? Тем, что раз в сто лет любовью занимаются? Или лишний сладкий творожок из холодильника съели? Так себе тема. На чай с сахаром и то не нашантажируешь...

— Про бутерброд с икрой вообще и мечтать не стоит, — высказал свое мнение детектив.

— Значит, камеры старые? А как они срабатывали? Надо включать или они, как в квартире, от движения автоматически включались? — крикнула наверх, чтобы IT-шник услышал.

— Автоматика.

— Значит, где-то должен быть накопитель. И это не ноутбук.

— Почему? Ноутбук удобно, — высказался следователь.

— Дом пустует. Ноутбук спереть могут, — пояснил ему Леша.

— Или уже сперли. Может, тайники какие есть. Сейфы. Накопитель должен быть

хорошо спрятан. Юрий не дурак, — высказалась я и пошла искать.

Начала поиски сверху, с мансарды. Помните, что если вы хотите что-то спрятать, то просто положите вещь среди ненужных вещей. И никто не заметит среди хлама бриллиант. Правда, есть шанс, что его выкинут с мусором. И такое бывает в жизни...

В общем, нашла я ноутбук старенький в нише за полками. Даже не подумаешь, что это тайник. Здесь бы никому не пришло в голову что-то ценное искать.

— Есть. Нашла! — крикнула я и спустилась к народу.

— А говорила, что ноутбук спереть могут.

— Так его и спрятали, чтоб воры не украли. Он за полками в тайнике лежал. В нем наверняка что-то есть.

— С чего ты взяла? — Леша критикует мои выводы, считает поспешными.

— А с того, что никто не станет прятать старенький ноутбук в тайник, если там нет какой-то ценной информации. На такой ноутбук даже воры бы не позарились. Разве что гастарбайтеры полуграмотные, — стала я объяснять.

— Логично, — согласился детектив.

Я села на диван. Открыла ноутбук. Набрала пароль с бумажки, который мне Макс дал.

— Вуаля. Заработало! — обрадовалась я.

— И что там? — сразу подскочили ко мне следователь с экспертом.

— А тут записи. Мать Юрия изменяет своему мужу с парнем каким-то.

— Можно посмотреть? — подошел сзади охранник. Долго смотрел видео. Матюгнулся и отошел.

— Не томи. Ты же его узнал. Кто это? — спросила я охранника.

— Бывший охранник сына, который на мое место пришел. Идиот...

— Есть мотив убийства. Осталось понять, кто убил Корнеева младшего. Его мать или охранник. И где спрятали тело? Куда они его дели? — спросила я.

— Охранника надо брать. И мать тоже, — стал планировать следователь.

— Труп искать надо. Он где-то в саду зарыт.

Мы долго обследовали дом. Следы крови больше не были обнаружены. На завтра следователь собрался нанимать землекопов, чтобы обыскать весь сад.

— Надо бы садовника привлечь, — высказалась я.

— Куда? За что? — спросили все хором.

— Просто привлечь к поискам. А может и есть за что. Он мог знать. Навряд ли он бы не заметил изменений в саду. Он соучастник...

— Почему так думаешь? — спросил детектив.

— Он — садовник. Его работа каждый день находить неполадки на территории сада и исправлять. Как бы ты отреагировал, что на твоём участке кто-то копал землю? Сам подумай...

— Узнал бы, зачем копали и кто.

— А я бы перепроверила. Ведь хозяин молодой пропал.

— Он тогда куда-то уезжал, — вспомнил охранник.

Уже два года прошло, а охранник помнит. Значит, есть мозг в черепной коробке. Зря я его питекантропом называла.

— На тот свет он уезжал. А потом воскрес лже-Юрий. Им время надо было переждать, чтоб его исчезновение с ними не связали. Тут они где-то труп зарыли. И Юру никто не искал, потому что они всех обманули. Развели двойником. Там уже, наверное, одни кости

остались. Все черви съели...

— Завтра будем искать. А сегодня уже хватит ужасов. Где я на ночь глядя землекопов найду? — взъерепенился следователь.

— Мы мимо кладбища проезжали. Вы разве не видели? Там наверняка есть и лопаты, и дешевая рабочая сила. Гастарбайтеров нанять можно...

— Им платить надо. У меня оклад нищенский. Слезы, а не зарплата, — следак пригорюнился.

— Завтра найдем. А пока по домам.

— А деньги? Где я возьму деньги?

— Завтра будут вам деньги. Мы оплатим, — успокоила я следователя.

— Тогда ладно, — снисходительно согласился следователь.

— Главное, чтоб никто никому не проговорился.

— Так дед с бабкой знают, что мы здесь все осматриваем.

— Придется кому-то здесь на ночь остаться, — предложила я.

— Зачем?

— Садовник мог быть с убийцами заодно и помогать им избавиться от трупа. Если он поймет, что мы завтра копать в саду будем, он может останки выкопать и увезти от греха подальше. А нет тела — нет дела...

— Значит, я здесь останусь, — вызвался следователь.

Какая самоотверженность... Не ожидала, честно говоря.

— Я не могу. Меня дома ждут, — отбрыкался эксперт.

— Я могу остаться. Своих только предупрежу, — предложила я.

— И я останусь, — почему-то в унисон сказали детектив и охранник.

— Я пас. Мне домой надо, — сказал очкарик и понурил голову. Он и так много сделал. Камеры все нашел. Надо было с ним расплатиться. Отвела его в сторону, отдала штуку баксов, как договаривались. Он радостный домой поехал и сказал, чтоб звали, если понадобится.

Охранник посадил всех в машину и поехал развозить по домам. Завтра так же он всех привезет сюда. Кроме IT-шника. Очкарик свою работу сделал. Мы трое сели раздумывать, как было дело. Строили версии.

Спустя час охранник вернулся и стал нас кормить. Он в этом доме все знает, где что лежит. Продукты купил. Хозяйственный. Впервые вижу питекантропа, который так ловко орудует на кухне. И так вкусно все приготовил. У кого научился?

Мы по очереди выходили в сад, чтоб не прозевать, если садовник будет выкапывать труп. Потом охранник решил, что лучше в гостевой домик к прислуге спать напросится, чтоб они у него на глазах были.

Правильно мыслит. Впервые вижу питекантропа, который мыслит здраво. Но мы тут в доме тоже не расслаблялись. Всю ночь по очереди за садом присматривали. То делаем вид, что в сад прогуляться с Лехой вышли. Это ночью-то зимней. Свежим воздухом подышать выходили. То бессонница нас мучает. Короче, те еще актеры мы оказались. Еле до утра вытерпели. Но не заснули...

А утром я и детектив пошли на кладбище нанимать копателей. Охранник вышел с садовником. Тот белее мела. Трясется. Следователь предложил ему показать, куда был зарыт труп. Добровольно. И тогда он будет освобожден от уголовной ответственности. Но дед оказался партизаном. Молчал. Попытки к нему применять никто не стал. Просто следователь

высказал свое мнение. И тут слово взяла я.

— Понимаете, что здесь все будет перекопано? Даже уборная и компостная яма. Кости за такой срок не разложились. Будет сделан анализ ДНК. И вы сядете с убийцами наравне.

— Скажи им, Трофим! — стала умолять его бабка.

— Ладно. В старой компостной яме они его закопали, — сознался дед.

— Вы принимали участие?

— Нет. Но утром увидел беспорядок и им сказал.

— Где вы сами находились в то время, когда они закапывали труп?

— Мы в магазин уезжали, — быстро вышла вперед бабка.

— Зачем?

— Так хозяйка вылетела из дома. Как заорет на меня. Какую-то мелочь на кухне не нашла и послала срочно в магазин.

— Мелочь в местном магазине можно было купить.

— И я ей так сказала. Но она такой список составила, что пришлось в город в супермаркет ехать.

— Как долго вы там были?

— Несколько часов. Пока до магазина доехали, пока отоварились. Потом дорога домой полчаса заняла. Часа три или четыре ушло.

— Почему так долго?

— Трофим аккуратно водит. Не гонит.

На мой взгляд, этот Трофим не просто не гонит. Он по дороге плетется как черепаха. Ничего. По биллингу сверимся. Не ездили же они в магазин без телефонов. А значит, можно выяснить, сколько у них времени на дорогу ушло.

— Смекаешь, Шарапов? — спросила я Лешу.

— Специально отправили, чтоб не было свидетелей. Пока старики ездили, они от трупа избавились.

— Что потом было? — спрашиваю бабку.

— Мы приехали, когда уже темно было. А утром Троша обнаружил, что старая компостная яма засыпана землей.

— Я сразу понял, что что-то не то. А потом моя бабка кровь на ступеньках обнаружила.

— Почему подумали, что это кровь?

— Соку и кетчупу на лестнице делать нечего. Хозяйка была с придурью. Она ест только в столовой.

— А охранник?

— Его она тоже воспитала. Он ест только в столовой.

— Понятно. Что было дальше?

— Они уехали через день.

— А вы?

— А я решил посмотреть, что они там зарыли.

— И что?

— Маленько откопал. Смотрю там ноги чьи-то. Обнаружил труп.

— Хозяйка с охранником были любовниками?

— Не знаю, — сказал, а глазки у самого забегали.

— Не лгите. Сказали «а» говорите и «б».

— Да.

— Что, да?

— Хозяйка с охранником были любовниками.

— Вам заплатили за молчание по поводу убийства?

— Запугали, — не вытерпела бабка. — Они же его и меня на улицу выкинуть обещали.

А нам некуда идти. Беженцы мы. Война у нас началась, мы сюда прибежали. Жизнь спасали. Потом с Трофимом сошлись. Мы на домик копили, но сглупили и свои деньги доверили мошенникам. На улицу в таком возрасте...

— Они потом заплатили, чтоб нам на дом хватило, — добавил дед.

— Почему дом себе не купили? Купили бы дом и сообщили о трупе куда следует.

— Не пошли нам эти деньги впрок. Украли их у нас. А сообщить куда следует я собирался. Да моя меня отговорила. Они нас убить обещали.

— Понятно. Показывайте, где зарыли труп. Вас сейчас на камеру снимать будут. Вы сами все подробно расскажите.

Дед все заново стал рассказывать. Только теперь это снималось на камеру. Сделали так для того, чтоб дед не соучастником пошел, а свидетелем убийства, которого запугали злодеи. Но геройский дедок решил следствию правду сообщить. Пожалел все-таки следователь деда с бабкой. Отвел от них карающий меч правосудия...

Дед показал яму, в которой было захоронено тело. Гастарбайтеры пришли толпой в оговоренное время и тут же стали перед нами ломаться. Хотели вроде отказаться копать. Вяло искали причины для отказа: то им земля очень влажная, то вонища от ямы, видите ли. Артисты из них аховые...

В общем, стали гастеры набивать себе цену. Конечно, следователь мог бы их просто заставить копать за бесплатно. Наверняка у них проблемы с регистрацией. Но зачем? Нам надо было быстрее закончить неприятное дело. И понять гастеров можно. У них вон за воротами мал мала меньше «апайчата» кричат, папку дожидаются...

При удвоении ранее оговоренной суммы вознаграждения, они сразу же дружно заработали лопатами. Я пошла на это, хотя понимала, что это грабеж среди бела дня. Все равно это такие копейки по сравнению с теми деньгами, что я нагло сняла с Корнеева. Я просто мозгами шевелю, а они тут мокрую землю лопатами кидают, да еще и вонючую. У них тяжелый труд...

Вот что животворящая сила зеленых денег с людьми делает. Скорость выкапывания была просто нечеловеческой. Почисте экскаватора. Но и вонь из ямы стала просто невыносимой. В этом гастарбайтеры были правы. На дне ямы обнаружили человеческие останки. Копатели вытащили оттуда труп. Эксперт принимал тело наверху.

Все снималось на камеру. Дед с бабкой дали показания на свою хозяйку и охранника. Остается только все правильно оформить, чтобы на суде вся доказательная база не развалилась. В середине дня арестовали жену Корнеева и охранника ее сына.

Любовники стали топить друг друга наперегонки. Охранник сначала все валил на свою пассивность и рассказал очень интересные вещи. Дело было так. Оказывается, сынок не был дурнем и раскрыл старый, как мир обман...

За несколько дней до убийства пришел Юра к матери и прямо с порога выпалил ей в лицо.

— Я знаю, что он не мой отец.

— Кто?

— Корнеев не мой отец. Я и раньше подозревал. А теперь знаю точно.

— С чего ты взял?

— Он никогда меня не любил. Я чувствовал, что он мне не родной.

— Кто тебе такую глупость сказал?

— ДНК тест.

— Кто? — она не сразу поняла, что сказал сын, поскольку была уже пьяная.

— Я сделал тест на отцовство. Корнеев мне никто. Кто мой отец?

— Ик... — стала она от страха икать.

— Говори. Иначе я прямо сейчас ему все расскажу.

— И чего ты добьешься? — поинтересовалась она.

— Он вышвырнет тебя из этого дома. Ты изменяешь отцу с охранником.

Мать его хоть и была подшофе, а все-таки в момент опасности сообразила, какие слова сказать, чтоб сын не начал действовать сгоряча.

— Он вышвырнет и тебя, сынок, — сказала она, смеясь ему в лицо.

— А меня за что? — удивился он.

— За то, что я тебя нагуляла. Зачем ему убудок? Ему своих детей надо.

Сынок от сказанного просто онемел. Этот вариант развития событий он не предвидел. И только сейчас стал соображать. А ведь правда. Отец его сразу же вышвырнет и из дома, и из своей жизни. И что он будет делать? Он же ничего не умеет делать. Ничего нет у него, чтоб гордо уйти. Он же нищий без отцовских денег.

Может, его настоящий отец богат? И более успешен, чем Корнеев. Рад будет такому сыну, как он. Юра решил все подробнее разузнать у матери.

— Кто мой отец? Говори, черт тебя подери! Может, это мой шанс жить с родным отцом! — крикнул Юра и за руку ее схватил, пытаясь до нее достучаться.

— Да не знаю я.

— Как это? Ты что, не знаешь, с кем спала?

— Не знаю. Изнасиловали меня... Отстань...

— Как? — растерялся он.

Такого даже он со своей буйной фантазией не ожидал. Вот так развязка. Он-то сначала вообще хотел мать шантажом заставить поделиться с ним деньгами. А тут такое вскрылось...

— Не знаешь, как насилюют? Ты же сам своих девах насилуешь. Должен бы знать, сынок...

Юру не удивило, что мать знает про его шалости. Наверняка охранник рассказал. Плевать на ее мнение. Она дрянь и пьянь. Еще и с охранником спуталась. Его интересовало, что ему делать.

Теперь он испугался. Вдруг однажды отец узнает правду, что он не его сын. Правда, она же, как дерьмо — всегда всплывает. Узнает отец и прогонит его с голым задом. Юра не хотел быть нищим. А значит, надо уйти с деньгами.

— Ты понимаешь, что он может нас в любой момент выгнать на улицу, в чем мать родила?

— Дошло, наконец?

— Надо что-то делать. Надо денег у него украсть. Тогда поживу, — стал бормотать Юра.

Мать его хоть и была пьяной, но сразу зацепилась за эту фразу.

— Давай украдем, сын. А как?

— Есть у меня идея.

— Говори.

Сын поделился с матерью своими мыслями, как обокрасть отца и оставить ни с чем, а сами они будут жить припеваючи.

— Ты понимаешь, что мы сами будем богаты и независимы от него. И плевать на отца. Он все равно никогда меня не любил.

— А мне-то что с этого? Ты будешь богат, а я опять нищей попрошайкой. Зачем мне шило на мыло менять?

— Ты что? Ты думаешь, что я брошу свою родную мать? За кого ты меня принимаешь? Я с тобой деньгами поделюсь: половину тебе, половину мне. Я обязательно поделюсь...

— Хорошо. Я подумаю, — сдалась она на милость сына.

— Подумай. И я подумаю, — пробормотал сын себе под нос.

На самом деле он уже подумал. Он ограбит папашу. Поедет туда, где мужики — хозяева жизни. И будет иметь столько баб, сколько захочет. И делать с ними будет то, что захочет. На этот счет у него много идей. И он их все воплотит в жизнь.

А мать? Даст он ей копеечку на первое время. А дальше пусть сама устраивается в жизни, пусть живет со своим любовником. Все равно, как денег не станет, он ее бросит. Он с ней только ради денег валандается.

А может, даже и мелочь не давать? Почему он с ней должен делиться? Она его не воспитывала, не кормила, не поила. Даже когда он болел, у его постели не сидела. Чужие тетки были рядом, а матери не было. Так что ничего он ей не даст. Пусть сама любовника содержит. Свои цацки продаст...

Кстати, хорошо, что вспомнил. У нее разных безделушек море. Надо бы и их у нее забрать. Под каким-нибудь предлогом? Это его отец их купил. А мать продавать их и деньги на любовника тратить будет? Нет уж, обойдется! Ему они нужнее.

Через два дня Юра уговорил мать достать из банковской ячейки деньги и бриллианты.

— Зачем? Пусть там лежат...

— Как ты не понимаешь. Отец в любой момент может перекрыть тебе туда доступ. Помнишь, как мне закрыл?

— Зачем ему это делать? Он же ничего не знает.

— А вдруг узнает? И что тогда? Он отберет у тебя все.

— Твой сын прав. Муж может перекрыть в любой момент доступ к ячейке, — вступил в обсуждения охранник.

— Вот. Послушай умного человека, — сослался сын на любовника.

— Хорошо. Завтра заберу, — согласилась с ними мать.

Охранник уехал куда-то по своим делам. Юра нагнал на мать. Уговаривать стал, чтоб сегодня все из ячейки забрать. Не надо, мол, рисковать. Она уже была сильно пьяна и пошла у него на поводу.

Выйдя из банка, сын сразу забрал у нее драгоценности и деньги, сказав, что переложит в ячейку на ее имя. Пьяная женщина своим мозгам не хозяйка. Все отдала сыну. Да и доверяла ему.

А он взял и схитрил. Сначала действительно открыл ячейку на себя и на мать. И при ней положил туда все. Привез довольную домой. Она опять кинулась к бару пить, потом заснула пьяная. А сын уехал, чтоб проверить операцию по изъятию драгоценностей матери из общей ячейки.

Открыл в другом банке ячейку на свое имя. Положил все драгоценности и деньги

матери туда. Вот уже есть у него небольшая подушка безопасности. На первое время сойдет...

Вечером приехал охранник. Стал орать на мать, что отдала драгоценности своему непутевому сыну. Он рассчитывал сам руки погреть на ее цацках, а тут такой облом.

— Ты понимаешь, что он тебя кинуть может? — орал он с пеной у рта.

— Это ты мать кинуть хотел, обобратить рассчитывал! — орал в ответ Юра.

— Я твою мать люблю! — доказывал свою правоту охранник.

— Зачем тогда девок трахаешь, которых я бросаю? Шваль подбираешь. Обьедки с моего стола доедаешь, — парировал сын.

— Кого ты там дерешь? — заинтересованно задала мать вопрос любовнику.

— Глупости какие. Он сочиняет, чтоб меня в твоих глазах уничтожить! — оправдывался любовник.

— Значит, пусть деньги с брюликами лежат там, где они лежат. Никуда я их перекладывать не буду, — вынесла вердикт мать.

Она наивно думала, что сын в ее ячейку положил деньги и драгоценности. И слова сына про измены любовника, да еще с гулящими девками, запали ей в душу. Значит, не надо любовнику доверять. Предаст, паскудник...

Охранник тем временем понимал, что большие деньги могут ускользнуть от него. Поэтому с потерей драгоценностей смирился. Но на остальные деньги решил наложить свою лапу. Пусть только Юрка папашу оберет. А тут он со своими друзьями самого Юрку и обчистит. В общем, вор у вора решил дубинку украсть.

Вечером охранник спокойно заявил Юре, что подумал и согласен с его решением. Им надо не ссориться, а подумать о том, как будут у папаши деньги отнимать. Юре нужны были подельники, поэтому он рассказал любовнику матери свою схему.

Мать радовалась, что ее мужчины нашли общий язык. Не понимала глупая женщина, что оба просто действовали по ситуации. Им обоим нужно было временное перемирие, но цели у них были разные: каждый хотел обокрасть другого, чтоб самому стать богатым. И выжить должен был кто-то один. А она при любом раскладе осталась бы голой и босой. И брошена обоими: как сыну она не нужна была, так и любовнику.

Я напросилась присутствовать на допросе матери Юрия Корнеева. Мне было интересно, как она пережила смерть своего единственного сына. Как рука поднялась скинуть тело в зловонную яму. Пусть он был уже трупом, но все же сын.

Я сидела в уголке и не отсвечивала. Муж жене-убийце не стал оплачивать адвоката. Отрекся от нее. Поэтому подозреваемая получила в рамках закона обычного адвоката. Общественного. Молодого глупого парнишку, недавно получившего корочки. Он во время допроса сидел и выпучивал глаза по любому поводу. То на следователя, то на меня, то на горе-мать...

Допрос шел вязко. Мать страдала от жесткого похмелья. Была очень зла и раздражена. А злой и выведенный из себя человек часто проговаривается. И она проговорила. Сдала своего подельника...

— Кто убил Юрия Корнеева? — задал вопрос следователь.

— Охранник.

— Какой охранник. Потрудитесь назвать его имя, фамилию и отчество.

— Романов Руслан Михайлович.

— Какие у вас с Романовым Русланом были отношения?

— Мы были любовниками.

— Уточните. Вы с ним состояли в интимных отношениях?

— Да. А что, нельзя? Мораль мне будете читать?

— Не буду. Поздно. Как ваш любовник убил вашего сына.

— Какого сына?

— Вашего родного сына. Юрия Корнеева.

— Он мне не сын.

— Как вас понять?

— Как сказала, так и понимайте...

— Почему вы утверждаете, что Корнеев Юрий не является вашим сыном?

— Просто он мне не сын.

— Это вы из-за обиды на сына так говорите? За то, что он вас ограбил?

— Нет. Юрий просто не мой сын.

— В каком смысле? Объясните точнее.

— Я его не рожала. И к Корнееву он не имеет никакого отношения.

— Откуда вы взяли ребенка?

— Купила.

— Когда, как и у кого ребенка приобрели?

— Была беременной.

— От Корнеева?

— Нет.

— Вы тогда были замужем за Корнеевым?

— Нет. Но он собирался оформить отношения, если я ему рожу наследника.

— Он считал, что вы беременны от него?

— Да.

— Почему он так считал?

— Я ему так сказала.

— Зачем?

— Замуж хотела за него. Там столько претенденток было за него замуж. Надо было их обходить на повороте. Я первая догадалась его так раскрутить и мне главный приз достался.

— Почему до родов не оформили отношения?

— Он не хотел жениться. Родить ему пацана было единственным способом женить его на себе.

— Так хотелось за него замуж? — встряла я.

Следователь на меня шикнул. Но повторил мой вопрос. Подозреваемая посмотрела на меня внимательно и ответила.

— Мне денег его хотелось, а этот вонючий козел мог хоть на следующий день сдохнуть. Я бы даже не заплакала и слезинки не пролила бы. Ты не понимаешь, подруга, какое это мучение было с ним спать. Мало того, что какой-то рыхлый и потный, так он же еще и вонял хуже козла...

— О любви к мужу и речи не было?

— Кого любить? Ты знаешь, сколько ему лет было? Конь с яйцами. Ему за семьдесят, но в постели он настоящий жеребец: ржет, брыкается, роняет навоз.

— В самом деле?

— Нет, утрирую. Но не далеко от истины. Он вонючий старый мерин...

— Получается, Корнеев не знал, что вы не от него беременны? — продолжил допрос следователь.

— Нет, конечно. Что я, дура, ему говорить? Он уверен был, что он отец...

— Где ваш ребенок.

— Умер при родах. Пуповина обмоталась. Асфиксия...

— Вам было жалко своего ребенка? — опять встряла я.

— Вам было жалко своего ребенка? — повторил за мной следователь.

— Нет. Терпеть не могу этих спиногрызов.

— Почему?

— Бесят...

— Как вы узнали о том, что ваш ребенок умер?

— Врач пришла и сказала.

— Как и с кем вы сговорились насчет ребенка?

— Я пожаловалась врачихе, что окажусь на улице без всего. Та предложила поспособствовать, чтоб я вышла из роддома с мальчишкой на руках.

— Как?

— За деньги. Как еще такие дела обтяпывают?

— Подробней расскажите.

— Там малолетка рожала. Она сознание потеряла. Ее ребенка мне отдали. А ей сказали, что ее ребенок сдох от асфиксии.

— И что другая мать?

— Выла. Днями и ночами о своем щенке выла. Достали они меня.

— Как достали?

— Врачиха деньги взяла сразу. И назад уже не могла отыграть. Но эта старая сволочь стала совестью страдать. Жалко ей мамашу стало.

— И что вы сделали?

— Поскорее выписалась. Пожаловалась мужу, что мне там не дают спать.

— Вы расписались?

— Сразу же. Он ребенка увидел и сразу меня в загс потащил...

— Почему ваш любовник убил Корнеева Юрия.

— Юра деньги папаши заграбастал. И отказался делиться.

— С кем он должен был поделиться?

— С нами. Со мной.

— При чем здесь ваш любовник? Что он хотел от вашего... от Юрия?

— Денег. Чего же еще.

— На каком основании?

— Он Юре помогал. Тот ему обещал денег.

— И не заплатил?

— Кинул.

— А вам заплатил?

— Мне пообещал. Но думаю, что тоже кинул бы. Он жадный был...

— Родную мать обманул бы?

— А что такого? Отца он обманул, а чем я хуже? И меня бы нагрел, не сомневайтесь даже.

— Он знал, что вам не родной?

— Нет. Что я, дура, ему говорить?

— Расскажите в подробностях, как был убит ваш... Юрий Корнеев.

— Русик разговаривал с Юрой наверху. Потом они сцепились. Руслан сказал, что Юру убьет, и скинул вниз с лестницы.

— Юрий вашему любовнику угрожал?

— Словами.

— Бил?

— Нет, куда ему против Руслана.

— Была опасность жизни вашего любовника?

— От кого? От Юрасика? Не смешите меня. Русик его одной левой прибить мог. А Юрка только девок мог насиловать...

— Ваш любовник специально скинул Юрия с лестницы?

— Не знаю. Спросите у него.

Долго еще выпытывал на допросе у горе-мамаши подробности убийства следователь. Она и не запиралась. Рассказывала все как на духу. Следователь был счастлив. Убийца пойман. Наказание за содеянное ему с его поделницей определит суд.

Мать может выкрутиться. Она никого не убивала, только покрывала своего любовника и помогала скрыть следы преступления. Скажет на суде, что испугалась за свою жизнь или еще что-нибудь придумает. Да и вообще, суд наш гуманный и может пожалеть тетку. Влюбилась дуреха на старости лет.

* * *

Леша сидит в машине довольный. Дело раскрыто всего за пару дней. Тело убиенного Юрия Корнеева найдено. Скоро отец его похоронит по-человечески. Убийца найден, его пособники и поделники будут наказаны. В общем, мы свое дело сделали.

— Быстро мы все раскрутили, — высказался Леша.

— Макс сильно помог.

— Чем это?

— Тем, что вычислил, где в последний раз телефон Юрия работал.

— Ты про дом знала?

— Знала. И что там же в это время мать с охранником была, тоже знала.

— А зачем мы тогда обыскивали все квартиры?

— Чтоб не ошибиться. Его могли убить где угодно.

— Повезло, что они в доме нормально не прибирались.

— Ленивая она. Это ее и подвело.

— Они расслабились и решили, что пронесло.

— Глупые они. Могли не воровать, а просто к отцу в схему встроиться. И точно такие же деньги заработали бы. Жадные и дурные.

— Как с Максом будешь за помощь рассчитываться?

— Как обычно. Со своей доли половину отдам.

— Так у вас денежный интерес...

— Не всегда. Если денег не предвидится, он все равно помогает.

— Безвозмездно? То есть даром? Почему? Он же свое время тратит.

— У нас детство общее. Школа. Мы с горшка друг друга знаем...

— Понятно. Мы с тобой в этом деле практически и не потратились.

— Так, по мелочи. Эксперт, IT-шник, гастарбайтеры и мент.

— А менту за что?

— Он за бесплатно задницу не оторвал бы куда-то ездить. Он за просто так вообще в отделе мог сидеть. А нам надо было его расшевелить. И ему хорошо: убийц наказали, и он денег заработал. И все по закону, не подкопаешься. Будут сидеть упыри.

— Кстати, а куда Юра деньги свои дел?

— Которые у отца слямзил?

— Ну да.

— А кто ж его знает. Куда-то.

— Надо бы найти.

— Зачем? Мне не надо. Нам за это не платили. Нам оплатили поиски сына? Мы нашли. Оплатили поиски убийц? Мы тоже нашли. Мы заказ полностью выполнили и в сжатые сроки. Все, как обещано...

— Менты не ленились бы и сами найти могли.

— Нет, не могли.

— Почему?

— Бюрократическая машина застопорила бы. Мы свое расследование деньгами смазывали. А бедолагам полицейским даже камеру для съемок с боем выдали.

— Да ладно. Там же видеочамера допотопная.

— Вот именно. Я уже хотела им свою во временное пользование дать. Да обошлось. Сжалилось начальство, и древний агрегат им выдали на руки под расписку в его сохранности. Смехота...

— Что дальше делать будем?

— Сегодня отдыхать.

— Что заказчик?

— Уже звонил и благодарил. Мне кажется, он что-то еще хотел сказать.

— И что?

— Появится — узнаю.

— Деньги попросит найти. Много они у него увели?

— Не знаю. Думаю, прилично. Сам подумай. Все драгоценности его мамы Юра спер и посчитал, что хватит на первое время. А сколько ему надо, чтоб хватило денег надолго?

— Ого-го, какая сумма...

— Вот и я думаю, что много они у папаши увели. Одно дело, если это лично его деньги были. А представь, если это деньги его партнеров?

— Тогда папаше кирдык, если партнеры узнают.

— Точно. Ну что, отдыхать поедем?

— Поехали. Созвонимся потом.

— Только не завтра. Отдохнем денек.

— А потом займемся Бориными связями...

Пока ехала домой, меня терзали смутные сомнения. Мне непонятно, почему мямлит охранник. Все на нем сошлось, а он уверенно дает показания только до того момента, как сцепился с Юрой. Уже практически доказано, что он убил. А он вроде признается, но как-то неуверенно. Не помнит уже, как убивал? Или притворяется, что не помнит?

Совсем не понятно, зачем мать вдруг призналась, что сын ей не родной. Спустя столько лет вдруг стала признаваться еще в одном преступление. Зачем? Много в этом деле мне кажется странным. Ой, много...

Приехала домой. Мама дома хозяйничает. Поговорю с мамой, а то с этими расследованиями времени на самых дорогих и любимых не хватает.

— Привет. Как дела? Как на работе?

— У нас хорошо с Петрухой. А как твои преступники? Что расследуешь?

— Вроде уже все расследовали. Только ощущение чего-то недоделанного.

— Что тебя смущает?

— Не знаю. Все вроде сходится. Факты один к одному. Все в елочку. Но меня смущает поведение фигурантов. Оно странное...

— То есть они как-то неадекватно себя ведут?

— Можно сказать и так. Понимаешь, этот Юрий странный. Некоторые говорят, что он мать любил. Но мать рассказывает свою версию, и получается, что не любил. И сама она странная.

— Почему?

— Вышла замуж не по любви. Мужик старше ее лет на двадцать с лишним. Она вроде родила ему ребенка. А оказывается, не родила. Ее ребенок умер. Она чужого купила. Но что-то меня тут смущает.

— Что конкретно?

— Понимаешь, она говорит, что с сыном плохие отношения. Что нет любви в их семье. А когда про сына рассказывает, у нее лицо меняется. Как будто она его любит.

— Значит, где-то она врет. Или актерствует.

— Тогда актриса из нее фиговая. Если сына любит, то почему не была убита горем? Она вместе с любовником в компостную яму труп сына скинули и закопали. Или любовника мать любит больше, чем сына? Но лицо при упоминании любовника не светится. И вот как это несоответствие понять?

— Действительно. Поведение странное. А почему вы ей верите?

— В смысле?

— Почему вы ей верите во всем? Она могла правду смешать с ложью. Так вруны часто делают: разбавляют ложь правдой для достоверности.

— Значит, завтра стану проверять ее слова. Мне самой интересно. Конечно, может так странно себя человек вести, если он психически болен. Но она вроде нормальная. Значит, она нам врет. А зачем? Почему врет? Не понимаю...

— Я бы задала вопрос по другому. Для чего она врет...

— Смотри. Есть факты. В доме было, судя по биллингу, четыре телефона. Они работали до последнего. В гостевом доме было два телефона. Они тоже работали. Потом два телефона выехали за пределы поселка. Это подтверждает слова деда и бабки.

— Чьи четыре телефона?

— Один матери, один охранника, один Юрия. Один неизвестен.

— Кто четвертый? Куда он делся?

— Не знаю. Юрий уехал с матерью и охранником Русланом.

— А четвертый телефон замолчал?

— Да. Это чистые факты.

— Может, этот четвертый просто второй телефон кого-то?

— Может быть. Теперь что меня еще смущает. Где драгоценности и деньги, которые умыкнули у отца. Тот еще и чужим дядькой оказался.

— Есть еще что-то?

— В общем, меня смущает, что мать ведет себя как-то нагло.

— Почему?

— Вот и мне непонятно. Осталась без денег, без драгоценностей, без сына, без мужа, без жилья. И такая непробиваемая и уверенная в себе, как будто у нее есть план «Б» на случай провала.

— Интересно. Может, она знает, где деньги?

— Допустим. А охранник?

— Охранник?

— Почему он так странно дает показания? Почему не уверен ни в чем.

— Может, он был пьян?

— Понимаешь, он крупный мужик. Он тогда выпил двести грамм коньяка, и его развезло. Такого громилу с двухсот грамм? Странно это. Очень странно...

— Может, он спиртное не переносит. Есть такой вид аллергии, когда даже большому человеку достаточно пятьдесят грамм, и он уходит в астрал. Теряет сознание и потом даже не может ничего вспомнить.

— Напекаешь, что у него такая аллергия?

— Да.

— Тогда она у него возникла вдруг и только в тот день. Все остальное время он спокойно пил коньяк. И даже с бутылки не хмелел. Ни в одном глазу.

— Сколько ему надо, чтоб опьянеть?

— Две бутылки хорошего коньяка как минимум. Это мне другой охранник Корнеева сказал, который с ним пил. И не раз. Есть с чем сравнивать.

— Как тебе вариант, что в коньяк что-то подмешали.

— Вот и я так думаю. Хорошо, что мы с тобой одинаково мыслим. Ты пришла к тому же выводу. А зачем что-то подмешивать напарнику? Если не затем, чтобы обвести вокруг пальца.

— Обмишурила хитрая мамаша Руслана.

— Вот именно. А если мамаша врала, то проверять надо все, что она говорила. Пошагово. Досконально.

— Значит, проверяй. Бери полицейского и проверяй. Мне, честно говоря, тоже эти нестыковки кажутся странными. И советую начать с роддома. А потом с конторы, где делал ДНК тест ее сын.

— А потом карточку из районной больницы или где он там наблюдался. И Макс биллинг всех телефонов проверит. Много чего надо перепроверить. Надо будет Леше позвонить.

— Не поздно?

— В самый раз. Завтра рванем дело доделывать. Недоделкина я у тебя...

Созвонилась с детективом. Договорились завтра встретиться в конторе у следователя. Потом следователю позвонила. Сказала, что есть очень важные сведения. Хотя у него все на мази. Он постарается от меня отделаться. И дело в суд передать. Или прислушается к моей орущей во весь голос интуиции?

Всю ночь ворочалась. Не спалось. В уме решала задачки, которые нам подсовывает

жизнь. Заснула только под утро. Приехал детектив. И мы с ним помчались к менту.

— Чем обязан?

— Охранник не убивал.

— Почему это? Что за фантазии?

— Поехали. В дороге все объясню.

— Никуда я не поеду. Факты говорят, что он убийца.

— Поверь мне.

— Хорошо. Какие у тебя есть факты?

— Пока нет. Но интуиция моя вопит. Он не убийца, а идиот.

— Не аргумент. Как будто идиот не может быть убийцей. Доказательства давай.

— Поехали за доказательствами. Не готовь пока обвинительное. Потерпи.

— С одной стороны, я тебе говорил, что ты странная и не от мира сего. Но с другой стороны, ты заметила, что это не Корнеев. Ладно. Поверю тебе и твоей интуиции. Куда едем?

— Надо узнать, где родился Юра. В каком роддоме. И поехать поговорить с врачом, который роды принимал.

— Вот скажите мне, где еще найдете такого дурака, как я? У меня уже дело для передачи в суд готово. Осталось только обвиняемого и его адвоката ознакомить с делом. И почему я вас слушаю?

— Ты очень умный.

— Ладно, подожди пять минут. Узнаю у Корнеева, где его жена рожала. А там карту поднимем.

— И сразу узнай, в какой поликлинике он обслуживался. И где лечился после аварии. Это важно.

Спустя двадцать минут следак выскочил из кабинета с адресами и телефонами. Оказывается, он даже успел кое с кем из врачей созвониться. Значит, поверил в серьезность моих подозрений.

Приехали в роддом. Нам повезло. На месте была врач, которая принимала роды у Корнеевой. Посмотрев карту, она вспомнила и саму роженицу. Сказала однозначно, что не было никакой малолетки, которая рожала. Проверили по документам. Действительно, рожали тогда семеро. Все женщины в возрасте.

У ребенка Корнеевой была та же группа крови, что у матери. Очень редкая — четвертая отрицательная. Значит, вероятность подмены и таких совпадений равно практически нулю. Карту следователь изъял в интересах следствия. Нам стало понятно, что врала следователю зачем-то Корнеева. Посмотрим, что обнаружится в поликлинике, где наблюдался ее сын.

В поликлинике подтвердились сведения о группе крови. Действительно, очень редкая — четвертая, еще и резус у него отрицательный. И переломы есть: ребер и щиколотки. В поликлинике также изъяли карту. Потом поехали в центр, где делал сын анализ ДНК. Благо мамаша его проговорила. Да и бумаги мы нашли. Этот анализ ДНК, из-за которого все якобы началось, лежал на полке на чердаке.

Вообще странный человек этот Юрий. У него везде какие-то тайники наделаны. Не наигрался мальчик в детстве в шпионов. Вот и повзрослел вроде, а как дите малое. Но вот что странно. Такой документ он в тайник не спрятал. Тот лежал на видном месте на полке. Странно же?

В конторе, где проводились исследования по ДНК, нас сначала хотели завернуть. При

этом так нагло и беспардонно. Несмотря на то, что с нами полицейский. Мы дошли до главврача. И даже с ним у следователя был неприятный разговор. Документы предоставлять отказывались наотрез. На любые слова следака этот робот отвечал заученными фразами.

— Меня интересует карточка Юрия Корнеева.

— Мы не имеем право выдавать вам такую информацию.

— Почему? Вы не поняли, я следователь.

— Не можем. Это конфиденциальная информация.

— Вы обязаны предоставить следствию требуемую информацию.

— Пишите официальный запрос. Его рассмотрит руководство в течение месяца. Вам дадут официальный ответ.

— Когда?

— В течение месяца. Ответ вышлем по почте.

И только звонок главврачу от знакомого моей мамы, который пригрозил им неприятностями, поставил зарвавшихся дельцов от медицины на место. Нам выдали все документы. В том числе и анализы, которые сдал Юрий.

— Что теперь?

— Теперь заказать анализ ДНК с его матерью, — ответила я.

— Зачем?

— Чтоб поймать ее на вранье. Вас не интересует, зачем она наврала?

— И зачем?

— Она нагромоздила эту ложь, чтоб вы не стали сверять ее ДНК и трупа. Подстраховалась на всякий случай.

— Зачем?

— Чтоб вы не поняли, что в компостной яме был не ее сын.

— Опять? А это не слишком? Не много ли Юриев?

— Нет. Это не двойник Юрия. Это его подельник по краже денег отца.

— Избавились от подельника, чтоб не делиться?

— В точку. Скорей всего, это труп того, кто придумал всю схему воровства.

— Она своего сына выгораживает? А где он?

— Думаю, что за границей. Главное, ее не отпускайте. Пусть сидит долго.

— Кто этого парня убил?

— Она и ее родной сын Юра. Она сразу к нему рванет, как только на свободе окажется.

— В бега подастся. Это как пить дать.

— Угу.

— Охранник — козел отпущения?

— Верно. Хороша схема?

— Гениально. А если ДНК этого парня не совпадет с ее ДНК?

— Значит, или это не ее сын, или она нам сказала правду. И Юра Корнеев ей действительно не родной сын. Значит, правду она рассказала. Купила она бебика...

— Во путаница. Ну и дело. Мозги от всего этого плавятся.

— А какая у трупа группа крови? Можно при нынешних технологиях определить группу и резус-фактор?

— Не знаю. Я, честно говоря, криминологию пропускал часто.

— Вот и всплыло ваше темное прошлое, господин следователь.

— погоди. А если ДНК совпадет? То это ее сын будет?

— Проверить-то все равно надо.

— Мне начальство по шапке надает. Такие дорогие экспертизы делать мне никто не позволит?

— Деньги есть. Можно попросить, чтоб отец формально поучаствовал. Запросил такую экспертизу. Так-то деньги есть. Мы готовы оплатить. Думайте, как оформить, чтоб в суде прошло как доказательство...

— Что еще прикажете, госпожа?

— Извини, что раскомандовалась. Но запрос по трупу эксперту новый надо сделать. Пусть перечислит все переломы, которые есть на обнаруженном трупе. И медкарты Юрия Корнеева приложите к запросу. Рост пусть сверит. Пусть эксперт ответит на вопрос. Может ли быть труп в компостной яме Юрием Корнеевым. Мне почему-то кажется, что я даже знаю ответ.

— Если переломы прижизненные не совпадут, то это не тот, кого называли Юрием Корнеевым?

— Ага. Правда здорово? Тогда можно и ДНК анализ не делать.

— Гениальная афера. И мать сына до последнего выгораживает. Почему?

— Может, надеется на то, что сын ее любит и ждет в оговоренном месте.

— Доверчивая бедолага...

— А мне больше охранника жалко. Он столько лет считал себя убийцей...

— М-да... Но зачем они сделали двойника Юрия?

— Денежный интерес. Значит, их схема работала только при наличии двойника. Самого Юру они не смогли сюда вытащить: ему, видимо, хорошо там, где он живет. А денег очень хочется... Вот и пришлось двойника создавать, чтобы зарабатывать. Надо понять и обосновать для суда, зачем им нужен был двойник...

Вечером решила сходить на работу. А то получается, что занимаюсь чем угодно, но не прямыми обязанностями. Хотя мы на эту тему с партнерами уже говорили. И они дали добро на то, чтоб я появлялась в кафе по мере надобности. Надобность во мне не было. Бизнес поставлен на рельсы, продукты привозят без сбоев. Залы в кафе всегда полны. Но я все равно время от времени в кафе появляюсь. Не наглею...

Пришла в офис. Только расположилась в кресле, чтоб разобрать текучку, как ко мне заглянул поваренок.

— Ирина Александровна, вас просят в зал.

— По какому поводу? Что-то случилось?

— Да нет вроде.

— Клиент не доволен обслуживанием?

— Да нет. Она настойчиво требует именно вас.

— Хорошо. Иду.

Прошли с поваренком в зал. Он показал мне, кто меня требовал. Да еще так настойчиво. И я поняла, что разговор может быть не очень приятным. Но все равно пошла. Раз хочет поговорить, то поговорим.

— Здравствуйте. Вы хотели меня видеть?

— Да. Я подруга...

— Я знаю, кто вы. Вы любовница моего бывшего мужа, — перебила я лысую скво. Именно с ней я видела тогда Никиту в кафе.

— Бывшего? Вы развелись?

— Мы подали заявление на развод. И так, зачем вы сюда пришли?

— Никита вас не любит.

— Зато он любит вас, так? Тогда мне непонятно, зачем вы здесь.

— Я требую, чтоб вы оставили его в покое.

— Давно оставила. Наслаждайтесь единоличным владением. Зачем мне тот, кого надо возвращать или удерживать? Глобус ему в руки, пусть идет себе с миром! Хоть к вам, хоть куда.

— И что он в тебе нашел? — решила дерзить она.

— Желая вам счастья! — решила я не опускаться до ее уровня.

— Мы любим друг друга.

— Любите на здоровье. Не понимаю, почему вы здесь, а не с любимым человеком. И причем здесь я? Ко мне-то вы зачем пришли?

— Отпусти его. Он тебя не любит. Зачем ты его держишь?

— Девушка, вы меня не слышите? Я его уже давно отпустила. Мы подали заявление на развод. Забирайте своего любимого и наслаждайтесь. Он мне уже не нужен. Так что вы обратились не по адресу. Все свои претензии адресуйте своему любовнику.

— Он даже трубку не берет.

— А я тут при чем? Меня не интересуют ваши отношения. Попрошу не вмешивать меня в ваши дела. Мне и своих проблем хватает.

— Что, никому не нужна стала? Вот за него и цепляешься?

— Не цепляюсь я за него. Еще чего не хватало. Видите ли, мексиканские страсти с битьем дорогой посуды, истерикой и трагическим заламыванием рук мне всегда казались неприличными и какими-то пошлыми. Как только я поняла, что у мужа есть любовница, просто дала ему развод. Тем более, что мне сделали предложение руки и сердца. Я жду официального развода, чтобы снова выйти замуж за человека, которого люблю.

Она сидела, раскрыв рот. Ну и глупое лицо у нее стало. Хотела меня уесть напоследок, а теперь сама сидит с таким тупым выражением лица.

— В общем, желаю вам счастья! Теперь вам предстоит продемонстрировать свой богатый внутренний мир вашему избраннику, — пытаюсь я попрощаться. И уже встала из-за стола, чтобы уйти.

— Богатый внутренний мир третьему размеру груди не соперник, — опять решила она бросить камень в мой огород.

— Ну, если дело только в размере груди, то советую вам не завидовать, а обратиться к хирургам и сделать себе такой же размер. Глядишь, любовник к вам и вернется.

— Так ты силиконовая? — от радости у нее аж настроение поднялось.

— Ошибаешься. На чистом сливочном масле выращена. Ничего во мне нет искусственного. Всего вам хорошего. Желаю счастья. А мне пора работать.

С одной стороны, мне ее жалко. Влюбилась дурында в Никиту. Но с другой стороны, жалость сразу ушла, как только она стала мне дерзить. Да еще так нагло. Грудь ей моя, видишь ли, мир застит. Отрасти свою и радуйся жизни.

Зашла в офис. И сразу же позвонила бывшему.

— Здравствуй.

— Иришка? Привет!

— У меня к тебе просьба.

— Говори. Выполню.

— Потрудись сделать так, чтоб твои нынешние и бывшие любовницы не заявлялись на мою работу.

— Какие любовницы? Ты о чем? Нет у меня любовниц...

— Я говорю о твоей лысой скво. Она в кафе приперлась. Проведи со своей любовницей беседу, чтобы она больше не появлялась в моей жизни. Очень тебя прошу, огради меня от общения с твоими подружками.

— Я сейчас приеду.

— Не надо приезжать. Просто выполни мою просьбу. Я хочу жить спокойно, без напоминаний о тебе, — сказала я и отключила телефон.

Ну вот и все. Пусть сам со своей пассивностью разбирается. А то он, видишь ли, трубку не берет, а скво решила меня третировать. Наглая девица...

Все-таки не послушал меня Никита. Примчался влюбленный идалго. И чего не сидится дома со своей подружкой. Наверняка ведь новую уже нашел. Раз бывшей любовнице отставку дал. Наверяд ли зимой в холодной постели один спит. Постель ему какая-нибудь сеньорита греет. Не смог бы он терпеть одиночество с таким-то темпераментом...

Примчался и стал бывшей любовнице что-то говорить. Она ему отвечает. Жестикулирует, как мельница своими ручонками машет. Вот и хорошо, что они встретились. Пусть поговорят и выяснят отношения. И нечего меня в свои разборки втягивать.

Я тем временем вышла на улицу. Смотрела, как бывший со своей лысой разбирается. Он ей что-то тихо пытается сказать. Она ему по физиономии пощечину залепила. Видать, со всей силы приложила.

И правильно. Расстаешься с человеком, скажи это ему в лицо, а не бегай, как трус от объяснений. Ударила бы еще раз. За меня. За все мои бессонные ночи. Я бы рада была. Мне надоело за ними наблюдать, я развернулась и зашла в офис. Плевать мне, до чего они там договорятся. Плевать...

Поздно вечером взяла Грейса и пошла гулять. Попутно забежала к Макс. Он все равно не спит ночью. Так что я никого не разбужу. Он срочное что-то мне рассказать хотел. Мог бы и по телефону сообщить. Но раз лично просил прибыть, значит, что-то очень важное нарыл. Хорошо бы вычислить, где сейчас Юра Корнеев. Хитрым гаденышем сынок оказался...

— Знаешь, чей четвертый телефон был в коттедже? — Макс имеет привычку делать театральную паузу.

— Нет. Но ты же мне скажешь? Не томи.

— Некий Саврасов Альфред.

— Как вычислил?

— Симка куплена на какого-то гостера. Но все передвижения этого телефона полностью совпадали с локацией телефона Саврасова Альфреда. Места остановок и ночевки в квартире Саврасова. Никто, кроме него в той квартире не жил. Теперь там живут его родители.

— Почему? Признали его умершим? Или просто заселились?

— Не знаю...

— Обалдеть. Какое сочетание. Саврасов Альфред. Ну и имечко родители ему дали. Не поскупились...

— А знаешь, кто он?

— Нет. Ты кончай тут спектакль одного актера ставить. Говори...

— Он был бухгалтером у Корнеева старшего.

— И куда делся сам Фредди?

— Никому не известно. С работы уволился два года назад. И не выходит в соцсети почти два года. А раньше ни дня без соцсетей прожить не мог.

— Надо же, какое совпадение. И труп примерно два года.

— Совпадение ли?

— Наверяд ли, — подвела я итог.

— Что делать будешь?

— С родителями поговорю. Адрес мне черкни.

— Держи, — написал мне на стикере адрес. — С тебя магарыч.

— Договорились.

— Да не за эту мелочь.

— А за что?

— Я тебе подружку твоего помоечного немчуры нашел.

— Хорошо-то как. И с чего нам такое везение?

— Ну да. Кучно пошло. Она, кстати, недалеко от нас живет.

— Вот и цепочка по наркоте раскроется. И где она живет?

— Могу дать дом и подъезд.

— А квартиру?

— Не могу. Видео с подъездных камер.

— Нам этого хватит с головой. Ребятки ее квартиру сами вычислят.

— Удачи...

— Мерси. Максик, ты лучший! А Юру вычислить не удалось?

— Пока нет.

— Ты звони, если что.

— Как только, так сразу...

Попрощались, и я пошла домой спать. Завтра много дел. Сначала с утра пораньше позвоню детективу и следаку. Потом будем сообща думать, как нам все это закончить. Пора уже закругляться.

А то эти расследования ставят крест на моих отношениях с Саней. Два дня к нему уже не ходила. Интересно, как он там без меня? Скучает или нет? Все-таки видеть своего парня хочется. А звонки не решают проблему общения. Мне хочется, чтоб он держал меня за руку. Целоваться хочется...

С утра помчалась в больницу. Я соскучилась по своему новому другу. Два дня с ним не виделась. Зашла через служебный вход и поднялась на нужный этаж. Медсестры на месте нет. Наверное, спит в своей комнате. Или, как вариант, спит с врачом молодым.

Зашла в палату к Сане. Опаньки! Вот и нежданчик мне преподнес мой сердечный дружок. Медсестричка нашлась в постели моего нового друга. Лежит в халатике, его рука лежит сверху на ее талии. Не обнимает, а просто сверху безвольно лежит. О как! Утешился быстро.

Какая идиллия. Я будить их не стала. Просто сняла на телефон эту идиллию. Буду почаще на это смотреть, чтоб понимать, как мужики могут говорить о великой любви и тут же с другой бабенкой спать. Вот как они так могут? Точно говорят, что они инопланетяне. Говорят одно, думают другое, а делают третье...

Собралась уже уходить, но тут медсестра проснулась. Или сделала вид, что проснулась.

На сонную она не очень-то похожа. Переигрывает, актриса доморощенная. Зашевелилась, изобразила своим невыразительным лицом, что стесняется меня. Завошкала и стала выползать из-под руки Сани. И тут он проснулся: некстати для нее и вовремя для меня. Посмотрим до конца этот спектакль одного актера. Вернее, одной актрисы...

Сказать, что у Александра было удивленное лицо, это считать, что ничего не сказать. Глаза чуть из орбит от удивления не вылезли. И удивился он не моему присутствию, а тому, что в его постели лежала медсестра.

Он взревел, как раненый медведь. Медсестра побежала на пост, затем заметалась по этажу. Поняла хитрая лиса, что натворила. Перестаралась. При этом пару раз мимо пробежала. Я стояла и любовалась созданным переполохом. Хотелось ее пнуть для увеличения скорости. Мне было смешно. Когда еще так повеселят...

Фигура у нее, конечно, отстой. Только сейчас ее рассмотрела. За стойкой-то не было видно. Рыжие волосы, да конопатая мордашка все время из-за стойки выглядывала. Практически отсутствует у мадемуазели грудь. И большая попа. В общем, самая настоящая мисс Поппинс. И она хотела передо мной изобразить, что на нее Саня позарился? Насмешила...

Сейчас она будет получать по своей наглой, хитрой рыжей морде. По крайней мере, я ожидаю, что безнаказанно это Александр не оставит. Вот и он из палаты вышел злой как черт. Подошел ко мне. Жду, что скажет.

— Это не то, что ты думаешь, — стал оправдываться Саня.

— Я понимаю. Она стояла у окна, увидела, как я припарковалась на стоянке и решила пойти ва-банк. Ты ей нравишься...

— Не знаю, что она решила. У меня с ней ничего не было.

— Я это знаю. Она просто решила схитрить. Не честно увести у соперницы мужика с помощью женских хитростей и уловок, а мерзкой подставой. Это ей не удалось.

— Я вообще ее не знаю. Она исподтишка, по подленькому в постель ко мне залезла. Обалдеть...

— Не расстраивайся. Я все прекрасно поняла. Схитрила рыжая плутовка. Пока ты спишь, она в кровать к тебе нагло залезла. Чтоб я это увидела. В расчете на то, что я психану, развернусь и разорву с тобой отношения. Но прокололась хитрюга. Что делать будешь?

— Что тут можно сделать?

— Может, надо потребовать от администрации увольнение нахалки, которая, пользуясь своим служебным положением, пыталась тебя подставить?

— Мне ее жалко. Ну ее. Забудем...

— Знаешь, раз тебе ее жалко, то и оставайся с ней. Может, у вас с ней уже давно такие близкие отношения? И я просто не вовремя пришла? Желаю вам счастья с мисс Поппинс, — сказала и пошла из больницы.

Вот скажите мне, это нормально? Ему медсестру жалко. А меня не жалко? Что я пережила, когда в его постели увидела толстозадую медсестричку? Тем более она давно на меня злобно глазами зыркает. Ничего, что я сначала вообще решила, что он с этой мамзель спит?

Пусть тогда с ней остается. Раз ее жалко, это значит, уже какие-то чувства он к этой рыжей испытывает. Может, он с ней рядом полежал и воспылал к ней чувствами. Может, они давно уже такие ночевки практикуют? Не хочу ничего больше знать про них. И двойственность мне эта надоела. Вроде любовь у него ко мне, но на мои чувства ему

плевать.

Вышла из больницы и поехала на работу. Леша со следаком уже стояли на пороге кафешки.

— Что еще нарыла, ищейка? — спросил детектив.

— Есть адрес дамочки, из-за которой немец чуть на тот свет не отправился.

— И где она обитает? — вступил в разговор полицейский.

— В нашем районе. Оранжевый дом.

— У нас нет оранжевых домов.

— А какие есть? — удивилась я сверх меры. Пять минут назад я проехала мимо оранжевого дома.

— Коричневые.

— Интересное кино. Леша, посмотри вон на те дома. Какого они цвета?

— Напротив кафе?

— Ага.

— Оранжевые.

— Коричневые, — настаивает на своей версии следователь.

— Э, батенька, да ты дальтоник. Коричневые более темные. А это оранж.

— Ладно. Не будем спорить по пустякам, — не стал он продавливать свою версию.

— Не будем. Короче, у меня есть ее адрес. Без номера квартиры. Квартиру придется устанавливать самим.

— Как? Она сразу насторожится.

— Мальчишки поработают. Они в засаде посидят и выследят нашу кралю.

— Их выгонят взрослые.

— Это если они шумно сидеть будут. А если тихо и по очереди. То никто их не выгонит.

— А что дальше?

— Обыск в доме. Если повезет, то еще и обнаружите наркоту.

— Интересно, кто она.

— Вот и узнаем. Я у бабок. А ребятня проследят за ней и установят номер квартиры.

— Как-то это все ненадежно...

— Ненадежно, делай сам. Вот тебе номер дома и подъезд. Я что могла, сделала. Вспугнете — это ваши проблемы. Так бы сразу все дела замкнул. Все бы сошлось.

— погоди. Больно ты горячая. Сразу в бутылку лезешь. Я же не говорил, что твоя идея не подходит. Главное, чтоб пацаны ее не вспугнули.

— А мы не только пацанов привлечем.

— А кого еще?

— Девчонок. Будут изображать, что у них чувства. А с чувствами они ни у кого подозрения не вызовут. Я с ними на завтра договорюсь.

— А сегодня что?

— Сегодня возьму Грейса и попытаюсь бабулек местных разговорить. Посижу на лавочке, лясы с ними поточу.

— Типа мимо проходила?

— Точно.

— На том и порешим, — обрадовался детектив, что ему не придется на эту ерунду тратить время.

— Мы установили, чей был телефон в доме. Можно сказать, что я наверняка знаю имя и

фамилию трупа, — похвасталась я.

— Ты хочешь сказать, что наши эксперты не смогли установить, а ты вот так быстро — раз, два и установила?

— Угу. Этот номер был оформлен на гастарбайтера.

— Это полиция уже установила.

— А вместе с этим телефоном все время передвигался второй телефон. Те же адреса, те же остановки. Биллинг совпадал с телефоном человека, которого звали при жизни Саврасов Альфред Иванович.

— Хочешь сказать, что этот Саврасов имел два телефона?

— Ага. И знаете, что самое интересное?

— Что?

— Угадайте.

— Не томи, выкладывай.

— Он был бухгалтером. А знаете где?

— Рассказывай уже, — поторопил меня следователь.

— Не тyani, — не выдержал и детектив.

— Он был бухгалтером у Корнеева старшего.

— Как ты любишь говорить. Круг замкнулся, — высказался детектив.

— Есть его адрес. И знаете, какое еще совпадение?

— Какое?

— Он любил в интернете общаться. А тут два года не выходил ни с кем на связь и не посещал соцсети.

— Вот так совпадение.

Детектив и следователь затихли. Наверное, побоялись вспугнуть удачу. Если все сейчас сойдется, то все трупы будут при своих именах.

— Останется только Юрия Корнеева найти, — проговорил следователь.

— Нам его папаша заплатил за то, чтобы мы сына нашли. Мы же не можем его разочаровать. И половину денег не хочется возвращать, — я высказала вслух те же мысли, которые в своей голове не раз прокручивал детектив.

— Ирина, что мы станем делать, когда его найдем.

— Ой, Леша. К тому времени придумаем, как лучше поступить.

— Что отцу рассказывать будем? Он же узнает, что нынешний труп опять не его сын.

— И что? Мы по времени не ограничены. Не бойся. Мой компьютерный гений и не таких отлавливал.

— Ты его не переоцениваешь? — засомневался в таланте Макса детектив.

— Нет. Я в него верю. Раз он сказал, что найдет, значит, точно найдет...

— Ладно. Тогда все по своим делам разбегаемся.

— Если что, звони.

Разошлись. Я сразу домой. Взяла Грейса и пошла на прогулку. Вернее, на разведку. Каково же было мое удивление, когда возле нужного мне подъезда я обнаружила одного из друзей Петьки. Тот почему-то ошивался во дворе, а не учился. Рядом бегал его спаниель.

— Привет, Антон.

— Здравствуйте...

У самого глаза на мокром месте.

— Чего реवेशь?

— Ничего.

— Кто обидел?

— Никто.

— А все-таки?

— Сосед... урод...

— Что произошло? Рассказывай.

— Нас все время отовсюду будут гонять?

— Вы подростки. Что ты хочешь? Такой у вас возраст — всем мешать. Я помню себя подростком, так нам с друзьями казалось, что нас все ненавидят. Тоже отовсюду гнали...

— И что вы сделали?

— Ничего. Мы просто выросли. Этот возраст быстро проходит. И так, что сделал сосед? Он тебя выгнал откуда-то?

— Из подъезда.

— Почему? Ты хулиганил?

— Нет.

— На стенках писал?

— Нет.

— А чем ты тогда ему не понравился?

— Ничем. Он просто меня выгнал.

— Какое он имеет право тебя выгонять? Должна же быть причина, почему он так поступил?

— Не знаю. Сказал, что в подъезде кто-то ссыт.

— Он намекает на твоего пса или на тебя?

— Не знаю. Чего вы смеетесь?

— Просто представила. Не обращай на меня внимание. Ваш сосед — идиот. Он просто хотел к тебе придрататься. Ну ладно. А ты почему не в школе?

— Болею.

— Болееешь и на улице ошиваешься? Простудиться не боишься?

— Не боюсь. Врачиха уже приходила сегодня. Больше не придет.

— И ты решил, что ты вполне здоров для улицы?

— Да нет. Я просто пса выгуливаю и бабушку жду.

— Где она?

— В магазин пошла. Сейчас уже придет.

Стояли с мальчишкой, разговаривали и ждали его бабушку. Это я удачно зашла. Бабушка много чего знать может про жителей своего подъезда. Повезло, что Антон в этом подъезде живет, он поможет проследить за наркокурьером.

— Бабуля. Опять ты увешалась как ишак. Говорил же не таскать тяжести, — побежал Антошка к бабушке, увешанной пакетами.

Я тоже подошла и помогла донести пакеты старушке до лавочки. Не слабые у нас старушки пошли. Шварценеггер отдыхает. Пакеты столько весят. И это при том, что половину у бабушки внук забрал. Как она это все до дома дотащила.

— Вы к нам?

— Да нет. Просто Антошку знаю. Вот собаку выгуливала.

А бабушка-то выдохлась. Стоит отдышаться не может.

— Вам на какой этаж?

— На третий. Сейчас отдохну...

— Сидите, отдыхайте. Я вам потом наверх помогу донести.

— Спасибо. А то думала, что не дойду.

— Так столько тащить. Ужас.

Спустя минут десять медленным шагом пошли до их квартиры. Антон своего спаниеля уже выгулял, и Грейс набегался от души. Идем по лестнице, бабулька на тяжелую жизнь жалуется. Я слушаю. Вдруг мимо нас проскакала та самая подружка немца. Я же фотографии ее видела и сразу же узнала. Вот везение. Старушка сморщила нос, как будто в дерьмо наступила.

— Не любите соседку? — спросила наивно я.

— А чего ее любить. Плохая выросла девчонка.

— Почему плохая?

— Гуляет с кем ни попадя.

— С чего вы взяли?

— Чай будешь? — поинтересовалась у меня бабулька.

— Не откажусь, — скромно согласилась я. А как еще разговорить человека, если не за чашкой чая?

Сняли верхнюю одежду. На кухне возле стола расположились. Грейс, как воспитанный пес, прилег в прихожей, чтоб никому не мешаться. А старушка начала рассказывать мне про эту девицу.

— Ты вот спросила, почему плохая она.

— Ну да, интересная у вас была на нее реакция.

— А другой и быть не может. Она сама вредная и скандальная. И сожитель ее такой же. Все к подросткам цепляется.

— Они в своей квартире живут или снимают?

— В своей. Мать ее померла. Вот она и пошла по рукам.

— А отец?

— Не было отца отродясь.

— Мать ее померла, когда она маленькой была?

— Нет, уже взрослой. Года два, как соседка одна осталась. Завела себе сожителя. Он ее колотит почему зря.

— Вы откуда знаете?

— Так соседка эта наша сверху. Как начнет он ее долбить, так все не спят.

— За что он ее?

— За все. За то, что работать не идет.

— На работу гонит? Это правильно. Но зачем руки распускать?

— Так работа-то...

— Что-то не так с работой?

— Она не совсем работает. Гулящая она. В этом ее работа заключается.

— Понятно. И что? Часто мужиков меняет? Она их домой приводит?

— Нет. У нас тут в соседнем доме одна сводня посуточно сдает квартиры. Она туда клиентов приводит. А сюда ни-ни. Ни разу не приводила.

— Это хорошо. Представляете, что бы тут было, если она сюда начала приводить своих хахалей?

— Ну да. Бог миловал.

— Она прям над вами живет?

— Да. В тридцать шестой квартире. Мать у нее такая порядочная была. И в кого эта такой выросла.

— Отца совсем не было?

— Кто же знает? Нет, какой-то отец был. Она свою дочь сама воспитывала. И мужиков возле нее никогда не было. Одна одинешенька со своей дочкой.

— Что с ней было? Почему померла?

— Инсульт. Враз померла. Утром дочь труп нашла в постели. Поплакала. И привела вскоре сожителя...

— Недолго горевала.

— Хороший человек была ее мать. Потому и померла легко. Не болела ничем. Раз — и нет ее. Хотела бы я такую смерть, чтоб не быть обузой родным и близким.

— Вы еще ого-го. Вон какие тяжелые пакеты таскаете. А не подскажите, где квартира сдается посуточно?

— В пятом доме. Первый этаж. Второй подъезд. Окна на задворки.

— А номер?

— Двадцать третья. А тебе зачем?

— Да так. Любопытно. Пойду я? Спасибо за чай. За гостеприимство.

— Пес у тебя такой воспитанный. Не то, что наш. В гости с ним не сходишь. Везде залезть норовит. А твой лег и ждет, когда наговоришься.

— Спасибо за чай. До свидания...

Вышла на улицу и сразу начала набирать номер следователя. Тот моему звонку не удивился, ждал известий. Все, что узнала, я ему сообщила. Он сначала решил установить, кто проживает в той квартире. А завтра решил произвести задержание мошенницы и обыск в ее квартире. Занялся подготовкой к завтрашней операции.

Я решила не терять времени и появиться перед родителями Альфреда. Следователь не возражал. И я его чисто по-человечески понимаю. Ему не хочется быть тем человеком, который сообщит родителям о гибели их ребенка. Пусть взрослого. Но ребенка. Все равно им необходимо сообщить о смерти. Просто сейчас они подозревают, что с сыном случилась беда. А так они наверняка будут знать, что их сын мертв...

Я поехала по адресу, который мне дал Макс. Дверь мне открыл мужчина средних лет. Интересно, сколько лет было этому Альфреду? Двадцать? Скорее всего, от двадцати пяти до тридцати. Жалко. Совсем молодой парень погиб. И все из-за своей жадности...

Его родителям примерно лет пятьдесят. Не старые еще люди. Как они это горе переживут.

— Здравствуйте. Вы отец Альфреда?

— А вы кто? — настороженно задал он вопрос.

— Я могу пройти? Нам предстоит долгий разговор.

— Проходите, — сказал и посторонился, пропуская меня в квартиру.

— К нам гости, — сказал он женщине, которая вышла в коридор посмотреть, кто пришел.

— Вы новая невеста Альфреда? — задала она мне вопрос.

— Нет. Боюсь, я принесла вам плохие вести.

— Вы кто? — спросила женщина.

— Частный детектив, — показала корочки, которыми меня снабдил Леха.

— К нам зачем пришли?

— Вам не интересно, где ваш сын?

— Он отдыхает.

— Где?

— В Таиланде.

— Откуда такие известия?

— Он нам звонил.

— Когда?

— Примерно два года назад.

— Вас не удивляет, что больше он вам не звонил?

— Он же отдыхает. Может, ему не до этого.

— Какие у вас с сыном были отношения? Вы с ним ссорились?

— А что?

— Извините, но вас не удивило, что ваш сын, который вас любит, позвонил вам два года назад и все? Больше ни разу не позвонил. Разве мог он так с вами поступить? Разве на него это похоже?

— Не похоже. Он обязательно позвонил бы. Хоть из преисподней.

Женщина горько заплакала. Мужчина сидел, понутив голову. Понятно все. Они подозревали, что сын попал в беду. Просто наивно предполагали, что он на отдыхе загулял. Про худший вариант они боялись даже думать...

— Полиция на днях делала обыск на территории коттеджного поселка. Там был обнаружен труп.

— Какое отношение это имеет к нам?

— При вашем сыне был телефон. Так вот, при трупе обнаружен телефон, который по биллингу с точностью повторял передвижения вашего сына.

— Я что-то ничего не поняла.

— У вашего сына было два телефона. Один оформлен на него, а второй на гастарбайтера. При трупе обнаружен второй телефон.

— Это не может быть сын. Это просто совпадение, — мать не хотела верить в смерть своего ребенка.

— И такое может быть. Совпадение вполне возможно...

— В каком доме обнаружили тело?

— В саду Корнеевых.

— Когда этот человек был убит? — задал вопрос отец.

— Примерно два года назад. Вам надо появиться в полиции.

— Зачем?

— Чтобы сделать ДНК экспертизу.

— Почему не просто опознать?

— От мягких тканей почти ничего не осталось. Лица практически нет.

— А если мы не хотим опознавать?

— Сдайте биоматериал на анализ ДНК.

— И устанавливать ничего не хотим.

— Тогда его похоронят, как безвестного парня.

— Пусть лучше так.

— И вы даже знать не будете, где его похоронили.

— Я не могу! Не могу! Не могу! — зарыдала женщина в голос.

— Понимаете, это нужно в первую очередь вам самим. Поза страуса — так себе поза: голова в песок и зад наружу. Согласитесь.

— Зачем нам знать? — сквозь слезы спросила она.

— Я понимаю, вам хочется верить, что он жив. Но давайте посмотрим на эту проблему с другой стороны. Если окажется, что это не ваш сын. Может и такое случиться. Вы правы, бывают в жизни такие совпадения. Тогда мы поможем вам найти вашего сына.

— А если это мой сын? Я буду знать, что его нет. Как мне потом жить?

— А как вы будете жить, зная, что он похоронен безымянным из-за вашей трусости? Как нам призвать к ответу его убийцу?

— Вы кого-то подозреваете?

— Корнеевых. Кто именно: Юрий или его мать, пока неизвестно.

— Зачем Юре убивать моего сына? Они были друзьями.

— А вот это уже интересно. Скажите, они были друзьями с детства?

— Нет. В фитнес-центре познакомились.

— Вы говорили про невесту сына. Можно узнать, что за невеста?

— Простая девушка. Мы знаем только ее имя и телефон.

— Она здесь? Она не с ним?

— В каком смысле не с ним?

— Я не так выразилась. Перефразирую. Вы думали, что ваш сын на отдыхе. Она с ним поехала отдыхать? Или она здесь?

— Она в Москве. Никуда не уезжала.

— Вам не кажется странным, что сам он отдыхает столько времени вдалеке от своей невесты?

— Вы правы. Делать ДНК надо, — сдался отец.

— Вы можете дать мне координаты невесты?

— У нас нет ее адреса. Только однажды она звонила, искала Альфреда.

— Давно?

— Давно. Почти сразу после его отъезда.

— Значит, у вас есть ее номер телефона?

— Есть. Сейчас дам.

Отец поднялся, куда-то ушел. Потом вернулся с бумажкой. На ней были написаны имя и телефон.

— Ну что ж. Хоть что-то. Спасибо.

— Не за что.

— Можно фотографию вашего сына получить?

— Можно. Подождите минутку. Сейчас принесу. Отец ушел. Вернулся с альбомом фотографий. Выбирайте.

Я открыла фотоальбом. Очень симпатичный парень. Жаль, что погиб по глупости. Вот он с какой-то девушкой стоит в обнимку. Оба счастливые. Улыбаются. Хорошая была бы молодая семья.

— Я могу взять вот эту фотографию?

— Берите, раз надо.

— Это он с невестой?

— Да. С какой стати частный детектив интересуется нашим сыном? Насколько я знаю,

вы бесплатно ничего не делаете. Кто и за что вам заплатил? — поинтересовался отец.

— Почему? Бывает и бесплатно помогаем полиции. Недавно мы помогли накрыть нарколабораторию. И наркокурьера на днях вычислили. Полиция его завтра будет брать. Бутлегеров накрыли после нашей информации. И это только за последний месяц. Мы много чего делаем бесплатно.

— Извините. Я думал, что вы хапуги, как и все.

— И платят нам тоже. Если платят, то делаем работу, за которую заплатили. Но если можем помочь полиции, мы всегда помогаем.

Я поговорила еще немного с родителями убитого Альфреда. Да. Именно убитого. Не верю я, что Альфред, который любил до умопомрачения свою невесту и обожал родителей, мог не звонить им два года. Не бывает так. Если только в индийских фильмах. А если он им не звонил и даже в соцсети не выходил для общения, значит, его уже нет в живых.

Следующее, что я сделала, это созвонилась с невестой Альфреда. Девушку звали Светлана. Та согласилась со мной встретиться прямо сегодня. Прямо сейчас. Срочно. И я быстрее помчалась на встречу с ней, пока она не передумала. А то мало ли...

Невесту я узнала сразу. Но меня смутило, что она была с коляской, и у нее был маленький ребенок. Может, чужого нанялась выгуливать? Что-то типа няньки. Становится все интересней...

— Здравствуйте, Светлана.

— Это вы звонили?

— Да. У меня к вам вопрос.

— Давайте я сразу вам скажу. Я не знаю, где Фред. Вы, наверное, зря ко мне обратились.

— Вы его называли Фред? Не Фредди?

— Звучит как Крюгер. Он имя свое совсем не любил. Говорил, что все, как услышат, начинают над его именем издеваться. Хуже только имя Альфонсо.

— Представляю. Имечко еще то. А в совокупности с фамилией Саврасов...

— Вот вы сразу поняли. Почему его родители не понимали? Почему они дали любимому сыну такое странное имя? Практически обрекли парня на издевательства.

— В школе дразнили и прохода не давали?

— Недолго.

— Почему?

— Он на бокс стал ходить, потом на карате. В общем, стал заниматься боевыми видами спорта. Сами понимаете, дразнить боксера — сомнительное удовольствие. Чревато побоями.

— Подразнить можно, если хорошо бегаешь.

— Именно. Хотя Фред был отходчивым. Да и обижался редко. Буддист... — засмеялась Света.

— Многие не любят свое имя. Почему он его не поменял?

— Леня было. Он вообще ленивый по жизни был. Леня было работать. Леня было заявление подавать. Леня все. Он мечтал иметь бунгало на берегу теплого южного моря. И просто лежать, любуясь природой, наслаждаться жизнью и ничегошеньки не делать.

— А кокосы и бананы прямо в руки ему приносили бы ученые мартышки?

— Вы с юмором. Смешно... Альфреду вы бы понравились. Он любил тех, кто любил посмеяться. Говорил, что вся наша жизнь сплошная комедия. И кто этого не видит, тот глупец...

— В этом я с ним согласна. Вы его любили?

— Сначала да. Сильно. Он же красивый...был. А потом я забеременела. Он сказал, что подадим заявление в загс. Но обманул.

— А вы?

— Я позвонила его родителям.

— А они?

— Сказали, что раз Альфред мне не звонит, то значит, я ему не нужна. Советовали забыть про него. Сказали, что он уехал отдыхать надолго.

— А вы?

— А что я? Я как все женщины, кого бросили. Передо мной был выбор...

— Сделали аборт?

— С ума сошла? Я Фреда любила. Вот его сынок. Ванечка.

— Ванечка?

— Он хотел назвать в честь своего отца. Иваном.

— Это имя ему нравилось?

— Очень.

— Не знаю, как сказать. В общем, Альфред не бросил вас.

— То есть?

— Его убили.

— Хотите сказать, что его убили, поэтому он не явился в загс?

— Да.

— Пойдемте, присядем куда-нибудь, — сказала она. Видимо, ей стало плохо.

— Пойдемте.

Присели на лавочку во дворе. Она покачивала коляску. Но в этом не было необходимости, ребенок крепко спал.

— Представляете, Ваня спит как убитый. Как только на улицу выходим, сразу засыпает. Любит спать на свежем воздухе.

— Вы могли бы ответить мне на мои вопросы?

— Сначала вы мне ответите на мои.

— Хорошо. Задавайте.

— Вы кто?

— Частный детектив, — представилась я, вытащила корочки и показала.

— Как в кино?

— Типа того.

— Откуда у вас информация про смерть Альфреда?

— Мы с полицией обыскивали один особняк в коттеджном поселке. Жилище Корнеевых. В саду раскопали яму компостную и там обнаружили труп молодого парня. Убит два года назад.

— Яму компостную? Ужас. Он все время боялся завязнуть в дерьме.

— Жизнь... Так получилось.

— Значит, это точно он.

— Почему вы так думаете?

— Я вам расскажу по порядку.

— Угу...

— В общем, я давно Альфреду говорила, что этот Корнеев — подонок.

— Почему вы так говорили?

— Он приставал ко мне.

— Дали бы ему понять, что он вам не интересен.

— А я что сделала? Корнеев, наоборот, как с ума сошел. Вообще прохода мне не давал.

— В чем это выразалось?

— Подкарауливал меня после работы. Сначала дарил цветы и разные мелочи...

— Вы брали его подарки?

— Нет. Четко расставила точки над «и».

— А он?

— Он не унимался. И однажды попытался меня взять силой. Еле отбилась.

— Как? Все-таки он мужчина и сильнее вас.

— Меня Фред научил, как защищаться. Корнеев не ожидал сопротивления, поэтому мне удалось убежать.

— А он?

— А он стал Альфреду пакости про меня говорить. Что я такая и сякая. Однажды Альфред ему даже морду за это набил.

— Сильно?

— Не очень. Так, для остротки.

— А вы что?

— Я старалась этому мерзавцу на глаза не попадаться. В общем, обходила стороной. Мы должны были подать в загс заявление. За день до этого Альфред должен был поехать к Корнееву. По делам. Больше я его не видела и не слышала.

— А его в том доме убили и тихо закопали в саду...

— Он был мертв?

— В каком смысле?

— У Альфреда был страх. Как у Гоголя. Он все боялся, что его заживо похоронят. И он будет медленно умирать...

— Ужас какой. Я не знаю. Наверное, был мертв.

— Я так-то больше ничего не знаю. И навряд ли вам смогу помочь.

— А хотите?

— Хочу. Мне бы только убийц Альфреда наказать.

— Вы можете сейчас помочь его родителям.

— Как? Чем?

— Они не знают, что у них есть внук?

— Не знают.

— Вы согласны со мной проехаться к ним?

— Почему с вами?

— Чтоб если будет неадекватная реакция на вас, вы смогли убежать.

— А вы?

— А я буду прикрывать отход соратников...

— Говорю же. Вы бы Альфреду понравились. И здесь смешное нашли...

— Так сама же говорила. Жизнь — комедия...

— Думаете, что они станут меня бить?

— Родители убиты горем. Как себя поведут, не берусь судить. Все может быть...

— Тогда давайте лучше не поедem. Или поедem без ребенка.

— С кем ребенка оставите?

— С бабушкой. Она Ванечку обожает.

— Тогда поступим так. Ребенка оставляете бабушке. Берете его фотоальбом и едем к родителям в гости.

— Ладно.

С Ванечкой оставили бабушку. Она его действительно обожает. Сами погрузились и поехали к несостоявшейся родне Светланы. Но все получилось совсем не так, как я предсказала. Мать от радости не знала, куда посадить невестку. Отец рядом мельтешил. В общем, можно сказать, что семья соединилась. Они хотели сейчас же ехать смотреть на внука. Ну и хорошо...

Отец отозвал меня в сторону. Стал совать мне что-то в пакете.

— Что это?

— Это дневники моего сына.

— Дневники?

Сказать, что я была удивлена, это ничего не сказать. Сейчас даже женщины редко ведут дневник. А чтоб взрослый парень... Удивлению нет предела.

— Что там?

— Потом прочитаете. В общем, отдаю вам.

— А вдруг следствию понадобится.

— Я доверяю вам. Вы нас с женой к жизни вернули. А вы, в свою очередь, поступайте так, как сочтете нужным...

— То есть я могу отдать дневники в интересах следствия?

— Можете.

Мы распрощались. Обменялись телефонами на всякий случай. Довольная и счастливая, я благополучно отбыла домой. По дороге позвонила детективу и все ему рассказала. Леха посоветовал сначала самой заглянуть в дневники. Вдруг найду там что-то для нас интересное.

Дома меня ждала мама. Покормила ужином. Расспросила. Особенно ее интересовала моя личная жизнь...

— Как у тебя дела?

— Нормально...

— Что у тебя с Саней?

— Да ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— Странно. Ты всегда про него с удовольствием жужжала.

— А сегодня меду объелась. Жужжать не хочется. Тем более про него.

И рассказала ей все без утайки. И про медсестру. И про нерешительность и снисходительность Александра к этой рыжей лисе. И про то, что меня это оскорбило. Задело сильно...

— Ты не права.

— В чем это?

— Он просто хотел быть великодушным.

— Почему за мой счет?

— Он просто посчитался с чувствами этой девушки.

— А с моими чувствами считаться уже не надо?

— Девушка испытала стресс. Так он думает...

— Это хитрая рыжая нахалка? Она не испытала никакого стресса. Она плохая актриса.

Это я испытала стресс. Человек, с которым я встречалась, оказался в постели с другой. И если ему ее жалко больше, чем меня, то пусть с ней и остается. Так ему и надо...

— Иришка, а ты не слишком категорична?

— Нет. Знаешь, не надо мне абы кого. Если человеку плевать на мои чувства, то и мне на него тоже плевать. И вообще, мне сейчас не до мужчин. Знаешь, что я решила? Закончу здесь все дела и поеду отдыхать.

— А твои ухажеры?

— А что же мальчики? А мальчики потом... — перефразировала я известную песню.

— Перерыв решила сделать? Ну и правильно. Отдохни от романтики.

— Посижу в засаде. Издалека понаблюдаю за их поведением. Ты знаешь, мне кажется, что этот Саня уже жалеет, что тогда предложил мне руку и сердце. Ощущение, что он об этом пожалел. И ищет повод отступить.

— А ты?

— Хочу дать ему шанс ретироваться, не потеряв лица. Пусть летит на все четыре стороны.

— Какая ты у меня...

— Добрая?

— Да нет. Свободолюбивая.

— Я не хочу никого удерживать силой. А получается, что удерживаю. Он в порыве страсти предложил. Я назло бывшему мужу согласилась. И теперь...

— И теперь не знаешь, как от него отделаться?

— Если честно, то да.

— Он такой симпатичный. И тебе нравился.

— Тем более жалко такого в клетку сажать. Пусть бегаёт и размножается в заповеднике.

— И этому отставку дала? Смотри. Пробросась...

— А чего мне за парней цепляться? Я замужем побывала. Можно сказать, отметилась. Пора и отдохнуть от семейной жизни. А я почему-то опять в это ярмо впрягаюсь. Нет уж, побуду вольной певчей птицей.

— Что с твоими делами?

Я рассказала маме про свои дела. Она внимательно слушала.

— Ты его дневники читала?

— Пока нет. Сейчас поем и пойду читать.

— Как интересно. Парень ведет дневник. Необычно. Обычно девицы ведут дневники. А тут...

— У него имя Альфред. Ты что от человека с таким именем ждала? Только что-то необычное он мог преподнести.

Я поела и пошла в свою комнату. Там легла и стала читать. Захватило меня это чтиво. Не оторваться. К утру я сделала вывод. Погиб писатель. Эти дневники — готовая книга. Бестселлер. О жизни, о дружбе, о любви... И еще о жадности, предательстве и подлости.

Утром созвонились со следователем. Им нужны были понятые на обыск. Я вызвалась. Мне интересно было, обнаружат или нет таблетки у этой девицы с пониженной социальной ответственностью, которая немца у помойки помирать оставила...

Обыск прошел успешно. В квартире мошенницы были обнаружены вещи обманутого и ограбленного ею немца. Жадная девка рассчитывала, что в полицию никто заяву не понесет. Потому и оставили себе и портмоне из натуральной кожи, и телефон бургера. Даже не себе. А любовнику своему подарила. А тот оказался хитрее. Сказал, что про ее промысел ничего не знает. И знать не хочет. В общем, отбоярился мужик от своей подельницы. Она сама взяла все на себя.

И ноутбук, в котором сохранилась переписка девицы с ее потенциальными жертвами. Иностранцами, которые по своей наивности влюблялись в нее и были легкой добычей. Также в квартире были обнаружены наркотики.

Богатый улов выловил наш следователь. Он радовался такой удаче как дитя. Столько дел теперь раскроет. И дело о пяти трупах следак может благополучно довести до суда. Хотя интересно, как эти наркотики попали к гулящей девице. Ничего, приспичит, сама следователю все расскажет. Пойдет на сделку со следствием. Они все на сделку идут. Это выгодно...

А нам осталось только найти и наказать Юрия Корнеева, который ограбил своего отца, его партнеров и убил своего друга...

Я сидела в офисе. Гостей не ждала. Хотела просто переварить прочитанное в дневниках Альфреда. Перечитывала интересные места в дневниках. Думала. Как тонко он подмечал нюансы...

Хороший был бы писатель. И зарабатывать этим мог бы немалые деньги. Жить в бунгало на берегу теплого южного моря, как мечтал. И беды не знать. Но связался с Юрой. Заразил тот его жадностью и завистью. Решили они начать воровать. Жалко. Хороший и честный человек не выстоял против искушения. Захотел всего и сразу и опустился до греха...

В дверь зашел следователь. Сначала постучал, потом вошел. Усталый, но с улыбкой.

— Смотрю, вы довольны. Как допрос прошел? Призналась?

— Пошла на сделку со следствием.

— И сколько она получит?

— Суд будет решать. Но если учитывать, что от ее действий пять трупов и один чудом выживший, то лет одиннадцать.

— Почему так мало? Пять человек убила...

— Она не собиралась убивать.

— Как это не собиралась?

— Дело в том, что эти таблетки сами по себе не убивают. Она и ее друг таблетки принимали и ничего. Оба живы.

— Не поняла...

— Эти таблетки она украла.

— У Бориса?

— У него. Он ее заказал на дом по объявлению для оказания интим услуг.

— Она пришла и нашла таблетки?

— Нет. Он сам ее угостил. Для большего кайфа, как он ей сказал.

— Какой идиот. А она его отблагодарила за угощение тем, что украла себе волшебных пилюлек.

— Много украла?

— Прилично. Ей бы надолго хватило.

— А не решила ли она переквалифицироваться в наркокурьера? Надоело оказывать

интим услуги, вот и сменила амплуа...

— Думаешь?

— Те парень с девушкой, которые в деревянных домиках на детской площадке умерли. Они же пара. Они ее для интимных услуг навряд ли заказали бы. Врет вам нагло. Она решила приторговывать этими таблетками. И у Бориса подвязаться курьером хотела.

— Про это я не подумал.

— Она хочет, чтоб убийство выглядело случайностью, поэтому голову вам морочит.

— Оно и есть случайность. Просто эти таблетки несовместимы с алкоголем. Все, кто помер, пили спиртное.

— И немец пил?

— Чуть-чуть. Он в центре с ней пиво пил в пивной. Случайность. Она просто о побочке не знала.

— Но распространять она точно собиралась. За распространение наркоты ее тоже судить будут?

— А как же. И за хранение, и за все остальное. Я сделал все, что мог.

— Остальное суд будет решать? Наш самый гуманный суд в мире...

— Не беспокойся. По таким статьям обычно много получают. Там родители Саврасова про какие-то дневники говорили.

— Не отдам. Не сейчас, по крайней мере...

— Когда?

— Сама сначала прочту. Мне нужно понять, что он хочет сказать.

— А что-нибудь интересное там для нас есть?

— Для вас ничего. Иначе я бы вам их отдала.

— Тогда не надо. А что про Корнеева младшего слышно?

— Пока ничего. Работаем.

— Поторопись, пожалуйста. Меня сроки поджимают.

— Ну ты и нахал. Ты сколько дел закрыл и до суда довел?

— А труп Саврасова все висит...

— Тут согласна. Не порядок в танковых войсках. Но мы работаем...

— Тогда на созвоне?

— Угу.

Ушел полицейский. Только села за чтение второго дневника, как дверь открылась. Потом запоздало в нее постучали. Толстозадая медсестра стоит на пороге. Нахально так на меня смотрит. Никакого смущения...

— Здравствуйте.

— Что надо? Тебя стучать в дверь не учили?

— Я постучала.

— Сначала вошла без разрешения, потом постучала. А воспитанные люди так себя не ведут. Впрочем, откуда у тебя воспитание?

— Из-за вас меня уволили.

— Уволили тебя из-за того, что ты к пациентам в кровать без спросу лезешь.

— Это не ваше дело.

— Тогда чего сюда приперлась, раз не мое?

— Скажите, чтоб меня приняли на работу.

— Куда?

— Назад в больницу.

— Мне это зачем?

— Я хорошая медсестра.

— Только гуляющая. И по чужим кроватям скачешь как сайгак.

— Вы про меня ничего не знаете.

— И знать не хочу. Тебя уволили, так тебе и надо. Если Александр решил тебя наказать, то это его выбор. Не мне его осуждать.

— Это вы настояли. Он бы сам никогда. Он добрый, а вы злая.

— Все сказала? Уволили? Так иди и поищи себе новое место работы. Хорошая медсестра по нынешним временам на вес золота. Так что ты быстро себе работу найдешь. И не имей привычку унижаться. Мне тебя не жаль. Ты со мной считалась, когда в кровать к моему парню лезла? Нисколько. У него любовь ко мне, а ты все опошила. Ты наслаждалась триумфом? Вот и получай ответ. Бумеранг вернулся. Так что нечего тут на жалость бить. Освободи помещение.

Вышла рыжая плутовка, злобно зыркнув на меня маленькими глазками. Рыжая нахалка... Если просить пришла, так гордыни поубавила бы. И не с таким выражением лица просят. А если на совесть давить и на жалость, так я с детства научена таким манипуляциям противостоять. Совесть у меня чиста. А жалости эта наглая медсестра у меня не вызывает. Уж больно шустро она в постель к чужому парню заскочила. Видать, привычное для нее дело.

Вечером пришел в офис Александр. Интересно, он знает, что медсестра у меня была? Стоит, у двери с ноги на ногу переминается, как школьник у доски.

— Привет, любимая.

— Здравствуй, Александр, — решила сразу дистанцироваться, иначе не устою перед соблазном.

— Не рада?

— Почему? Рада. Тебя выписали уже?

— Сам ушел. Надоело лежать. Без улыбки меня встречаешь...

— Нет повода для радости.

— Что так?

— Нам надо поговорить и все прояснить, — начала я неприятный разговор.

— Медсестра была у тебя?

— Была. Зачем мой адрес ей дал?

— Я хотел, как лучше. Она сказала, что я в этой истории не виноват?

— Нет. Такого она мне не говорила.

— Что сказала?

— Что ее уволили. И я в этом виновата.

— А ты?

— Посоветовала не скакать больше по постелям пациентов. Тогда ее не будут увольнять.

— Ты ничего не обещала ей?

— С какой стати?

— Обижена?

— Кто?

— Ты.

— На кого?

— На меня.

— Нет.

— Тогда пошли в кино? Или куда-нибудь на твой выбор...

— Нет. Мы не будем ходить в кино. И никуда не будем. Мы не подходим друг другу.

— Почему?

— Мы разные...

— Я люблю тебя. Это просто недоразумение. Ты говорила, что все поняла...

— Дело не в тебе. Мы просто очень разные. Ничего у нас не получится. Ни любви, ни семьи. Ничего...

— Ты к Никите вернуться решила?

— Нет. Я решила отдохнуть от семейной жизни.

— Тогда давай просто дружить...

— Как пионеры? Нет. И этого у нас не получится. Я не смогу притворяться. Да и ты фальшь будешь чувствовать. Не бывает дружбы между мужчиной и женщиной.

— Это требование Никиты?

— Что ты заладил? При чем здесь мой бывший?

— Если он не при чем, тогда что?

— Хочу отдохнуть...

— От меня?

— От всех. Просто хочу, чтоб меня никто не дергал. Хоть какое-то время... Ты умный, красивый, добрый. Мечта любой девушки. Но я пока не готова к отношениям.

— Со мной?

— Ни с кем не готова. Пойми меня. Я развожусь и это не просто. Может потом. Дай мне время.

— Тогда созвонимся?

— Угу...

Он вышел. А я вздохнула с облегчением. Что за день суматошный. Зато с самым трудным вопросом разобралась. Я не понимала, как с Саней расставаться буду. Не говорить же, что у меня к нему ничего нет. А вдруг я люблю, и во мне просто пока обида говорит? На Никиту, на Александра, на всех мужиков. Я сама еще ничего не поняла. Я в мужиках запуталась и в чувствах своих. Поняла, что надо пока переждать, и твердо решила взять тайм-аут в отношениях.

Ничего. Александр молодой, красивый. Быстро с кем-нибудь утешится. Вот такая же хитрая лиса, как медсестра его к рукам приберет. Он добрый, честный. Не мужик, а клад...

А если он к другой переметнется, то и это к лучшему. Значит, он не любил меня. Значит, все правильно я сделала. Любить в семье должны оба. Иначе это будет не счастьем, а мучением. Один будет любить, а второй просто позволять себя любить. Игра в одни ворота. А я хочу быть счастливой...

Остаток рабочего дня я сидела в офисе и зачитывалась дневником Фреда. Интересные мысли, тонкие наблюдения. Он точно и с юмором описывает персонажей из своего романа под названием жизнь. И стиль изложения мне нравится.

Оторвалась от чтения только тогда, когда служащие предупредили, что рабочий день закончился и они уходят по домам. Я решила тоже пойти домой. Закрыла кафе и решила прогуляться. Погода радуется. Снежок падает крупный. Тишина вокруг. Фонари освещают

посыпанную снегом дорожку. Снег под ногами хрустит. Расслабилась, иду, наслаждаюсь тишиной. И вдруг за спиной раздалось...

— Не боишься ночью одна гулять?

Голос знакомый. Но кто сказал, я так и не поняла. Обернулась посмотреть. Стоит передо мной модник. Тот самый урка, который устроился работать к Михаилу на стройку. Я про него уже забыла. Надо же, встретились...

— Нет. Да и не ночь еще...

— А зря не боишься. Лихих людей много. Давай тебя домой провожу.

— Давайте просто погуляем. Гулять хочу. Или вы спешите?

— Куда мне спешить. Меня никто не ждет дома.

— А жена?

— Сразу умчалась, как только суд начался. Судимый муж оказался не нужен.

— А мама, отец?

— Уже никто меня не ждет. Одинок. Не женат. Детей нет.

— А эта информация мне зачем?

— Вдруг заинтересует...

— Как ваше ничего?

— Отлично. Спасибо тебе хотел сказать.

— За что?

— За все.

— Я с Мишей созванивалась. Он вас хвалит.

— Он всех хвалит. С ним хорошо работать. Легко...

— Платят хорошо?

— Я всем доволен. Мы сейчас дом один строим. Красивый будет. Заказчик для любимой жены строит. Любит ее сильно. Каждый день ездит и проверяет, как дела идут. Перевезти ее мечтает.

— Везет кому-то. Их любят.

Гуляли с ним почти час. Пока не заметила Грейса, бегущего навстречу.

— А вот меня встречают.

— Серьезная охрана. Какой громадный пес.

— На помойке подобрали.

— Да ты всех спасаешь? Я думал, почему тебя участковый матерью Терезой назвал. А он суть твою обозначил.

— Это он преувеличил. Спасли собаку мы с Петькой случайно. Петька его себе забрал. Пес породистый, поэтому вымахал такой громадный.

— И родословная есть?

— Есть.

— Кто же такого пса на помойку выбросил? Почему людям не отдали?

— Хозяин его наказать хотел.

— Как?

— Ночью на рождество привязал на помойке.

— Вот садист. За что?

— Он им в квартире мебель попортил.

— Люди... Предают даже собак. Звери...

— Звери получше будут. А вы ему понравились. Он обычно к людям долго

приглядывается.

— И он мне понравился. Я в детстве хотел собаку. Но у мамы была аллергия на шерсть. Теперь родителей нет. Могу завести себе собаку, но некому ее будет кормить и гулять.

— Вы же не все время будете работать на стройке?

— Почему нет? Мне там нравится. Я уже бригадир.

— Если так дальше пойдет, станете прорабом. Как до аварии...

— Хорошо бы.

— Ну что, давайте прощаться?

— Нет уж. Не прощаюсь. Встретимся еще, надеюсь.

— Тогда до свидания.

Я пошла домой с Петькой. Грейс рядом бегал счастливый. Мы ему кидали палку, он ее ловил и приносил нам.

Дома меня ждала мама. Как обычно, не ложилась спать, пока дочка не пришла. Сели за стол. Давно по душам не говорили.

— Устала?

— Как собака.

— Ну, это тыхватила. По нынешним временам у собак жизнь лучше, чем у людей. Вон Грейс сроду ничем не занимается. Ест и спит.

— За палочкой бегает.

— Так это ему в радость. Как там у вас в кафе? Все нормально?

— Угу.

— Чего тогда такая грустная?

— Пришлось сегодня на место ставить нахальную медсестру.

— Ты в больницу ходила?

— Нет. Она на работу в офис пришла.

— Откуда узнала, где ты работаешь?

— Думаю, Александр ей адрес дал. Она и пришла.

— А от тебя она что хотела?

— Александр подумал, что решать ее вопрос должна я. Мам, вот скажи, что у него в голове? Ну, настоял ты на том, чтоб ее уволили.

— Так ее уволили? — перебила меня мама.

— Да. И правильно сделали. Представь, я в больнице лежу. Просыпаюсь, а в моей постели медбрат. И как бы чувствовал себя мой друг, увидев это? Мне иногда кажется, что Саня не может меня понять. Ему ее жалко настолько, что он готов меня подставить.

— Чем?

— Зачем ей адрес дал? Он моего разрешения спросил? Поинтересовался, хочу ли я с этой наглой девкой разговаривать? Зачем меня в такое положение поставил? Чтоб мне было стыдно? Я смотрела сегодня на него и ничего не понимала.

— Он с ней пришел?

— Нет. Позже зашел, чтобы узнать, до чего мы договорились.

— А ты?

— А я сказала, что нам надо расстаться.

— Все-таки решилась и отправила в отставку?

— Не совсем. Просто взяла перерыв в отношениях.

— Пока у вас будет перерыв, его у тебя уведут.

— Я решила пойти ва-банк. Сама посуди. Если его уведут и он уйдет с другой, значит, не любил меня никогда. Просто увлекся чужой женой и ухаживал ради спортивного интереса. А тогда зачем это все нужно? Но если нормально разлуку перенесет, то это чувства, проверенные временем. Тогда стоит игра свеч.

— Ты думаешь, что он всю эту возню с тобой затеял из-за счетов к Никите?

— Есть такие подозрения. А если так, то не любовь это. Просто гаденькая и подленькая месть другу за прошлые обиды.

— Значит, ты с Никитой решила остаться?

— Тоже мимо. Я одна решила остаться. Сама у себя буду. Обнулила я всех своих ухажеров. Сейчас приду в себя после развода. Потом отряхнусь, почищу перья, встрепенусь и пойду опять на охоту. В нашем лесу много дичи...

— Иришка, ну в кого ты у меня такая свободолобивая? Другие за парней цеплялись бы. А ты. И тот тебе не так, и этот тебе не тот...

— А зачем мне что попало? Мне товар лучшего качества подавай. Шучу. Давай про что-нибудь более приятное поговорим?

— Давай. Как дела у полиции?

— Представляешь, Борис на такой мелочи засыпался. Он эту девицу, которая немца отравила, вызвал для интимных услуг и угостил таблетками.

— Он дурак?

— Да нет. Просто все великие бизнес схемы сыпятся именно на мелочах. Он все предусмотрел, кроме одного, что гулящая девица у него сопрет таблетки.

— Зачем они ей?

— Она тоже любит забыться. Вот для себя и своего друга украла маленько у химика дури.

— Почему она и друг ее живы?

— Она и друг живы, поскольку сами по себе таблетки безвредны. Они не совместимы с алкоголем.

— Она именно в алкоголь их подмешивала?

— Нет. Она их продавала. Немцу она вроде в алкоголь подмешала. Или немец сам наркоту добровольно принял. И такое может быть.

— Потому и заявление не хотел в полицию писать? А тебе просто врал?

— Именно. Боялся, что придется признаться в употребление наркотиков. Думал, что в нашей стране его могут за это посадить. Во многих странах употребление наркотиков — преступление. И за это можно срок получить.

— Понятно. А что с дневниками?

— Занятное чтиво. У меня следак просил их отдать.

— А ты?

— Отказала. Пока не дочитаю до конца, не отдам никому.

— Настолько интересно?

— Хорошо написано. Вроде про простые вещи пишет, а читать интересно. И смешно...

— Ильф и Петров нашего времени?

— Не совсем. Хотя навеяло что-то неуловимо. Легко читается и интересно, чем повествование закончится.

— Чем закончилось, ты знаешь. Труп в компостной яме...

— Ты знаешь, что меня удивляет?

— Что?

— Почему он не попытался писать. У него легкий слог. Наблюдательный. Не надо было воровать деньги. Ему достаточно было взять и начать писать. Он бы спокойно заработал на южное море и на бунгало в тропиках. Своими романами людям бы жизнь скрасил...

— Сделал неправильный выбор.

— Жалко. Талантливый парень помчался не за мечтой, а за деньгами. И вот результат.

— Когда дочитаешь, мне дашь?

— Угу...

— А что у вас с этим пропавшим Юрой? Придется часть денег возвращать?

— Если его не найдем, то все вернуть придется.

— Почему?

— Сама посуды. Нам заплатили за то, чтоб Юру Корнеева найти живого или мертвого. Мы нашли?

— Нет.

— А вторая половина за то, чтоб нашли убийц. Мы нашли?

— Тоже нет.

— Значит, ничего не заработали.

— А свои деньги ты уже потратила.

— Ничего страшного, хоть половину, но заработаю. Я его найду.

— Как?

— Палочка-выручалочка у меня есть.

— Макс?

— Ага.

— Иришка, будь осторожна. Злой Корнеев почище волка будет.

— Ничего, мы с волками привычные жить...

— Главное, чтоб потом по-волчьи выть не пришлось.

— Не придется. Хочу Юру прищучить.

— Так ты для этого штудируешь и раз за разом перечитываешь дневники Альфреда?

— И поэтому тоже. Мне кажется, что не мог он так просто сгинуть. Должен был, отправляясь в гости к своему зачатому другу, подстраховаться. Хоть что-то оставить невесте или родителям. Вот читаю его дневники и понимаю, что знал он, с какой сволочью связался. Насквозь этого Юрия видел и просчитывал его шаги наперед...

— Поговори с его родителями еще раз. Расспроси поподробней. Они же тебя кем-то вроде ангела-хранителя считают. Просто возьми и поговори.

— Придется. Мне их жаль. И разговаривать с ними как-то неудобно. Вроде как я горе им в семью принесла.

— Ты в их семью принесла счастье. Ты что думаешь, они не знали, что сын мертв? Знали. Чувствовали. Не могли не чувствовать. А тут внук готовый появился. Да и отомстите за сына им хочется. Должны они помочь в поисках убийцы. Если бы я была на их месте, то точно мстила бы...

— А как же «Мне отмщение и Аз воздам»?

— Я бы считала, что моими руками бог восстанавливает справедливость.

— Поговорить придется, тут ты права. А вообще мы с Лехой в тупике. Вроде столько всего раскрыли, а деньги не отработали.

— Се ля ви, как ты любишь говорить. Ты везучая, тебе повезет обязательно.

— Надеюсь. Знаешь, кого встретила сегодня?

— Кого?

— Урку, который модник. Который из-за аварии сел в тюрьму.

— Которого на работу устроила? Путешественника во времени? И как он?

— Доволен жизнью, работает. Приоделся.

— Опять так же нелепо?

— А вот и нет. Классика. Предпочел больше не экспериментировать. Он теперь не доверяет продавцам.

— Ну и правильно делает. Доверять торгашам — последнее дело.

— Спасибо за ужин. Все было очень вкусно. Пойду читать дальше.

— Спокойной ночи.

— И тебе, мам, спокойной ночи.

Пошла читать дневник. Интересно, что по сути, я знаю, чем кончится вся эта история. А все равно надеюсь на другой финал...

* * *

На следующее утро к нам пожаловал Корнеев старший. Ни здравствуйте, ни до свидания. Сразу с претензий начал, с места в карьер.

— Почему не сказала, что не мой сын был найден в саду?

— Пока не ясно, кто найден. Если труп не ваш сын, то мы вашего найдем.

— Думаю, что расторгну с вами контракт. И найму тех, кто умеет работать.

— Расторгайте. Ваше право. Неиспользованные деньги вам вернут. Хотите сегодня вечером.

То ли он просто нервы мне решил помотать, то ли попугать. Или просто хотел показать, кто в доме хозяин. Но я с такими людьми работала и знаю, что ни в коем случае нельзя им показывать, что тебя интересуют их деньги. Моя реакция его удивила. Не такого ответа он ожидал. Понял, что не стоит спешить, и стал отыгрывать назад.

— Я к тому, что слишком долго вы ищите.

— Напомню вам, вы не ограничивали нас во времени. Мы перепроверяем всю информацию. Мы работаем.

— Медленно.

— Как умею. Не устраивает, верну ваши деньги, и пусть вашего сына ищут другие люди.

— Они никого не найдут. Не умеют.

— Так оставляем договор в силе? Или как?

— Работайте. Жду доклад о результатах.

Развернулся. Опять долго смотрел на фотографию.

— Кто здесь снят?

— Это фотография моего отца. Там я и другие знакомые нам люди...

Он заметно струхнул. Уж не знаю, как он понял мои слова и что себе в голове надумал. Это фото тех, кто тренировался в клубе. После тренировки взяли и сфотографировались. Здесь группа моего отца. Его однополчане.

Сидела в офисе. Делать нечего. Все срочные дела переделала. Вопросы со снабжением решила. Текучку разгребла. Решила съездить к родителям Альфреда и к Светлане.

Поговорить подробно про последние дни его жизни.

Светлана была мне рада. Мы встретились с ней на прогулке. Ванечка спал.

— Я благодарна тебе, — начала она разговор.

— За что?

— За то, что ты вернула мне веру в людей и в себя. Я же думала, что Фред меня бросил.

— Почему сама не попыталась с ним связаться?

— Он трубку не брал. Я до родителей дозвонилась. И те мне так ответили, что выяснять что-то дальше у них я посчитала бессмысленным. Решила, что меня бросили и я буду матерью одиночкой.

— Он был мертв. Потому и не брал трубку. У него был второй телефон. И была машина.

Где они?

— Это у родителей лучше спросить. Почему у них не поинтересуешься?

— Понимаешь, мне неудобно.

— Почему? — удивилась она.

— Чувствую себя виноватой.

— В чем?

— В том, что рассказала им про труп.

— Не стоит. Они ни в чем тебя не винят. Они знали, что его нет в живых.

— Знали?

— Подозревали. Были уверены, что с ним что-то случилось.

— Почему родители его не искали?

— Он просил их этого не делать.

— Как просил? Перед тем, как к Корнееву ехать?

— Ты у них уточни. Я не все поняла. Но они действовали по его просьбе.

— Ты не могла бы мне помочь?

— Чем?

— Организовать встречу с ними.

— Сейчас?

— Если можно, то сейчас.

— Ладно. Они Ванечке в любое время будут рады.

— Поедем к ним сейчас?

— Торопишься?

— Хотелось бы прояснить детали. У меня еще вопрос. Как ты думаешь, Альфред чувствовал опасность?

— Какую?

— Он же наверняка не мог доверять на сто процентов Корнееву.

— Он ему вообще не доверял. Терпел только из-за общего дела.

— Вот и я о том же. Он не доверяет человеку, с которым ведет дела. Но едет на встречу на территорию потенциального врага. Как думаешь, он должен был подстраховаться?

— Должен. Альфред не дурак. И бухгалтер очень грамотный. Это же именно он схемы придумывал для Корнеева и его партнеров...

— Значит, он много знал. Насколько много? Он был опасен для Корнеева старшего? А для партнеров? Или он представлял опасность только для Юрия? В доме старшего Корнеева не было. Были мать, Юрий Корнеев и любовник матери, по совместительству охранник. Альфред приехал в коттедж, его там убили. Вопрос: кто?

— Говорили, что охранник.

— Наверяд ли. Охранника просто сделали козлом отпущения. Убил кто-то из этих двоих.

Но вот кто? И за что? Случайно убили или намеренно? Как бы понять...

— У Фреда был ноутбук, телефон, планшет. Он мог там оставить всю информацию.

— Ты знаешь, что он хорошо писал?

— Знаю. Фред такие интересные истории рассказывал. Он меня рассказами своими приворожил.

— Сказочник?

— Да. Он такие истории с пустого места придумывал. Заслушаешься.

— Арина Родионовна в брюках?

— Скорее Павел Бажов. Фэнтези вперемешку с реальностью. И книг не надо. С ним было интересно.

— Позвони его родителям насчет встречи.

— Сейчас.

Светлана стала звонить родителям Альфреда. Те сказали, что рады будут меня видеть в любое удобное для меня время. Договорились, что я сейчас подъеду. А чего тянуть? Быстрее поговорим, быстрее начну поиск. Просто я не понимаю, где мне искать. Зашла в тупик. Хоть бы какую-нибудь подсказку.

Попрощалась со Светланой и помчалась навстречу новым приключениям. Родители Альфреда к моему приезду накрыли стол. Уже хорошо, что мне рады и не огреют по спине лопатой. Я все-таки боялась с ними встречаться.

— Мы так и не поняли, что вы хотели?

— Я прочитала дневники вашего сына. И поняла одну вещь. Он не доверял Корнееву.

— Допустим.

— Ваш сын был умным парнем. Он мог поехать в стан врага без страховки?

— Наверяд ли. Предупредил бы кого-нибудь.

— И компромат мог на всякий случай на Корнеева оставить.

— Кому?

— Подумайте, кому он мог доверить важные документы.

— Это бумаги?

— Не обязательно. Флешка или файлы на комп отослал. Вариантов много. Есть у него друг или подруга, кому он доверял на сто процентов?

— Альфред был замкнутым человеком. Друзей у него было мало. Разве что с бывшей работы его однокурсница. Зовут Наташа. Они вместе в институте учились. Она его любила.

— А сейчас разлюбила?

— Он же собирался на Лане жениться. А потом вообще пропал.

— Есть ее координаты?

— Если только в старом телефоне. Он новый телефон купил, а старенький не выкинул.

Все говорил, вдруг пригодится...

Отец принес старый телефон. Вполне приличный аппарат. Зачем нужно было новый покупать? С таким и сейчас можно ходить. Фронтальная мощная камера. Людей реклама заставляет все время что-то новое покупать. Барахольщиками жуткими сделались. Нормальный рабочий телефон меняем не потому, что он вышел из строя, а потому, что выпустили новую модель. Более крутую модель, и уголки там красивее. Согласитесь, это глупость несусветная. Чтоб быть в тренде, готовы глупости совершать. Люди стали

шопоголиками...

Поставили телефон на подзарядку и продолжили разговор.

— Светлана говорила, что были еще планшет и ноутбук.

— Ноутбук у нас полиция забрала.

— А планшет?

— Мы его не нашли.

— Когда ноутбук забрали?

— Когда нас допрашивали.

— Фамилию следователя не знаете?

Они назвали фамилию знакомого следователя. Попробую его уговорить дать Максиму в ноутбуке поковыряться.

— Машина Альфреда не нашлась?

— Она и не терялась.

— Как это?

— Она все время стояла во дворе. Просто мы не ездим: у меня со зрением проблема, а жена не умеет водить.

— Значит, Альфред или на такси поехал, или за ним кто-то приехал и отвез к Корнеевым. Можно машину открыть и там посмотреть?

— Что вы хотите найти?

— Пока не знаю. Но хоть что-нибудь, от чего можно начать плясать. Ключи от машины далеко?

— Сейчас принесу.

Пришел с ключами от машины. Во дворе стояла новенькая ауди. Крутой, однако, бухгалтер...

— В кредит взял?

— Нет. Сразу заплатил.

— Откуда у бухгалтера столько денег?

— Он хорошо зарабатывал.

— Альфред был главбухом?

— Нет.

— Откуда у простого бухгалтера столько денег на такую тачку?

— Им часто премии платили.

— Хотела бы я иметь такую работу. А квартиру он тоже купил сразу?

— У него была квартира бабушки. Он добавил и купил в новом доме.

— Понятно.

Отец Альфреда открыл машину. И я полезла внутрь. Куда бы я в машине спрятала важную вещь? Первым делом под сиденьем посмотрела, потом стала пошагово обыскивать.

— Я смотрю, вы профессионал, — удивился отец Фреда.

— Что вы хотите. Сыщик. Мое дело искать.

— Как ищайка?

— Точно.

А сама быстренько обыскивала. Везде сунула свой нос. Ничего. Ни в бардачке, ни под сиденьями. Порылась в багажнике, и там пусто. Стояла и думала. Я везде все осмотрела. Ощущение, что машину кто-то уже обыскивал. Правда, давно. Пылища вон какая.

— Вроде ничего нет. А вы сами в машину давно заглядывали?

— Вообще не заглядывали. Что-то смущает?

— Понимаете, здесь даже бумажки нет. Никакого мусора. Такое ощущение, что он ее или сам почистил, или кто-то здесь поработал до нас.

— Думаете, что машину обыскивали?

— Да. Если здесь что-то и было, это убрано до нас. Машина чистая, как будто к продаже готовили. А у вас окна на какую сторону выходят?

— Сюда, во двор.

— Вы сразу в квартиру сына переехали?

— Мы приехали на следующий день, как он перестал на связь выходить. Хотели узнать, что произошло. Волновались.

— Значит, у них было время для того, чтобы обыскать машину. Если здесь что и было, они это нашли.

— Закрываю?

— Да.

Отец Альфреда закрыл машину. Я была разочарована. Надеялась хоть какую-то зацепку обнаружить. У меня еще есть надежда на влюбленную Наташу. Вдруг она что-то подскажет. И на то, что в ноутбуке что-нибудь найдем. Надежда умирает последней...

Зашли в квартиру. Телефон уже подзарядился. По крайней мере, включить его уже можно. Заряда хватит.

Скинула себе номер телефона подружки Альфреда. Решила потом с ней созвониться.

— Может, вы этот телефон возьмете?

— Зачем?

— Поищите в нем. Вдруг там что-то найдете.

— Давайте так поступим. Я у вас его на три дня заберу. Мой знакомый с ним поработает. Вся информацию скачает. И я его вам верну в целости и сохранности.

— Хорошо.

— И просьба. Поищите планшет. Флешки. Хоть что-то.

— Поищем. Если что найдем, вам позвоним.

Я поехала домой. По пути остановилась и позвонила бывшей подружке Фреда по институту. Решение было спонтанным. Ни на что я не надеялась.

— Слава Богу, ты жив. Фредди, ты где? — прокричали на том конце.

— Наташа?

— Да. Вы кто? Где Фред? Что с ним? Он жив?

— Поговорить надо.

— Где? Когда?

— Где скажете. Когда скажете.

— Кафе «Барселона» знаете?

— Конечно.

— Сегодня в шесть.

— Хорошо.

— Как я вас узнаю?

— Созвонимся.

— До встречи.

И что я буду столько времени делать? «Барселона» эта не так далеко от нашего кафе. Надо было договариваться на моих условиях. А вдруг она напугана и не приехала бы? Нет

уж, в «Барселоне», так в «Барселоне»...

Поехала на работу. Поработала до вечера и к шести часам пошла в «Барселону». Позвонила. Звонок раздался справа. Я оглянулась. На меня смотрела симпатичная блондинка. Она помахала мне рукой.

— Так и знала, что Фред просто смылся, чтоб не жениться.

— С чего вы взяли?

— Вы его новая подружка?

— Нет. Он убит.

Она изменилась в лице. Побледнела. Того и гляди, в обморок упадет.

— Как убит? Я думала, что он просто смотался от всех зануд на острова.

— Его убили два года назад.

— Я надеялась, что он выпутался из этой передряги.

— Какой передряги?

— Он обнаружил, что в фирме кто-то тырит деньги.

— И что он сделал?

— Сообщил непосредственному начальнику.

— Кто был начальником?

— Корнеев младший.

— Больше Фред никому не сообщал?

— Корнеев сказал, чтобы он не сообщал никому. Обещал, что вора выведут на чистую воду, но сделают по-тихому.

— Когда это было?

— За неделю до его увольнения.

— Его уволили? Кто?

— Корнеев старший.

— Он ему объяснил, что на фирме воруют?

— Пытался. Но тот его слушать даже не стал. Уволил. Хорошо, что не по статье. Иначе он нигде бы не устроился. Как он был убит? Где?

— Убит в доме Корнеевых. Закопан в саду. Перелом основания черепа. Смерть мгновенная...

— Бедный фантазер...

— Почему фантазер?

— Он любил фантазировать. Выдумывать истории. Мечтал написать роман.

— Он был честным человеком?

— Кристально честным.

— Откуда у него дорогая машина?

— Взял ее в кредит. Расплатился, а потом понял, что ему такая машина не нужна. Хотел продать.

— Почему?

— Не статусный он был. Да и деньги нужны были на свадьбу.

— Он жениться собирался?

— Да.

— На ком?

— Не знаю. На Светлане какой-то.

— Он вам ничего не оставлял?

— Нет.

— Вы зачем мне неправду говорите?

— Вы кто? Я вас не знаю. Первый раз вижу. Откуда у вас телефон Фреда? Почему я вам должна рассказывать?

— Я частный сыщик. Мы помогли по одному уголовному делу полиции и обнаружили труп в саду дома Корнеевых. Телефон мне дали родители Альфреда. И Светлану я недавно узнала. У нее сын от Альфреда.

— Сын? Как назвали?

— Ваня.

— Фред подозревал, что его не так просто зовут в гости. И отдал мне одну вещь. На сохранение.

— Какую?

— Флешку. Он говорил, что это похоронит и Корнеева старшего, и младшего.

— А старшего-то почему?

— У него есть партнеры. Если они узнают, что партнер их ограбил, боюсь даже представить, что начнется. Партнеры покруче Корнеева будут.

— Флешка где?

— Зачем вам? Будете мстить за Фреда? Так думать забудьте. Не по зубам вам эти люди. Раздавят и не заметят.

— Где флешка?

— У меня. За ней ехать надо.

— Поехали.

— Сейчас?

— Сейчас. Что смущает?

— Да нет, ничего.

— Давайте говорить откровенно. Вы хотели шантажировать этой флешкой Корнеева?

— Нет, что вы?

— Хотели как-то заработать?

— Боже упаси.

— Тогда почему тянете и не отдаете ее мне? Зачем она лично вам?

— А вам зачем?

— Я уже сказала. Наказать убийц Фреда хочу.

— Вы его подружка?

— Мы по второму кругу уже пошли. Нет, я не его подружка. Я частный детектив, — вытащила из сумки корочки детектива и сунула ее им под нос. Она взяла их в руки и стала внимательно читать.

Всегда удивляли наши люди. Она же мне выложила всю информацию как на духу. И даже документов не спросила. А теперь, когда я почти все знаю, она вдруг стала осторожничать. Почему сейчас у нее проснулась бдительность? Странные у нас в стране люди...

— Хотите, вам подтвердят мою информацию родители Альфреда?

— Я их не знаю.

— Вижу, что вы мне не доверяете.

— Доверяю.

— Флешку отдадите?

— Зачем?

Блин, блин, блин... Ее заело? Где там пластинка прокручивается? Почему она по второму кругу вопросы задавать стала?

— Чего-то боитесь?

— Нет.

— В чем тогда причина? Вы хотите за нее денег?

— А можно?

— Что можно?

— Денег.

— Так бы сразу и сказали. Сколько хотите?

Она назвала сумму. У меня глаза на лоб полезли. Да не удивлюсь, если ее прибьют. Теперь понятно, что она жадная и глупая. Нормальный человек от такой флешки избавился бы быстрее. Горячая информация — это риск для жизни. Сама она ее продать не может. Трусиха потому что. Но со мной решила не мелочиться.

— Такой суммы у меня нет.

Она назвала сумму в два раза меньше.

— И такой суммы у меня нет.

— Ты же частный детектив. Вы деньги лопатой гребете...

— Еще скажи совковой. Удачи.

Я вышла из кафе. Она что-то вдогонку мне тихо говорила. Торговалась глупая блонда. Ну и жадная. Если она парня любила, то отомстить бы хотела его убийцам. А она за деньги уцепилась. Да еще и сумму заоблачную называла. Не любила она Альфреда. Нисколько. Может, на его деньги позарилась. Или машина его понравилась. Фред был завидным женихом с квартирой в элитном доме. Альфред ее раскусил. Молодец парнишка. Вычислил барракуду. Впрочем, многое не сходится в ее рассказе. Думать надо...

Я созвонилась со следователем. Он обещал появиться в кафе. Успею с ним еще пообщаться. Интересно, в ноутбуке есть какая-нибудь информация?

Раздался стук в дверь и в кабинет просунулась голова следователя.

— Привет.

— Заходи...

— Что хотела?

— Получила информацию, что у вас ноутбук Саврасова есть.

— Допустим. И что?

— Накопали что-то?

— Не-а. Пусто.

— Тогда почему такое игривое настроение?

— А что мне плакать, что ли? Я и так вон сколько поработал.

— В пример всем ставят? Премии дают? Ты герой нашего времени?

— Зря иронизируешь. Дело какое раскрутил.

Он сейчас это серьезно? Он правда считает, что он один все сделал? Во наглость... Но я решила промолчать. Не для ссоры и выволочки я сюда его заманила. Совсем для другого.

— Что с ноутбуком делать будете?

— Ничего. Как вещдок он нам ничего не дал. Родителям вернем.

— Когда?

— Что задумала?

- В смысле?
- Ты что-то задумала. Что? Говори.
- Хочу, чтоб мой гений посмотрел ноутбук.
- Зачем? Наши спецы там ничего не обнаружили.
- Они тоже гении?
- Твоя мысль мне понятна. Давай баш на баш договоримся.
- В чем договор будет заключаться?
- Как обычно. Если что нароешь, мне сразу говоришь.
- Договорились. Когда родителям ноутбук отдашь?
- Завтра. Мне их еще раз допросить надо.
- Хорошо, буду ждать звонка.

Он ушел. Я облегченно вздохнула. Думала, что он сопротивляться будет. Ан нет. Привык следовательно к дифирамбам, что на работе поют. Мне его сослуживцы уже рассказали, как он резко стал профессионалом. Из мелочи такое громкое дело поднял. Вселенский заговор наркомафии раскрыл. Был средненький следователь, а стал настоящим Эркюлем Пуаро.

Решила вечером навестить подруг. Мара с Кирой меня зачем-то в гости к Маре позвали. Интересное что-то задумали...

- Явилась пропажа, — Мара стоит в дверях.
- Девчонки, а что случилось?
- Ничего. Пить будем.
- За что?
- Мара с бойфрендом рассталась, — поведала мне Кира.
- Праздновать будем или горевать? — я уточняю на всякий случай. Надо же мне знать, как себя вести.
- Горевать... наверное. Хотя фиг его знает, — ответила Маринка.
- Значит, ты не уверена в своих чувствах. И это хорошо.
- Почему?
- Потому. Радоваться надо. Я по себе поняла, что людей надо отпускать.
- Тебе легко рассуждать. Ты замужем побывала. Тебе теперь торопиться некуда. А мы даже не отметились на этом поприще.

— Ну и что? Побывала замужем, а теперь рада, что вырвалась из клетки. Место рядом освободилось. Мужик, как рейсовый автобус: один от остановки отошел, второй придет скоро. Выбирай, на какой садиться...

- Интересно рассуждаешь, — резюмировала Кира.

Девчонки уже до моего прихода накатили. И теперь находятся на той стадии, когда все слезы выплакали. Пришла пора подружек веселить и вселять уверенность в завтрашнем дне. Девчонок убедить надо, что день этот будет счастливым. И прискачет к ним великолепный принц на белом коне.

— Знаете, я поняла одно. Лучше быть одной, чем вместе с кем попало. Теперь мне нервы никто не трепет. Тишина, спокойствие. Да и мужики рядом крутятся. Один другого лучше.

- И замуж зовут?

— Некоторые зовут. Не о чем горевать, девчонки. Мы молодые и красивые. С профессией и с квартирой. Руки, ноги целы. Голова на месте. Как положено, на плечах, а не

в заднице. Москва — город большой и женихов здесь хоть ковшом черпай. Выбор не ограничен...

— И туристов немерено, — Кира в своем репертуаре. Она все за иностранца замуж хочет.

Итальянца ей не хватило, чтоб сделать выводы об иностранных женихах. Как человек не поймет, что все мужики одинаковы по своей сути. Иностранцы даже хуже наших. Они изнежены и стерильны в плане чувств. Лично мне жить в чужой стране некомфортно. Я могу там находиться какое-то время, а потом хочу домой. Так сильно хочу, что не могу. Наверное, я патриотка, и это уже не лечится.

Иностранные мужчины напоминают целлофановые пакеты. Стерильные, ровные, одинаковые и абсолютно бесцветные. Все как один. О чем с ними разговаривать? Они фильмы наши не понимают. Мультики тоже. Классику даже если читали, то ничего не поняли. Иностранный муж — это не мое...

— А как твой Никита? — переключила Мара внимание на меня.

— Никак. Разводимся.

— Мне очень жаль.

— А мне нет.

— С ума сошла? — Кира удивленно смотрит на меня.

— Понимаешь, Кира. Он разлюбил. А я, наверное, и не любила. Зачем двум людям вместе жить, если они больше не любят? Жить надо с любимыми. И никак иначе.

— А если просто сошлись. От одиночества, от тоски. Чтоб рядом живая душа была. Если просто не знают, что есть любовь. Нет, конечно, слышали про нее, но не видели и сами не ощущали. Как тогда жить? Одинокой или сойтись с тем, кто хотя бы не вызывает тошноты?

— Не знаю. Может и так можно. Но я любви хочу. Чтоб на мне свет клином для него сошелся. Чтоб весь мир во мне одной заключен был. Чтоб он умирал без меня. Чтоб страсти-мордасти были...

— А ты будешь барыней стоять и позволять целовать себе ручку?

— Почему же только ручку? И ножку, и все остальные места, — попыталась я перевести разговор в шутку. Слишком серьезный разговор получался у нас. Не для попойки тема...

— Иришка, колись. Ты хотела ему изменить?

— Нет. Просто хотела уйти.

— Уйти и не отомстить?

— Мсть глупа. Она ни к чему хорошему не приводит. Ты тратишь свое время на чужого человека, чтоб сделать ему больно. А становится только тебе горше и больней. Зачем это? Отпусти его, развернись и уйди, чтоб не видеть раздражитель. И займись своей жизнью. Я так считаю...

— Почему ты от своего мужа ушла? Он же тебе, по сути, не изменил, — задала вопрос Мара.

— Почему ушла? Чисто интуитивно. Так захотела. Другого выхода на тот момент не видела. Теперь поняла сама. И попытаюсь объяснить, как это вижу я. Может, со стороны все видится иначе, но для меня все обстоит примерно так.

— Интересно послушать? Я тоже голову все ломала, зачем ты от такого красавца уходишь... — поддержала подружку Кира.

— Понимаете, я всегда считала, что жизнь — это скоростной поезд. В лучшие годы

жизни нам кажется, что мы им управляем. Сидим такие в униформе за пультом и только нам решать, куда ехать и с какой скоростью. Хозяева своей жизни. Счастливые от возможностей, которые есть у нас. В обычные времена мы едем в качестве пассажира. Уже не мы решаем куда. Нас везут другие машинисты. Не мы рулим. И униформы красивой у нас нет. Но зато сыто, комфортно и без заморочек. За тебя все другие люди сделают: путь выберут, накормят и напоят. Правда, машинист поезда может оказаться жопоруким и пустить поезд под откос.

— Рукожопым, — поправила меня Маринка на свой лад.

— Пусть так. Сути это не меняет. А иногда бывает, что обнаруживаешь себя лежащей на холодных рельсах. Слышишь стук приближающихся колес. Понимаешь, что сама освободиться не можешь. И на помощь извне надеешься.

— Жуть какая. Кошмар, — вставила Кира.

— Такие разные ситуации. И такие похожие. Любому из нас необходимо, чтобы рядом были люди, которые по-настоящему нас любят. Которые за нас и в огонь, и в воду, и даже на рельсы.

— Где ты таких сейчас найдешь? — возмутилась Мара.

— Есть разные. Представь. Не смог оторвать меня от рельс. К примеру, между рельс руку зажало. Так он помчится навстречу поезду, предупредить. Затормозит состав, рискуя жизнью. Или вообще на рельсы ляжет рядом.

— Нет таких. Хоть убей меня. Чтоб мужик ради женщины рисковал? Да не в жизнь, — резюмировала Кира.

— Мне не нужны случайные попутчики, которые со мной будут ровно до того момента, пока поезд не оказался совсем рядом. Из чего я делаю вывод, что не стоит размениваться на случайных попутчиков. Они временщики и пройдут со мной лишь часть пути. И не нужно заострять свое внимание на тех, с кем вообще не по пути. Меня устраивает только единомышленник на рельсах со мной, рядом, по соседству. Чтоб рядом были только верные и надежные попутчики в моем поезде жизни. А транзитные пассажиры пусть идут мимо. Их я удерживать не буду...

— Красивая сказка, — сделала вывод Мара.

— Но не реальная. Одинокая старость при таком подходе обеспечена, — продолжила за ней мысль Кирюха.

— Но я так хочу. И не надо мне говорить про стакан воды на старости лет, — подвела итог я.

— Так выпьем же за нашу свободу! — выкрикнула Маринка.

— А вот мне интересно. Если мужик колеблется? — спросила Кира.

— В каком смысле?

— Ну, не определился, нужна я ему или нет.

— От человека, который колеблется, лучше вообще отойти. А-то войдешь в резонанс, — ответила я, не задумываясь.

— А если он любит, но не уверен? — спросила Маринка.

— Окружающие либо любят нас, либо нет. Либо верят нам, либо нет. Они либо хотят окружать нас своей заботой и вниманием, либо нет. Третьего не дано! Такова жизнь... Серединка на половинку — это не про любовь и не про веру. Это про что-то другое... Я никогда сильно не ревновала своего мужа. Да и как может быть иначе? Если ты живешь с человеком вместе, то доверяешь ему во всем. Иначе какой смысл с ним жить? Или я не права?

— Права, — высказалась Маринка.

— А теперь семейной жизни конец. Поезд ушел. Плач на перроне не слышен! Но это лучше, чем он бы мне нагло изменял, а я притворялась, что ничего не понимаю. Изменник клятвы верности мне не нужен. Он хочет семью сохранить. А мне прикажешь радоваться этому? Приползли штаны домой — счастье привалило! Не хочу я так. Совсем не хочу...

— Какие мужики козлы! — крикнула громко Кира. И понеслась веселуха...

В общем, домой я пришла поздно ночью и подшофе. Вернее, за мной пришел Петька и приказал командным голосом немедленно идти домой. Грейс, предатель шерстистый ему подтявкивал. Спелись два оглоеда...

Утром голову ломило так, что еле открыла глаза. Только невероятной силой воли приволокла себя на кухню.

— Приношу извинения за беспокойство. Прошу меня понять и простить.

— Ну что, погуляла? — мама с улыбкой смотрит на меня.

— Не могла вырваться из лап иноземных захватчиков. Насильно поили меня вороги... Пытали...

— А если без шуток? По какому поводу твои подруги так наклюкались?

— Почему наклюкались?

— Так хочешь почитать, что они тут вчера писали?

— Интересно. Давай прочту.

— Особенно мне понравился пассаж про то, что ты лежишь на рельсах и ждешь, что тебя спасут и лягут рядом.

— Так Петька меня спасать ринулся?

— Именно.

— А мне вот это нравится. Про космолет, — я уже смеялась.

Интересно, что Мара вроде вчера пьяная была в дупель. А все смс-ки написаны грамотно и понятным образным языком. Весело было читать...

— Смотрю, вы вчера оторвались не по-детски?

— Маринку жених бросил.

— Который по счету?

— Тех она сама выгоняла. А этот ушел.

— Как ушел? Она вчера по телефону говорила, что пыталась его с балкона выкинуть...

— Это она образно выразилась.

— А я подумала, что она в самом деле его с балкона вышвырнуть пыталась. Буйная она у тебя...

— Я-то вчера не буянила?

— Нам с Петькой очень повезло. Ты у нас смирная, когда пьяная. Тихо домой прокралась. Стыдливо перед нами извинилась. И юркнула в постель. Чудо, а не ребенок...

— Так это же хорошо. Меня сегодня покормят? Есть хочу зверски...

— Голова болит?

— Есть немного. Таблетку бы.

Мама дала мне таблетку. Шипучка принесла облегчение. И я пошла в ванную отмокать. Время еще есть. Проснулась я рано. До работы успею привести себя в порядок. Поела и поскакала на работу.

Не знаю, как других, а меня работа в кафе спасает от скуки жизни. Она приносит моральное удовлетворение и материальную независимость. Что тоже немаловажно. Но

сегодня, видимо, был не мой день. Все валилось из рук. Сначала меня чуть не сбила машина. Прямо перед кафе. Сразу передо мной пронеслись все дела, которые не нужно будет делать.

Второй звонок прогремел уже набатом в виде разбитой посуды. Пришлось собирать осколки. Порезалась. Вот мне и третье предупреждение. Значит, с работы сегодня надо линять. Четвертого звоночка я могу не пережить.

Что ха-ха? Да, я суеверная. Слушаю свою интуицию. И она меня никогда не подводила. Вот и тут я поняла, что такие сигналы от ангела-хранителя нельзя игнорировать. Пока не дошло до членовредительства, опасного для моей жизни, решила уйти с работы. Мне есть чем заняться. За час переделала все неотложные дела в офисе и рванула по другим делам.

Первым делом созвонилась со следователем. Саврасовы у него уже были. Ноутбук забрали. Пора и мне приступать к действиям. Созвонилась с родителями Альфреда. Объяснила, зачем звоню. Они сказали, что ждут меня в гости. Поехала. Заберу ноутбук и буду тихо и методично копать. Найти Юру и наказать его убийц: вот и все, что осталось сделать...

Получив ноутбук и поговорив с родителями Фреда, помчала к Макс. Там дала ему задание и радостная прибежала домой. На сегодня все. Залагу в своей конуре и не буду больше отвечивать. А то мало ли...

Взяла в руки дневники Фреда и стала перечитывать по новой. Захватило меня это чтение. Читала и заснула. Проснулась только поздно вечером. Все наши были дома. Мама что-то варила. Петя сидел у себя в комнате, учил уроки. Я решила прогуляться с Грейсом. Совершить променад на сон грядущий. Посидела на лавочке. Потом погуляли с Грейсютой по аллеям парка. Потом покидала ему палочку. Уходить не хотелось. Сажу на лавочке. Пес рядом носится и круги наматывает. Наслаждаюсь чистым зимним воздухом. Лепота...

Дома попила кофе. И залегла опять читать. Заснула крепко.

Утро. Солнышко светит в глаза. Пора вставать. То ли выспалась хорошо, то ли просто с той ноги встала, с какой нужно. Но настроение отличное. Весь день сегодня веселая. Хожу и улыбаюсь. В чем дело, сама не пойму. Просто радость от солнца, от понимания, что вот-вот весна настанет.

И еще какое-то ощущение, что все будет хорошо... В обед позвонил Макс. Сказал срочно к нему нестись. Понеслась, как приказал командир.

— По вашему приказанию явилась, — шуточно отрапортовала Макс.у.

— Все веселишься?

— А чего мне плакать.

— Ну да... Хочешь, я тебя удивлю?

— Удиви меня, мой генерал...

— Иришка, кончай веселиться. Дело серьезное.

— Да? Насколько серьезное?

— На миллиарды.

— Рублей?

— Долларов.

— Поясни.

— Слушай. Ты знаешь, что Корнеев не только бизнесмен, но и чиновник федерального уровня?

— Да. Он нынче в фаворе. Обласкан властью.

— Он деньги ворует.

— Ну и?

— Как пылесос мощный, засасывает все, что рядом лежит.

— На миллиарды?

— Ага. Я даже схемы понял. Размотал. Там такой масштаб воровства...

— А сынок Корнеева при чем?

— Так Корнеев не один. Он в составе шайки. Сынок их общие деньги украл.

— Ай-ай-ай. И что на это скажут партнеры бати?

— Вот именно. Боюсь, если всплывет, то бате его каюк. Поэтому он и уволил бухгалтера. Схему воровства и отмыва денег вскрыл Фредди. На свою голову. Ну и имечко пацану дали. Родители его ненавидели за что-то?

— Да нет. Наоборот, любили. Они оригиналы.

— Они оригиналы, а страдает их сын. Ладно. Фиг с ними. В общем, я все понял. Тут тебе все на флешку скачал, сама посмотри.

— Хорошо.

— Про твоего визави. Он отдыхает. Вчера засветился в Тайланде.

— Почему в Тайланде?

— Собрался там остров покупать.

— Да ладно. Шутишь?

— Нет, какие могут быть шутки. Сама смотри. Небольшой остров по местным меркам. За три с копейками миллиона баксов.

— Так дешево?

— Маленький островок, но вполне пригодный для жизни. Есть пресная вода, зелени много, деревьев, песчаные пляжи. Прикупить хотел на стыренные деньги. Что делать будем?

— А что мы тут можем сделать?

— Можем у него экспроприировать деньги до завершения покупки.

— Как это возможно?

— Фредди и схемы составил, и счета перечислил. Правда, коды не дал. Но я сам все сделал. Поработать пришлось. Можем отомстить за павшего в бою товарища жестоко.

— Давай. А можно вообще все у Юрика отнять?

— Можно. Следи внимательно за руками. Айнс, цвай, драй...

— И что?

— Нищеврод теперь твой Юрик...

— Почему это мой? Он ничей. От него и мамаша отказалась на камеру. И отцу своему он не родной.

— Значит, мы с тобой сейчас сироту ограбили?

— Сирота не пролезет в ворота. Максик. Я тобой горжусь. Ты Коперфильд. Да нет. Бери круче. Аругюн и Амаяк Акопяны вместе взятые. Кио тебе в подметки не годится...

— Хвали меня, Иришка, хвали. А то сроду от тебя доброго ласкового слова не дождешься. Интересно, что он делать будет?

— Когда поймет, что его ограбили? Не знаю. Что-то мне подсказывает, что он своему отцу начнет звонить. Ты что-то хотел предложить?

— Ага. — согласился Макс. И сидит, сияет, как олимпийская медаль.

— Предлагай. Я открыта для предложений.

— Давай и папаню грабанем?

— Страшно. Нас сразу вычислят. А мне еще пожить хочется. Пару раз замуж сходить. И

помирать я не собираюсь...

— Не успеют. Мы хитро сделаем.

— Как?

— Откроем счет в оффшоре. Туда переведем деньги и запутаем следы. Ищи их, свищи...

— Они же кинутся искать того, кто их обул.

— А мы на Юрика стрелки переведем.

— То есть ты хочешь первый счет в оффшорной зоне на него открыть?

— Ага...

— Допустим, это нам удастся. А что потом? Деньги ворованные. Они нам счастья не принесут.

— Я не собираюсь ими пользоваться. Вернем.

— Кому? Этим ворюгам?

— Государству.

— Они их опять сопрут.

— Мы их вернем с шумихой. Пресса освещать будет. Они своих кормушек лишатся. И станут не опасны.

— Максик. Ты провокатор. Ты и в детстве меня постоянно на шалости подбивал. Не стыдно честную девушку так искушать?

— Ну весело же было?

— Кому весело, а у кого и задница болела от ремня...

— Решайся...

— Стоп. А как ты деньги у них снимешь? У тебя доступ есть?

— Ага.

— Откуда? Фредди постарался?

— Не-а. Ты.

— Как это я? Ничего я такого не делала.

— Делала. Флешку мою помнишь, что в офисе Корнеева оставила?

— С фотками и видео его сына?

— Ага. Так вот, я ему программу шпиона запустил. И пошарил там от души.

— Получается, ты меня подставил. Корнеев сразу поймет, кто виноват. Два плюс два сложит. И на меня своих волкодавов напустит. И что? Мне опять День защитника Отечества в окопах встречать?

— Какие окопы? Не успеет он ничего сделать. Да и не подумает он на тебя.

— Почему?

— Я вход на конкурентов сделал.

— Типа, его конкуренты мочат?

— Точно. Пока он с ними разбираться будет, мы все спокойно и подчистим.

— погоди. А программа шпион на флешке?

— Она самоликвидировалась.

— Это как? Объясни.

— Когда флешку вставляют в нужный компьютер, программа переползает в сам комп, а на флешке ее не будет.

— Как червяк?

— Не-а. Я ее зову землеройкой. Сам недавно написал на досуге. Убойная штука. В программе конкурента столько входных дыр оставляет, что первое заражение не вычислишь.

— Так. Я поняла, что ничего не поняла. С тобой голову сломаешь. Они не поймут, когда и откуда словили твоего шпиона?

— Не поймут.

— На тебя выйти могут?

— Боишься за меня?

— Еще как. У меня мало друзей. Не хотелось бы их терять из-за мелочей.

— Несколько миллиардов долларов для тебя мелочь? Ну ты даешь.

— Друзья мне дороже.

— Не бойся. Никак они ни меня, ни тебя не вычислят.

— Что делать будем с деньгами Юрика?

— Пусть полежат в оффшоре. Проценты пусть набегут...

— Когда приступим к раскулачиванию папаша?

— Хоть сейчас можно. Сейчас... Готово. Деньги ушли.

— Обалдеть. Так легко можно ограбить любого?

— Абсолютно любого...

— Ты заранее счета открыл? Подготовился? Знал, что меня уговоришь?

— Догадалась?

— Ты страшный враг. Напомни мне, когда ругаться будем, что я зареклась с тобой ссориться. А враждовать тем более...

— Тебе со мной ругаться можно. Тебе я пакостить не буду...

— Спасибо, друг! Я тоже тебя люблю...

Довольная я шла на работу. Война войной, а обед по расписанию. Дело сделано. Воры и убийцы наказаны. Самое страшное для них наказание приготовила жизнь. Безденежье. Для этих людей это хуже смерти.

Я сидела в офисе. Перечитывала дневники Фреда Саврасова. Затянуло меня. Бывает же что берешь книгу в руки и многого от нее не ожидаешь. А потом оторваться не можешь и перечитываешь раз за разом.

Надо бы подсказать идею его родителям: пусть отдадут дневники в какое-нибудь издательство. Может там оценят его труд и напечатают роман. Будет помощь его жене и ребенку.

Вечером заявился Петька, и мы вместе пошли домой. Выгуляли Грейса. Поговорили. Я и не заметила, как привыкла по вечерам гулять. После работы вечерний променад так хорошо расслабляет. Прогулка, крепкий сон и отсутствие нервотрепки сделали свое дело. Я была спокойна, как удав и умиротворена.

* * *

Со следующего утра началось. Первым заявился Корнеев. Потребовал назад все свои деньги. Отдала. Даже спорить не стала.

— Я расторгаю с вами договор.

— И что вы хотите?

— Получить назад все мои деньги.

— Все?

— Все. Я вам платил за то, чтобы вы нашли моего сына, и за то, чтоб нашли убийц

моего сына.

— Мы ищем.

— Вы плохо ищете. Вы ничего не делаете! Отдайте мне мои деньги! — заорал он. Аж на дискант перешел...

— Хорошо. Получите.

Подошла к сейфу. Вытащила его деньги. Сегодня утром доложила недостающие в пачке купюры. По сути, могла бы спорить и отстаивать свои интересы. Но не стала. Возьму из денег его сыночка. С этих же денег и с Лешей рассчитаюсь, и с Максом.

— Что? Даже спорить не будешь?

— Зачем? У вас аура плохая. Безденежье наступает. Хотите, предскажу, что вас ждет?

— Пошла ты. И фотография твоя — фотомонтаж.

— Уверен?

— Ты мне не тычь! — запищал он от страха. Вспотел, как мышь...

— Аура плохая...

Он выскочил, как ошпаренный. Охранник пошел за ним.

— Беги от него. Скоро на него охота будет объявлена, — шепнула я ему.

Вот дура. Не удержалась. Нет бы промолчать скромно. Попугать чинушу захотелось...

Потом появился следователь.

— Ну как?

— Что как? — переспросила я.

— Что-нибудь нашла?

— Ничего. По полям.

— А что я говорил? Наши спецы тоже гении. И дело свое хорошо знают.

— Угу — согласилась я.

Следователь был рад тому, что оказался прав. Разочаровывать его я не стала. У меня с Максом была одна задумка, как выманить Юрика сюда и заставить признаться в убийстве. Жалко мне было охранника Руслана. Он не убивал, а сидеть будет. Разве это справедливо? Правда, план мог и не удался. Авантюрный план. Рисковый...

На следующий день я позвонила с телефона Альфреда на телефон Юрика. Макс вычислил его новый номер. Голос смоделировали под голос Фреда. Своим голосом я с ним разговаривать не стала. Зачем подставляться? Разговор мы записывали.

— Здравствуй.

Долгая тишина. Потом нерешительно ответили.

— Фредди?

— Угадал. Знаешь, зачем звоню?

— Отомстить?

— Нет. Месть не мой метод. Попроцаться и сказать тебе здравствуй.

— Кто ты? Ты думаешь, что я поверил, что Альфред жив? Он умер. Он не может быть живым.

— Ты так в этом уверен?

— У него голова болталась. Он не дышал. Слышь ты. Это же ты украл мои деньги. Его никто не убивал.

— Ну да. Он сам с лестницы спрыгнул вниз головой.

— Да ты не понимаешь. Он сам оступился. Зачем нам было его убивать? Он нес нам золотые яйца. Кто рубит сук, на котором сидит? Не было смысла его убивать.

— Он с вами был в сговоре? Вы вместе грабили отца?

— Конечно. Не было смысла его убивать.

— Охранник не убивал?

— Нет. Он просто тупой идиот. Он никого не убивал. Верни деньги.

— Напиши признание на видео. Пришли на этот номер.

— Так это из-за тупого охранника мне прилетело?

— Напишешь?

— Пришлю!

— И пришли послание матери, чтоб она изменила свои показания. Иначе денег не увидишь.

— Хорошо.

Через час мы получили два видеофайла. Профессионально снятое видео, где Юрий давал свои показания. Для суда они ничего не значат. А вот если мать Юрия изменит показания, то охранника отпустят. Я была довольна. Наша задумка удалась.

Звонок от Юрия.

— Верни деньги! Мразь!

— Как только охранника отпустят и твоя мать даст показания в суде, ты получишь свои деньги.

В трубке раздалась матерки. Матерился Юрик без затей. Просто и как-то коряво. Стало не интересно, и я отключила телефон. Надо бы ему взять пару уроков у моей подруги Киры. За ней даже грузчики и дворники записывают емкие и хлесткие выражения...

Думаете, я шучу? Ничего подобного. Однажды иду к Маре в гости. Во дворе стоит Кирюха и материт грузчика. Тот почтительно смотрит ей в рот. Внимает, как божественное откровение. А рядом стоит дворник и снимает на телефон все, что она говорит. Телефон я у него отобрала. Сначала была погоня, а затем он сдался без боя и отдал телефон. Я запись стерла.

— Зачем снимал?

— Надо.

— Зачем надо? Для кого?

— Русский язык учить хочу.

— Так это не совсем русский. Это феня.

— Мне такой русский надо. Для работы. Записать хочу.

— Зачем?

— Грузчики Ахмета обижают. Он хотел, чтоб уважали.

— Думаешь, что материться станешь и уважение будет?

— Да. Они ее послушали. Она им русским языком стала объяснять. Они сразу все сделали. Ахмет так же хочет.

— Ну, тогда пиши. Бери блокнот и пиши. Кира, начинай полет фантазии.

И Кира рассказала ему много интересного в мельчайших подробностях. Грузчики из магазина высыпали на крыльцо. Уселись кто на ступеньки, кто на ящики. Смотрели на нее со страхом и почтением. За столько лет своей работы они впервые поняли, что такое мастерство нецензурной брани. Похоже было на ликбез...

После того, как Ахмет записал волшебные слова, я лично от себя пару выражений добавила.

— Только помни, Ахмет. Слова эти волшебные. И применять их всуе не рекомендуется.

Только в крайнем случае. Большую энергетическую силу они имеют. Бранные слова для поля брани предназначены. Для боя смертного они. Брешь в ауре пробить могут. Будь аккуратней...

Вот такая история. Смешная с одной стороны, но настолько жизненная...

Я, недолго думая, созвонилась со следователем. Переслала ему файлы. Он пообещал сделать все возможное, чтобы охранник вышел на свободу.

* * *

Спустя три дня сижу в офисе. Никого не трогаю. Влетает ко мне Корнеев старший. Швыряет мне на стол деньги. Все те же пачки долларов.

— Что это?

— Это деньги. Возвращаю.

— Зачем? У меня с вами никаких деловых отношений нет.

— Это оплата за выполненную работу.

— За какую?

— Забери.

— Зачем?

— Просто забери. Я был не прав.

— В чем?

— Отстань от меня.

— Я к вам не приставала.

— Обложила.

— Кто?

— Ты. Отзови своих псов.

— Каких?

— Ты за что мне травлю устроила?

— Я вам? Смеетесь? Где я и где вы.

— Тогда кто?

— Да кто угодно. У вас что, конкурентов нет? Или враги все умерли?

— Так это не ты?

— Нет. Пока не начинала. Так разве что пожаловалась знакомым...

— Вот деньги. Забери. Ты их заработала.

— Точно?

— Да.

— Тогда давайте подпишем договор и акт выполненных работ.

— Что?

— Деньги — это хорошо, но и документы оформить нужно, как положено.

— Зачем?

— Я законопослушная гражданка. Мы платим налоги.

— Ну хорошо.

Я вытащила свои экземпляры договоров с подписью детектива и акты выполненных работ. Когда все оформили, я сложила деньги в сейф.

— Я вашего сына нашла. Он в Таиланде. Живой и здоровый. Даже загорел. Отдыхает и

жизнью наслаждается. Формально я договор выполнила. Могу поспособствовать его приезду сюда.

— Знаю. Пусть отдыхает.

— И еще вот вам бонус от нашего детективного агентства.

— Что это?

— Это ваш сын трижды в разных конторах делал ДНК тест на предмет вашего отцовства.

— Что за чушь? Что ты мелешь? Зачем?

— Мне откуда знать? Может, подозревал, что вы ему не родной.

— Как не родной?

— Согласно анализам, он вам не сын, а вы ему не отец. Если мне не верите, то сами обратитесь в те фирмы. Он оплачивал эти анализы со своей карты.

Корнеев взял бумаги. Внимательно изучал, потом сжал их в кулаке и вышел из офиса, убитый морально наповал. Значит, хорошо ему фаберже прищемили партнеры, раз сюда прибежал и на всякий случай со мной рассчитался. Еще и я его камнем сверху придавила. В дверях стоял его охранник. Внимательно рассматривал фотографию. Потом молча ушел. Вроде его и не было.

— Леша, привет.

— Здравствуй.

— За деньгами придешь?

— За какими? Ты же говорила, что он все деньги забрал. Впустую столько дней потратили.

— Он опять принес деньги.

— Передумал?

— Ему помогли понять, что он не прав.

— Как? Кто?

— Так придешь?

— Уже бегу.

Через несколько минут детектив сидел у меня. Радостный и счастливый. С деньгами в одной руке и с договором в другой.

— Мы в расчете?

— А как ты с Максом считаешься?

— Со своей доли.

— Может, на троих равными долями поделим?

— Нет. Делим, как первоначально договорились. Из всей суммы вычли затраты. Ты с ними согласен?

— Да. Мы их заранее оговаривали.

— Остальное делим пополам.

— Хорошо. Тогда я пошел?

— Ага.

— Ты звони, если что...

— Ага.

Детектив ушел. Ну вот и все. Осталось только с Максом рассчитаться, и я абсолютно довольна тем, как все обернулось. Жаль, конечно, что Юрика не удалось наказать. Ну что же. Не бывает такого, чтоб все идеально было.

Вечером зашла к Макс. С ним рассчиталась. Он деньги брать не хотел. Но я настояла.

— Я себе и так заработаю.

— Любой труд должен оплачиваться. А ты работал больше нашего.

— Я просто сидел в кресле, пока программа работала. Я ничего не делал.

— Ты мозгами шевелил, Макс. А это самый тяжелый труд. И оплачиваться он должен соответственно. Так что возьми свои деньги.

— Ладно. Давай. А классно мы все провернули. Ты свои куда дела?

— Маме на счет положила. Они с отцом дом хотели купить, чтоб вместо дачи был.

— Как у Айболита?

— Нет. Хотелось что-то посовременней. Как у Никиты.

— Сколько такой дом стоит?

— Не знаю. Пока не интересовалась.

— А остров не хочешь купить? Где-нибудь на берегу океана?

— Нет. Я жару не очень хорошо переношу. Мне в Калининграде климат нравится. А там острова не продаются.

Поговорили с Макс. Потом я пошла домой. Дома мама сразу стала меня кормить.

— Мам, я тебе на счет в банке деньги положила.

— Зачем?

— Заработала. Это от меня вам с отцом на домик с вишневым садиком.

— Помнишь, о чем мы мечтали?

— Не могла я этого забыть. Это и моя мечта.

После выходных, в понедельник ко мне пришли гости. Три охранника Корнеевых.

— Чем обязана?

— Мы это... Короче, извиниться хотим.

— Хорошо. Извинения приняты. Как у тебя рука? Работает?

— Только через день шевелить смог.

— Извини. Сам напросился.

— Я Руслан. Спасибо тебе.

— За что?

— Меня отпустили.

— У тебя все нормально?

— Подчистую отпустили. Не убивал я.

— Это и так понятно было. Удачи вам троим.

— Ты в курсе, что Корнеев в больнице с инфарктом? Он сына послал...

— Куда?

— На все четыре стороны. Завещание переписал. Ни сыну, ни жене ничего не оставил после своей смерти.

— Почему?

— У него сестра была. Ей все отписал. Наказал сына и жену за подлость и измену.

— Понятно. Удачи вам. Он с вами-то хоть рассчитался?

— До сих пор платит. И нам, и Руслану.

— По совести решил с вами поступить. Учится на ошибках. Уже хорошо.

— Мы пошли?

— Всего хорошего.

— Ты, если что, обращайся. Я по гроб жизни твой должник. Пришел тебе спасибо

сказать. Законопатили бы меня за убийство. Я же ничего не помнил. Думал, что действительно убил я. Если бы ты не помогла, то сидеть мне лет десять, — признался Руслан.

И опять они тихо испарились. Как они это делают? При таких габаритах так бесшумно двигаются...

* * *

Через неделю на иду работу. Тишина, снег падает. Он вообще в последнее время падает и падает. Безостановочно. Как будто напоследок зимушка-зима решил вытряхнуть все из закромов. За последние два дня выпала месячная норма осадков. Сугробы в метр высотой. Грейса когда на улицу выводишь, он носится, как угорелый и с разбега в снег ныряет.

На крыше здания много снега скопилось, и сосульки громадные с крыши свисают. Того и гляди, такой сосулькой кого-нибудь убьет. Почему не чистят? Ждут, когда все рухнет на прохожих? Надо сегодня в инженерную службу зайти. Пора чистить крышу. Иначе быть беде...

Вижу краем глаза, кто-то сбоку ко мне быстро идет и протягивает руку в направлении меня, а в ней пистолет. Я побежала от убийцы, пригибаясь и петляя не хуже зайца.

— Сдохни, тварь!

Стреляют из ТТ. Это все, что я поняла. Потом на меня что-то рухнуло, придавило, и наступила темнота...

* * *

Очнулась я в каком-то белом помещении. Морг, что ли? Да нет. Просто палата больничная. Я на кровати лежу. Рядом никого. Пошевелила руками и ногами. Вроде все целое. Ощупала голову. Ни бинтов, ни крови. Значит, меня не ранили. Тогда почему я здесь?

Посмотрела рядом с кроватью кнопки. Кнопка вызова медсестры. Нажала. Появилась медсестра, взглянула на меня и резко убежала куда-то. В коридоре раздался топот. Сюда бежали люди. Ох, черт! И не спрятаться... Да шучу. Небось, родные и друзья несутся, чтоб меня увидеть. Значит, все будет хорошо.

— Что произошло? — спрашиваю у них.

— Тебя пытались убить, — отвечают хором. Спелись...

— Это я поняла. Кто?

— Юрий Корнеев.

— Зачем?

— Отомстить хотел за то, что ты его жизнь разрушила.

— Почему я здесь?

— Так ты без сознания была.

— Почему?

— ЗЧМТ.

— Какое там ЗЧМТ? Не может у меня быть черепно-мозговой травмы. У меня мозгов нет. Иначе я бы поняла, что он меня вычислит и станет мстить.

— Ура! Значит, с ней все в порядке. Мозги на месте, — высказался Петька.

— Почему он меня не пристрелил?

— Ему Никита помешал.

— Как? Откуда он взялся?

— Он с тобой поговорить шел. Увидел, что в тебя стреляют. И прикрыл тебя собой.

— Так это он на меня рухнул?

— Ага. А Грейс руку отгрыз.

— Кому?

— Убийце. Не зря мы его столько дрессировали. Он ему руку с пистолетом откусил, —

похвастался Петька.

— А Грейс там как оказался?

— Стал скулить сильно. Петьке пришлось вывести его на улицу.

— Я думал, что он в туалет просился. А он к твоему офису рванул, как оглашенный.

Пришлось спустить его с поводка.

— Хорошо, что ты на него намордник не одеваешь... Кого-то ранили?

— Шутишь? Он по тебе только три раза и успел выстрелить.

— А сам он где?

— Его Бог наказал.

— То есть?

— С крыши сосульки упали большие. А потом снегом придавило.

— Хорошо, что снег на крыше не почистили вовремя. Он жив?

— Нет. Голова вдребезги. Фаберже тоже.

— Вот и не верь после этого в справедливость... Се ля ви. А Никита где?

— У главврача сидит.

— Меня когда домой?

— Два дня подержат, обследуют. Если ничего страшного, то домой отправят.

— Хорошо. Домой хочу! — сказала и заснула крепким сном.

* * *

Через два дня я ехала домой на такси. Не хотела, чтоб меня встречали. Хотела сюрприз сделать. Открыла дверь в квартиру своими ключами. В прихожей военная форма. Обувь мужская стоит. Сердце екнуло. Пошла на запахи. В кухне сидел батя. Худой и жутко загорелый.

— Папка, ты как здесь?

— Стреляли...

— Насовсем?

— Подчистую.

— Чего такой худющий? Малярией переболел?

— Было дело. Как ты? Говорят, без приключений жить не можешь.

— Кто говорит?

— Да тут парень какой-то с собакой был.

— Это сосед, Петька. Врет безбожно. Ты его больше слушай. Папка...

Я подсела к нему, обняла крепко. И сижу, кайфую...

— Скоро мама придет?

— Не знаю. Сейчас позвоню.

Оказалось, мама у бабы Кати сидит. Той плохо стало, и они скорую ждут.

— Давай я тебя кормить буду, пока там мама скорой пациента сдаст.

Через полчаса пришла мама. И до самой ночи мы все трое разговаривали. Мы докладывали главнокомандующему семьей, что у нас за время его отсутствия произошло. И радовались. Вот оно, настоящее счастье. Папка живой и невредимый вернулся...

* * *

Рано утром все собрались в кухне. Петька переехал в свою квартиру с Грейсом. Тем более мать его пока не пьет. А меня призвали к ответу. Значит, мама ночью «отрапортовала» отцу о моих приключениях. Пришлось рассказывать про все приключения в подробностях.

Пришел Никита. С букетами цветов, с конфетами и корзиной фруктов и вин. Джентльменский набор. Как оказалось, свататься. И, как положено приличным женихам, сделал предложение руки и сердца.

— Посмотри, папа, какой забывчивый муж мне достался. Он забыл, что мы пока женаты.

— А что это значит? — спросили мои родители хором.

— Это значит, что надо бежать в загс и забирать заявление? — с надеждой спросил Никита.

— Ага. — ответила я.

Кто меня осудит? Если он меня не любит, то на кой черт собой от пуль прикрывал? Значит, любит меня мой муж. А раз так, то и будущее у нас с ним есть...

Сбегали в загс, забрали свое заявление о разводе. Порвали там же, показательно при тех парах, кто разводился, и стали нагло целоваться напропалую при людях. Пусть наш пример будет им наукой...

Родные и близкие живы и здоровы. Мы любим друг друга. Что еще для счастья нужно?

Больше книг на сайте - Knigoed.net